

29

КЛУБ
ЛЮБИТЕЛЕЙ
ФАНТАСТИКИ

**КЛУБ
ЛЮБИТЕЛЕЙ
ФАНТАСТИКИ**

**ГАРРИ
ГАРРИСОН**

КНИГА

ЗАПАД ЭДЕМА

Акционерное общество закрытого типа
«ПЕТРОАРТ»
Санкт-Петербург
1992

*Т. А. Шиппи и Джеку Козну, без помощи которых эта книга
никогда не была бы написана*

**И насадил Господь Бог рай в Эдеме на востоке;
И поместил там человека, которого создал.
И пошел Каин от лица Господня;
И поселился в земле Нод, на восток от Эдема**

Книга Бытия

Крупные рептилии были самыми удачными жизненными формами, когда-либо паселявшими этот мир. 140 миллионов лет назад они царили на земле, в воздухе и в воде. В это время предки людей были всего лишь крохотными, похожими на землероек, существами, на которых охотились более крупные и сильные ящеры.

Затем, 65 миллионов лет назад, все изменилось. Метеорит диаметром шесть миль столкнулся с Землей и вызвал необратимый сдвиг в атмосфере. Следствием этого было уничтожение свыше шестидесяти пяти процентов видов животных, живших тогда на Земле.

Век динозавров кончился. Эволюция млекопитающих, которую они сдерживали сто миллионов лет, началась.

А если бы этого метеорита не было? Как выглядел бы наш мир сегодня?

ПРОЛОГ: КЕРРИК

Я пишу историю и верю, что это — правдивая история мира. Родился я в небольшом, всего из трех семей, лагере. Мы жили в палатках на берегу большого озера, в стальных водах которого отражались снежные вершины высоких гор. Когда становилось холодно и снег засыпал траву, наступало время охоты. Я был маленьким и очень хотел поскорее вырасти, чтобы тоже охотиться в горах на обычных и гигантских оленей. Это и был весь мой мир, которым я жил.

Однако то, что я считал полной картиной жизни, оказалось лишь небольшой ее частью. Мои горы и озеро были крошечным кусочком великого континента, раскинувшегося между двумя великими океанами. Этот континент состоял как бы из двух частей, соединенных узким перешейком. Мы жили в северной части, а южную населяли огромные и ужасные мургу.

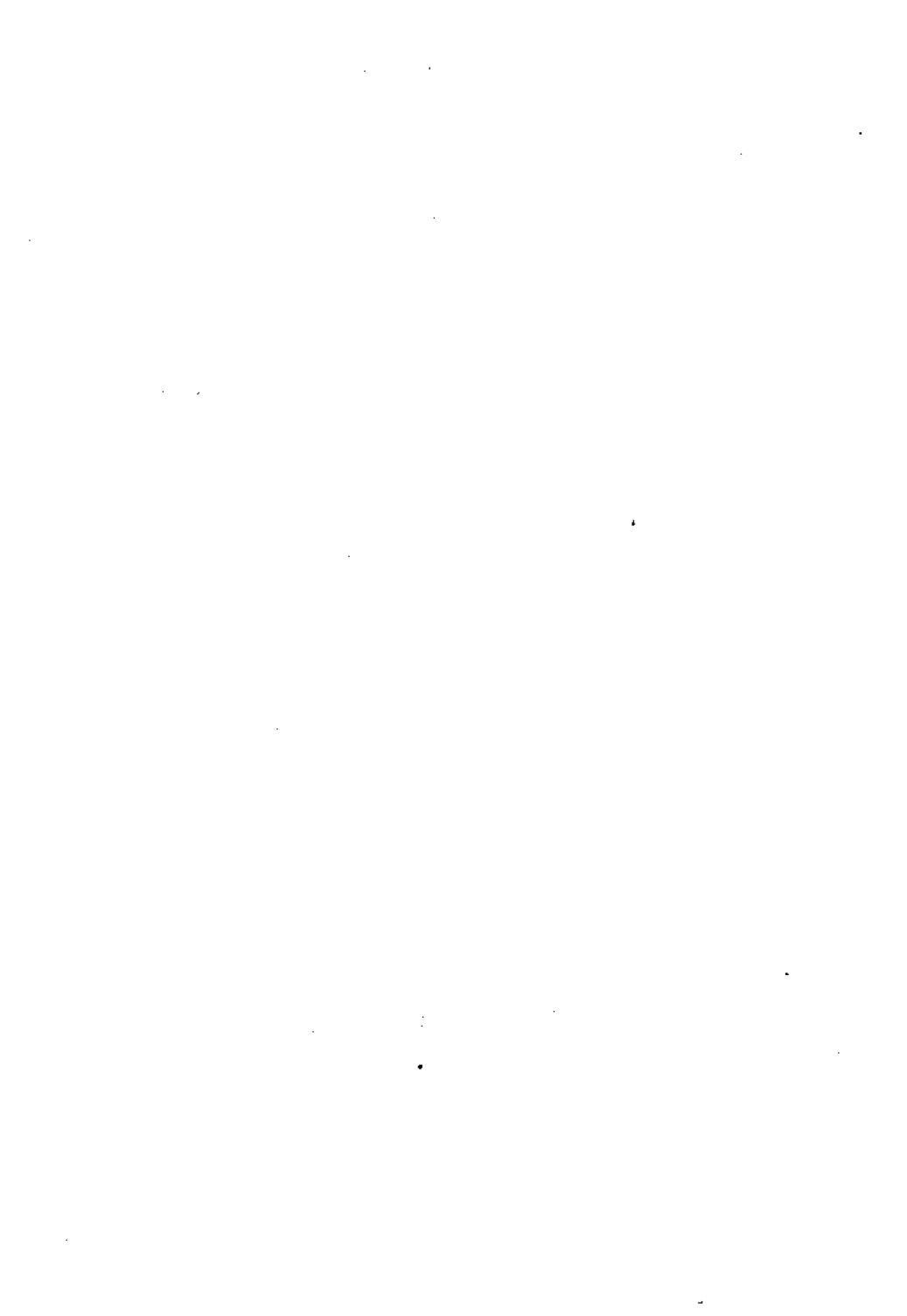
Я возненавидел их еще до того, как впервые увидел. Из рассказов старших я знал, что по ту сторону западного океана есть еще один материк и там совсем нет охотников, ни одного. Только мургу. Весь мир принадлежит им, кроме нашей маленькой части.

Теперь я кое-что расскажу вам о них. Мургу — холодные и гладкие. У них есть когти и зубы. Они ненавидят нас так же, как мы их. Это не имело бы особого значения, будь они только крупными и безмозглыми животными.

Однако есть мургу такие же умные и свирепые, как охотники. Число их определить невозможно, но достаточно сказать, что они заселяют все земли нашей огромной планеты.

То, о чем вы сейчас узнаете, не очень приятно, но так было, и нельзя забывать об этом.

ЭТО — ИСТОРИЯ НАШЕГО МИРА.

КНИГА ПЕРВАЯ

Амахаст уже проснулся, когда край неба у горизонта начал светлеть и были видны только самые яркие звезды. Амахаст знал, откуда они берутся: это души умерших охотников, которые поднимаются на небо каждую ночь. Но сейчас даже они, самые отважные и хитрые, бежали от восходящего солнца, горячего солнца далекого юга, которое так непохоже на северное солнце, слабо розовеющее в блеклом небе над заснеженными лесами и горами. Это совершенно другое солнце. Сейчас, до его восхода, около воды прохладно, но днем жара вернется. Амахаст почесал искусанную насекомыми руку и стал ждать рассвета.

Из темноты медленно появилась их деревянная лодка. Она была вытащена на песок за линию сухой травы и пустых ракушек, означавших границу прилива. Рядом с ней можно было уже различить темные силуэты спящих — четверо из членов его саммад отправились с ним в это путешествие. Он с горечью подумал о том, что скоро их останется только трое, потому что Дикен умирает.

Один из мужчин медленно поднялся на ноги, тяжело опираясь на свое копье. Это был старый Огатир, руки и ноги его одеревенели и болели от сырой земли и холодных зим. Амахаст тоже встал, держа копье в руке. Двое мужчин встретились и вместе направились к ямам с водой.

— День будет жарким, Курро, — сказал Огатир.

— Здесь все дни жаркие, старик. Солнце будет поджаривать нас на медленном огне.

Неспешно и осторожно шли они к темной стене леса. Высокая трава шелестела под утренним бризом, первые проснувшиеся птицы перекликались на деревьях. Какое-то животное рылось под низкими пальмами в поисках травы. Охотники с вечера углубили ямы, и сейчас они были полны чистой воды.

— Пей вволю, — сказал Амахаст, повернувшись лицом к лесу. За его спиной Огатир, тяжело дыша, опустился на землю и стал пить.

Из темноты между деревьями еще вполне могли появиться ночные животные, поэтому Амахаст стоял с копьем наготове, вдыхая влажный воздух, насыщенный запахами гниющих растений и слабым ароматом почных цветов. Напившись, старик поменялся с ним местами. Погрузив лицо в прохладную воду, Амахаст брызгал водой на свое обнаженное тело, смывая грязь и пот прошедшего дня.

— Сегодня вечером у нас должна быть последняя стоянка, а завтра утром нужно возвращаться, возвращаться тем же путем, — сказал Огатир через плечо, продолжая вглядываться в кусты и деревья.

— Я понял тебя. Но не думаю, что несколько дней могли что-нибудь изменить.

— Пришло время возвращаться. Каждый закат я завязывал на своей веревке узлы. Дни становятся короче, закаты приходят все быстрее, с каждым днем солнце слабеет и не может подняться высоко в небо. И ветер начинает меняться, даже вы должны замечать это. Все лето ветер дул с юго-востока, а теперь нет. Ты помнишь прошлогодний шторм, который едва не потопил лодку и свалил деревья в лесу? Шторма приходят в это время. Мы должны возвращаться. Я запоминаю все это, завязывая узлы на своей веревке.

— Я знаю это, старик,— Амахаст расчесал пальцами мокрые пряди своих нестриженных волос. Они доходили до плеч, а влажная светлая борода лежала на груди.— Но я знаю и то, что наша лодка пуста.

— Есть же сушеное мясо...

— Этого мало. Нам нужно больше, чем было прошлой зимой. Охота была плохой, и потому мы должны идти на юг дальше, чем заходили прежде. Нам нужно мясо...

— Еще один день, потом мы должны возвращаться. Всего один день. Тропа в горах трудна и путь длинный.

Амахаст ничего не сказал в ответ. Он уважал Огатира за его знание верных дорог, умение делать оружие и находить магические растения. Старик знал ритуалы, необходимые для подготовки к охоте, и песни, которые отгоняли души умерших. Он собрал все знания своей жизни и жизни тех, кто был до него, то, что ему рассказали, и то, что он помнил сам, что можно было прочесть по восходящему утру и садящемуся вечером солнцу, и многое другое. Но существовало в мире нечто такое, о чем старик ничего не знал и что беспокоило и мучило Амахаста своей необъяснимостью.

Откуда и почему пришли к ним странные, суровые зимы, которые, казалось, не имели конца? Уже дважды должна была наступить весна, дни становились длиннее, а солнце горячее — но весна не приходила. Глубокий снег не таял, а лед на реках оставался твердым. Потом начался голод. Олени и гигантские олени двинулись на юг, покидая свои привычные долины и горные луга, оказавшиеся теперь в ледяных объятиях зимы. Когда людям стала угрожать смерть от голода, он повел своих саммад вслед за животными, вниз, на широкие равнины. И все же охота была плохой, и стада поредели от ужасной зимы. Но не только у их саммад возникли эти трудности. Другие саммад тоже охотились здесь, причем не только те, с которыми они были связаны союзом, но и те, с которыми его люди никогда прежде не встречались. Все саммад принадлежали к роду тану и никогда до этого не воевали между собой. Но теперь они делали это, и кровь тану окрасила острые каменные наконечники их копий. Это беспокоило Амахаста так же сильно, как беско-

нечная зима. Копье должно служить для приготовления пищи. Тану никогда не убивали тану. Чтобы не совершать этого преступления самому, он увел саммад прочь с холмов, двинулся навстречу утреннему солнцу и не останавливался до тех пор, пока они не достигли соленых вод великого моря. Он знал, что северные дороги закрыты, что лед сковал океан, и только парамутаны — люди кожаных лодок — могут жить на этой замороженной земле. Дороги на юг были открыты. Но здесь, в лесах и джунглях, где никогда не падал снег, были мургу. А там, где были они, была смерть.

Итак, оставалось только открытое море. Его саммад давно было известно искусство делать деревянные лодки для летней рыбалки, но никогда прежде они не рисковали выплывать в открытое море так далеко, чтобы терять из виду свой лагерь на берегу. Этим летом они были вынуждены сделать это. Сушеного сквида было слишком мало для зимы. Если охота будет такой же плохой, как зимой, никто из них не доживет до весны. Поэтому они отправились на юг и охотились вдоль берега и на морских островах. И постоянно боялись мургу.

Проснулись другие мужчины, солнце поднялось над горизонтом, и первые крики животных донеслись из глубины джунглей. Пора было отправляться в море.

Амахаст торжественно кивнул, когда Керрик принес ему кожаный мешок с экотазом, а затем сунул руку в густую массу раздавленных орехов и сушеных ягод. Потом протянул другую руку и взъерошил густые спутанные волосы на голове своего сына, своего первенца. Скоро он станет мужчиной и возьмет себе мужское имя, но пока он еще мальчик, хотя растет быстро и уже довольно высок.

Его кожа, обычно бледная, стала золотистой с тех пор, как, подобно охотникам, он носил только шкуру оленя, перевязанную на поясе. На шее у него висел на кожаном ремне небольшой нож из небесного металла. Такой же, только более крупный, носил и Амахаст. Нож этот был не так остер, как каменный, но высоко ценился из-за своей редкости. Эти два ножа — большой и малый — были всем небесным металлом, которым владела саммад.

Керрик улыбнулся отцу. Ему было восемь лет, и это была его первая охота с мужчинами, самое важное событие в его короткой жизни.

— Ты напился? — спросил Амахаст. Керрик кивнул. Он знал, что воды больше не будет, пока не наступят сумерки. Это было одно из правил, которому учились охотники. Живя с женщинами и детьми, он пил когда бы ни почувствовал жажду, а если был голоден, то собирал ягоды или ел свежие корни, которые тут же выкапывал. Но теперь нет. Теперь он шел с охотниками и делал то, что делали они, шел от восхода до заката без еды и питья. Он гордо держал свое маленькое копьё и ста-

рался не вздрагивать от испуга, когда что-нибудь трещало в джунглях позади него.

— Спускайте лодку,— приказал Амахаст.

Мужчин не нужно было понукать: крики мургу становились все более громкими и угрожающими. В лодке было довольно мало груза: только их копья, луки и колчаны со стрелами, шкуры оленей и мешки с экотазом. Они столкнули лодку на воду, и Хастила с Огатиром держали ее ровно, пока мальчик ставил туда большой горшок, в котором лежали горячие угли из костра.

Позади них, на берегу, Дикен попробовал встать, чтобы присоединиться к ним, но сегодня он был особенно слаб. Его кожа побледнела от усилий, и крупные капли пота выступили на лбу.

Амахаст подошел, опустился рядом с ним на колени, взял за угол оленью шкуру и вытер лицо раненого.

— Отдохни немного. Мы отнесем тебя в лодку.

— Лучше мне подождать здесь вашего возвращения.— Голос Дикена звучал хрипло, он задыхался и говорил с трудом.— Это будет лучше для моей руки.

Его левая рука выглядела очень плохо. Два пальца на ней были оторваны, когда крупный зверь из джунглей однажды ночью забрел в их лагерь и они ранили его своими копьями, прогнав в темноту. Поначалу рана Дикена не казалась серьезной, охотники жили и с более тяжелыми; они делали для него все, что могли. Промывали рану в морской воде, пока она не перестала кровоточить, затем Огатир наложил повязку из мха, собранного в высокогорных болотах. Но этого оказалось мало. Ладонь сначала покраснела, потом почернела, а потом черной стала и вся рука Дикена. Кроме того, от него отвратительно пахло. Скоро Дикен должен был умереть. Амахаст перевел взгляд с распухшей руки на зеленую стену джунглей.

— Когда звери придут за моей душой, ее не должно быть здесь, чтобы они ее не съели,— сказал Дикен, проследив направление взгляда Амахаста. Его рука сжалась в кулак. Он сжимал и разжимал пальцы, показывая при этом кусок камня, лежавший на ладони. Камень был достаточно остер, чтобы перерезать им вены.

Амахаст медленно встал и стряхнул песок с колен.

— Я увижу тебя на небе,— сказал он, и его бесстрастный голос прозвучал так тихо, что только умирающий слышал его слова.

— Ты всегда был моим братом,— сказал Дикен. Когда Амахаст отошел, он отвернулся и закрыл глаза, чтобы не видеть, как они уплывают.

Лодка была уже в воде и слегка покачивалась на слабой зыби, когда Амахаст догнал ее. Это было хорошее, крепкое судно, выдолбленное из ствола большого кедра. Мужчины уже

вставили в уключины весла, готовясь отплыть. Керрик сидел на носу, раздувая на камнях, лежавших там, небольшой костерок. Кусочки дерева, которые он бросал в него, слегка потрескивали. Амахаст поставил на место рулевое весло. Он видел, как мужчины смотрели мимо него, на охотника, оставшегося на берегу, но ничего не сказали. Все было правильно. Охотник не должен показывать, что ему больно, или проявлять жалость. Каждый мужчина волен выбирать, когда его свободная душа отправится на небо, к небесному отцу Эрманпадару, который правит там. Душа охотника должна присоединиться к другим таким же душам среди звезд. Каждый охотник был свободен в своем выборе, и никто не мог помешать ему. Даже Керрик знал это и сейчас молчал, как все остальные.

— Вперед, — приказал Амахаст. — К острову.

Тихий, поросший травой остров лежал в открытом море, защищая берег от ударов океанских вод. Его южный берег был высок, и на нем появились деревья. Это обещало удачную охоту. За исключением мургу, все здесь было хорошо.

— Смотрите в море! — крикнул Керрик.

Огромный косяк сквида прошел под ними. Хастила схватил свое копье за толстый конец и занес его над водой. Он был выше Амахаста, и поэтому проделал все очень быстро. Выждав секунду, он погрузил копье в воду, пока туда не ушла вся рука, затем поднял его вверх.

Острое копье ударило правильно, в мягкое тело за раковиной, и сквид был вытасчен из воды и брошен на дно лодки. Щупальца его слабо шевелились, темная жидкость сочилась из пробитого мешка. Хастилу не зря называли «Копье в руке». Его копье не знало промаха.

— Хорошая еда, — сказал Хастила, поставив ногу на раковину и освобождая копье из тела добычи.

Керрик был возбужден: так просто это выглядело! Один быстрый удар — и пойман крупный сквид, которого хватит всем на целый день. Он взял свое собственное копье за толстый конец, как это делал Хастила. Оно было наполовину меньше копья охотника, но с таким же острым наконечником. Косяк сквида еще был здесь, и один из них всплыл на поверхность прямо перед носом лодки.

Керрик сильно ударил, и наконечник погрузился в тело животного. Схватив древко обеими руками, мальчик дернул его. Деревянная рукоять задрожала в его руке, но он держал ее крепко, напрягая все силы.

Вода вспенилась, и влажно блестящая голова поднялась рядом с лодкой. Копье вдруг освободилось, и Керрик упал на спину. Рядом с ним раскрылись челюсти с рядами зубов, и из пасти существа на него пахнуло падалью. Острые когти царапали лодку, вырывая куски дерева.

Хастила прыгнул на помощь, его копые вонзилось между этими ужасными челюстями раз, другой... Мараг пронзительно закричал, и фонтан крови забрызгал мальчика. Затем челюсти закрылись, и на мгновение Керрик увидел перед собой огромный немигающий глаз. Секунду спустя он ушел под воду среди кровавой пены.

— Держать к острову, — приказал Амахаст, — здесь может быть много этих тварей, плывущих за сквидами. Мальчику больно?

Огатир плеснул водой в лицо Керрика и обмыл его.

— Мальчик просто испугался, — сказал он, глядя на искаженное лицо.

— Ему повезло, — мрачно заметил Амахаст. — Но такое везение бывает только один раз. Никогда больше он не ударит копыем в темноту.

НИКОГДА! Керрик едва не выкрикнул это слово, глядя на борт лодки, где когти твари оставили глубокие царапины. Он слышал о мургу, видел их когти в ожерельях, даже касался маленьких многоцветных мешочков, сделанных из шкуры одного из них. Но рассказы никогда всерьез не пугали его: высотой до неба, зубы как копыя, глаза как камни, когти как ножи. Однако сейчас он испугался. Почувствовав на глазах слезы, он отвернулся к берегу, кусая губы оттого, что они так медленно приближаются к земле. Лодка вдруг показалась ему хрупкой скорлупкой среди моря чудовищ, и ему отчаянно захотелось оказаться на твердой земле. Он едва не крикнул об этом вслух, когда нос лодки ткнулся в песок. Пока остальные вытаскивали лодку на берег, он смыл с лица остатки крови марага.

Амахаст издал тихий шипящий звук — сигнал охотников — и все замерли, безмолвные и неподвижные. Он лежал в траве и смотрел вверх нее. Потом сделал охотникам знак приблизиться. Керрик, как другие, осторожно раздвигал листья пальцами, чтобы смотреть между ними.

Впереди были олени. Стадо небольших животных паслось на расстоянии выстрела из лука. Растолстевшие на богатом траве острова, они двигались медленно, длинные уши их дергались, отгоняя насекомых, жужжавших вокруг. Керрик принюхался и услышал сладковатый запах пота, шедший от их шкур.

— Идем тихо вдоль берега, — сказал Амахаст. — Ветер дует в нашу сторону, и они нас не учуют. Мы подкрадемся незаметно.

Скрываясь за берегом, они подготовили луки, затем выстрелили все разом.

Прицел был точен: двое животных упали, а третье было ранено. Шатаясь, олень сделал несколько шагов. Амахаст выскочил из укрытия, подбежал к нему и, схватив за рога, кру-

танул. Животное захрипело, затем упало набок. Амахаст оттянул ему голову назад и подозвал Керрика.

— Возьми копье, это будет твоя первая жертва. Коли в горло с этой стороны, а потом поверни.

Керрик сделал, как ему было приказано, и олень захрипел в агонии, а его красная кровь брызнула на руки мальчика. Он вонзил копье в рану еще глубже, и животное, дернувшись, умерло.

— Хороший удар, — похвалил Амахаст, и у Керрика появилась надежда, что ему больше не напомнят о мараге в лодке.

Охотники, удовлетворенные, выпотрошили добычу. Амахаст указал на юг, на высокую часть острова.

— Отнеси их к деревьям, на которых можно подвесить туши.

— Мы будем охотиться еще? — спросил Хастила.

Амахаст покачал головой.

— Нет, если мы возвращаемся завтра. Весь день и ночь мы будем разделывать и коптить мясо, которое у нас есть.

— И есть его, — сказал Огатир, громко причмокивая, — есть до отвала. Чем больше мы положим в наши желудки, тем меньше придется нести на спине.

Хотя под деревьями было прохладно, не давали покоя тучи насекомых. Охотники, стараясь спастись от них, просили Амахаста устроить коптильню у залива.

— Снимите шкуры с добычи, — приказал он, затем пнул ногой упавший ствол.

— Слишком сырой, чтобы гореть. Огатир, принеси огонь из лодки и поддерживай его сухой травой, пока мы не вернемся. Я возьму мальчика, и мы посмотрим на берегу плавник.

Он оставил свой лук со стрелами, но взял копье и отправился к океану, Керрик торопливо следовал за ним.

Берег был почти широким, а мелкий песок, покрывавший его, почти таким же белым, как снег. Волны с грохотом разбивались о берег, оставляя пузырящуюся пену. Прибой выбрасывал разбитые губки, многочисленные разноцветные раковины, фиолетовых улиток, большие зеленые водоросли с маленькими крабами. Несколько кусков плавника не стояли того, чтобы о них беспокоиться, поэтому Амахаст с мальчиком направились к каменистому мысу, выдающемуся в море. Поднявшись по полному склону, они увидели между деревьев море, а вдалеке на песке что-то темное: может быть, тюлени, греющиеся на солнце.

И в этот момент они заметили, что кто-то стоит под соседним деревом, тоже глядя на залив. Может, другой охотник? Амахаст открыл было рот, но тут незнакомец шагнул вперед, под лучи солнца.

Слова замерли в горле охотника, все мышцы напряглись.

Это был не охотник, и даже не человек. Человекообразный, но отвратительно отличный от него во всех отношениях. Существо, безволосое, с окрашенным гребнем, который начинался от макушки его головы и спускался вниз по спине, выглядело очень ярким в солнечном свете, с чешуйчатой и разноцветной кожей.

Это был мараг. Меньший, чем гиганты в джунглях, и тем не менее мараг. Подобно своим собратьям, он стоял неподвижно, как будто высеченный из камня. Затем серией небольших резких движений повернул голову в их сторону, и они увидели его глупые бесстрастные глаза и массивные челюсти. Люди стояли не двигаясь, крепко сжимая свои копья, и существо отвернулось, видимо не заметив их среди деревьев.

Амахаст подождал, пока взгляд марага не обратился опять к океану, перед которым он стоял, а затем беззвучно скользнул вперед, поднимая копьё. Он успел достичь края рощи, прежде чем животное смогло услышать и заметить его, оно резко повернулось и уставилось ему прямо в лицо.

Охотник вонзил каменный наконечник копья в безвекый глаз и, навалившись, вогнал его дальше в мозг. Существо вздрогнуло, судорожно дернулось всем телом и тяжело упало. Оно, судя по всему, погибло раньше, чем коснулось земли. Амахаст выдернул копьё и окинул взглядом склон и берег вдаль. Других существ поблизости не было.

Керрик подошел к отцу и стал рядом. Молча они смотрели на лежащий у их ног труп.

Это была примитивная безвкусная пародия на человека. Красная кровь еще сочилась из развороченного глаза, другой же пусто тарашился на них: его зрачок превратился в узкую вертикальную полоску. Носа у существа не было, а там, где он должен был находиться, виделось что-то вроде клапана. Массивные челюсти открылись в агонии внезапной смерти, обнажив белые ряды острых зубов.

— Что это? — задыхаясь, спросил Керрик.

— Не знаю. Мараг один из видов мургу. Какой-то он маленький, я никогда прежде не видел такого.

— Он стоял и ходил совсем как человек. Это мургу, отец, его руки похожи на наши.

— Нет, не похожи. Сосчитай: один, два, три, четыре — и большой палец. А у него два — и два больших пальца.

Амахаст взглянул на существо и усмехнулся. У твари были короткие кривые ноги с заостренными когтями на пальцах. Сзади торчал короткий и толстый хвост, существо лежало скорчившись, одна рука была придавлена телом. Амахаст пинком перевернул его. Странное дело, в руке, скрытой до этого телом, был зажат длинный сучковатый кусок дерева.

— Отец — на берегу! — крикнул вдруг Керрик.

Они спрятались под деревьями и внимательно следили, как из моря прямо перед ними выходят еще несколько существ. Это были трое мургу. Двое из них походили на убитого, а третий был крупнее, жирнее и двигался медленно. Он лег на мелководье в воду, перевалился на спину, глаза его закрылись, и конечности замерли. Двое других выволокли его из воды и потащили по песку. Крупное животное что-то бормотало своим дыхательным клапаном, затем медленно и лениво почесало когтистой ногой живот. Один из маленьких мургу хлопнул лапами в воздухе над ним и издал резкий шелкающий звук.

От гнева у Амахаста перехватило дыхание. Ненависть ослепила его, и почти не сознавая, что делает, он бросился вниз по склону, размахивая копьем.

Оказавшись рядом с мургу, он ударил ближнего из них, однако тот успел повернуться, и каменный наконечник рассек ему только бок, скользнув по ребрам. Существо широко раскрыло рот, громко зашипело и попыталось убежать, но следующий удар Амахаста был точен.

Затем охотник освободил копьё и повернулся к другому марагу, мчавшемуся к воде. Однако прежде чем он успел что-либо сделать, в воздухе просвистело маленькое копьё и вонзилось беглецу в спину.

— Хороший удар, — одобрил Амахаст, вырвав копьё из мертвого тела и возвращая его Керрику.

Только большой мараг остался на месте. Глаза его были закрыты и, казалось, он не обращает внимания на происходящее вокруг. Когда копьё Амахаста вонзилось ему в бок, мараг застонал почти как человек. Он был очень толстый, и Амахаст бил его снова и снова, пока тот не умер. Амахаст оперся на свое копьё и, тяжело дыша, посмотрел на убитое существо. Гнев его еще не прошел.

— Твари, вроде этой, должны быть уничтожены. Мургу не похожи на нас, достаточно взглянуть на их кожу и чешую. У них нет меха, они боятся холода, их нельзя есть. Мы должны убивать всех мургу, оказавшихся на нашем пути. — Он говорил что-то еще, Керрик только кивал головой, соглашаясь. — Пойдем за остальными. Этих тварей может быть больше, чем мы думаем, нужно убить всех.

В эту минуту его глаза уловили какое-то движение, и он потянулся за копьём, думая, что существо еще живо — двигался его хвост...

Точнее, хвост был неподвижен, но что-то шевелилось под кожей в нижней части тела животного. Там оказалось что-то вроде кармана, образованного складкой кожи у толстого хвоста. Острием копья Амахаст откинул кожу и с трудом сдержал тошноту, увидев бледных существ, которые упали на песок.

Это были сморщенные, слепые, маленькие копии взрослых животных. Вероятно, их дети. Рыча от гнева, охотник стал топтать их ногами.

— Уничтожить, всех уничтожить! — бормотал он снова и снова. Керрик побежал вдоль деревьев, чтобы не видеть этого.

2

Энтисенат рассекал волны ритмичными движениями своих веелообразных плавников. Высунув из воды голову и подняв ее повыше, он повернулся и посмотрел по сторонам. В воде под ним виднелось темное пятно.

Это был косяк сквида, и второй энтисенат возбужденно зашелкал. Их огромные хвосты заработали, и они помчались сквозь воду, широко раскрыв пасти прямо в центр стаи.

Выбросив струи воды, сквиды бросились наутек во всех направлениях. Многие пытались ускользнуть под прикрытием облака краски, которую вырабатывали, но большая часть из них была схвачена мощными челюстями и проглочена. Это продолжалось до тех пор, пока море не опустело. Насытившись, энтисенаты медленно поплыли обратно.

Вскоре они увидели впереди гигантское животное: вода перекатывалась через спину и пенилась вокруг длинного спинного плавника урукето. Приблизившись к нему, энтисенаты нырнули и поплыли рядом с его закрытым и длинным бронированным клювом. Урукето заметил их, один его глаз с черным зрачком, окруженный костяным ободком, следил за ними. Постепенно их образ проник в мозг существа, и клюв начал открываться, пока не раскрылся во всю ширь.

Один за другим они подплыли к широко открытому рту и сунули свои головы в похожую на пещеру пасть. Оставаясь в этом положении, они оторвали недавно пойманного сквида. Только когда их желудки опустели, они отступили назад, повернувшись боком, и заработали плавниками. За их спинами челюсти сомкнулись так же медленно, как открывались, и массивная туша урукето двинулась за ними следом.

Хотя большая часть огромного тела животного была скрыта, спинной плавник урукето высоко поднимался над водой. Его плоская вершина была сухой и испачканной белыми экскрементами там, где садились морские птицы, и покрытой шрамами там, где они рвали кожу своими жесткими клювами. Одна из этих птиц, паря на больших белых крыльях и вытягивая паучьи ножки, опускалась на вершину плавника. Вдруг она пронзительно закричала и замахала крыльями, испуганная длинным разрезом, который, появившись на вершине плавника, быстро расширился и образовал большую щель в живой плоти. Оттуда вырвался затхлый воздух.

Щель раскрывалась все шире и шире, пока из образовавшегося отверстия не появилась одна из ийлан. Она исполняла должность второго офицера и командовала вахтой. Выбравшись на широкий костяной выступ, расположенный рядом с вершиной плавника, она глубоко вдохнула свежий морской воздух и осторожно огляделась. Потом, довольная, что все нормально, стала спускаться мимо рулевого, который смотрел вперед сквозь диск перед ним. Офицер взглянула поверх его плеча на стрелку компаса, отклонившуюся от указателя курса. Пальцами левой руки рулевой схватил узел нервных окончаний и сильно сжал. Дрожь прошла по всему телу животного-корабля. Офицер кивнула и продолжила спуск в большую внутреннюю полость; зрачки ее глаз расширились в полутьме помещения.

Флуоресцирующие пятна были единственным освещением этого помещения, тянувшегося вдоль всего позвоночника урукето. Сзади, в почти полной темноте, лежали пленники, щиколотки которых были связаны. Ящики с запасами и контейнеры с водой отделяли их от команды и пассажиров, находившихся впереди. Офицер направилась к командиру, чтобы отдать ей рапорт. Эрефнаис, выслушав сообщение, взглянула на светящуюся карту, которая лежала перед ней, и кивнула, соглашаясь. Довольная, она свернула карту, убрала ее в нишу и поднялась на плавник сама. Из-за поврежденной в детстве спины она привлекала ноги при ходьбе, и только выдающиеся способности позволили ей, несмотря на физический недостаток, занять такой высокий пост. Появившись на вершине плавника, она тоже глубоко вдохнула свежий воздух и посмотрела вокруг.

Позади растворялся в дымке берег Манинле, впереди на горизонте виднелась пустынная земля, а к северу тянулась цепочка низких островов. Удовлетворенная, она наклонилась и произнесла несколько слов. Отдавая приказы, она иногда бывала резкой, почти грубой, но сейчас избрала форму обращения старшей по званию. Она командует этим кораблем и должна соответствовать своему положению.

— Вам будет приятно взглянуть на это, Вайнти.

Сказав это, отошла назад, освободив место в передней части плавника. Вайнти выбралась из укрепленной внутренности плавника и вышла на его край, следуя за двумя своими спутниками. Наверху они почтительно отошли в сторону, пропустив ее вперед. Вайнти взялась за край, глубоко вдыхая свежий холодный воздух. Эрефнаис смотрела на нее с восхищением: она была действительно прекрасна. Даже если она не знала, какие обязанности возложат на нее в новом городе, ее положение ясно читалось в каждом движении ее тела. Не замечая внимательного взгляда, Вайнти стояла гордо, высоко подняв голову, ее челюсти выступали вперед, а зрачки под ослепитель-

ными лучами солнца превратились в узкие вертикальные полосы. Руки крепко держались за борт, широко расставленные ноги удерживали равновесие. Медлительная пульсация пробегала по ее красивому гребню. Она была рождена, чтобы повелевать, это не вызывало сомнений.

— Что там впереди? — вдруг спросила Вайнти.

— Цепь островов, высочайшая. Они называются Алакасаксехент — непрерывный ряд золотых падающих камней. Их пески и вода теплы круглый год. Острова вытягиваются в линию, которая доходит до материка. Здесь на берегу растет новый город.

— Прекрасный город, — сказала Вайнти так тихо, что остальные ничего не услышали. — Может, это моя судьба? — Она повернулась к командиру. — Когда мы будем там?

— Сегодня после полудня, высочайшая. Еще до темноты. Здесь есть теплое течение, которое быстро донесет нас до берега. Сквиды в изобилии, поэтому энтисенаты и урукето кормятся хорошо. Правда, это одна из проблем, стоявших перед командиром в дальних путешествиях! Мы должны были внимательно следить за ними, если они движутся медленно, и наше прибытие...

— Замолчи. Я хочу остаться одна со своими эфензеле.

— Слушаюсь. — Эрефнаис мгновенно исчезла.

Вайнти повернулась к молчаливым стражам, внимательно следящим за каждым ее движением.

— Итак, мы здесь. В конце концов борьба дотянулась до этого нового мира, до Гендаши. Сейчас она развернется вокруг строительства нового города.

— Мы поможем тебе добиться своего, — сказала Этриг. Крепкая, как камень, она была готова на все. — Командуй нами до самой нашей смерти. — В устах другого это могло показаться льстивым, но только не у Этриг. Она была искренней в каждом своем поступке.

— Этого не требуется, — сказала Вайнти, — но я прошу тебя быть на моей стороне и помогать во всем.

— Это дело моей чести.

Затем Вайнти повернулась к Икеменд, которая ждала ее приказаний.

— Тебе самое ответственное поручение. Наше будущее в твоих руках. Ты возьмешь на себя Канал и самцов.

Икеменд знаком выразила свою решимость выполнить все, и это вызвало у Вайнти теплое чувство к спутникам. Однако вскоре ее настроение изменилось.

— Спасибо вам обоим, а теперь оставьте меня, — сказала она. — Я хочу поговорить с Энги наедине.

Вайнти держалась за плотное и твердое тело урукето, который то погружался в воду, то вновь появлялся над волнами. Зеленая вода перекачивалась через его спину и разбивалась

о черную башню плавника. Соленые брызги иногда попадали в лицо Вайнти. Она прикрыла на минуту глаза. Не замечая холодных брызг, унеслась в своих мыслях далеко от этого огромного животного, которое несло их через море Инегбана. Впереди лежал Альпесак, золотой берег ее будущего — или черный камень, который раздавит ее. Или то, или другое, третьего не дано.

Покинув океан своего детства, она поднялась высоко, оставив позади многих из своей эфенбуру. Двигаясь к вершине, гораздо труднее приобрести союзников, чем нажать множество врагов. Но она добилась этого, помня всех из своей эфенбуру, даже тех, кто был на низших должностях, и навещая их при каждом удобном случае. Столь же важным было ее умение вызывать уважение и даже восхищение, особенно среди молодежи. Они были ее глазами и ушами в городе, ее тайной силой. Без их помощи она никогда не решилась бы на это путешествие. на этот огромный риск. Ее ждало блестящее будущее или полный провал. Ориентировка на Альпесак, этот новый город, была важным шагом, который заставил ее отказаться от многих других. Однако, если будут задержки с его устройством, она упадет низко, так низко, как никогда еще не падала. Это уже было с Дисти, наделавшей так много ошибок, что работа резко замедлилась. Вайнти сменила ее и взялась за все нерешенные проблемы. Если она не оправдает надежд, ее тоже заменят. Это было опасно, но риск стоил того. Если она исполнит задуманное, звезда ее поднимется высоко, и никто не сможет дотянуться до нее.

Вайнти почувствовала, что кто-то остановился рядом с ней. И с новой силой ощутила присутствие своего, из родной эфенбуру. Это была Энги. Вайнти хотелось поговорить с подругой о том, что ждет их там, на берегу, это была последняя возможность поговорить наедине перед высадкой. Там, внизу, было слишком много подслушивающих ушей и подсматривающих глаз, а здесь они могли говорить, не опасаясь последствий.

— Там, впереди, Гендаши. Командир обещала, что мы будем в Альпесак сегодня после полудня. — Вайнти поглядывала на собеседницу краем глаза, но Энги ничего не ответила, только подергивала большим пальцем. Жест не был оскорбительным и не выдавал никаких чувств. Это было плохо, но Вайнти не позволила гневу захватить себя и отвлечь от того, что нужно было сделать. Она повернулась и оказалась лицом к лицу со своей эфензеле.

— Покидая родительское чрево и выходя в жизнь, в объятия моря, мы испытываем первую боль в жизни, — сказала Вайнти.

— А первая радость — это друзья, которые ждут тебя здесь, — сказала Энги, закончив фразу. — Я унижена, Вайнти, ведь ты напомнила, как мой эгоизм повредил тебе...

— Я жду не извинений или объяснений твоего необычного поведения. Мне непонятно, почему ты и твои последователи не выбрали смерть, однако обсуждать это я не собираюсь. И я думала не о себе, меня интересуешь ты и только ты. Мне нет дела до введенных в заблуждение существ, которые сидят внизу. Если они оказались способны пожертвовать свободой из-за ошибочной философии, из них получатся хорошие рабочие. Город может использовать их. Может он использовать и тебя, но не как пленника.

— Я не просила развязывать меня.

— Ты не просила, но я приказала сделать это. Мне стыдно находиться рядом со своей эфензеле, которая связана, как обычный преступник.

— Я не хотела доставлять тебе неприятности,— коротко извинилась Энги.— Я действовала согласно своим убеждениям, убеждениям настолько сильным, что они полностью изменили мою жизнь и могут изменить твою, эфензеле. Но мне отродно слышать, что ты испытываешь стыд, ведь стыд это часть самосознания, которое является сущностью моих убеждений.

— Перестань, мне стыдно только за нашу эфенбуру, которую ты позоришь. Твой поступок возмущает меня и ничего больше. Сейчас мы одни, и никто не услышит моих слов. Я погибну, если ты повторишь их, но я знаю, что ты не захочешь причинить мне вред. Выслушай меня. Вернись к остальным. Ты будешь вместе с ними, когда мы высадимся на берег, но ненадолго. Как только судно уйдет, я отделю тебя от остальных, освобожу, и ты будешь работать со мной. Альпесак — моя судьба, я хочу помочь расширить его. Ты знаешь, что происходят ужасные вещи. Холодный ветер с севера дует все чаще и сильнее. Два города уже погибли, несомненно, следующим будет Инегбан. Но прежде, чем это произойдет, благодаря предусмотрительности наших вождей, на этом дальнем берегу должен вырасти новый город. Когда Инегбан умрет, Альпесак уже будет ждать нас. Я буду твердо стоять за привилегии живущих в этом городе. Я добьюсь этого и пригововлю все к тому дню, когда придет наш народ. Я просто обязана сделать это. Мои друзья, с которыми я буду работать, возвысятся вместе со мной. Я прошу тебя, Энги, присоединиться ко мне и помочь мне в этой великой работе. Ты — моя эфензеле, мы вместе родились и выросли, а это узы, которые нелегко разорвать. Присоединись ко мне, поднимись со мной, стань моей левой рукой. Ты согласна?

Энги опустила голову, закрыв лицо руками, потом подняла взгляд на собеседницу.

— Я не могу. С Дочерями Жизни меня соединяют узы не менее крепкие, чем с нашей эфенбуру. Они последуют за мной, куда бы я их ни повела...

— Ты поведешь их в пустыню, в изгнание, на верную смерть.

— Надеюсь, что нет. Я только объясняю, в чем состоит правда, открытая Угуненапсой, отдавшей за нее свою вечную жизнь. За нее, за меня, за всех нас. Ты и подобные тебе ничего не видят, и только одно может помочь вам прозреть — знание смерти, которое даст тебе и другим знание жизни.

Вайнти была вне себя от гнева, который возник еще тогда, когда связанная Энги не обращала на это внимания и говорила с ней очень спокойно и мягко.

— Это невозможно, Вайнти. Ты можешь присоединиться к нам, поняв, что это выше личных желаний, важнее верности своей эфенбуру...

— Важнее верности нашему городу?

— Возможно, потому что это превосходит все.

— Это настоящее предательство всей нашей жизни, и я испытываю только отвращение. Прежде ийланы жили как ийланы, но потом в их рядах появилась презренная Фарнекши, проповедовавшая этот мятежный вздор. Она была упорна и осторожна, кроме того, ее долго терпели, все же пришло время, когда ее изгнали из города. Но она не умерла, став первым живым мертвецом. Если бы не Олпесаг, она продолжала бы жить и по-прежнему сеяла бы среди нас разногласия.

— Ее называли Угуненапса, потому что с ее помощью была найдена эта великая правда. Олпесаг разрушила только ее тело, но не откровения.

— Так ее называешь ты, а на самом деле ее звали Фарнекши, и она умерла за свои преступления. Это был закономерный конец ее детской веры, родившейся среди кораллов и водорослей. — Вайнти глубоко вздохнула, с трудом сдерживаясь. — Неужели ты не понимаешь, что я тебе предлагаю? Это твой последний шанс. Жизнь вместо смерти. Присоединяйся ко мне, и ты поднимешься высоко. Если твоя вера так важна для тебя, можешь придерживаться ее, но не говори об этом со мной и ни с каким другим ийланом. Ты должна сделать это.

— Я не могу. О правде нужно говорить вслух...

Гневно заревев, Вайнти схватила Энги за шею, грубо выкрутила ей гребень и с силой ударила ее лицом о грубую поверхность плавника.

— Вот правда! — прокричала она, развернув лицо Энги так, чтобы она могла слышать каждое слово. — То, что я разбиваю о плавник твое глупое лунообразное лицо — это и действительность и правда. Вне этой правды есть новый город на краю диких джунглей, тяжелая работа, грязь и никаких удобств, к которым ты привыкла. Я обещаю тебе это, если ты не откажешься от своей высокомерной позы...

Услышав слабый шипящий звук, Вайнти повернулась и увидела командира, которая пыталась укрыться в тени.

— Подойди сюда! — крикнула Вайнти, швырнув Энги вниз, себе под ноги. — Это что за шпионство?

— Я не шпионю, высочайшая... я могу сейчас же уйти. — Эреф-наис отвечала сбивчиво, без утонченности и прикрас, настолько велико было ее смущение.

— Тогда что привело тебя сюда?

— Я хотела указать на белые берега рождений, которые видны впереди.

Вайнти обрадовалась возможности закончить эту неприятную сцену. Неприятную для нее, потому что она не смогла сдержать себя. Она знала, что это может стать оружием в чужих руках. Командир могла разнести сплетни дальше, и ничего хорошего выйти из этого не могло. Вайнти крепко ухватила за край плавника, глядя на близкий уже берег. Гнев ее прошел, дыхание замедлилось. Униженная Энги поднялась на ноги — ей, как и всем, хотелось взглянуть на берег.

— Мы подойдем к нему как можно ближе,— сказала Эреф-наис.

— Наше будущее,— подумала Вайнти.— Первые величественные гребеносные самцы, первые отложенные яйца, первые рождения и первые эфенбуру, растущие в море.

Гнев прошел окончательно, и она почти улыбнулась мысли о толстых и вялых самцах, развалившихся под солнцем, о молодёжи, сидящей в безопасности в хвостовых сумках. Первые рождения — памятный момент для их нового города.

Под руководством экипажа урукето торопился к берегу, уже почти достигнув разбивающихся о него волн. Берег приближался, притягивал взгляд. Прекрасный берег.

И вдруг Энги и командир замерли, потрясенные увиденным, а Вайнти издала громкий крик, крик боли.

На берегу на ровном песке лежали истерзанные и расчлененные трупы.

3

Крик Вайнти резко оборвался. Когда она снова заговорила, речь ее была сдержанна и конкретна.

— Командир, немедленно возьмите десяток самых сильных членов экипажа, вооружите их хесотсанами и высадите на берег. — Она подтолкнула ее к краю плавника, затем остановилась, повернувшись к Энги. — Ты пойдешь со мной.

Вайнти провела ногой по шкуре урукето, нашла складки в его коже, спустилась по спине вниз и нырнула в прозрачное море. Энги последовала за ней.

Они вынырнули из прибоя возле растерзанного трупа самца. Мухи кружились вокруг открытых ран, покрывая тело сплошным слоем. Энги покачулась при виде этого зрелища. Не так вела себя Вайнти. Каменно-твердая, она крепко стояла на но-

гах с ничего не выражающим лицом, и только глаза ее двигались, разглядывая сцену бойни.

— Я должна найти тех, кто сделал это,— сказала она бесстрастно, шагнула вперед и низко нагнулась над телом. — Они убиты, но не съедены. И убиты либо когтями, либо клыками, либо рогами. Видишь эти раны? Не только самцы, но и их слуги убиты таким образом. Где охрана?

Она повернулась к командиру, которая только что появилась из моря, ведя за собой вооруженных членов экипажа.

— Вытянуться в линию, приготовить оружие и прочесать берег. Найти охрану и установить, куда ведут следы. — Убедившись, что приказ понят, Вайнти повернулась к Энги, окликнувшей ее.

— Вайнти, я не могу понять, какого рода существа нанесли эти раны. У всех по несколько ран, хотя у животных всего по одному рогу или клыку.

— У ненитеска единственный рог на конце носа, большой и шершавый, и у белого хурукса тоже один рог.

— Это все огромные медлительные и глупые существа, они не могли сделать такого. Ты сама предупреждала меня об опасности здешних джунглей, о неизвестных животных, быстрых и смертельно опасных.

— А где была охрана? Они же знали об опасности, так почему не выполнили свой долг?

— Они здесь,— сказала Эрефнаис, медленно выходя на берег. — Убиты точно таким же образом.

— Невероятно! А их оружие?

— Не использовано. Полностью заряжено. Эти существа так опасны...

Одна из членов экипажа окликнула их снизу, от берега. Движения ее тела были непонятны на таком расстоянии, а голос заглушал голос приборя. Потом она бросилась бежать к ним, явно чем-то взволнованная, остановилась, попробовала объяснить, затем побежала дальше, пока не приблизилась на расстояние, которое позволяло понять ее слова.

— Я нашла след... идемте... там кровь. В ее голосе было нечто, придававшее сказанному вес. Вайнти вместе с другими быстро двинулась ей навстречу.

— Я шла по следам, высочайшая,— сказала та, указывая на деревья. — Существо было не одно, их было, как мне кажется, пятеро, потому что следов много. Все они кончаются у воды. Они ушли. Но есть нечто такое, что вы должны увидеть сами.

— Что?

— На месте убийства много крови и костей, но есть и еще кое-что. Вы должны увидеть это сами.

Они услышали яростное гудение насекомых еще до того, как добрались до места. Там действительно было много свиде-

тельств бойни, но было и еще кое-что, более важное. Их проводник молча указала на землю.

Там в куче золы лежали обуглившиеся куски дерева. Из центра поднималась струйка дыма.

— Огонь? — сказала Вайнти, удивленная увиденным не меньше других. Она видела такое и прежде, но это ей не нравилось.

— Отойдите в сторону, — приказала она командиру, которая шагнула вперед к дымящемуся пеплу. — Это огонь, он очень горяч и опасен.

— Я этого не знала, — извинилась Эрефнаис. — Я слышала о нем, но никогда не видела.

— Это еще не все, — сказала приведшая их сюда. — На берегу есть подсохшая на солнце грязь, на которой остались отпечатки ног, очень отчетливые. Я выломала один из них — вот он.

Вайнти шагнула вперед и посмотрела на выломанную пластинку грязи, потом наклонилась и ткнула в углубление на твердой поверхности.

— Эти существа маленькие, очень маленькие, меньше, чем мы. И у них нет когтей... Смотрите!

Она выпрямилась и, вытянув вперед руку с растопыренными пальцами, показала ее остальным.

— У них пять пальцев, а не четыре, как у нас. Кто знает животного с пятью пальцами?

Молчание было ей ответом.

— Во всем этом слишком много таинственного. Мне это не нравится. Сколько охранников было здесь?

— Трое, — сказала Эрефнаис. — Двое убиты на берегу, третий возле центра...

В этот момент ее прервала другая член экипажа, продравшаяся через подлесок.

— Здесь маленькая лодка, — сказала она. — Пристала к берегу.

Когда Вайнти подошла туда, она увидела, что лодка покачивается на волнах, загруженная контейнерами. Один из пассажиров оставался в лодке, другие двое были на берегу и таращились на трупы. Когда Вайнти подошла, они обернулись, и она увидела проволоочное ожерелье у одной из них. Вайнти внимательно оглядела ее.

— Вы эсекасак, которая должна охранять берега рождений. Почему вы не защитили своих питомцев?

Ноздри эсекасака гневно раздулись.

— Кто вы такая, чтобы так говорить со мной?..

— Я — Вайнти, новая Эйстай этого города. Отвечайте на мой вопрос, пока я не потеряла терпения.

Эсекасак с мольбой коснулась своих губ и сделала шаг назад.

— Простите, высочайшая, я не знала. Потрясение, эти смерти...

— Это на вашей ответственности. Где вы были?

— Городу нужна пища и новые охранники.

— Как долго вас не было здесь?

— Два дня, высочайшая, как всегда.

— КАК ВСЕГДА! Что-то я не понимаю. Почему вы покинули свой берег? Где защитная стена?

— Пока не выращена. Река разлилась и стала глубже, поэтому звери не могут через нее перебраться. Именно поэтому берег рождений поместили у океана. Разумеется, временно, и только ради безопасности.

— Ради безопасности! — не в силах больше сдерживать гнев, Вайнти закричала, указывая на трупы. — Они все мертвы, и вы виноваты в этом. Думаю, вы умрете вместе с ними. За это преступление я требую строжайшего наказания. Вы изгоняетесь из нашего города, из общества имеющих голос, и присоединяетесь к безмолвным. Вы проживете недолго, но до самой смерти будете помнить об ошибке, приведшей к этому приговору. — Вайнти шагнула вперед, зацепила большим пальцем металлический знак высокой должности и сильно дернула его. Разорванная проволока соскользнула с шеи эсекасака, и Вайнти швырнула ее в прибой, продолжая распевать формулу лишения гражданства. — Я снимаю с вас ваши обязанности, все здесь присутствующие лишают вас вашего звания за этот промах. Каждый гражданин Инегбана, города, который является вашим домом, каждый ийлан поддержит нас в решении лишить вас гражданства. Теперь я лишаю вас имени, и никто из живущих больше не произнесет его вслух. Я объявляю вас безымянной и безмолвной. Идите.

И Вайнти указала на океан. Разжалованная эсекасак припала к ее коленям и вытянулась во всю длину на песке у ее ног. Слова ее были едва понятны.

— Только не это... я вас умоляю... Я не виновата, это приказала Дисти, она нас заставила... Здесь не должно быть рождений, она не блюла сексуальную дисциплину, и в этом нет моей вины...

Голос ее замер, губы двигались все медленнее и наконец остановились.

— Уведите ее прочь, — приказала Вайнти. Эрефнаис сделала знак двум членам экипажа, и те оттащили Лекмелик в сторону. Глаза ее были открыты, дыхание почти замерло, скоро она должна была умереть. Вайнти одобрительно кивнула и перестала думать о ней; нужно было сделать слишком много.

— Эрефнаис, ты останешься здесь и проследишь, чтобы с телами было сделано все, как надо, — приказала она. — Затем приведешь урукето в город. Я поплыву туда на этой лодке.

Мне хочется взглянуть на Дисти, сменить которую я направлена.

Когда она вошла в лодку, одна из охранниц знаком попросила разрешения говорить. Говорила она медленно и с усилием.

— Вы не можете увидеть Дисти. Она умерла много дней назад. У нас была лихорадка, и она стала одной из последних ее жертв.

— Значит, с моим отправлением слишком долго тянули, — Вайнти села, глядя, как охранница властно говорила что-то на ухо лодке. Плоть существа завибрировала, и оно двинулось вперед, выбрасывая из себя воду.

— Расскажи мне о городе, — сказала Вайнти. — Но сначала назови свое имя.

Она говорила спокойно и сердечно. Эта охранница не была виновата в смерти, это было не ее дело. Сейчас Вайнти должна думать о городе и подбирать себе сторонников.

— Я — Инленат, — сказала охранница. — Это должен быть хороший город, мы все надеемся на это. Мы упорно работаем, хотя есть много трудностей и проблем.

— Дисти была одной из них?

Инленат убрала руки, пряча свои чувства.

— Не мне говорить об этом. Я была гражданином еще очень мало.

— Если ты в городе, значит, ты из города. Ты должна говорить со мной, потому что я — Вайнти, новая Эйстан города, и ты должна быть верна мне. Подумай об этом. Со всеми проблемами ты должна приходить ко мне, это твоя обязанность. А теперь честно отвечай на мои вопросы.

— Я буду отвечать, если вы мне приказываете, — сказала Инленат.

Постепенно, по мере осторожного и терпеливого допроса, Вайнти начала понимать ход событий в городе. Охранница имела слишком низкую должность, чтобы знать о происходящем в высшем кругу общества, но она хорошо знала о результатах. А они оказались неутешительными.

Дисти была непопулярна, это совершенно очевидно. Она, по-видимому, окружила себя группой закадычных друзей, которые работали мало или вообще ничего не делали. Если это правда, и правда легко обнаруживаемая, суд общественности не требовался. Преступников следовало отправить на работу за город, чтобы они трудились, пока не свалятся, не будут убиты или съедены дикими зверями. Меньшего они не заслуживали.

Однако не все новости были плохими. Первые поля уже очищены, город вырос наполовину и продолжал расширяться согласно плану. Лихорадка, единственная за все время болезнь, доставила медикам забот не больше, чем обычные повреждения при тяжелой охоте. Пока они плыли на лодке, Вайн-

ти составила себе четкий план действий. Разумеется, рассказ Инленат нуждался в проверке, но инстинкт подсказывал, что это единственное существо, которое введет ее в сущность проблем города. Кое-что в ее рассказе было обычной болтовней, но в достоверности основных фактов можно было не сомневаться.

Солнце уже садилось за облака, когда лодка прошла между водяными корнями города и пассажиры вышли на пристань. Вайнти машинально подтащила к себе один из плащей, поскольку стало холодно. Существо было хорошо накормленным и теплым. Кроме прочего, оно скрывало ее должность, а это было очень кстати. Из-за резни на берегу она не могла настаивать на формальном приглашении, когда прибыл урукето — это могло показаться неприличным. Она должна добратся до Альпесака как можно быстрее, чтобы встать у руководства еще до того, как сообщение об убийстве придет в город. Смерти не должны быть забыты, но их должны помнить как конец плохого периода и начало хорошего. Она торжественно пообещала себе, что с этой минуты все здесь будет по-другому.

4

Прибытие Вайнти не прошло незамеченным. Когда лодка добралась до дока, она увидела, что кто-то стоит там, завернувшись в плащ и, видимо, поджидая ее.

— Кто это? — спросила Вайнти. Инленат проследила за ее взглядом.

— Ее зовут Ваналпи, я слышала. Ее должность выше моей, и я никогда не говорила с ней.

Вайнти знала Ваналпи, по крайней мере по рапортам. Деловые и формальные, они не содержали ничего о личностях и трудностях. Она была эсекасона, что буквально значило: «та, что изменяет форму вещей», и принадлежала к тем немногим, кому известно искусство превращения растений и животных в новые и полезные формы. Сейчас она была одной из ответственных за проектирование и рост города. Вайнти старалась не выдать своего напряжения: эта первая встреча была жизненно важной для развития всех их дальнейших отношений. А от этих отношений зависела судьба Альпесака.

— Я — Вайнти, — сказала она, ступив на сырое дерево дока.

— Я приветствую вас. Добро пожаловать в Альпесак. Одна из фарги видела урукето и прибытие этой лодки и известила меня.

— Меня зовут Ваналпи, — произнесла она, сопровождая свои слова ритуальным знаком покорности старшему начальнику. Она делала это в старомодной манере, выполняя движение

обеими руками. После этого она встала, ожидая приказаний, Вайнти сразу потеплела к ней и дружески схватила за руку.

— Я читала твои рапорты. Ты хорошо трудишься для Альпесакка. А скажи, фарги говорила тебе еще что-нибудь... она говорила о берегу?

— Нет, только о твоём прибытии. А что с берегом?

Вайнти открыла было рот, чтобы ответить, и поняла, что не может. После первого и последнего крика боли она держала свои чувства под строгим контролем. Она чувствовала, что сейчас, если она расскажет о гибели самцов, её гнев и ужас вернутся вновь. Это было бы необдуманно и разрушило бы образ холодной расчетливости, который она всегда создавала у окружающих.

— Инленат,—приказала она,—расскажи Ваналпи, что мы нашли на берегу.

Вайнти шагнула в сторону и отвернулась, не слушая их голосов и мысленно разрабатывая план действий. Когда голоса смолкли, она посмотрела в ту сторону и увидела, что обе ждут, когда она заговорит.

— Теперь ты понимаешь? — спросила она.

— Чудовищно! Те, кто это сделал, должны быть найдены и уничтожены.

— Ты знаешь, кто это может быть?

— Нет, но мне известна та, которая знает. Её зовут Сталлан, она работает со мной.

— Она действительно охотница?

— Да, она в одиночку ходила по джунглям и лесам, окружавшим город, и знает, что там можно найти. Услышав об этом, я внесла изменения в проект города, который должна представить тебе...

— С этим после. Хотя я и Эйстан города, менее важные дела могут подождать, пока не будут найдены убийцы. Город растёт хорошо, но нет ли у вас каких срочных вопросов?

— Ничего такого, что не может подождать. Лихорадка остановлена, и умерло не так много.

— Дисти тоже. О ней сожалеют?

Ваналпи молчала, и глаза её сузились. Когда она заговорила, стало ясно, что она сознаёт свою ответственность и подбирает слова очень осторожно.

— Город оставлял плохое впечатление, и многие говорили, что в этом виновата Дисти. Я согласна с ними. Только немногие будут сожалеть о ней.

— Кто именно?

— Её товарищи. Ты быстро поймёшь, кто они такие.

— Понимаю. Сегодня же пошлю за Сталлан и вызову её к себе. А пока покажи мне город.

Ваналпи прошла между высокими корнями, затем откинула висящий занавес, который от её прикосновения разошёлся в сто-

роны. Внутри было тепло, и они сбросили свои плащи возле двери. Те медленно выдвинули шупальца, изучили стену и прикрепились к ней. Они прошли через временные сооружения, открытые в сторону порта, где полупрозрачные листья прикрывали скелетные быстрорастущие деревья.

— Это новая технология,— объяснила Ваналпи.— Наш город— первый из заложенных на очень долгое время.— Она говорила с воодушевлением, улыбаясь и поглаживая хрупкие листья.— Я сама работала их. Куколки насекомых растут быстро, и, чтобы они хорошо питались в личиночную стадию, мы должны производить большое количество этих листьев. А сейчас смотри, мы входим в город деревьев.

Она указала на сеть тяжелых корней, которые, переплетаясь, образовали стену и поглощали полупрозрачные листья.

— Листья— что чистый углевод. Они поглощаются деревом, и оно вырабатывает ценную энергию.

— Превосходно! — Вайнти смотрела по сторонам с неподдельным восхищением.— Не могу выразить, насколько я довольна этим. Я читала все твои рапорты, знала, что ты была главным исполнителем, но увидеть все своими глазами— это совсем другое дело. Все это просто потрясает.— Она несколько раз повторила последнее слово.— В моем первом рапорте в Энтобан речь пойдет только об этом.

Ваналпи молча отвернулась, не имея сил говорить. Всю жизнь она реализовывала проекты городов, и Альпесак был вершиной ее труда, но безудержный восторг новой Эйстай буквально подавил ее. Прошло немало времени, прежде чем она продолжала, указывая на нагреватель:

— Это тоже новое, о чем ты не могла прочесть в моих донесениях.— Она погладила нагреватель, который на мгновение выдернул свои клыки из мякоти дерева, повернул к ней светящиеся глаза и тонко запищал.— Эксперименты с ними заняли у меня годы, но сейчас я могу смело сказать, что они были успешными. Они живут долго и довольствуются только сахаром из мякоти деревьев. И чувствуют температуру тела лучше, чем кто-либо другой.

— Я могу только еще раз выразить свое восхищение.

Гордая собой, Ваналпи снова пошла вперед, между занавесей из спутанных ветвей. Она наклонялась, пролезая в отверстия, и придерживала корни, чтобы Вайнти могла пройти. Затем указала на толстый ствол, бывший задней частью стены.

— Это место, где я посадила семя города,— она рассмеялась и вытянула руку ладонью вперед.— Оно лежало здесь, на моей руке, такое маленькое... и казалось невозможным ввести в него мутировавшие гены. Пока оно росло, многие сомневались, что наша работа кончится успешно. Я сама очистила это место, затем удобрила и полила почву, сделала пальцем углубление и посадила семя. В ту ночь я спала рядом, не в силах уйти.

А на следующий день показался зеленый росток... Я не могу передать, что чувствовала тогда!

Гордая и счастливая, Ваналпи похлопала толстую кору огромного дерева, которое росло здесь. Вайнти подошла и встала рядом с ней, касаясь дерева и чувствуя ту же радость. Ее дерево, ее город...

— Именно здесь я буду сидеть. Расскажи всем, что это мое место.

— Да, это место Эйстай, и мы посадим вокруг него стены. А сейчас я пойду за Сталлан и приведу ее сюда.

Пока она ходила, Вайнти сидела молча, затем, увидев проходящую фарги, послала ее за мясом. Вернулась фарги не одна.

— Меня зовут Хексей,— сказала вновь прибывшая, как того требовали формальности. — Разошлись известия о твоём прибытии, великая Вайнти, и я поспешила приветствовать тебя в твоём городе.

— Что ты делаешь в городе, Хексей? — тоже официально спросила Вайнти.

— Я стараюсь быть полезной, помогаю другим и верна городу.

— Ты была подругой прежней Эйстай? — Это было скорее утверждение, чем вопрос, и оно попало точно в цель.

— Я не знаю, что ты слышала. Кое-кто здесь завидует другим и разносит сплетни...

Ее прервало возвращение Ваналпи. Впереди нее шел ийлан, неся на плече ремень с висящим на нем хесотсаном. Вайнти, увидев это, молча отвела взгляд, хотя его ношение было запрещено законом.

— Это Сталлан, о которой я говорила,— сказала Ваналпи, и взгляд ее скользнул по Хексей, как по пустому месту.

Сталлан сделала знак формального приветствия, затем скользнула назад, к двери.

— Я сделала ошибку,— хрипло сказала она, и Вайнти только теперь заметила длинный шрам, пересекавший ее горло. — По привычке я взяла свое оружие, но, увидев твой взгляд, поняла, что должна вернуться.

— Подожди,— сказала Вайнти. — Ты носишь его всегда?

— Да. Это новый город, и жить в нем не безопасно.

— Тогда носи его и дальше, раз это необходимо. Ваналпи сказала тебе о берегу?

Сталлан молча кивнула.

— Ты знаешь, что за существа могли это сделать?

— И да и нет.

Вайнти не обратила внимания на недоверчивый жест Хексей.

— Объясни,— сказала она.

— В этом новом мире много болот, джунглей, лесов и холмов.

На западе расположено большое озеро, а за ним начинается океан. На севере бесконечные леса. И животные. Некоторые очень похожи на известных нам по Энтобану, другие сильно отличаются. Причем к северу различия увеличиваются: там встречается больше и больше устозоу. Некоторых я убивала: они могли оказаться опасными. Многие фарги, которых я брала с собой, пострадали от них, а некоторые погибли.

— Опасными! — На этот раз Хексей рассмеялась открыто. — Мышь под полом — опасна? Нужно послать за элиноу, чтобы он показал, как справляться с этой опасностью.

Сталлан медленно повернулась к ней.

— Ты всегда смеешься, когда я говорю такое, о чем ты и понятия не имеешь. Пришло время прекратить это. — В ее голосе была такая холодность, что ответа не требовалось. Она вышла и через несколько минут вернулась с большим свертком.

— Здесь находятся устозоу с этого континента, много крупнее мыши под полом. До прибытия сюда ты знала лишь один вид устозоу и считала, что все они должны быть маленькими тварями. Пришло время отказаться от этой мысли. Как видишь, ты напрасно смеялась. Здесь встречаются разные, как, например, это безымянное животное.

Она положила сверток на пол и развернула его. Это была шкура животного, и протянулась она от стены к стене. Все молчали, потрясенные, а Сталлан подняла одну лапу и показала когти, каждый из которых был длиной с ее руку.

— Я ответила: и да и нет, Эйстай, и вот почему. Здесь, как видишь, пять когтей, а у многих более крупных и опасных устозоу по пять пальцев. Я предполагаю, что убийцы с острова были устозоу такого вида, с которым мы никогда прежде не сталкивались.

— Думаю, ты права, — сказала Вайнти, отбрасывая шкуру в угол и стараясь сдержать дрожь от ее мягкого и отвратительного прикосновения. — Как, по-твоему, мы сможем найти этих существ?

— Я выслежу их. На севере. Это единственное место, куда они могли уйти.

— Тогда найди их, и побыстрес. Доложишь мне, и мы уничтожим их. Ты уйдешь на рассвете?

— С твоего позволения я уйду сейчас.

Вайнти разрешила и осторожно, чтобы это не звучало как оскорбление или насмешка, спросила:

— Скоро будет совсем темно. Ты можешь путешествовать ночью? Разве это возможно?

— Я могу делать это только возле города, где береговая линия болсе правильная. У меня есть большой плащ и лодка, которая плавает ночью. Следуя вдоль берега, я к рассвету уйду далеко.

— Ты настоящая охотница. Но я не хочу, чтобы ты рисковала в одиночку. Тебе нужна будет помощь. Хексей говорила мне, что помогает другим. Пусть идет с тобой и поможет тебе.

— Это будет напряженное путешествие,— бесстрастно сказала Сталлан.

— Я уверена, что она с честью выйдет из этого положения,— заметила Вайнти и отвернулась, не обращая внимания на неистовые знаки Хексей. — И пусть ваше путешествие будет удачным.

5

Сверкнув из-за темных облаков, низко над горизонтом вспыхнула молния, а после долгой паузы, вызванной расстоянием, прокатился глубокий грохот. Гроза уходила, двигаясь от моря, и уносила потоки дождя и шквальный ветер. Однако высокие волны все еще обрушивались на берег, далеко выкатываясь на песок и траву и почти доставая до вытасенной лодки. Недалеке от лодки, в небольшой рощице, охотники устроили временное жилище из шкур, привязанных к веслам. Из-под навеса выплывал дым и стлался низко над ветвями.

Старый Огатир выглянул из убежища и зажмурился от первых лучей послеполуденного солнца, прорывавшегося сквозь уходящие облака.

Затем он понюхал воздух.

— Гроза ушла,— объяснил он. — Мы можем отправляться.

— Но не при таких волнах.— заметил Амахаст, помешивая угли, пока огонь вновь не вспыхнул. Кусок оленины дымился на костре, и сок из шипящего мяса падал в огонь. — Лодка может перевернуться, и ты знаешь это. Может быть, утром...

— Мы опаздываем, очень опаздываем...

— С этим ничего не поделаешь, старик, Эрманпадар посылает свои угрозы, не слишком заботясь, устраивает нас погода или нет.

Он отвернулся от огня к оставшемуся оленю. Когда он будет разделан и зажарен, лодка заполнится. Амахаст ухватил переднюю ногу оленя и резанул острым куском камня, но тот, видимо, уже успел затупиться. Амахаст отбросил его прочь и обратился к Огастиру.

— Вот что ты можешь сделать, старик,— приготовь мне новые лезвия.

Что-то проворчав, Огатир с усилием поднялся на ноги. От постоянной сырости у него ныли кости. Он с трудом доковылял до лодки, обошел ее и вернулся с камнем в каждой руке.

— Сейчас, мальчик, ты кое-чему научишься,— сказал он и протянул камни Керрику. — Смотри, что ты видишь?

— Два камня.

— Да, конечно, но что это за камни? Что ты можешь сказать о них?

Он повернул камни так, чтобы мальчик мог внимательно разглядеть их.

— Я вижу просто камни.

— Это потому, что ты молод и никогда ничему не учился. Ты не мог научиться этому у женщин, потому что это искусство мужчин. Как охотник, ты должен иметь копье, а копье должно иметь наконечник. Следовательно, ты должен научиться отличать один камень от другого, видеть наконечники для копий, которые скрываются в камнях, учиться вскрывать камень и находить то, что скрыто внутри. Сейчас начинается наш урок. Это ударный камень. Видишь, он гладкий? Чувствуешь его вес? Этим камнем можно ломать другие камни. Его нужно отличать от другого, который называется лезвенный камень.

Керрик повертел гальку в руках, сосредоточенно глядя на нее, отмечая шероховатую поверхность и блестящие грани. Огатир терпеливо сидел, пока он делал это, затем взял камень обратно.

— Здесь нет скрытых наконечников, — сказал он, — это не тот размер и не та форма. А вот здесь они есть. Видишь их? Чувствуешь? Сейчас я освобожу их.

Огатир осторожно положил лезвенный камень на землю и ударил по нему, острый кусок отскочил в сторону.

— Вот это лезвие, — сказал он, — острое, но не очень, а теперь подойди и смотри, что я буду делать.

Он достал из своей сумки кусок оленьего рога, затем положил обломок камня на свое бедро и осторожно нажал на его край кончиком рога. Каждый раз, когда он делал это, в сторону отлетал маленький кусок. Выбрав самый длинный и острый, он протянул его Амахасту, который терпеливо ждал конца всей этой процедуры. Амахаст подбросил его на ладони, удовлетворенно кивнул. Затем проткнул отверстие в шкуре оленя и разрезал его от шеи до паха.

— Никто в нашей саммад не может делать такие лезвия, как он, — сказал Амахаст. — Учись у него, сын, ибо охотник без лезвия вовсе не охотник.

Керрик нетерпеливо схватил камни и ударил ими друг о друга. Ничего не произошло. Он попробовал еще раз — безрезультатно. Тогда Огатир взял его руки своими руками и поставил зазубренный осколок. Однако и этого хватило, чтобы он был горд собой и работал с куском оленьего рога, пока у него не заболели пальцы.

Большой Хастила безучастно следил за их усилиями, затем вылез из укрытия, понюхал воздух, как это сделал Огатир, и побрел к насыпи. Гроза ушла, порывистый ветер стих, и солнце проглядывало между облаков. Только белые барашки волн бежали к горизонту — последние свидетели ярости стихии. По

обращенной к северу стороне насыпи он спустился вниз к травяному болоту, осмотрел темные следы, перескаившие его путь, затем медленно вернулся в убежище.

— Здесь много оленей. Вообще в этих местах хорошая охота.

— Лодка уже полна, — сказал Амахаст, отрезая кусок дымящегося мяса. — Еще немного — и она утонет.

— Мои кости болят от лежания здесь весь день, — проворчал Хастила, берясь за свое копьё. — Следующий урок должен быть проведен на охоте с новым наконечником для копьёя. Пойдем, Керрик, бери свое копьё и следуй за мной. Если мы не можем убить оленя, то можем по крайней мере подкрадываться к нему. Я покажу тебе, как двигаться под ветер и подползти близко к самому осторожному зверю.

Керрик взял копьё, но прежде чем последовать за охотником, взглянул на отца. Амахаст кивнул, продолжая жевать кусок мяса.

— Хастила может показать тебе многое. Иди за ним и учись.

Керрик счастливо улыбнулся и побежал за Хастилой. Затем замедлил шаг.

— Ты слишком шумишь, — сказал Хастила. — Все звери лесов имеют чуткие уши и услышат тебя задолго до того, как увидят...

Хастила остановился, поднял руку, призывая сохранять тишину. Затем приложил руку к уху и указал на углубление в дюнах впереди. Керрик прислушался, но услышал только далекий грохот прибоа. Потом тот на мгновение ослаб, и мальчик услышал другой звук: слабое похрустывание с обратной стороны дюны. Хастила поднял копьё и молча двинулся вперед. Сердце Керрика забилось учащенно, когда он последовал за охотником, двигаясь так быстро, как только мог. Похрустывание становилось громче.

Поднявшись на верх дюны, они сразу же определили запах гниющего мяса: здесь лежали останки разделанных ими оленей.

Хруст теперь был очень громким, так же как жужжание многочисленных насекомых. Хастила сделал Керрику знак подождать, пока он поднимется по склону и выглянет из-за него. Потом повернулся к мальчику, кривясь от отвращения, и сделал знак приблизиться. Когда оба они оказались у гребня, он поднял свое копьё, как для броска. И Керрик сделал то же самое. Что там было? Какое существо они выследили? Испытывая одновременно и страх и любопытство, Керрик согнулся, а затем прыгнул вперед, сразу за охотником.

Хастила громко закричал, и три существа оторвались от своего страшного занятия и уставились на него. Рука охотника дернулась вперед, копьё полетело прямо и вонзилось между перед-

ними лапами одного из животных. Оно упало и забилося, громко крича от боли, а другие бросились бежать, визжа от страха.

Керрик не двинулся с места, стоя с копьем в вытянутой руке, одеревенев от страха. Мургу... Тот, что был убит, очень походил на марага, появившегося из моря. Открытый рот, острые зубы... Прямо-таки существо из ночного кошмара.

Хастила посмотрел на мальчика, но не заметил его неприкрытого страха. Он был слишком захвачен своей ненавистью. Мургу... Как он ненавидел их! Этот пожиратель падали, еще с куском гнилого мяса и пятнами крови на голове и шее, слабо огрызнулся, когда он подошел к нему. Охотник ударил его ногой, а потом, наступив на шею, выдернул свое копьё. Существо было покрыто чешуей и зелеными пятнами, а ростом с человека, хотя голова его была не больше кулака мужчины. Хастила еще раз ударил копьем, животное дернулось и умерло. Керрик опустил копьё и следил за его последними судорогами. Заметив это, Хастила положил руку на плечо мальчика.

— Не нужно их бояться. При своих размерах они очень трусливы и питаются падалью. Ненавидь их, но не бойся и всегда помни, что они есть. Когда Эрманпадар создал тану из речного ила, он сделал оленей и других животных, чтобы тану могли на них охотиться. Потом он отправил их вниз, на луга, возле гор, где есть чистый снег и свежая вода. Однако затем он посмотрел на юг и увидел там пустоту, он был слишком утомлен и далек от реки, а потому не стал возвращаться и вместо речного ила взял болотной тины. Из нее он сделал мургу, и они остаются зелеными по сей день и годятся только для убийства, чтобы могли вернуться в тину, из которой были рождены.

Говоря это, Хастила раз за разом втыкал копьё в песок и поворачивал его там, чтобы счистить остатки крови марага. При этом он был совершенно спокоен, и вскоре страх Керрика прошел. Мараг был мертв, остальные убежали. Скоро они покинут этот берег и вернутся к своей саммад.

— А сейчас я покажу тебе, как нужно подкрадываться к добыче, — сказал Хастила. — Эти мургу были заняты едой, иначе бы обязательно услышали тебя. Ты шумел как мастодонт, идущий по склону.

— Я был осторожен, — защищался Керрик. — Я знаю, как нужно ходить. Однажды я подкрадывался к белке и был так близко, что мог коснуться ее копьём.

— Белка — глупое животное, длиннозубый гораздо умнее ее. Олень не так умен, зато слышит лучше всех. Я буду стоять здесь, а ты уйдешь за насыпь и попробуешь подобраться ко мне. Только тихо — помни, что и у меня уши оленя.

Керрик радостно побежал по склону, пробираясь через мокрую траву, затем пригнулся и стал удаляться от моря. Он делал это так тихо, как только мог, затем вновь повернул к океа-

ну, стараясь зайти охотнику в тыл. Он трудился очень старательно, но это ни к чему не привело, и, когда он наконец добрался до гребня горы, Хастила уже ждал его там.

— Ты должен все время внимательно следить за тем, как ставишь ногу на землю, — сказал охотник, — и не топтать ногами. Нужно раздвигать траву, а не прокладывать дорогу в ней силой. Но попробуем еще раз.

В этом месте берег был невысокий, Хастила спустился вниз к реке и погрузил в нее копье, чтобы окончательно очистить его. Керрик, запыхавшись, выбрался на вершину.

— На этот раз ты не услышишь меня! — крикнул он, потрясая копьем.

Хастила махнул рукой и наклонился над водой. Что-то темное мелькнуло в волнах прибоя. Керрик предостерегающе крикнул, и Хастила повернулся с копьем в руке. Раздался звук, как будто сломалась ветка, охотник выпустил копье, схватился за грудь и упал лицом прямо в воду. Мокрые руки дернули его вниз, и он исчез среди пенящихся волн.

Керрик дико закричал и бросился к насыпи, навстречу остальным, бегущим к нему. Задышавшись, он рассказал о том, что видел, и повел их назад, вдоль берега, к месту, где все произошло.

Песок был пуст, океан тоже. Амахаст нагнулся и поднял из воды длинное копье охотника, затем снова посмотрел на море.

— Ты не заметил, на что это было похоже?

— Это были руки, — стуча зубами, сказал мальчик. — Они протянулись из моря.

— А их цвет?

— Я не заметил. Мокрые, кажется, зеленые. Они могли быть зелеными, отец?

— Они могли быть любыми, — мрачно сказал Амахаст. — Это мургу. Теперь нам нужно держаться всем вместе, и один всегда должен бодрствовать, пока остальные спят. Нужно быстрее возвращаться к саммад. На этом южном берегу нас ждет только смерть.

6

Гроза ушла, дождь прекратился, и земля купалась в теплых солнечных лучах. Вайнти стояла в тени мертвого дерева и смотрела, как рабочие осторожно размещают саженцы ровными рядами. Ваналпи лично размечала эти ряды. Потом она подошла к Вайнти, двигаясь медленно, с широко раскрытым от жары ртом, и стала рядом с ней в тень.

— Не опасно ли трогать саженцы руками? — спросила Вайнти. Ваналпи, еще тяжело дыша, сделала отрицательный жест.

— Только когда начнут расти колючки, а это будет через восемь дней. Для жвачных они горьки на вкус, а для тех, кто меньше их, смертельны.

— Это одно из твоих усовершенствований? — спросила Вайнти, выходя на солнце.

— Да. Оно было сделано еще в Инегбане, и мы привезли семена с собой. Мы настолько привыкли к колючим изгородям вокруг наших городов, к изгородям гораздо выше нашего роста, что почти не помним о тех временах, когда их не было, и о тех, когда они были маленькими. Постепенно растения подросли и распространились. Сейчас молодые ветви переплетаются со старыми, создавая непреодолимый барьер. Но новая изгородь в новом городе ставит перед нами новые вопросы. — Теперь она говорила спокойно, нешироко открывая рот. — Новая изгородь, которую я вывела, быстро растет, живет недолго и очень ядовита. Но прежде чем она умрет, мы посадим обычную колючую изгородь и окончательно займем это место.

— А деревья? — спросила Вайнти, глядя на безжизненное мертвое дерево, стоявшее возле новой площадки.

— Их уничтожение уже началось: взгляни, какие веточки падают с них. Они изъедены древесными жуками. Когда запасы древесины кончатся, жуки превратятся в куколок, а мы соберем их и сохраним, пока они не понадобятся вновь.

Вайнти шагнула обратно в тень и заметила, что большинство рабочих сделало то же самое. Время было жаркое и приятное, но только не для работы.

— Когда саженцы будут высажены, отправь рабочих обратно в город, — сказала Вайнти.

Энги работала вместе с другими; Вайнти дождалась, когда она поднимет голову, и сделала ей знак подойти. Прежде чем она заговорила, Энги поблагодарила ее.

— Ты приказала снять кандалы с узников, и мы очень благодарны тебе.

— Не за что. На урукето я заставила сковать их только потому, что они могли попытаться захватить судно и бежать.

— Неужели ты до сих пор не поняла Дочерей Жизни? Насилие — не наш метод.

— Рада слышать это, — сухо сказала Вайнти. — Только я не люблю полагаться на случай. После прибытия сюда урукето бежать можно только в джунгли, а это незавидная участь. Кроме того, твои товарищи будут лучше работать без оков.

— И тем не менее мы по-прежнему узники.

— Нет, — решительно возразила Вайнти, — ты нет. Ты свободный гражданин Альпесака со всеми правами и обязанностями других граждан. Пусть тебя не смущает то, что произошло. Совет Инегбана признал тебя недостойной быть гражданином

города и направил сюда. Начни новую жизнь на новом месте. Надеюсь, что ты не повторишь ошибок, допущенных там.

— Это что, угроза? Эйстай Альпесак думает, что мы отличаемся от других граждан и будем угрожать им?

— Не угроза, а предупреждение, эфензеле. Учись на своих ошибках. Я не сомневаюсь, что ты будешь общаться с другими, но держи свои секреты при себе. Тебе запрещается говорить об этом с другими. Остальные не хотят этого знать.

— Ты уверена? — сурово спросила Энги. — Ты настолько умна?

— Я достаточно умна, чтобы понять, что ты приносишь неприятности, — парировала Вайнти. — И я буду пристально следить за тобой. Здесь тебе не удастся устроить нам ничего подобного тому, что произошло в Инегбане. Я не буду такой терпеливой, как совет города.

Энги почти не двигалась, пока Вайнти говорила.

— Мы никому не доставляем неприятностей и не хотим их. Мы просто ферим.

— Вот и отлично. Только занимайтесь этим в таких местах, где вас не могут услышать другие. Я не потерплю ничего подобного в МОЕМ городе.

Вайнти чувствовала, что начинает выходить из себя, как бывало всегда, когда она оказывалась лицом к лицу со странной верой Энги. И в этот момент она заметила фарги, спешащую к ней с сообщением. Хотя та говорила не очень внятно, Вайнти поняла самое главное.

— В город пришла одна... по имени Сталлан. Новости слишком важны... необходимо ваше присутствие...

Вайнти сделала ей знак уходить, и, не закончив разговора с Энги, отправилась в город. Сталлан уже была там, ожидая встречи с ней, и в позе ее ясно читалось торжество.

— Ты уже сделала то, о чем мы с тобой договорились? — спросила Вайнти.

— Да, Эйстай. Я следовала за убийцами, пока не настигла их. Затем я выстрелила, убила одного и вернулась с телом. Оно здесь, недалеко. Я оставила это ничтожество Хексей следить за ним. Обнаружились странные вещи относительно этих устою.

— Вот как? Ты должна рассказать мне.

— Лучше я покажу.

Сталлан повела ее в более низкую часть города, к реке. Хаксей ждала там, охраняя плотно связанный узел. Кожа ее была грязной и поцарапанной, и она начала протестующе причитывать, как только они появились. После первых же слов Сталлан ударила ее по голове и повалила на землю.

— Совершенно ни на что не годна, — прошипела она. — Ленивая, шумливая, всего боится... из-за нее нас обсах едва не убили. Я больше не хочу иметь с ней дела.

— И Альпесак не будет, — вынесла свой приговор Вайнти. — Оставь нас. Вообще уходи из города.

Хексей было запротестовала, но Сталлан грубо ударила ее ногой по губам. Хексей бросилась бежать, и ее вопль вскоре пропал где-то наверху. Вайнти тут же выбросила мерзкое существо из памяти и указала на сверток.

— Это убитое существо?

— Да.

Сталлан дернула за угол, и труп Хастилы покатился на влажную траву.

При виде его Вайнти онемела от ужаса и удивления.

Овладев собой, она шагнула вперед и с отвращением ткнула его ногой.

— Там было четыре существа, — сказала Сталлан, — все остальные меньше этого. Я нашла их и следовала за ними. Они не шли по берегу, а плыли по океану, хотя лодки у них не было. Вместо этого они садились в ствол дерева и двигали его по воде кусками древесины. Я видела, как они убивали других животных, — вероятно так же были убиты самец и его охрана на берегу. Они не пользуются зубами, когтями и рогами, потому что рогов у них нет, а зубы и когти невелики и очень слабы. Вместо этого они пользуются предметом, похожим на острый зуб, прикрученный к длинной палке.

— Они хитры, эти меховые животные. У них есть мозг.

— У всех животных есть мозг, даже у примитивного хесотсана вроде этого. — Сталлан постучала по оружию, висевшему у нее на плече. — Но хесотсан не опасен, если с ним правильно обращаться, а эти опасны. Сейчас, если желаешь, взгляни на него поближе. Как видишь, у него много меха здесь на вершине тела, вокруг головы. Но есть и другой мех, не принадлежащий существу, а только обернутый вокруг него. Кроме того, оно носило сумку, а в ней я нашла вот это — небольшой кусок камня с острым краем. Смотри, эта окружающая его шкура снимается, и существо оказывается без меха.

— Это самец! — закричала Вайнти. — Самец мехового существа со слабым примитивным мозгом, который, однако, достаточно дерзок, чтобы угрожать нам, ийланам. Так что ты хотела сказать мне? Что эти безобразные твари опасны для нас?

— Я уверена в этом, Вайнти. Но ты — Эйстай и одна из тех, кто принимает решения. Я просто рассказала о том, что видела, и показала то, что нашла.

Вайнти зажала острый камень между пальцами и смотрела на труп. Прошло немало времени, прежде чем она заговорила снова.

— Я верю, что это возможно, что даже устозоу могут иметь малую толику интеллекта и хитрости. Например, наши лодки понимают наши капризы. У всех животных есть мозг, и, скажем, энтисената можно научить искать пищу в воде. В этой

дикой части мира, такой далекой от нашего дома, возможны самые странные вещи, и вот они начали происходить. И не ийлань контролируют их и руководят ими. Поэтому вполне возможно, что некоторые виды млекопитающих достигли определенной цивилизации. Достаточно найти кусок камня и научиться убивать им. Да, это возможно. Но они должны остаться в своих джунглях, убивая и поедая друг друга. Они ошиблись, решив двигаться вперед. Эти самцы живут как паразиты и к тому же убили наших самцов. Отсюда ясно следует, что должны сделать мы. Мы должны найти их и уничтожить всех до одного. У нас нет выбора, если мы хотим, чтобы наш город остался на этом берегу. Можем мы сделать это?

— Должны. Но нужно идти всей силой, собрав всех свободных в городе. И вооружить всех хесотсанами.

— Но ты говорила, что их было всего четверо, следовательно, теперь осталось только трое.

Она еще не кончила фразу, как в ее уме мелькнула та же мысль, что пришла в голову Сталлан, когда та наткнулась на небольшую группу,двигающуюся на север.

— Могут быть и другие? Более многочисленные?

— Должны быть. Эти несколько наверняка ушли от основной группы по каким-то причинам. Сейчас они возвращаются, я в этом уверена. Мы должны собрать силы и найти их всех.

— Найти и убить. Я отдам приказ, так что мы сможем отправиться очень скоро.

— По-моему, лучше не двигаться днем, потому что нас будет много. Если мы выступим на рассвете, взяв только хорошо накормленные и быстроходные лодки, то легко настигнем их, потому что они двигаются медленно. Последуем за ними и найдем остальных.

— И перережем, как они перерезали нашим самцов. Это хороший план. Отнесите это существо на амбесед, пусть все посмотрят. Нам нужны продукты и свежая вода на несколько дней, чтобы не останавливаться.

Фарги были срочно отправлены во все части города с приказом — всем гражданам явиться в амбесед, и скоро собралась огромная толпа. Гневный ропот поднимался от масс ийланов, толкавших и теснивших друг друга в стремлении увидеть тело. Когда Вайнти вошла в амбесед, ее остановила Икеменд.

— На несколько слов, Эйстай...

— Неприятности с нашими питомцами? — с внезапным страхом спросила Вайнти. Икеменд, ее эфензеле, была назначена на важный пост в охране и присматривала за самцами. После краткого расследования были обнаружены недостатки в системе контроля прежнего опекуна, приведшего к смертям на берегу. Опекун заболела и умерла, когда Вайнти лишила ее имени.

— Нет, все хорошо. Но самцы прослышали об убитом устозоу и хотят видеть его. Можно разрешить им это?

— Конечно, они уже не дети. Но пусть приходят, когда все кончится — нам не нужны истерики.

Икеменд была не единственной, обратившейся к Вайнти. Энги остановила ее и не ушла. Хотя она приказала ей удалиться.

— Я слышала, что у тебя есть план преследования и истребления устозоу.

— Это так, сегодня я сделаю официальное сообщение.

— Прежде чем ты сделаешь его, выслушай меня. Я не могу поддержать тебя, и никто из Дочерей Жизни не может, это противоречит тому, во что мы верим. Мы не можем участвовать в этом убийстве. Эти существа не знают понятия «смерть», и нельзя уничтожать их за это. Мы убиваем, когда нам нужно есть, во всех других случаях убийство запрещено для нас. Теперь ты понимаешь, что мы не можем...

— Молчи! Ты должна делать все, что я прикажу. Все прочие действия будут изменой.

— То, что ты называешь изменой, мы называем уважением к жизни, — холодно ответила Энги. — Мы не будем помогать вам.

— Я могу приказать убить всех вас.

— Да, ты можешь стать убийцей, но потом тебя замучает чувство вины.

— Никакой вины, только гнев. И ненависть, что моя эфензеле предает свою расу таким способом. Я не могу убить вас, потому что ваши тела нужны для тяжелой работы. Пока мы не вернемся, твои люди будут скованы вместе, и ты будешь прикована к ним. У тебя нет больше особой привилегии. Я отрекаюсь от тебя как от своей эфензеле. Ты будешь работать с ними и умрешь вместе с ними. Проклятие и ненависть за измену — вот твоя судьба.

7

Керрик сидел на своем обычном месте на носу лодки, поддерживая огонь. Правда, это было занятие для мальчика, а ему хотелось грести вместе с другими. Амахаст разрешил Керрику попробовать, но весло оказалось слишком велико для него. Сейчас он наклонился вперед и глядел сквозь туман на море, но почти ничего не мог различить. Морские птицы, невидимые в тумане, причитали где-то впереди. Только удары набегающих слева волн указывали охотникам направление. В другое время они дождались бы, пока туман поднимется, но не сегодня. Память о Хастиле, утащенном в воду, была слишком свежа. Сейчас они двигались так быстро, как только могли: всем хотелось

закончить это путешествие. Керрик понюхал воздух, поднял голову и снова принялся.

— Отец, — окликнул он, — я чувствую дым.

— Это дым от нашего огня и от мяса, — сказал Амахаст, но все же начал грести еще чуть-чуть быстрее. Могла ли саммад быть так близко?

— Нет, это не старый дым. Но свежий, ветер дует спереди. И прислушайся к волнам, разве они не другие?

Так оно и было. Относительно дыма могли возникнуть сомнения из-за их продымленных шкур и мяса, но с волнами все было иначе. Они стали слабее и уменьшались за ними. На берегу большой реки, там, где она впадала в море, были разбиты палатки саммад.

— Правьте к берегу! — приказал Амахаст, резко наклоняясь над своим веслом.

Небо начало светлеть, туман рассеивался. Кроме пронзительных воплей чаек стали слышны крики женщин. Сидевшие в лодке закричали в ответ.

Сквозь туман, еще лежавший близко от поверхности воды, по поднимавшийся все быстрее и быстрее, проглядывало солнце. Уже совсем недалеко был берег, и ждущие их палатки, и жаркий огонь — вся хорошо знакомая суматоха лагеря. Лодку заметили, люди высыпали из палаток и остановились у самой воды. Кто-то радостно закричал, и с луга, где паслись мастодонты, донесся ответный рев. Они были дома.

Мужчины и женщины вбегали в воду, но приветственные крики стихли, когда они сосчитали находящихся в лодке. Пятеро отправились в охотничью экспедицию — только трое вернулись обратно. Когда лодка заскрежетала по песчаному дну, множество рук подхватили ее и вытащили на берег. Никто не говорил ни слова, но Алет, жена Хастилы, поняв вдруг, что его нет, в отчаянии закричала. Ее крик был подхвачен женой Дикена и его ребенком.

— Оба мертвы, — сказал Амахаст, чтобы сразу рассеять ложные надежды, что остальные следуют позади. — Дикен и Хастила. Они уже среди звезд. Многих нет в лагере?

— Алкос и Кассис на реке, ловят рыбу, — сказала Алет.

— Пошлите за ними, — приказал Амахаст. Передайте, чтобы немедленно возвращались. Сворачивайте палатки, грузите на животных — сегодня мы выходим в горы.

Послышались крики, протестующие возгласы, потому что никто не был готов к внезапному уходу. Во время движения они собирали лагерь каждое утро, и делали это довольно легко, потому что распаковывалось только самое необходимое. Но сейчас все было иначе. Летний лагерь у небольшой реки, и в палатках все было свалено в полном беспорядке.

Огатир закричал на них, и голос его перекрыл причитания женщин:

— Делайте, как сказал Амахаст, или все вы умрете в снегах! Сезон кончается, а дорога длинная.

Амахаст ничего не сказал. Это объяснение ничем не хуже любого другого. Возможно, даже лучше истинной причины, которую он не мог подтвердить никакими доказательствами. Однако, несмотря ни на что, он был уверен, что нужно быть остороже. Он, охотник, знал, что сам превратился в дичь: в течение всего этого предыдущего дня он чувствовал на себе чей-то взгляд. Но ничего не видел, море всегда было пусто, когда он смотрел на него, и все же что-то было, он знал об этом. Он не мог забыть, как Хастилу утащили в океан и он не вернулся. Сейчас Амахасту хотелось поскорее собрать вещи, привязать их сзади к мастодонтам и бежать прочь от моря и того, что скрывается в нем. Пока они не вернутся в родные горы, он не сможет чувствовать себя в безопасности.

Хотя все трудились в поте лица, сворачивание лагеря заняло весь следующий день. Амахаст кричал на женщин и колотил подростков, если те двигались медленно. Нелегко было покинуть летний лагерь. Разбросанные вещи сносили в одно место и укладывали, щупальцами сквида упаковывали корзины, однако их не хватало, и было много жалоб и причитаний, когда он приказал бросить здесь часть добычи. Сейчас было не время оплакивать потери: это можно сделать и потом.

Солнце опустилось за холмы, когда они были готовы. Небо было чистым, молодая луна освещала землю, и духи воинов были яркими и могли указывать путь.

Мастодонты долго не давали запрыгать себя и протестующе мычали, но потом позволили мальчикам забраться на свои спины и привязать к ним большие шесты. Пара их волочилась за каждым животным с обеих сторон, образуя каркас, к которому привязывалась перекладина. Палатки и продовольствие разместились на самой вершине волокуш.

Керрик сидел на шее большого быка, привязанный как и все, но очень довольный, что саммад уходит. Ему хотелось оказаться подальше от океана и существ, живущих в нем. Он был единственным из всей саммад, кто видел руки, поднявшиеся из океана и тащившие туда Хастилу. Темные руки в океане, темные фигуры в море...

Он взглянул на море, и его пронзительный крик перекрыл другие голоса, заставив их умолкнуть.

Из вечернего полумрака появились темные силуэты. Низкие черные лодки, которые и без весел двигались быстрее, чем лодки тану, приближались к берегу ровной линией. Они не остановились, пока не достигли полосы прибоя и не выбросились на берег, несмотря на полумрак.

Огатир был около воды, когда ийланы высадились, и мог хорошо разглядеть их. Он знал, кто они и зачем пожаловали сюда.

— Мы убили нескольких из них на берегу...

Ближайший мараг поднял длинную палку и сжал ее обеими руками. Что-то громко щелкнуло, боль бронзила грудь Огатира, и он упал.

Вокруг начали щелкать другие такие же палки, и воздух наполнился криками боли и ужаса.

— Они бегут! — закричала Вайнти и махнула рукой, указывая вперед.

— За ними! Никто не должен уйти!

Она первой выскочила на берег, первой выстрелила и первой убила устозоу. Сейчас ей хотелось убивать еще и еще.

Это была не битва, а избиение. Ийланы убивали все живое без разбору: мужчин, женщин, детей, животных. В их рядах потерь было немного. У охотников не было времени найти свои луки и стрелы, и они схватились за копья, но, прежде чем успевали ими воспользоваться, выстрелы укладывали их одного за другим.

Все, что могли сделать тану, преследуемые убийцами из моря, — это бежать, бежать. Испуганные женщины и дети бежали мимо кару, и мастодонт, подняв вверх голову, в страхе затрубил. Керрик ухватился руками за грубую шерсть животного, чтобы тот не смог сбросить его, опустился на землю по деревянной оглобле и бросился за своим копьем. Сильная рука ухватила его за плечо и повернула кругом.

— Беги! — приказал отец. — Спасайся в холмах!

Амахаст повернулся и увидел, что один из мургу бежит вокруг мастодонта, прыгая через деревянную раму. Прежде чем он успел воспользоваться своим оружием, Амахаст пронзил его копьем и тут же вытащил его обратно.

Вайнти видела смерть фарги, и жажда мести захватила ее. Острие с капающей с него кровью качалось перед ней, но она не отступала. Подняв хесотсан, она сжала его и несколькими выстрелами свалила устозоу, прежде чем он успел добраться до нее.

Вайнти не заметила маленького существа, даже не подозревала о его существовании, пока боль не пронзила ее ногу. Взревев от ярости, она ударила его тупым концом хесотсана.

Рана сильно кровоточила и болела, но была не очень серьезной, это она определила сразу, и гнев ее прошел. Сражение, шедшее вокруг, вновь завладело ее вниманием.

Оно почти закончилось. В живых оставалось всего несколько тану. Атаковавшие из моря соединились сейчас с теми, кто зашел в реку и бросился в бой с тыла, используя прием, который они применяли в молодости, охотясь в море. На суше он тоже сработал хорошо.

— Немедленно прекратите убивать, — приказала Вайнти ближайшей к ней фарги. — Передайте это другим. Несколько из

них нужны мне живыми: я хочу больше узнать об этих существах.

Теперь она понимала, что они были всего лишь животными, которые пользовались острыми кусками камней. Правда, у них было подобие социальной организации, и они даже использовали более крупных животных, которые сейчас были либо убиты, либо в панике разбежались. Все это свидетельствовало о том, что, кроме этой группы, могут быть и другие. Если это так, она должна знать как можно больше об этих существах. Малыш у ее ног, которого она ударила, шевельнулся и застонал. Вайнти окликнула Сталлан.

— Свяжи его, чтобы не мог убежать, и брось в лодку.

Из контейнера, который она носила на ремне, Вайнти достала несколько дротиков, нужно было пополнить запас, израсходованный в бою. Хесотсан был хорошо накормлен и мог сделать еще несколько выстрелов. Она заталкивала их пальцем, пока зарядное устройство расширялось, затем поставила дротики в нужное положение.

Первые звезды появились на небе, красные отблески заката угасали за холмами. Пора было доставать из лодки плащ. Она сделала фарги знак принести ей плащ и уже завернулась в его теплоту, когда всех уцелевших устою доставили к ней.

— Это все? — спросила она.

— Наши войны были очень злы, — сказала Сталлан. — Раз начав убивать, они не могли остановиться.

— Это я знаю по себе. А взрослые — все мертвы?

— Да, все. Этого малыша я нашла под шкурой и принесла сюда. — Она взяла его за длинные волосы и трянула так, что ребенок закричал от боли. — А этого нашла в другом месте, — и она указала на месячного младенца, которого вытащили из рук мертвой матери.

Вайнти с отвращением смотрела, как Сталлан подносит к ней безволосое существо. Мысль о том, что ей придется прикоснуться к этому животному, вызвала у Вайнти отвращение. Однако она была Эйстай и должна была уметь делать все, что могут делать другие граждане. Она медленно вытянула обе руки и взяла извивающееся существо. Оно было теплым, теплее плаща, почти горячим. На мгновение ее отвращение ослабело. Когда же она возвращала младенца обратно, тот открыл красный и беззубый рот, захныкал и облил руку Вайнти горячей жидкостью. Прежнее удовольствие от тепла сменилось волной брезгливости, и она изо всей силы ударила существо о ближайший валун. Потом быстро направилась к воде, чтобы обмыться, а оттуда обратилась к Сталлан.

— Этого довольно. Передай остальным: пусть возвращаются к лодкам, но сначала убедятся, что живых нет.

— Это уже сделано, высочайшая. Все мертвы. Это конец.

— Конец? — Вайнти думала об этом, опуская свои руки в воду. Конец ли это? Вместо удовлетворения от победы она чувствовала глухую тоску и растерянность. Конец ли или начало?

8

Энги шла вдоль стены и прислонилась к ней, почувствовав тепло от светильника. Хотя солнце взошло, в городе еще сохранился ночной холод. Вокруг нее растения и животные Альпесака жили полной жизнью, но это было естественно, и она не обращала на них внимания. Под ее ногами шелестел покров сухих листьев, в которых копошились жуки и другие насекомые. Всё вокруг двигалось в предвкушении наступающего дня. Высоко вверху солнце уже сверкало на листьях деревьев и многих других растений, составляющих этот живой город.

Для Энги это все было так естественно, как воздух, которым она дышала, и богатство переплетенных и зависящих друг от друга жизненных форм. Порой она думала об этом, но сегодня, после того, что она услышала, это было трудно. Хвастаться убийством другого вида! Она долго разговаривала с этими наивными хвастунами, объясняя им смысл жизни и стараясь показать ужас преступления, которое они совершили. Жизнь уравнивала смерть, как море уравнивало небо. Если они начинают убивать жизнь — они убивают себя.

Внимание Энги привлекла одна из фарги, по всей видимости смущенная ее статусом и не знающая, как к ней обратиться. Молодая фарги знала, что Энги была одной из высочайших, однако запястья ее сейчас были скованы, как у низших. Не находя слов, она решила коснуться Энги, чтобы заговорить с ней и передать распоряжение Вайнти.

— Эйстай хочет, чтобы ты пришла к ней сейчас, — сказала фарги.

Когда появилась Энги, Вайнти сидела на своем месте, сделанном из живого ствола городского дерева. На стволе перед ней сидели заминальники, и один из них, с усиками над высохшими глазами, упирался ими в складку кожи угункшаа — диктора-демонстратора. Угункшаа что-то говорил, а его органические молекулярные линзы мерцали, показывая черно-белые картины жизни ийлан, которые передавали ему заминальники. Вайнти молча слушала угункшаа. Когда появилась Энги, она взяла со стола каменный наконечник копья.

— Подойди, — приказала она, и Энги повиновалась. Вайнти сжала каменное лезвие в руке и подняла его. Энги не дрогнула и не отступила, и тогда Вайнти схватила ее за руку.

— Ты не боишься? — сказала она. — Даже видя, как остер этот кусок камня? Он ничуть не хуже наших струн-ножей.

Она взмахнула им — и связанные руки Энги стали свободны.

Энги осторожно потеряла кожу в тех местах, где началось раздражение от оков.

— Ты освобождаешь всех нас? — спросила она.

— Не будь такой жадной. Только тебя, ибо мне нужны твои знания.

— Я не буду помогать тебе убивать.

— В этом нет необходимости. Убийства закончились. — В данный момент Вайнти сама думала так, хотя знала больше, чем говорила вслух. Она была правдива в своих высказываниях. Само понятие «ложь» было ей чуждо. Трудно лгать, когда каждое движение тела выдает правду. Для ийлан единственным способом сохранить свои мысли в тайне было молчание. Вайнти владела такого рода тактикой и воспользовалась ею сейчас, поскольку нуждалась в помощи Энги.

— У нас появилось время для наблюдения. Можешь ты изучить их язык?

— Ты же знаешь, чем я занималась с Ийлеспей. Я была ее первой ученицей.

— Первой и лучшей. Пока гниль не испортила твой мозг. Как я помню, ты делала множество глупостей: следила за способами общения молодежи и даже прислушивалась к самцам. Это всегда ставило меня в тупик: ну чему можно научиться у этих глупых животных?

— У них были способы переговариваться друг с другом на расстоянии, способность по-разному смотреть на вещи...

— Я говорю не об этом. Меня интересует, зачем было учиться этому. Какая разница, как говорят между собой другие?

— Это очень важно. У нас есть язык, и, забывая это, мы станем не лучше животных. Мысли вроде этой и привели меня к великой Угуненапсе и ее учению.

— Ты поступила бы гораздо умнее, продолжая заниматься изучением языка. Это избавило бы тебя от неприятностей. Те из нас, что станут ийланами, должны учиться говорить по мере роста, и это факт, иначе ни ты, ни я не были бы здесь. Но могут ли научиться говорить молодые? Это представляется мне глупой и невыполнимой идеей. Скажи, возможно ли это?

— Да, возможно, — сказала Энги, — и я сама делала это. Это не очень легко, но самые молодые ничего не хотят слушать, но я делала это. Я пользовалась методикой обучения, которую применяют водители лодок.

— Но лодки почти так же глупы, как и плащи. Все они могут научиться понимать только несколько команд.

— Методика обучения та же самая.

— Хорошо, — сказала Вайнти и продолжила, осторожно подбирая слова. — Значит, ты можешь научить животное понимать и говорить?

— Нет, не говорить, а только понимать несколько простейших команд, если у него достаточно развитый мозг. Но для разго-

вора требуется голосовой аппарат и специфические области мозга, которых у животных нет.

— Но я слышала разговаривающих животных.

— Не разговаривающих, а повторяющих звуки. Птицы тоже могут делать это.

— Нет, я имела в виду разговаривающих. Общающихся друг с другом.

— Это невозможно.

— Я говорю о животных, покрытых мехом. О мерзких устоуоу. Энгй наконец начала понимать, о чем говорит Вайнти.

— Да, конечно. Если у этих существ есть признаки интеллекта — а использование примитивного орудия подтверждает это, — почему бы им не говорить друг с другом? Ты слышала, как они говорили?

— Да. И ты можешь услышать, если захочешь. Двое из них здесь, у нас. — Вайнти подозвала проходившую фарги. — Найди охотника Сталлан и передай, пусть немедленно придет сюда.

— Как поживают животные? — спросила Вайнти, когда Сталлан появилась.

— Я вымыла их, потом осмотрела повреждения, Синяки, не больше. Кроме того, я убрала этот отвратительный мех с их голов. То, что крупнее, самка, то, что меньше — самец. Они пьют воду, но не едят ничего из того, что мы им предлагаем. Тебе нужно быть осторожной, если ты хочешь приблизиться к ним.

— Я не собираюсь этого делать, — содрогнулась от отвращения Вайнти. — Это Энгй хочет посмотреть на них.

Сталлан повернулась к ней.

— Все время держи их в поле зрения и никогда не поворачивайся спиной к диким животным. Маленький кусается, кроме того, у них есть когти, и я для безопасности все время связываю их.

— Я сделаю так, как ты говоришь.

— И еще одно, — сказала Сталлан, сняв с перевязи небольшой мешок. — Когда я чистила животных, то нашла эту вещь на шее у самца. — Она положила перед Вайнти на стол маленький предмет.

Это было что-то вроде лезвия, сделанного из металла. На одном конце его было просверлено отверстие. Вайнти осторожно коснулась его пальцем.

— Оно тщательно очищено, — заметила Сталлан.

Вайнти взяла его и осмотрела вблизи.

— Не могу понять, где животные нашли это, — сказала она.

— И кто это сделал? Откуда взят металл? Не пытайся меня убедить, что они умеют добывать его. — Она провела краем по своей коже. — Вообще не острое. Что это может значить?

Никто не ответил на этот тревожный вопрос, да она и не ждала этого. Вайнти передала кусок металла Энги.

— Еще одна тайна, которую тебе придется раскрыть, когда ты научишься говорить с ними.

Энги осмотрела предмет и вернула его обратно.

— Когда я могу увидеть их? — спросила она.

— Сейчас, — ответила Вайнти и сделала знак Сталлан. — Проводи нас к ним.

Сталлан повела их коридорами города к высокому, мрачному проходу. Сделав знак сохранять молчание, она открыла люк, помещенный в стене, и через появившееся отверстие Вайнти и Энги увидели комнату, в которую вела тяжелая запечатанная дверь. Других отверстий не было, и только через круглый иллюминатор высоко вверх сочился слабый свет.

Два отвратительных маленьких существа лежали на полу. Это были уменьшенные копии изувеченного трупа, который Сталлан выставила на обозрение в амбесед. Их черепа были голы и поцарапаны там, где был удален мех. Вместе с мехом исчезли куски вонючих шкур, которые они обертывали вокруг себя, и теперь было видно, что их тела полностью покрыты одноцветной восковой кожей. Более крупная самка лежала спокойно, издавая повторяющийся ноющий звук, а самец сидел возле нее на корточках и как бы тихо ворчал. Так продолжалось довольно долго, пока нытье не прекратилось. Вайнти сделала Сталлан знак закрыть люк.

— Они могут быть говорящими, — возбужденно сказала Энги. — Но они очень мало двигаются, произнося звуки, которые очень запутанны. Это потребует долгого изучения. Несомненно, это новый для нас язык, язык устозоу, который нужно изучать. Это огромная и волнующая новость.

— Действительно. Настолько волнующая, что я приказываю тебе изучить его, чтобы иметь возможность говорить с ними. Энги знаком выразила свою покорность.

— Ты не можешь приказывать мне думать, Эйстан. Даже твоя огромная власть не распространяется на другой мозг. Я буду изучать язык этих животных, потому что хочу этого.

— Пока ты выполняешь мои распоряжения, меня не волнуют побудительные причины.

— Почему тебе нужно понимать их? — спросила Энги.

Вайнти ответила осторожно, чтобы не раскрыть своих истинных мотивов.

— Как и ты, я считаю, что эти животные могут говорить. Ты сомневаешься в том, что я способна на интеллектуальные занятия?

— Прости за черные мысли, Вайнти. Ты всегда была первой в нашей эфенбуре. Когда мне начинать?

— Сейчас, немедленно. Как ты войдешь к ним?

— Пока у меня нет никакой идеи на этот счет. Позволь мне вернуться к люку и послушать. После этого я что-нибудь придумаю.

Вайнти молча отступила, весьма довольная тем, что сделала.

Было крайне важно привлечь Энги к сотрудничеству, ибо если бы она отказалась, пришлось бы посылать сообщение в Инегбан, а потом долго мучиться в ожидании, пока кто-то будет прислан и займется изучением говорящих зверей. Конечно, если они действительно говорят, а не просто издают звуки. Вайнти эта информация была нужна немедленно, ведь вокруг города могло быть гораздо больше этих существ, таящих угрозу. Ей нужна была эта информация ради безопасности города.

Во-первых, она должна изучить все факты, связанные с этими существами, узнать, где и как они живут. Это должен быть первый шаг.

Во-вторых, их нужно убить. Всех. Полностью стереть с лица земли. Со всей их хитростью и каменными орудиями они были всего лишь животными, но смертельно опасными животными, которые безжалостно перебили самцов и детенышей. И за это они должны заплатить жизнью.

Глядя из темноты, Энги глубоко задумалась, наблюдая животных. Сразу же поняв скрытые намерения Вайнти, она, конечно, должна была отказаться от сотрудничества и не сделала этого только потому, что ее захватила сложность лингвистической проблемы.

Стоя в молчании, она почти полдня наблюдала, прислушиваясь к звукам и стараясь понять их. Хотя она не поняла ничего из того, что услышала, у нее появился туманный план, с которого можно было начать. Она тихо закрыла люк и отправилась на поиски Сталлан.

— Я пойду с тобой, — сказала охотница. — Они могут быть опасны.

— Только на очень короткое время. Пока они ведут себя тихо, я должна быть с ними наедине. Ты будешь стоять снаружи, и, если мне что-то понадобится, я тебя позову.

Неудержимая дрожь покрыла рябью гребень Энги, когда Сталлан открыла дверь и она шагнула внутрь. Тяжелый запах животных ударил ей в нос. Это было слишком похоже на звериную берлогу, и все же разум поборол отвращение, и она твердо стояла, пока дверь не закрылась за ее спиной.

— Они убили мою мать, потом моего брата, — сказала Исел. Она перестала уже пронзительно кричать, но глаза ее были по-

прежнему полны слез, которые текли по щекам. Она вытерла их тыльной стороной ладони, потом потерла обритую голову. — Они убили всех, — сказал Керрик. Он не кричал с тех пор, как его принесли в это место. Может быть, женщины привыкли все время кричать и причитать? Она была старше его на пять или шесть лет и все же кричала, как младенец. А он не должен был этого делать. Охотник не должен кричать, а он именно охотник. Так же, как его отец. Амахаст — великий охотник, но сейчас он мертв, как и все остальные из саммад. При этой мысли к горлу мальчика подкатил комок, но он справился с ним. Охотник не должен кричать.

— Они не убьют нас, Керрик? Ведь они не должны убить нас? — спрашивала Исел.

— Да, конечно.

Она вновь начала хныкать и прижалась к нему, обхватив его обеими руками. Это было неправильно, только маленькие дети жмутся друг к другу. Однако хотя он знал, что это неправильно, ему было приятно чувствовать ее рядом. Ее груди были маленькие и твердые, и ему нравилось прикасаться к ним, но, когда он сделал это сейчас, она оттолкнула его и громко закричала. Он встал и с отвращением отошел в сторону. Она была глупой, и он не любил ее. Она никогда не говорила с ним до того, как их принесли в это место, но теперь, когда их осталось только двое, для нее все изменилось. Но не для него. Было бы гораздо лучше, окажись здесь вместо нее кто-нибудь из его друзей. Но все они были мертвы, из его саммад, кроме них, не уцелел никто. Теперь их очередь. Исел не понимает этого, она внушила себе, что теперь с ними ничего не случится. Он осторожно осмотрел помещение, но в этой деревянной комнате не было ничего, что можно было бы использовать как оружие. И не было никакой возможности бежать. Тыквы были слишком легкие, чтобы причинить вред кому-либо, даже ребенку. Он поднял тыкву с водой и сделал глоток. Пустой желудок судорожно сжался. Он был голоден, но не настолько, чтобы есть мясо, которое им принесли. От одного взгляда на него Керрика начинало тошнить. Оно не было приготовлено и в то же время не было сырым. Он оттолкнул его от себя и содрогнулся. В этот момент дверь скрипнула, затем открылась.

Исел прижала свое лицо к основанию стены и заскулила, закрыв глаза и не желая видеть того, кто сейчас войдет. Керрик остался стоять, его кулаки были сжаты и напряжены. Он думал о своем копье, о том, что мог бы сделать, будь оно здесь.

На этот раз вошли двое мургу. Он мог уже видеть их прежде, а мог и не видеть. Впрочем, это не имело значения, они все казались одинаковыми. Чешуйчатые, прыщеватые, толстохвостые, покрытые разноцветными пятнами, с этими безобразными

штуками, тянущимися позади их голов. Мургу эти ходили как люди и хватали предметы своими деформированными руками с двумя большими пальцами. Керрик медленно отступал по мере того, как они приближались, пока его плечи не уперлись в стену, и он не почувствовал, что дальше идти некуда. Мургу уставились на него ничего не выражающими глазами, и он снова подумал о своем копье. Один из них шевельнулся, издавая при этом мяукающие звуки.

— Они уже поели где-нибудь? — спросила Энги. Сталлан сделала знак отрицания и указала на тыквы.

— Это хорошее мясо, обработанное зизимами и готовое к употреблению. Но они могут быть всеядными. Мы мало знаем об их привычках. Принеси им фруктов.

— Я не могу оставить тебя здесь одну. Вайнти лично приказала мне охранять тебя. — В словах охотницы был страх, ведь она противоречила приказу.

— Я сама могу защитить себя от этих маленьких существ. Нападали они на кого-нибудь прежде?

— Только когда мы принесли их сюда. Самец очень злобен, и нам пришлось бить его, пока он не перестал сопротивляться. Больше он этого не делает.

— Значит, я в безопасности, и ты выполнила свои инструкции. А сейчас подчиняйся мне.

У Сталлан не было выбора. Она вышла неохотно, но быстро, Энги молча ждала, ища способ общения с существами. Самка по-прежнему лежала лицом к стене, издавая пискливые звуки, маленький самец молчал, несомненно такой же глупый, как все самцы. Она подошла, взяла самку за плечо и перевернула ее. Стонущий звук стал громче, и вдруг резкая боль пронзила руку Энги.

Зубы малыша вонзились ей в кожу, и потекла кровь. Энги заревела от боли и ударила самца об пол. Тот вырвался и пополз в сторону, а она последовала за ним. Потом остановилась, чувствуя свою вину.

— Мы виноваты, — сказала она, и гнев ее пошел на убыль. — Мы убили всю вашу стаю. Но вы не должны винить нас в этом. — Она потерла больную руку, потом взглянула на яркое пятно крови на ладони. Открылась дверь, и вошла Сталлан, неся тыкву с оранжевыми плодами...

— Маленькое существо укусило меня, — спокойно сказала Энги. — Они не ядовиты?

Сталлан швырнула тыкву в сторону и направилась к ней взглянуть на рану. Потом подняла сжатый кулак, чтобы ударить съевшегося самца. Энги остановила ее мягким прикосновением.

— Нет, в этом виновата я. Так что насчет укуса?

— Нет, не опасен, если хорошо очистить рану. Тебе нужно пойти со мной, чтобы я могла ее обработать.

— Нет, я подожду здесь. Не хочу, чтобы они решили, что я испугалась. Все будет хорошо.

Сталлан вышла, всем видом выражая неудовольствие, но ничего не сказав. Прошло совсем немного времени, и она вернулась, держа деревянный ящичек. Из него вынула контейнер с водой и промыла укус, потом сняла покрывало с ньюфмайкела и подготовила его. Влажная кожа Энги возбудила существо и оно прилипло к телу, уже начиная выделять антибактериальную жидкость... Покончив с этим, Сталлан достала из ящичка два узловатых черных комка.

— Я хочу обеспечить вам безопасность от рук и ног самца. Уж больно он злобный.

Маленький самец попытался убежать, но Сталлан схватила его и швырнула на пол. Упершись коленом ему в спину и придерживая одной рукой, другой она взяла один из комков, обмотала его вокруг щиколоток самца и вставила хвост существа в его собственный рот. Животное рефлексивно проглотило, превратив свое тело в прочное кольцо. Только сделав это, Сталлан оттащила самца в сторону.

— Я останусь и буду охранять тебя, — сказала она. — Я должна это сделать. Из-за моей небрежности ты получила повреждение, и я не могу позволить, чтобы это повторилось.

Энги жестом выразила свое согласие. Затем взглянула на отброшенную тыкву и фрукты, рассыпанные по полу, и указала на них распростертой самке.

— Я принесла тебе круглые, сладкие, съедобные фрукты. Повернись, и ты сама увидишь их.

Исел пронзительно закричала, когда холодные руки схватили ее, грубо подняли и прислонили спиной к стене. Она грызла костяшки своих пальцев и всхлипывала, а второй мараг подошел к ней, остановился и взял апельсин. Его рот медленно открылся, показав ряды острых белых зубов. Исел могла только в страхе стонать, не замечая, что кусает свои пальцы и что кровь течет по ее подбородку.

— Фрукт, — сказала Энги. — Круглый, сладкий, съедобный. Наполни свой желудок, и тебе будет хорошо. Еда сделает тебя сильной. Ну, давай, что тебе сказали. — Сначала она пыталась соблазнить ее, потом начала приказывать: — Возьми этот фрукт и немедленно ешь его!

Тут она увидела кровь там, где существо искусало свои руки, и отвернулась с отвращением. Положив тыкву с фруктами на пол, она сделала Сталлан знак выйти с ней за дверь.

— Они пользуются примитивными инструментами, — сказала Энги. — Кроме того, ты говоришь, что у них есть подобие убежищ и крупные животные, которые служат им. — Сталлан кивнула. — Значит, они должны обладать некоторым интеллектом.

— Но это не значит, что они могут говорить.

— Хорошо сказано, охотник. Но представим на мгновение, что у них есть язык, что они используют его для общения друг с другом. Я не допущу, чтобы одна неудача остановила меня... Смотри, самец задвигался! Вероятно, почуял фрукты. Мужская реакция груба, его больше волнует голод, чем исходящая от нас угроза. Но он еще следит за нами... Смотри! — Она победно вскрикнула. — Он ест фрукты. Это наш первый успех. По крайней мере, теперь мы можем накормить их. Ты видишь, он принес фрукты самке. Альтруизм означает разум.

Однако Сталлан это не убедило.

— Дикие животные кормят своих детенышей, и я видела, как они охотятся вместе. Так что это не доказательство.

— Может и нет, но я так просто не сдамся. Если лодки могут понимать простые команды, то почему этим существам не научиться делать то же самое?

— Ты будешь учить их так же, как учат лодки?

— Нет. Поначалу я думала, что именно так, но теперь мне хочется добиться более высокого уровня взаимопонимания. Обучая лодки, используют поощрения и наказания за исполнение того или другого приказа и за неисполнение его. Неправильная реакция карается электрошоком, правильная поощряется куском пищи. Это хорошо для дрессировки лодок, но я не собираюсь дрессировать этих животных. Я хочу говорить с ними, общаться.

— Речь — очень трудное дело. Многие из тех, кто появился из моря, так никогда и не смогут научиться этому.

— Ты права, охотница, но это вопрос положения. Молодежь испытывает трудности в разговоре со взрослыми, но не забывай, что все молодые разговаривают между собой, когда находятся в море.

— Тогда научи этих животных детскому языку. Уж им-то они должны овладеть.

Энги улыбнулась.

— Прошло уже много лет с тех пор, как я пользовалась детским языком. Ты помнишь, что это значит?

Она подняла руку, и кисть ее изменила цвет из зеленого на красный, потом вновь стала зеленой, в то время как пальцы делали какие-то знаки. Сталлан улыбнулась.

— Сквид-много-для-всех.

— Ты помнишь. Но ты заметила, насколько важен цвет моей руки? Без него смысл сказанного будет неясен. Могут эти меховые существа изменять цвет своих кистей?

— Сомневаюсь. Я ни разу не видела, чтобы они делали это. Хотя их тела имеют красный и белый цвета.

— Это может быть важной частью их речи...

Если они ею обладают.

— Верно. Если они ею обладают. Я должна присмотреться к ним поближе, когда они будут вновь издавать свои звуки.

Подобно ийланам, их может заставить говорить только крайняя необходимость. Они должны научиться совершенному общению. Сталлан жестом выразила свое непонимание.

— Я не знаю, что это значит.

— Тогда я продемонстрирую на примере. Слушай внимательно, что я скажу. Готова? Итак, я теплая, ты поняла?

— Да.

— Я теплая — это утверждение. Совершенным его делает более тесная связь частей этого утверждения. Сейчас я повторяю его более медленно. Я... теплая... Я двигаю своим большим пальцем вот так, глядя при этом немного вверх, потом говорю ТЕПЛАЯ и слегка поднимаю хвост. Все это: производимые звуки и движения — составляет полное утверждение.

— Я никогда не задумывалась над такими вопросами, и, признаться, у меня болят голова, когда я делаю это.

Энги рассмеялась.

— Я так же плохо чувствовала себя в джунглях вокруг города, как ты в джунглях языка. Очень немногие могут научиться языку, возможно, потому, что это действительно сложно и трудно. Думаю, что первый шаг в осознании существующей ситуации — предположение, что наш язык отражает нашу сущность.

— Ну вот моя голова и заболела. Ты думаешь, что животные вроде этих могут понять то, чего не понимаю я? — Сталлан указала на существ, замерших у стены, на пустую тыкву из-под фруктов и кожуру, разбросанную по полу вокруг них.

— Я не собираюсь ничего усложнять и имела в виду только то, что история нашего языка соответствует нашему развитию в жизни. Когда мы были молодыми и только вышли в море, мы не умели говорить, но искали защиты у других членов нашей эфенбуру, вошедших в воду одновременно с нами. Простые движения рук и ног, изменение цвета кистей. По мере роста мы преображались все больше и больше, и когда вышли из моря, то добавили к умению издавать звуки кое-что еще, чему научились, становясь ийланами. Размышляя об этом, я задаюсь вопросом: как научить нашему языку этих существ, которые не прошли нашего цикла развития? Или все же они прошли через водный период?

— Мои знания по этому вопросу недостаточны, к тому же эти виды устоэу — новые для нас. Но я весьма сомневаюсь, что они жили в воде. Я добывала и выводила у себя некоторых из наиболее часто встречающихся видов, которые кишат в джунглях. У всех у них была одна общая черта — они все время теплые.

— Я заметила. Это довольно странно.

— Есть и другая не меньшая странность. Взгляни на этого самца. У него только один пенис, который он не может втягивать. Ни у одного из видов устоэу, которых я добывала, не

было нормального двойного пениса. Кроме того, я изучала их метод спаривания и скажу, что он отвратителен.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что после оплодотворения яйца его носят самки. Когда же рождаются детеныши, они носят их с собой и кормят из мягких органов, которые растут на их торсах. Ты можешь видеть их там, у маленькой самки.

— Это очень необычно. Значит, ты полагаешь, что молодежь остается на суше? И не плывет хорошенько в море?

— Да, и эта черта характерна для всех устоэу, за которыми я наблюдала. Их жизненный цикл совершенно не похож на наш.

— Значит, ты признаешь важность наших наблюдений? Если они имеют язык, то изучают его не так, как это делаем мы.

Сталлан жестом выразила свое согласие.

— Теперь я признаю это и благодарю тебя за разъяснение. Но тут появляется более важный вопрос: если у них есть язык, как они обучаются ему?

— Это действительно самое важное, и я должна найти ответ. Но, честно говоря, у меня нет никаких идей на этот счет.

Энги взглянула на диких существ: лица их были перемазаны соком фруктов, которые они съели. Найдет ли она способ общения с ними?

— Сейчас оставь меня, Сталлан. Самец надежно связан, а самка не проявляет агрессивности. Если я буду одна, они станут смотреть только на меня, ни на что не отвлекаясь.

Сталлан долго думала, потом неохотно согласилась.

— Я сделаю, как ты просишь. Сейчас опасность невелика. Но я останусь снаружи, у двери, которую можно быстро открыть. Крикни, если что-то будет угрожать тебе.

— Хорошо, обещаю. А сейчас я должна начинать работу.

10

Устройство нового города — непростое дело. Особенно много сил понадобилось для исправления ошибок прежней Эйстай, вовремя умершей Дисти, и дни Вайнти были заполнены от рассвета до заката. Погружаясь иногда в сон, она завидовала ночным лодкам и другим существам, которые могли двигаться ночью. Если бы она могла бодрствовать немного дольше каждый день, можно было бы успеть сделать гораздо больше. Это была безумная идея, преследовавшая ее каждую ночь перед тем, как она засыпала. Правда, эти мысли все-таки не мешали ей спать, потому что бороться со сном было для ийлан физически невозможно. Закрыв глаза, она засыпала и была настолько неподвижна при этом, что со стороны могла показаться мертвой. Однако этот сон был неглубок, и его без труда мог пре-

рвать какой-либо громкий звук. Несколько раз в течение ночи крики животных будили Вайнти. Ее глаза открывались, и на мгновение она прислушивалась. Если вокруг было тихо, она закрывала их и снова засыпала.

Только от серого света она пробуждалась окончательно. В это утро, так же как и во все прочие, она шагнула из теплой постели на пол, ткнула постель большим пальцем ноги. Когда та зашевелилась, она направилась туда, где бесчисленные стволы жилого дерева раздувались в тыквообразные утолщения, наполненные водой. Вайнти приложила губы к отверстию и сосала сладковатую воду до тех пор, пока не напилась.

Ночью прошел дождь и сырой пол неприятно охлаждал ступни ног Вайнти, пока она пересекала открытое место, затем до самой амбесед над дорогой была крыша, и фарги выстраивались в ряд, по мере того как она шла.

Каждое утро перед началом работы руководители проекта, подобно всем прочим гражданам города, должны были пройти через амбесед. Здесь они ненадолго останавливались поговорить друг с другом. Эта большая открытая площадь в центре города была центром, вокруг которого вращалась вся жизнь. Задумавшись, Вайнти направилась к своему любимому месту на западной стороне, куда падали первые утренние лучи солнца, не замечая при этом граждан, которые расступались, освобождая проход. Она была Эйстай, одной из тех, кто всегда ходил по прямой линии. Кора дерева была уже теплой, и она удовлетворенно прислонилась к ней, сузив зрачки до вертикальных щелей, когда повернулась к солнцу. С удовольствием смотрела она, как Альпесак пробуждается к жизни. В этом была своя теплота, даже более приятная, чем тепло солнца. Город рос, строился, расширялся, существовал на этом враждебном берегу. Когда холодные ветры уничтожат Инегбан, этот город должен быть готов. Тогда ее народ придет сюда, будет жить и прославлять ее за то, что она совершила. Когда она думала так, в глубине сознания возникала тревожная мысль о том, что к тому времени она может лишиться своей должности. Малсас — Эйстай Инегбана — придет вместе с другими, чтобы править новым городом. Что ж, возможно... Однако Вайнти никогда не произносила этого вслух. Мало ли что может произойти! Малсас уже немолода, а время не течет вспять. У Вайнти хватит сил для сопротивления. А пока нужно строить новый город — строить хорошо.

Этдирг перехватила взгляд Вайнти и подошла, повинувшись ее жесту.

— Ты нашла, кто убил мясных животных? — спросила Вайнти.

— Да, Эйстай. Крупный устозоу черного цвета с убийственными когтями и длинными острыми зубами, такими длинными, что они торчат из его пасти даже тогда, когда она закрыта. Сталлан устроила засаду у дыры, которую он проделал в изгороди,

и сегодня утром мы нашли его там мертвого. Петля схватила его за ногу, он не мог убежать и рвался до тех пор, пока не захлестнул себе шею и не задохнулся.

— Обезглавьте его, а череп, когда его очистят, принесите мне.

Вайнти отпустила ее и тут же подозвала биолога. Та покинула группу, с которой разговаривала, и подошла к ней.

— Он уже почти готов, Эйстай. Почва очищена, колючая изгородь высока, коралловый риф в море растет тоже хорошо. Думаю, скоро все будет готово.

— Прекрасно. Значит, мы на пороге новых рождений, которые навсегда уничтожат память о смертях на старом берегу.

Ваналли согласилась с этим, но выразила и некоторые сомнения.

— Хотя берег почти готов, он не безопасен.

— Та же самая проблема?

— Это покажет время. Я работаю в тесном контакте со Сталлан, и мы верим, что решение близко. Эти звери будут уничтожены.

— Они должны быть уничтожены. Самцам нужна безопасность. Случившееся никогда не должно повториться.

Плохое настроение покидало Вайнти по мере того, как она говорила с другими, вовлеченными в огромную работу в новом городе. Однако, как бы ни была интересна беседа, мысль о Сталлан ее не покидала. Когда через некоторое время она собралась уходить, а Сталлан так и не появилась, Вайнти подозвала фарги и приказала ей найти охотницу. Около полудня Сталлан наконец пришла.

— У меня хорошие новости, Эйстай. Скоро берег будет безопасным.

— Если это правда, позорное пятно будет смыто с города.

— Мы нашли место, где размножаются аллигаторы. Я приказала фарги принести сюда все яйца и весь молодняк — они восхитительны.

— Я ела их и согласна с тобой. Значит, ты будешь разводить их вместе с другими мясными стадами?

— Нет, для этого они слишком злобны. Мы построим для них отдельный загон возле реки.

— Очень хорошо. Но что ты будешь делать со взрослыми?

— Те, что слишком велики, будут убиты. Это бессмысленная трата хорошего мяса, но у нас нет выбора. Используя ночные лодки, мы приблизимся к ним, когда они будут спать, и убьем их на месте.

— Покажи мне, где они размножаются, я хочу увидеть это сама. Вайнти уже достаточно долго находилась в амбесед. По мере того, как поднималась температура, все вокруг нее становились вялыми и дремали в тени. Но она не хотела отдыхать: нужно было слишком много сделать.

Группа фарги последовала за ней, когда она медленно направилась к берегу. Поскольку даже под деревьями было жарко, многие погрузились в бассейны, вырытые вдоль тропинки. Большая часть болот, через которые они проходили, еще не была очищена, и над ними кружились тучи маленьких кусачих насекомых. Наконец дорога привела их на крутой песчаный берег, окруженный густыми зарослями. Там была высокая трава и маленькие пальмы с чрезвычайно длинными колючками. Эта земля — Гендаши — была иным миром, чем тот, который они знали. Она удивляла бесконечным разнообразием форм и требовала осторожности.

Впереди была река — медленный и глубокий поток. Лодка, только что накормленная сопровождавшей фарги, уже стояла здесь. Кровь текла из ее маленького рта, куда фарги заталкивала куски красного мяса.

— Аллигатор, — сказала Сталлан. — Это лучше, чем выбрасывать его. Лодки так хорошо едят, что, мне кажется, готовы размножаться.

— Значит, нужно поддержать их немного голодными. Все они нужны мне сегодня в хорошей форме.

Множество деревьев росло вдоль речного берега. Одни из них были серыми с массивными стволами, рядом с ними стояли высокие, зеленые деревья, покрытые мелкими иголками, и еще более высокие, красные, с корнями, изгибающимися во всех направлениях. Между деревьями почва была покрыта ковром пурпурных и розовых цветов, но, пожалуй, еще больше их было наверху, среди ветвей. В джунглях кипела жизнь. Птицы кричали в темноте, и красные улитки ползали между стволами деревьев.

— Какая богатая земля, — сказала Вайнти.

— Энтобан тоже был таким когда-то, — сказала Сталлан, широко открыв носовые клапаны и вдыхая воздух. — Пока не появились города и не покрыли всю землю от одного океана до другого.

— Ты думаешь? — Вайнти старалась осознать новую для нее мысль. — Это трудно представить. Некоторые полагают, что города существовали там вечно.

— Я уже не раз говорила об этом с Ваналпи, и она все объяснила мне. То, что мы видим здесь, в этой новой земле Гендаши, могло быть и в Энтобане, только много лет назад. И до ийлан росли города.

— Конечно, ты права. Если мы свои города растим, должно было быть время, когда существовал всего один город. Однако, если следовать этой логике, можно прийти к мысли о том, что когда-то городов вообще не было. Неужели такое возможно?

— Не знаю. Тебе лучше поговорить с Ваналпи, которая изучает подобные головоломные вопросы.

— Ты права. Я спрошу у нее. — Тут она заметила почти рядом с собой фарги; широко открыв рты, они старались понять смысл разговора. Вайнти быстро повернулась к ним спиной.

Наконец они добрались до места размножения аллигаторов. В это время самые крупные животные уже покинули берег. Последними ушли самки, проявив поразительную для этих примитивных животных заботу о своих яйцах и детенышах. Лодки выбросились на берег там, где под солнцем трудился рабочий отряд фарги. Вайнти обратилась к надсмотрщице Эхекакот, следившей за всем из укрытия под большим деревом.

— Расскажи мне о своей работе.

— Сделано уже много, Эйстай. Две груженные яйцами лодки отправились в город, а всю молодежь мы выловили сетями. Они глупы и легко дают себя поймать.

Она наклонилась над загоном со своей стороны и тут же выпрямилась, держа на вытянутой руке детеныша аллигатора, схваченного за хвост. Он извивался, пищал и пытался дотянуться до нее своими маленькими зубами.

Вайнти одобрительно кивнула.

— Хорошо, очень хорошо. Угроза устранена, а ваши желудки наполнены. Хотелось бы мне, чтобы все наши проблемы решались так же просто.

Она повернулась к Сталлан.

— Есть еще другие места размножения?

— Между этим местом и городом — нет. Когда мы очистим здесь, то начнем работу выше по реке и в болотах. Времени на это потребуется немало, но мы должны все сделать тщательно.

— Хорошо. А сейчас, перед тем как вернуться в город, заглянем на новые поля.

— Я должна вернуться к другим охотникам, Эйстай. Если ты согласна, дорогу покажет Эхекакот.

— Согласна, — сказала Вайнти.

Тем временем духота усилилась, а ветер совсем стих. Лодки вышли из реки, и Вайнти заметила, что небо приобрело странный желтый цвет, которого она никогда прежде не видела. Даже погода была другой в этой части мира. Так они двигались вниз по течению, ветер начал усиливаться вновь, но направление его изменилось, и теперь он дул им в спину. Вайнти повернулась и увидела темную линию, появившуюся на горизонте. Она указала на нее.

— Эхекакот, что это может значить?

— Не знаю. Какие-то особые облака. Я никогда прежде не видела ничего подобного.

Черные облака приближались к ним с невероятной скоростью.

Сначала они были просто пятном над деревьями, потом разрослись и приблизились, затемняя небо. С ними пришел ветер.

Он бил как кулаком, и одна из лодок, получив удар в бок, перевернулась.

Послышались громкие крики, когда ее пассажиры оказались выброшенными в беспокойное море. Лодка нырнула и ухитрилась вернуться в прежнее положение, тогда как ийланы отплыли от нее во всех направлениях, чтобы избежать ударов. Никто из них не пострадал, хотя и с большим трудом, но всех вытащили из воды и разместили в других лодках.

Все они покинули океан своей юности много лет назад и плавали с трудом. Вайнти выкрикивала распоряжения до тех пор, пока одна из самых отважных фарги, стремящихся к высокой должности, даже если это означает риск покалечиться, не подплыла ко все еще возбужденной лодке и не ухитрилась взобраться на нее. Она резко заговорила с ней, ударяя по чувствительным местам, и наконец добилась полного контроля над ней.

Ветер злобно завывал над ними, угрожая потопить остальные лодки. Все ийланы закрыли от проливного дождя носовые клапаны. Из леса даже сквозь завывание ветра доносился громкий треск, с которым рушились на землю гигантские деревья. Голос Вайнти не был слышен сквозь ветер, но все поняли ее указание держать лодки подальше от берега, чтобы не разбить их о какое-нибудь упавшее дерево.

Лодки неистово раскачивались на огромных волнах, ийланы сбились в кучу, стараясь сохранить тепло под холодным проливным дождем. Прошло немало времени, прежде чем ветер стал порывистым, затем совсем ослабел. Худшее было позади.

— Возвращаемся в город! — приказала Вайнти. — Быстро, как только возможно.

Ураганный ветер промчался через джунгли, свалив даже самые крупные деревья. Насколько обширны были эти разрушения? Обрушился ли ветер на город? Это наверняка произошло, а ведь деревья, образующие город, были еще молодыми, еще растущими, хорошо ли они укрепились? Насколько значительны повреждения, полученные городом? От этих мыслей невозможно было отделаться. Перед глазами Вайнти стояла страшная картина разрушений, она то и дело хлестала лодку, заставляя ее увеличивать скорость.

Держа связанное животное за шею, Сталлан сняла петлю, предохраняющую от ее дергающихся лап, и опустила существо в клетку. Эта операция настолько поглотила ее, что она заметила изменения в погоде, только когда выпрямилась. Ее носовые клапаны открылись и втянули воздух. Это было что-то знакомое и плохое...

Она была в первом исследовательском отряде, который пересек океан и достиг Гендаши, чтобы найти место для нового города. Когда с общего согласия выбрали берега Альпесака, она была

одной из тех немногих, кто остался здесь. Они были вооружены и хорошо представляли себе опасности, таящиеся в неисследованных джунглях, но их едва не погубила неизвестная опасность, уничтожившая запасы пищи и заставившая их или умирать с голоду, или охотиться. Это был штормовой ветер и такой сильный дождь, какого она никогда не видела.

Начиналось все это с желтого неба и неподвижного душного воздуха. Сталлан, закрыв клетку с животными, изо всех сил крикнула:

— Опасность!

Ближайшие к ней фарги обернулись на звук, поскольку это было одно из первых слов, которым они научились.

— Ты — к амбесед, ты — скажешь другим. Предупредите всех, что шторм с сильным ветром вот-вот будет здесь. Всем покинуть открытые места и спрятаться под деревьями!

Они бросились бежать, но не быстрее, чем Сталлан. Когда начались первые порывы ветра, сотни ийлан укрылись в безопасном месте. Затем шторм ударил со всей силой, и стена дождя скрыла город.

Сталлан обнаружила группу фарги, сбившихся на речном берегу, и присоединилась к ним, спасаясь от дождя. Они стояли под бешеными порывами ветра, и самые юные из них пищали от страха, пока Сталлан резкими приказами не заставила их замолчать. Ее авторитет удерживал их на месте, пока буря бесновалась над ними, заставлял их ждать, пока она не пройдет и им не прикажут возвращаться в город.

Когда уставшая лодка Вайнти приплыла к изуродованному берегу, Сталлан была там, ожидая ее. Задолго до того, как можно было разговаривать словами, она просигналила, что все хорошо. Не прекрасно, но хорошо.

— Расскажи мне о повреждениях, — крикнула Вайнти, выпрыгнув на берег.

— Две фарги погибли и...

Вайнти гневным жестом заставила ее замолчать.

— Меня интересует город, а не граждане.

— Ни о чем серьезном пока не докладывали. Много мелких повреждений, вроде обломанных веток, некоторые части города рухнули на землю. Фарги отправлены на проверку новых полей и стад, но никто еще не вернулся.

— Это гораздо лучше, чем я ожидала. Донесения пусть доставляют в амбесед.

Размеры повреждений стали ясны им, когда они прошли через город. Во многих местах крыши обвалились, а прогулочные дорожки были завалены листьями. Из одного загона доносились жалобные стоны, и, заглянув туда, Сталлан увидела, что один из оленей сломал ногу во время бури. Дротик из ее неразлучного хесотсана заставил его умолкнуть.

— Это плохо, но не настолько, чтобы отчаяться, — сказала

Вайнти. — У нас крепкий и хороший, разросшийся город. Скажи, может ли такая буря повториться?

— Вероятно, нет, по крайней мере не в этом году. Ветер и дождь бывают в любое время, но только в этот период бывают подобные бури.

— Год — это достаточный срок. Повреждения будут устранены, и Ваналпи увидит, что все растения окрепли. Этот новый мир жесток и упрям, но и мы можем быть такими же упрямыми и жестокими.

— Все будет, как ты решишь, Эйстан, — сказала Сталлан, и ее слова выражали не только согласие, но и уверенность в том, что ийланы выполняют все, что бы она ни приказала.

Выполняют любой ценой.

11

Альпесак рос, и через некоторое время его раны зажили. Целыми днями Ваналпи и ее помощницы осматривали город, ведя детальную запись повреждений, нанесенных ураганом. Применение гормонов ускорило рост растений, и вот уже листовые крыши разрослись гуще прежнего, дополнительные древесные стволы и воздушные корни стали стеной. Но простое восстановление не устраивало Ваналпи. Крепкие виноградные лозы, жесткие и эластичные, обвивали стену и прорастали сквозь крыши.

Однако город не только укреплялся, но и становился более безопасным по мере того, как с каждым прошедшим днем в окружающих джунглях расчищались все новые участки. Это расширение, казавшееся со стороны случайным, на самом деле умело планировалось.

Самая опасная часть работы делалась Дочерями Смерти. Хотя от диких животных их защищали вооруженные фарги, они не могли защитить их от несчастных случаев: ушибов, ран, от колючек или укусов змей, в изобилии водившихся здесь. Многие из них были ранены, некоторые серьезно, несколько умерло. Но это не тревожило Вайнти: город для нее стоял на первом месте.

После того как распространились личинки, смерть джунглей стала всего лишь вопросом времени. Прожорливые гусеницы были выведены специально для этой цели. Птицы и животные находили их горькими, а гусеницы находили всю растительность соответствующей своему вкусу. Слепые и ненасытные, они ползли по стволам деревьев и сквозь траву, уничтожая все на своем пути. Только скелеты деревьев оставались там, где проходили они. Наевшись, они превращались в отвратительных существ, покрытых щетиной, длиной в руку ийлана.

Затем они умирали, поскольку смерть была заложена в их генах и гарантировала, что эти существа не сожрут весь мир. Итак, они умирали и гнили в слое своих собственных выделений. Сущность проекта Ваналпи и других генных инженеров была отчетливо видна даже в этом. Черви нематоды с помощью бактерий в своих внутренностях превращали оттапливающую массу в удобрение для почвы, затем пускались жуки, поедавшие мертвые деревья, всходила трава, и высаживалась колочая изгородь. Новые площади буквально выедались у джунглей, отталкивая их прочь от города и образуя еще один барьер против опасностей, скопившихся там.

В этом медленном продвижении не было ничего неестественного или грубого, ийланы жили так же, как и их окружение, являясь частью внешней среды, и были тесно с ней связаны. Размеры площадей, которые они завоевывали, невозможно было проектировать, они зависели только от сопротивления листьев и аппетитов гусениц.

Пасущиеся стада изменялись точно так же. Каждый раз, когда урукето возвращался из Инегбана, он привозил оплодотворенные яйца или новорожденных детенышей. Самые беззащитные виды размещались возле центра города, а на естественных пастбищах могли расти до достижения зрелости урукуб и онетсенсаст. Эти бронированные, но мирные всеядные паслись сейчас на краю джунглей: громадные размеры, большие рога и бронированная шкура защищали их от всех опасностей.

Вайнти была довольна развитием своих дел. Каждый день, приходя в амбесед, она была уверена, что для нее не может возникнуть неразрешимой проблемы. Но в это утро, когда фарги, спешащая к ней с донесением, грубо расталкивала окружающих, показывая тем самым важность новостей, она поняла, что все не так хорошо.

— Эйстан, урукето вернулся. Я была на рыбалке и сама видела...

Вайнти прервала глупое существо резким жестом, потом подозвала своих помощников.

— Мы встретим их на пирсе. Мне нужны новости из Инегбана...

Она величаво двинулась вниз по дороге, за ней ее друзья и помощники, а в самом конце фарги. Хотя в Альпесаке никогда не бывало холодно, здесь шли сильные дожди и сырость в это время года была такая, что Вайнти, подобно многим другим, ходила завернувшись в плащ для теплоты и защиты от моросящего дождя.

Медленно движущиеся веслообразные ноги эйсекола углубляли реку и прилегающую гавань. Груз урукето не нужно было перевозить лодками, потому что сейчас это огромное существо прижалось к берегу. Оно только появилось из закрытого дождем океана, когда Вайнти и ее свита прибыли к месту при-

чаливания. Начальник гавани отправила туда фарги, которые бросали свежую рыбу в подводный резервуар, кормя урукето. Глупое существо приняло это подношение и встало в правильное положение в безопасном доке. Вайнти удовлетворенно следила за этой операцией. Хороший город — эффективный город. Ее город был хорошим. Ее глаза двигались вдоль огромного черного корпуса к плавнику, где стояла Эрефнаис. Рядом с командиром стояла Малсас.

Вайнти замерла при виде ее, потому что совершенно забыла о существовании другой Эйстай. Но действительность настигла ее, поразив до глубины души.

Малсас, Эйстай Инегбана... Для нее начинал строиться этот город. Она должна была привести сюда свой народ и занять место Вайнти. Малсас, прямая и настороженная, смотрела на нее. Она не была больной или старой, и именно она должна была стать Эйстай Альпесака.

В то время как Малсас, ее последователи и ассистенты выходили из урукето и направлялись к Вайнти, она оставалась сдержанной. Она могла только надеяться, что формальности скроют ее истинные чувства.

— Добро пожаловать в Гендаши, Эйстай, добро пожаловать в Альпесак, — сказала Вайнти.

— Я очень рада оказаться в Альпесаке, — ответила Малсас, соблюдая все формальности. Но последний слог этого выражения требовал открыть рот и показать все свои зубы, и после этого она не закрывала рот несколько долгих секунд. Этого легкого признака недовольствия было вполне достаточно для Вайнти, и повторения не требовалось. Вайнти уважали за проделанную работу, но должны были заменить. Вайнти прогнала прочь все завистливые и коварные мысли и на мгновение опустила глаза вниз, как бы предупреждая.

Это краткое изменение было настолько неусловным, что другие ийланы не заметили его. Дела на этом уровне их не касались. Когда все направились в город, Малсас стослала своих помощников и фарги подальше, чтобы те не могли подслушать или подсмотреть их будущий разговор.

— Последняя зима была одной из самых холодных. Этим летом молодежь и фарги из Соромсета не искали входа в Инегбан. Когда стало теплее, я направила отряд охотников посмотреть, что с городом. Он был мертв. Соромсет просуществовал недолго и умер так же, как умер Эргитри. Жители города были мертвы, и пожиратели падали грызли кости ийлан, живших там. На берегах и теплых водах моря Исегенети ийланы жили в трех крупных городах...

Она замолчала, и Вайнти закопчила вместо нее:

— Эргитри умер от холода, за ним последовал Соромсет. Остался только Инегбан.

— Да, остался только Инегбан, и каждую зиму холод подбирается все ближе. Наши стада почти не увеличиваются и скоро начнут голодать.

— Альпесак ждет.

— Мы вспомним об этом, когда придет время. Но сейчас самое необходимое — расширить поля и увеличить поголовье животных. Мы, со своей стороны, должны увеличить число урукето, но это медленная работа, которую мы начали слишком поздно. Однако есть надежда, что новое поколение будет удачным. Они меньше, чем тот, на котором я прибыла, но развиваются гораздо быстрее. Нам нужно их столько, чтобы можно было перевезти весь город за одно лето. А теперь покажи мне, что найдет наш народ, прибыв в Альпесак.

— Он найдет вот это, — сказала Вайнти, указывая на стволы-стены и плетеные полы города, которые тянулись во все стороны от них. Дождь прекратился, и проявившееся солнце сверкало в каплях, покрывавших листву. Малсас выразила свое одобрение, и Вайнти повела рукой вокруг.

— За городом — поля, уже полные животных всех видов, приятных и для глаза, и для желудка.

Пока они шли через луга с пасущимися на них животными, Вайнти приказала вооруженной охране следовать впереди. Сквозь высокие стены из переплетенных стволов и шипов видны были гигантские туши урукубов, поедавших зеленые листья на краю джунглей, и даже на этом расстоянии был слышен в их двойных желудках грохот камней, которые помогали им переваривать огромное количество поглощаемой пищи. Малсас некоторое время молча смотрела на это зрелище, затем повернулась и направилась к центру города.

— Ты хорошо потрудилась, Вайнти, — сказала она, — и все сделала хорошо.

Жест Вайнти, выражающий благодарность, несмотря на свою ритуальность, был полон искренней признательности. Похвала Эйстай настолько выделялась среди других похвал, что в эту минуту никакие коварные или завистливые мысли не могли возникнуть в голове Вайнти. В этот момент она готова была последовать за Малсас на верную смерть. Возвращаясь, они позволили остальным подойти поближе, чтобы те могли слышать разговор: для них это был единственный способ учиться и запоминать. Только когда они прошли через отверстие в стене Истории, их разговор снова вернулся к не очень приятным вещам, поскольку история на стене была мертвой.

Между кольцами амбесед и берега рождений колючая стена истории. Запечатленное на ней было символической защитой того, что когда-то имело смысл и значение. Неужели ийлань когда-то действительно размахивали огромными крабами, вроде хранящихся здесь, используя их как орудие для защиты самцов? Это была правда, но не всегда об этом знали. Жгучая

крапива наверняка использовалась в прошлом так же, как и сейчас, но причем здесь эти раковины гигантских скорпионов? О них не было известно ничего, и все же эти экзоскелеты хранились здесь, а до того были осторожно сняты со стены в Инегбане и привезены сюда, как знак непрерывности города.

Поскольку стена была также и живой историей, на стороне, обращенной к берегу, закреплялись тела мертвых хесотсанов, к которым позднее прикладывались черепа убитых ими.

В самом конце находился округлый череп с пустыми глазницами, выбеленный солнцем и окруженный наконечниками копий и острыми каменными лезвиями. Малсас удивленно остановилась перед ним и потребовала объяснений.

— Это один из устоуоу, населяющих эту землю. Все черепа, которые ты видишь здесь, принадлежат меховым, теплокровным и вонючим устоуоу, которые угрожали нам и были нами убиты. Но этот безымянный был хуже всех. Со своими остроконечными камнями они совершили такое, что было хуже всего остального.

— Убили самцов и детенышей? — Малсас произнесла эти слова с безразличием к смерти.

— Да. Мы нашли их и убили за это.

— Разумеется. Больше от них неприятностей не было?

— Нет. Этот вид не жил здесь, а пришел с севера, мы выследили и убили их, всех до единого.

— Значит, теперь берег в безопасности?

— За исключением коралловых рифов. Но они растут быстро, и, когда достигнут достаточной высоты, мы начнем первые рождения. Тогда берег рождений будет безопасен во всех отношениях. — Вайнти вытянула руку к белому черепу. — И особенно безопасен от этих убийц младенцев.

— Нам никогда больше не придется беспокоиться о них.

12

Пища в этот день была особенной, по случаю прибытия Малсас и ее окружения. События подобного рода были настолько редки, что самые молодые фарги, никогда прежде не видевшие такого, возбужденно крутились вокруг весь день и переговаривались друг с другом. Впрочем, были такие, что прислушивались. В повседневной жизни ийлан, хотя они питались хорошо и не ложились спать голодными, мясо было редкостью. Каждый мог принести широкий лист в одну из мясоразделок и получить порцию восхитительного мяса, которую полагалось есть в каком-нибудь укромном месте. Это был привычный способ получения пищи, и никто не представлял, что может быть иначе. В тот день жители города почти не работали, они заполняли амбесед, плотно прижимались к ее стенам, карабка-

лись на нижние ветки ограды в стремлении увидеть побольше.

После осмотра города и его полей Вайнти и Малсас отправились в амбесед. Там Малсас встретила с ответственными за растения Альпесака, проведя большую часть времени с Ваналпи. Наконец, удовлетворенная услышанным, она отпустила всех и поговорила с Вайнти.

— Тепло солнца и растения этого города заставили меня забыть о зиме. Я вернусь в Инегбан с этой новостью. Это сделает следующую зиму менее холодной для наших граждан. Эрефнаис доложила, что урукето загружен, хорошо накормлен и готов отправляться в любое время. Мы поедем, и я покину вас.

Вайнти выразила огорчение скорым расставанием, и Малсас поблагодарила ее, но отказалась продлить свое пребывание.

— Я понимаю твои чувства, однако урукето медлителен, и мы не можем терять ни одного дня. Я видела достаточно, чтобы понять — работа здесь в хороших руках. А сейчас накорми нас. Ты знаешь Алакенши, моего первого советника и эфензеле? Она будет подавать тебе мясо.

— Это большая честь для меня, — сказала Вайнти, думая только о привилегиях этого предложения, отгоняя мысли об Алакенши, которую знала давно. Это было существо хитрое, с недобрыми замыслами.

— Хорошо. — Малсас жестом подозвала к себе Ваналпи. — Сейчас мы будем есть. Алакенши, моя ближайшая соратница, будет подавать мясо Вайнти, а ты за то, что сделала для этого города, можешь подавать мне.

Ваналпи лишилась дара речи, как неопытный юнец из океана, но в каждом движении ее тела была гордость.

— Для такого торжественного случая у нас есть два вида мяса, — сказала Вайнти. — Одно из старого мира, другое из нового.

— Старое и новое мясо смешаются в наших желудках так же, как Инегбан смешается с Альпесаком, — ответила Малсас.

Стоявшие рядом стали восторгаться оригинальностью высказывания Малсас и поспешили передать ее слова тем, кто стоит дальше и ничего не слышит. Вайнти пришлось подождать, пока они повторяют слова Малсас.

— Мясо из Инегбана — это урукуб, выращенный из яйца, доставленного на этот берег, вылупившийся под солнцем Гендаши и выросший на его травах. У нас есть и другие, но это один из самых крупных, и все вы видели его, когда проходили по пастбищу на болоте. Все вы восхищались его лоснящейся шкурой, длинной шеей и толстыми боками.

Вокруг одобрительно загудели, что все видели эту маленькую голову на конце длинной шеи, высоко поднявшуюся из воды с большим куском зеленого растения.

— Это первый урукуб, убитый здесь, и он так велик, что им могут наестся все присутствующие. А для Малсас и всех прибывших из Инегбана мы приготовили животное, которого они никогда не пробовали. Это олень одного из видов, встречающихся только здесь. Итак, мы начинаем.

Те, что должны были прислуживать, торопливо вышли и вернулись, неся тыквы с мясом: каждая стала на колени перед Эйстан, которой прислуживала. Малсас потянулась и взяла длинную кость с небольшим черным копытом и мясом, свободно висевшим над ним. Оторвав большой кусок, она подержала его так, чтобы могли увидеть все.

— Урукуб,— произнесла она, и те, кто слышал ее, прокомментировали эту шутку. Самая маленькая кость урукуба была больше всего этого животного.

Вайнти была довольна, обед прошел хорошо. Когда они закончили и обмыли руки в тыквах с водой, поданных фарги, церемония окончилась и все разошлись, чтобы поесть до наступления темноты.

Воспользовавшись тем, что за ними никто не следит и не подслушивает, Малсас завела с Вайнти конфиденциальный разговор. Голос ее был мягким, а движения тела почти незаметными.

— Все сказанное здесь сегодня было более чем правдиво. Все работали упорно, но ты упорнее всех. Поэтому ты можешь использовать Дочерей Смерти, которые прибыли со мной.

— Я видела их. Они будут использованы.

— Пусть работают, пока не умрут! — Зубы Малсас громко щелкнули, выражая всю силу ее чувств. — Их становится все больше, подобно термитам, пожирающим основы нашего города. Смотри, чтобы они не попытались съесть и твой город.

— Сделать это здесь не так-то просто. У меня для них есть опасная и тяжелая работа. Это их судьба.

— Значит, мы думаем одинаково. Это хорошо. А сейчас о тебе, неутомимая Вайнти. Нужна ли тебе какая-нибудь помощь?

— Нет, у нас есть все необходимое.

— Ты не говоришь о личных нуждах, но я догадываюсь, что тебе приходится нелегко. Поэтому я хочу, чтобы моя правая рука, моя эфензеле Алакенши, помогала тебе в твоих занятиях. Она будет твоим первым помощником и разделит с тобой неизбежные трудности.

Вайнти не позволила себе ни малейшего движения или самого мягкого слова, которое могло бы выдать волну внезапного гнева, захлестнувшего ее. Но и без слов Малсас, смотревшая ей прямо в глаза, все поняла. Сделав лишь один небольшой победный насмешливый жест, она повернулась и пошла в сопровождении своей свиты к урукето.

Имей Вайнти в этот миг оружие, она послала бы смертоносный дротик в удаляющуюся спину. Малсас наверняка запланировала все свои действия задолго до прибытия сюда. В Альпесаке были ее шпионы, доносившие обо всем, что происходило здесь. Она знала, что Эйстаи Вайнти вряд ли охотно откажется от своей власти. Поэтому сюда и была привезена отвратительная Алакенси. Она должна была следить за Вайнти и докладывать обо всем происходящем. Ее присутствие должно было постоянно напоминать Вайнти о ее судьбе. Она работала и строила этот город, а когда он будет создан, ей придется исчезнуть. Сейчас Вайнти понимала, что все было заранее распланировано: позволяя Вайнти строить город, ей позволили осуществлять свою судьбу.

Сама того не сознавая, Вайнти загребала ногами по полу, ее острые когти рвали доски. НЕТ! Все будет совсем иначе. Сначала она хотела выдвинуться своей работой, присоединиться к тем, кто управлял городом, не больше. Но теперь... Малсас никогда не будет править здесь. Алакенси умрет: ее назначение принесет ей смерть. Детали плана пока не ясны, но будущее покажет. Когда зима придет в Инегбан, над Альпесаком взойдет солнце. Слабость будет править там, пока здесь растет сила. Альпесак принадлежит ей, и никто не сможет отнять его.

Вайнти покинула присутствующих и прошла через город окольными путями, где ее могли видеть только фарги, но и они разбежались от ее гневного взгляда. В каждом движении тела была смерть.

Когда-то здесь был пост охраны, перенесенный сейчас выше порта. Вайнти стояла в удлиняющейся тени, пока погрузка урукето не была закончена. Последним грузом, который он принял, были безвольные тела многочисленных оленей. Ваналли улучшила некий препарат, используемый для крупных животных. Новый наркотик не повергал их в транс и не убивал, но приводил в состояние, очень близкое к смерти. При этом пульс едва прослушивался, а дыхание было крайне замедленно. Получив дозу этого вещества, они могли пересечь океан и достичь Инегбана, не нуждаясь в пище и воде, и снабдить необходимым мясом голодных жителей Инегбана. Вайнти не только мысленно, но и вслух страстно пожелала Малсас получить необходимую дозу. Внешне мертвая, она будет жить, пока не кончится ее время.

Когда урукето скрылся в сумерках, Вайнти молча вернулась через сгущающуюся тьму и, несмотря на то, что гнев все еще душил ее, сразу же уснула.

Сон освободил ее от ненависти. Тем, кто видел ее в амбесед, она показалась такой, как обычно, но стоило ей мельком увидеть прошедшую мимо Алакенси, ненависть вернулась. В то

утро многие почувствовали ее характер, и одной из них была Энги.

— У меня есть маленькая просьба, Эйстан,— сказала она.

— Нет. От тебя и твоих ходячих мертвецов мне нужна только работа.

— Ты никогда прежде не была жестокой безо всяких причин,— спокойно ответила Энги. — В моем понимании, для Эйстан все граждане равны.

— Вот именно. Я решила, что Дочери Смерти больше не будут гражданами. Они теперь рабочие животные и будут трудиться, пока не умрут. Вот их судьба. Что касается тебя, то ты учишь говорить устоэу. Как обстоят дела с этим? Время уходит, очень много времени.

— Его и нужно много, и в этом заключается моя просьба.

— Объясни.

— Каждое утро я начинаю работу с устоэу в надежде, что это будет день взаимопонимания, и каждый вечер я покидаю их с твердой уверенностью, что все это напрасный труд. Самка умна, но это ум элиноу, который подкрадывается к городу, разглядывает его и убивает мышей. Эти действия похожи на разумные, хотя и не являются ими.

— А что с самцом?

— Глуп, как и все самцы. Не реагирует, даже когда его бьют, просто молча сидит и смотрит. Но самка, подобно элиноу, реагирует на доброту, и ей это нравится. Однако за все время она научилась произносить всего несколько фраз, как правило, не к месту и всегда плохо. Ее нужно учить этому, как учат лодку, и фразы эти, несомненно, ничего для нее не значат.

— Эти новости меня не радуют,— сказала Вайнти, и это действительно было так. Все это время Энги могла работать на полях, а теперь ее труд потерян. В данный момент контакт с устоэу был не слишком важен. Дальнейшей угрозы от этих существ пока не было, зато были неприятности с другими видами. Если же опасность придет... она оборвала эту мысль и спросила вслух:

— Если существа не в состоянии выучить наш язык, почему бы тебе не научиться их языку?

Конвульсивными движениями тела Энги выразила отчаяние и сомнение.

— Это вопрос, на который я не могу ответить. Сначала они казались мне бродягами, которые не могут общаться между собой, но теперь вижу, что это не так...

— Невозможно! — Вайнти полностью отвергла эту идею. — Как могут существа любого вида общаться, не передавая и не получая при этом информацию? Ты задаешь мне загадки вместо того, чтобы отвечать на них.

— Мне очень жаль, но я не могу ничего поделать. Их звуки и движения не похожи одно на другое, и, чтобы научиться го-

ворить, я должна запомнить не одну сотню их. И все они бессмысленны. В конце концов, я могу поверить — но только теоретически, что они обладают другим уровнем общения, который никогда не будет доступен нам. По теории психологического изучения один мозг способен обращаться непосредственно к другому. Может, это радиоволны? Если бы у нас в городе был психолог, который мог ответить на это!

Энги молча слушала, как Вайнти выражает отчаяние, сомнения и неверие.

— Я не перестаю удивляться тебе, Энги. Твоя превосходная память была потеряна для города, когда ты посвятила свою жизнь этой омерзительной философии. Но сейчас я думаю, что твои эксперименты не удались и надежды погибли. Я навещу твоих устозоу и решу, что с ними делать. — Вайнти заметила проходящую Сталлан и сделала ей знак следовать за собой.

Когда они подошли к тюремной комнате, Сталлан торопливо вышла вперед, чтобы открыть дверь. Вайнти прошла мимо нее и стала смотреть на молодую устозоу, а Сталлан тем временем стояла рядом, готовая вмешаться в случае какой-либо неожиданности. Самка сидела на корточках, но ее губы были приоткрыты, показывая зубы, и Вайнти почувствовала гнев при такой явной угрозе. Маленький самец молчал, неподвижно стоя у задней стены.

Вайнти обратилась к Энги и приказала:

— Покажи, чего ты достигла.

Когда Керрик услышал скрежет засова на двери, он метнулся на свое место, уверенный, что пришел день его смерти. Исел начала смеяться над ним.

— Глупый мальчик, — сказала она, потирая царапины на своем голом черепе, — глупый и пугливый. Мараг принес нам еду и поиграет с нами.

— Мургу приносят смерть, и однажды они убьют нас.

— Глупый! — она бросила в него кожуру апельсина и с улыбкой на лице повернулась к входящим.

Первым вошел странный мараг, который тяжело ступал по полу, и ее улыбка исчезла. Однако за ним следовал другой, знакомый, и улыбка вернулась.

Она была ленивой и не оченьмышленой девочкой.

— Поговори со мной, — приказала Вайнти, остановившись перед устозоу. Затем с ударением, медленно и отчетливо, как будто говоря с молодой фарги, повторила: — Поговори... со мной!

— Умоляю тебя, позволь мне попробовать первой, — сказала Энги. — Я смогу добиться от нее ответа.

— Ничего ты не сможешь. Если это существо не умеет говорить, с ним все будет кончено. Слишком много времени потра-

чено впустую. — Повернувшись к самке устозоу, Вайнти четко и ясно просигналила:

— Вот мое последнее требование: ты будешь говорить сейчас и не хуже, чем другие ийланы. Если ты сделаешь это, тебе будет сохранена жизнь. Разговор означает жизнь, поняла?

Исел поняла — по крайней мере угрозу, содержащуюся в словах.

— Я буду говорить, — сказала она, но слова тану не произвели впечатления на большое безобразное существо, возвышающееся над ней. Она должна вспомнить, чему ее учили... И она пыталась, как могла, делая движения и одновременно произнося слова.

— ...хес лейбе энэ уу...

Вайнти была поставлена в тупик.

— И это разговор? Что она сказала? Что значит «Старая самка растет ловко»?

Энги тоже ничего не поняла.

— Возможно, это означает, что гибкость увеличивается у самок с годами.

Гнев захлестнул Вайнти. По всей видимости, в другой день она могла бы принять это объяснение как доказательство того, что устозоу научилась говорить. Но не сегодня, после вчерашних оскорблений и приводящего в ярость присутствия Алакенши. Этого было слишком много, и она даже не пыталась обходиться с отвратительным существом сдержанно. Наклонившись, она схватила его обеими руками и подняла в воздух перед собой, тряся глупую тварь и приказывая ей говорить.

Однако та даже не пыталась. Вместо этого она закрыла свои глаза, из которых потекла вода, откинула голову назад, широко открыла рот и испустила звериный крик.

Вайнти не успела ни о чем подумать, как ее захлестнула слепая ненависть, и она вонзила ряды своих острых конических зубов в глотку устозоу.

Горячая кровь брызнула ей в рот, она почувствовала ее вкус и резко отшвырнула труп. Сталлан шевельнулась, выражая молчаливое одобрение.

Вайнти выхватила из рук Энги тыкву с водой, прополоскала рот, сплюнула и выплеснула остаток воды себе на лицо.

Слепой гнев ушел, она снова могла думать и почувствовала удовлетворение от того, что сделала. Однако она еще не закончила: второй устозоу был еще жив. Быстро повернувшись, она двинулась прямо на Керрика, свирепо глядя на него.

— Теперь ты, последний, — сказала она и потянулась к нему. Отступать было некуда. Он задвигался и заговорил.

— ...эсекакуруд — эсекилшан — элел лейбе — лейбе...

В первый момент это показалось бессмыслицей, и Вайнти шагнула вперед. Затем остановилась и посмотрела на существо в упор.

Оно раз за разом приседало, по крайней мере пыталось это сделать. Но что означали эти движения из стороны в сторону? И вдруг пришло понимание — ну конечно, у него же нет хвоста, и он не может сделать все, как надо! Но если бы хвост у него был, это походило бы на попытку общения. Отдельные фрагменты соединились в мозгу вместе, и Вайнти воскликнула:

— Ты поняла, Энги? Смотри, он делает это снова.

Неуклюже, но достаточно ясно для понимания устоюзу говорил:

— Я очень не хочу умирать. Я очень хочу говорить. Очень долго, очень хорошо.

— Ты не убила его, — сказала Энги, когда они покинули комнату и Сталлан закрыла дверь. — А прежде у тебя не было жалости к ним...

— Те ничего не стоили. Ты должна научить этого последнего так, чтобы его можно было использовать в любое время. Здесь могут появиться другие стаи этих существ. Однако ты утверждала, что он никогда не говорил?

— Никогда. Вероятно, он более сообразительный, чем самка. Он все время следил за мной, но никогда не говорил.

— Ты лучший учитель, чем тебе кажется, Энги, — великодушно сказала Вайнти. — Твоей единственной ошибкой было обучение не того устоюзу.

13

Хотя небо наверху было чистым, ветер гнал через перевал мелкий снег. Порывы северного ветра поднимали его со склонов вниз, а затем несли холодными волнами.

Херилак, наклонясь вперед, с трудом шагал через высокие сугробы. Его правый снегоступ был сломан, и это затрудняло движение, однако, остановившись для починки, он мог погибнуть прежде, чем закончит ее. Потому он и спешил. Наконец он понял, что вступил на перевал и миновал его. Когда он пересек крутой склон, серые скалы поднялись из сугробов и преградили дорогу ветру. Херилак почувствовал, что ветер слабеет. Еще несколько шагов, и он полностью стих, оставшись за скалами. Человек со вздохом сел, прижавшись спиной к шершавому камню: подъем потребовал напряжения всех его огромных сил.

Его рукавицы покрылись слоем льда и снега, и он колотил их друг о друга, пока они не приобрели прежнего вида, а затем теплой внутренней рукавицей стряхнул с бровей и ресниц снежные хлопья, мешавшие увидеть долину внизу.

Это было укрытое место, где еще зимовали гигантские олени — он видел темные пятнышки их шкур в долине. Там росли вы-

сокие деревья, под которыми расстилался луг и бежал ручей, никогда не замерзавший, так же как источник, давший ему начало. Здесь было прекрасное место для лагеря и зимовки, известное как место лагеря саммад Амахаста. Амахаст был женат на сестре Херилака.

Но сейчас долина внизу была пуста.

Весть об этом принес охотник из саммад Ульфадаана. И Херилак решил, что должен все увидеть сам. Он взял копье и лук со стрелами, натер тело гусиным жиром, надел на себя одежду из шкур бобра мехом вовнутрь, а затем одежду из шкур гигантского оленя. Со снегоступами, прикрепленными к тяжелым меховым ботинкам, он был готов к зиме. Чтобы двигаться быстрее, он должен был идти налегке, и потому мешок за его плечами имел более чем скромный запас сушеного мяса и смеси растертых орехов и ягод — экотаза.

Он достиг цели своего путешествия, и был доволен этим. Наклонившись, чтобы починить снегоступ, Херилак грыз снег, и каждый раз, когда, ненадолго отрываясь от работы, поднимал глаза, пустая долина внизу напоминала о печальной правде.

Был полдень, когда он все закончил и пожевал немного сухого мяса, обдумывая, что делать дальше. Собственно, у него не было выбора. Покончив с едой, он поднялся на ноги, — большой человек, на голову выше самых высоких членов его саммад, и посмотрел на долину, куда собрался идти. Там был юг... Он двинулся вдоль склона, ни разу не оглянувшись назад, на пустую долину.

Весь день он шел и остановился только тогда, когда первые звезды засверкали в темноте. Завернувшись в шкуры, он смотрел в ночное небо, потом закрыл глаза, начиная дремать. Однако, словно вспомнив что-то, открыл их снова и поискал в небе знакомые созвездия. Мастоодонт атаковал охотника, который держал свое копье наготове; изгибался ряд звезд в поясе охотника. Были ли там новые, более близкие к центру звезды? Не такие яркие, как остальные, и видимые только в холодную, прозрачную зимнюю ночь? Он не был в этом уверен. Это могли быть души отважных воинов, помогавшие охотнику. Думая об этом, Херилак снова закрыл глаза и уснул.

На третий день после полудня Херилак подошел к деревьям, росшим на берегу быстрой реки, которая мчалась с такой скоростью, что до сих пор не замерзла в центре. Он шел, как обычно ходят охотники, и застал врасплох небольшого оленя, который стремглав умчался, взметнув снежную пыль. Этот олень был легкой добычей, но Херилак пришел сюда не ради охоты. Пробравшись сквозь чащу, он вдруг остановился и глубоко задумался. Потом натянул между двумя ветвями петлю из внутренностей кролика. После этого Херилак запел о том, как пришел сюда, и провел копьем по низким веткам деревьев, чтобы они загудели. Ни в одном из рассказов стариков не говори-

лось о подобных действиях, это сделалось необходимым только сейчас. Тану убивали тану. Мир перестал быть безопасным местом, где охотники могли не бояться охотников.

Вскоре он почувствовал под ногами тропу и, выйдя на очередную поляну, остановился, воткнув свое копье в сугроб, и сел на корточки возле него. Ждать ему пришлось недолго.

Неслышно, как струйка дыма, на другой стороне поляны появился охотник. Его копье было наготове, но он опустил его, увидев сидящего Херилака. Когда охотник тоже воизил копье в снег, Херилак медленно поднялся и пошел к нему. Они встретились в центре поляны.

— Я здесь на своих охотничьих землях, но я не охочусь, — сказал Херилак. — Здесь охотится саммад Ульфада, и ты ее вождь.

Ульфада согласно кивнул. Подобно имени, его светлая борода была длиной почти до талии.

— Ты Херилак, — сказал он. — Моя племянница замужем за Алиосом из твоей саммад. — Он обдумал степень их родства, затем указал рукой себе за спину. — Возьми наши копья и пойдем в мою палатку. Там теплее, чем на снегу.

Они шли рядом и молчали, ибо не годится охотникам болтать, как птицы. Наконец подошли к месту, где на изгибе реки стоял зимний лагерь — двенадцать больших и крепких палаток. На лугу за палатками мастодонты рыли снег своими бивнями, стараясь добраться до сухой травы, скрытой под ним. Из каждой палатки в безоблачное небо поднимались тонкие струйки дыма. Это была мирная картина, хорошо знакомая Херилаку: то же самое можно было увидеть в его саммад. Ульфада откинул шкуру, закрывавшую вход, и вошел в темную палатку.

Они сидели молча, пока старая женщина наливала из ведра, стоявшего у огня, талую воду в деревянную кружку и добавляла в нее сухую траву, заваривая вкусный напиток. Оба охотника глотками пили горячую жидкость, пока женщины, болтавшие друг с другом, завертывались в шкуры и одна за другой выскальзывали из палаток.

— Ты будешь есть, — сказал Ульфада, когда они остались одни.

— О гостеприимстве Ульфада говорят в палатках тану от моря до моря.

Формальные слова не совсем соответствовали поданной пище — несколько кусочков сушеной рыбы, явно очень старой. Зима была длинной, до весны еще далеко, и, прежде чем она придет, мог начаться голод.

Херилак допил последние капли жидкости и даже ухитрился вызвать отрыжку, показывая, какой обильной была еда. Он знал, что должен говорить сейчас об охоте, погоде, миграции стада и только потом переходить к цели визита. Но этот обычай, поглощавший массу времени, тоже изменился.

— Мать жены моего первого сына — жена Амахаста, — сказал Херилак. Ульфадан согласно кивнул. Все саммад в этой горной долине были соединены друг с другом узами брака. — Я пришел на место лагеря Амахаста, но оно пусто. Ульфадан кивнул и на это.

— Они ушли на юг прошлой весной, но тропа всегда приводила их в эту долину. Тогда была плохая зима, и половина мастодонтов погибла.

— Сейчас все зимы плохие, — проворчал Ульфадан.

— Они не возвращались после этого.

— А раньше они уходили к морю?

— Каждый год они ставили лагерь на реке у моря. Но в этом году они не вернулись.

Ни Херилак, ни Ульфадан не знали причины случившегося. Возможно, саммад нашла другой зимний лагерь. Уже не одна саммад была уничтожена холодом, и их лагеря стояли пустыми. Это было возможно. Но могло произойти и нечто такое, о чем они не имели никакого понятия.

— Дни коротки, — сказал Херилак, поднимаясь на ноги, — а дорога длинна.

Ульфадан тоже встал.

— Это долгий и одинокий путь. Эрманпадар поведет тебя к морю.

Больше говорить было не о чем. Херилак плотно завернулся в свои меха и указал копьем на юг. Достигнув равнины, он пошел быстрее, потому что снег там был более плотным. Сейчас на этом покрытом льдом континенте его единственным противником была зима. Только однажды за много дней пути он увидел гигантского оленя, и за этим худым и несчастным существом гналась стая длиннозубых. Все они двигались через долину в его направлении. Херилак остановился под деревьями и стал ждать, следя за происходящим.

Несчастный олень ослабел, его бока были разорваны, и с них капала кровь. Достигнув склона холма, он остановился, слишком уставший, чтобы бежать дальше, и повернулся, не подпуская преследователей к себе. Гнавшиеся длиннозубые бросились на него со всех сторон, не обращая внимания на опасность. Одного из них подцепил острый, как кинжал, рог и отбросил в сторону, но это оказалось удобным моментом для вожака стаи, который прыгнул на искалеченного оленя, раздирая ему задние ноги. Замычав, животное упало, и все было кончено. Вожак — крупный, черный зверь с огромной гривой вокруг шеи — отступил в сторону, позволив остальным есть первыми. Здесь должно было хватить на всех.

Отойдя в сторону, зверь вдруг инстинктивно почувствовал, что за ним наблюдают. Он зарычал, посмотрел на холмы, где стоял Херилак, нашел его взглядом. Затем подобрался и двинулся

в том направлении, подойдя так близко, что Херилак мог заглянуть в его немигающие желтые глаза.

Взгляд Херилака был непоколебим, охотник не двинулся и не поднял копья, но в его молчании таилось невысказанное предупреждение. Пусть они идут своим путем, а он пойдет своим. Если на него напасть, он будет убивать — длиннозубый знал, что копья могут это. Желтые глаза смотрели внимательно, и, видимо, зверь понял все, потому что вдруг повернулся и пошел вниз с холма. Однако, прежде чем погрузить морду в теплую кровь, он еще раз взглянул на холмы. Под деревьями никого не было. Копьеносное существо ушло. Зверь опустил голову и стал есть.

Метель задержала Херилака на целых два дня. Он спал большую часть суток, стараясь не есть слишком много из своих истощившихся запасов. Когда пурга стихла, он вновь пошел. Через несколько дней ему повезло найти свежие следы кролика. Заткнув копье за ремень, он убил его стрелой из лука и устроил пир с жареным мясом.

Здесь, на юге, было меньше снега, но так же холодно, как в его родных местах. Сухая трава речного берега хрустела под ногами. Херилак остановился и прислушался. Издалека доносилось что-то вроде шепота. Это был звук прибоя, звук волн, набегающих на берег. Море...

Когда он вновь двинулся вперед, трава больше не хрустела, и копье было наготове. Херилак был готов встретить любую опасность.

Но ему ничто не угрожало. Под серым зимним небом он вышел на луг, усеянный костями мастодонтов. Холодный, как смерть, ветер свистел в их изогнутых высоких ребрах. Пожиратели падали уже сделали свое дело, после них пришли и пиروвали здесь волны и морские птицы. Здесь же, только вдали от мастодонтов, он нашел первые скелеты тану. Его челюсти крепко сжимались, а глаза сужались по мере того, как он понимал, сколько скелетов разбросано по речному берегу. Это было место ужасной бойни, место смерти всей саммад.

Но кто убил их? Другая саммад? Тогда бы нападавшие забрали оружие и палатки и увели бы мастодонтов, а не убивали бы их вместе с владельцами. Палатки были здесь, сложены и погружены на волокуши, лежавшие рядом со скелетами мастодонтов. Это саммад собирала свой лагерь, чтобы уйти отсюда, когда смерть обрушилась на нее.

Херилак продолжал поиски, и среди костей крупного скелета увидел блеск металла. Осторожно отодвинув в сторону кости, достал покрытый ржавчиной нож из небесного металла. Стерев ржавчину, он сразу узнал этот нож. Схватив его обеими руками и подняв к небу, он заплакал и громко закричал от боли и гнева.

Амахаст был мертв, так же как все женщины, дети и охотники.

Мертвы, все до единого... Саммад Амахаста больше не существовала.

Херилак справился со своей печалью и перестал плакать. Сейчас он должен найти убийц. Низко согнувшись, он ходил по лагерю, сам не зная, чего ищет. Но искал осторожно и внимательно, как могут только охотники. Темнота помешала ему, он лег на ночь рядом с костями Амахаста и стал искать его дух на ночном небе. Он наверняка был там, среди самых ярких звезд.

На следующее утро он нашел то, что искал. Поначалу это показалось ему обрывком кожи, одним среди многих, но, убирая черный мороженный кусок, он увидел под ним кости. Осторожно, чтобы не повредить останков, удалил кожаный покров. Задолго до конца работы Херилак понял, что нашел, но все же продолжал, пока все кости не были обнажены.

Это было длинное существо с маленькими атрофированными ногами, с большим количеством костей в позвоночнике.

Мараг особого вида, ошибиться было невозможно, хотя Херилак и не видел подобных прежде. Как он попал сюда? Ведь мургу не могут жить так далеко от жаркого юга.

Юг? Что это такое? Херилак посмотрел на запад, откуда пришел. Там мургу не было. Он повернулся к северу и мысленным взором увидел холодные льды и снега, не сходящие никогда. Там жили парамутаны, очень похожие на тану, хотя и говорившие иначе. Но здесь побывали лишь немногие из них, они редко приходили на юг и воевали только с зимой, а не с тану или кем-то еще. На востоке, за океаном, тоже никого не было.

Но с юга, с жаркого юга мургу могли прийти, принести смерть и уйти обратно. Юг...

Херилак встал на колени и внимательно разглядывал скелет мургу, запоминая все его детали, пока не сумел по памяти воспроизвести его изображение на песке.

Затем он поднялся, затер рисунок ногами, повернулся и, не оглядываясь назад, пошел в обратный путь.

14

Керрик так никогда и не понял, что жизнь ему спас его возраст. Не то чтобы Вайнти пощадила его, потому что он был еще мальчик, она испытывала настолько сильную ненависть к любому устоэу, что с удовольствием предала бы его смерти. Просто Исел переросла тот возраст, когда можно непосредственно усваивать новый язык, особенно такой сложный, как язык ийлан. Для нее марбак был единственным способом разговора, и они много смеялись с другими женщинами, когда охотники с Ледяных Гор приходили в ее палатку и говорили

так плохо, что их с трудом можно было понять. Она была всего лишь глуповатым, несмышленным представителем тану. Поэтому она не выказывала особого интереса к изучению языка ийлан и довольствовалась заучиванием наизусть нескольких звуков, доставлявших удовольствие марагу, и получением за это пищи. Иногда она даже запоминала движение тела, сопровождавшее эти слова. Для нее это было глупой игрой, и она жестоко поплатилась за свое легкомыслие.

Керрик никогда не думал о языке как о самостоятельной области жизни. Он был слишком молод, чтобы изучить язык сознательно. Если бы ему сказали, что в языке ийлан есть сотня понятий, которые можно комбинировать в 125 миллионов вариаций, он только пожал бы плечами. Это ничего не значило для него, ибо он не мог считать и не представлял числа больше двенадцати. Все, что он изучил, он изучил интуитивно, спонтанно. Но теперь, по мере языкового роста, Энги привлекала его внимание к очевидным утверждениям, способам интерпретации понятий и заставляла повторять движения тела до тех пор, пока он не стал делать их верно.

Из-за невозможности изменять участками цвет своей кожи он был вынужден обучаться так называемому сероцветному разговору. В джунглях, на рассвете или в сумерках ийлань общались без изменения цвета, так подбирая выражения, что он становился не нужен.

Каждое утро своего заключения, когда открывалась дверь, он ждал смерти. Он слишком хорошо помнил резню саммад, уничтожение всех живых существ — мужчин, женщин, детей, даже мастодонтов. Его и Исел тоже могли убить в любой день. Когда безобразный мараг вместо смерти принес пищу, Керрик понял, что их уничтожение откладывается на один или несколько дней. После этого он молча следил за происходящим, стараясь не смеяться, когда глупая Исел день за днем совершала ошибки. У него была гордость охотника, поэтому он не помогал ни ей, ни марагу. Через несколько дней он обнаружил, что понимает кое-что из того, что говорит Энги, когда разговаривает с другим марагом, который бил его и связывал и которого он ненавидел безмерно. Теперь сохранять молчание стало еще важнее, чем прежде, чтобы не выдать секрета его знания. Это был маленький успех после предшествовавших ему несчастий.

А затем Вайнти убила девушку. Он не жалел об этом, потому что она была глупа и вполне заслужила свою печальную участь. Только когда Вайнти схватила его и он увидел на ее челюстях свежую кровь, выдержка изменила ему. Позднее, стараясь объяснить свой страх смерти от этих острых зубов, он говорил себе, что охотился всего один раз, что никогда не воспринимал себя как охотника. И действительно, он испугался больше, чем тогда, когда копье пронзило марага под водой.

Откровенно говоря, охваченный ужасным страхом, он едва ли сознавал, что жизнь ему спасло умение говорить.

Керрик по-прежнему не сомневался, что однажды, когда мургу надоест возиться с ним, они убьют его. Но этот день был в будущем, а сейчас в его душе проснулась надежда. Каждый день он понимал все больше и говорил все лучше. Однако он еще ни разу не покидал этой комнаты. Если они не собираются вечно держать его под замком и позволят ему выйти отсюда, он сможет бежать. Мургу ходили переваливаясь, и он был уверен, что бегаёт быстрее их, если они вообще способны бегать. Это была его тайная мысль, и потому он делал все, что ему говорили, и надеялся, что его непокорность будет забыта. Каждый день начинался одинаково. Сталлан открывала дверь, входила и внимательно осматривала Керрика. Хотя он больше не сопротивлялся, охотница швыряла его на пол и, больно надавливая коленом на спину, накладывала живые кандалы на его щиколотки и запястья. Затем Сталлан терла его голову струной-ножом, удаляя отросшие волосы. Энги появлялась позднее, с фруктами и гелевым мясом, которое он все-таки ставил себя есть, ведь мясо означало силу. Керрик никогда не говорил со Сталлан за исключением тех случаев, когда она была его, требуя ответа. Он знал уже довольно много, чтобы не надеяться на сострадание этого безобразного, хриплоголового существа.

Но Энги во всем была другой. Острым мальчишеским взглядом он присмотрелся к ней вблизи и заметил, что она реагирует иначе, чем остальные мургу. Прежде всего она выразила свое огорчение, когда была убита девушка, а Сталлан эта сцена доставила удовольствие, и она одобрила ее. Когда вместе со Сталлан появлялась Энги, речь Керрика улучшалась, и он был уверен, что может сказать именно то, что хочет. Когда же Сталлан приходила сюда одна, Керрик начисто забывал все до следующего утра.

Однажды, когда они пришли вместе, он ничего не сказал, но тело его было таким неуклюжим, что Сталлан обошлась с ним грубее, чем обычно. Когда его руки были вытянуты вперед и холодные оковы заняли свое место, он заговорил:

— Почему ты причиняешь мне боль и связываешь меня? Я же не делал тебе больно?

Единственным ответом Сталлан был жест отворачивания и удар по голове, но краем глаза мальчик заметил, что Энги прислушивается.

— Мне тяжело говорить, когда я связан,— сказал он.

— Сталлан,— произнесла Энги,— он говорит правду.

— Он нападал на тебя, или ты забыла?

— Нет, не забыла, но это было, когда его только что принесли сюда. И вспомни, он напал на меня только потому, что за-

щищал самку, — она повернулась к Керрику. — Ты хочешь снова напасть на меня?

— Никогда. Ты мой учитель. Я знаю, что, если я говорю хорошо, ты наградишь меня пищей и не сделаешь мне больно.

— Меня удивляет, что устозоу может говорить, но это еще дикое существо и должно быть надежно обездвижено, — непреклонно ответила Сталлан. — Вайнти возложила ответственность за это на меня, и я выполняю приказ.

— Пожалуйста, выполняй, но освободи ему хотя бы ноги. Это сделает разговор с ним легче.

В конце концов Сталлан неохотно согласилась, и в тот день Керрик трудился особенно старательно, зная, что его тайный план продвинулся вперед.

Не умея считать дни, Керрик не особенно заботился о том, сколько прошло времени. Когда он был на севере со своей самкой, зима и лето резко отличались друг от друга, и было важно знать время года для охоты. Но здесь, в бесконечной жаре, прошедшее время не имело значения. Порой дождь барабанил по прозрачному иллюминатору сверху, а иногда его затемняли облака. Керрик знал только, что прошло много времени со дня смерти Исел.

Однажды их ежедневный урок был неожиданно прерван. Скрежет в замке привлек внимание их обоих, и, повернувшись, они увидели, как в открывающуюся дверь вошла Вайнти. Керрик мысленно приготовился к новому событию.

Хотя мургу были очень похожи друг на друга, он научился замечать различия, и Вайнти была одной из тех, кого ему не суждено забыть. Он автоматически воспроизвел знак покорности и уважения, когда она двинулась к нему, и с удовольствием отметил, что она в хорошем настроении.

— Ты хорошо потрудились со своим дрессированным животным, Энги. Глупые фарги не могут ответить так быстро и ясно, как делает он. Пусть он говорит еще.

— Ты можешь беседовать с ним сама.

— Вот как? Я не верю этому. Это похоже на общение с лодкой. — Она повернулась к Керрику и сказала:

— Иди влево, лодка, иди влево.

— Я не лодка, но могу идти влево.

Он медленно прошел по комнате, пока Вайнти выражала недоверие и восторг одновременно.

— Стань передо мной и назови свое имя.

— Керрик.

— Это звучит бессмысленно. Ты — устозоу, поэтому не можешь говорить правильно. Нужно произносить так: Экерик.

Вайнти слегка изменила звуковой облик слова, и теперь в целом это означало: медлительный, глупый. Но Керрик не обиделся.

— Экерик,— сказал он, затем повторил: — Медлительный, глупый.

— Это почти так же, как говорить с фарги,— заметила Вайнти. — Но ты видишь, как нечетко он произносит: «медлительный, глупый»?

— Он не может лучше,— объяснила Энги. — У него нет хвоста, а без этого не выполнить правильно все движения. Но ведь он старается воспроизводить их.

— Скоро мне понадобится это существо. Урукето привез из Инегбана Зхекак, которая работает с Ваналли. Она тщеславна и толста, но это лучший ученый ум Энтобана. Зхекак останется здесь, пока мы нуждаемся в ее помощи. Я собираюсь ублажать ее всеми способами и надеюсь, что устоэу привлечет ее внимание. Зрелище говорящего устоэу должно иметь успех.

Когда Вайнти повернулась к Керрику, его лицо выражало только почтительное внимание. В отличие от ийлан, у которых что на уме, то и на языке, он умел лгать. Вайнти оглядела его с ног до головы.

— Он грязный. Нужно его помыть.

— Он моется ежедневно. Это его естественный цвет.

— Отвратительно. Так же, как его пенис. Нельзя ли, чтобы он убрал его в сумку?

— У него нет сумки.

— Значит, нужно сделать и прикрепить ему. Такого же цвета, как его плоть, чтобы не было заметно. А почему его череп поцарапан?

— мех ежедневно убирается. Это твой приказ.

— Действительно, мой, но я не приказывала делать это таким способом. Поговори с Ваналли, пусть найдет другой способ убирать его. И сделай это немедленно.

Керрик выражал покорную благодарность и смирение, пока они не ушли. Однако не успела Сталлан опечатать дверь, как он позволил себе выпрямиться и громко рассмеяться. Его окружал суровый мир, но в свои десять лет он отлично овладел искусством выживания в нем.

Ваналли пришла в тот же день в сопровождении Сталлан и обычной свиты своих помощников и нетерпеливых фарги. Их было слишком много для такого маленького помещения, и Ваналли приказала всем, кроме первого помощника, ждать снаружи. Помощник положила узлы и контейнеры на пол, а Ваналли тем временем ходила вокруг Керрика, разглядывая его вблизи.

— Я никогда не видела таких существ вблизи и живыми,— сказала она,— но мне приходилось анатомировать их.

Говоря это, она находилась за спиной Керрика, поэтому он не все слышал. В переводе с ийланского это звучало примерно так: резать—мертвое—тело—отдельно—изучать.

— Скажи, Сталлан, он действительно говорит?

— Это животное. — Сталлан не разделяла общего интереса и хотела его смерти.

— Говори! — приказала Ваналпи.

— О чем ты хочешь поговорить со мной?

— Великолепно! — воскликнула Ваналпи. — Чем вы пользуетесь для удаления меха?

— Струной-ножом.

— Очень плохо. Эти штуки годятся только для резки мяса.

Принеси унутака, — приказала она помощнице.

Коричневое, слизнеподобное существо вытряхнули из контейнера на ладонь Ваналпи.

— Я использую это для подготовки образцов. Он переваривает мех, но не портит кожу. Правда, пока я использовала его на мертвых образцах; сейчас посмотрим, как он действует на живых.

Сталлан швырнула Керрика на пол и наклонилась над ним пока Ваналпи сажала унутака ему на голову. Существо медленно поползло по черепу.

— Очень хорошо, — объявила Ваналпи. — Плоть не повреждена, а мех удален. Теперь другая проблема — ему обязательно нужна сумка. У меня есть выделанная шкура, почти точно подходящая по цвету. Остается примерить ему по месту и окончательно отделать. Я пушу по ее краю повязки, и она прилипнет к коже. Ну, хорошо, а сейчас встань сюда.

Керрик едва не расплакался от грубого и оскорбительного обращения, но сдержался. Мургу не должны видеть его плачущим. Холодный слизняк еще ползал по его голове. Когда он двинулся обратно, Керрик взглянул на маленькие куски кожи, которые как раз примеряли на него, и забыл о твари, которая медленно ползла по ресницам его глаза.

Никогда, даже в страшном сне, не мог он предположить, что будет носить сумку, сделанную из хорошо выделанной кожи Исел, девушки, убитой у него на глазах.

15

— Я долго думала о твоём статусе, — сказала Энги. — И пришла к выводу, что ты нижайший из низших.

— Я — нижайший из низших, — согласился Керрик, стараясь сосредоточиться на ее речи и не обращать внимания на ползающего по его черепу унутака. Шел всего третий день, как тот очищал его тело от волос, и Керрик находил это отвратительным. Он с нетерпением ждал, когда тот кончит, чтобы смыть его липкие следы. Сейчас унутак ползал по его затылку, и мальчик мог вытереть лишённые ресниц глаза тыльной стороной ладони.

— Ты не очень внимателен, — сказала Энги.

— Я стараюсь. Я нижайший из низших.

— Но ты говоришь это не так. Ты никак не научишься делать это правильно, а сейчас это необходимо. Смотри: я нижайший из низших.

Керрик заметил ее согбенную позу, подогнутый хвост и постарался повторить.

— Уже лучше. Тебе нужно побольше практиковаться, потому что скоро ты будешь в обществе тех, кто правит здесь, а они не потерпят искажения языка.

— Откуда ты знаешь, что я нижайший из низших? — спросил Керрик.

— Вайнги—Эйстай и правит здесь, в Альпесаке. Она выше всех. Под ней, но бесконечно выше тебя и меня, находятся Сталлан, Ваналпи и другие, которые распоряжаются в городе. У них есть свои помощники и, конечно, фарги, которые во всем прислуживают им. Хотя сейчас ты говоришь лучше, чем многие фарги, ты ниже их, поскольку они ийлань, а ты только усто-зоу, говорящее, но все же животное.

Керрика нисколько не заинтересовала структура их сложных общественных отношений, рангов и привилегий. Сейчас его занимало новое, никогда прежде не слышанное слово.

— Что такое фарги?

— Они... ну просто фарги.

Едва сказав это, Энги осознала пустоту такого утверждения. Долгое время она сидела неподвижно, пытаясь достичь ясности. Это было трудно. Энги никогда не задумывалась над этим. Она просто принимала факт их существования.

Поскольку Энги готовила усто-зоу к выступлениям перед Высшими, она решила объяснить ему все с самого начала.

— Когда молодые покидают берег рождения, они уходят в море. Много лет они живут в океане, растут и взрослеют. Это счастливое время, потому что рыбы много, а опасностей мало. Все выходящие в океан одновременно принадлежат к одной эфенбуру. Они эфензеле друг друга и связаны узами, которые сохраняются всю жизнь. Постепенно они взрослеют и покидают океан. Самцов собирают в одно место и приводят в город, потому что они слишком глупы, чтобы обеспечивать себя сами. Это очень тяжелое время для каждого, ведь нужно найти собственную дорогу в жизни. Пищи много, но существуют и опасности. Жизнь сосредоточена в городах, и молодежь идет туда. Они слушают и учатся, те, что научились говорить, и есть фарги. Ты же находишься еще ниже, чем они.

— Я понял это, но не понял относительно самцов. Фарги — это самки?

— Конечно.

— Но ты же самец...

— Нет. Ты никогда не видел самцов, потому что их содержат в Канале.

Новость ошеломила Керрика. Самки, все мургу — самки! Даже отвратительная Сталлан. Действительно, многое у мургу было странным и не имело смысла. У тану все умели говорить, даже молодежь, а у мургу нет. Наверное, они были слишком глупыми.

— А что происходит с теми, кто не научился говорить? — спросил он.

— Это не должно тебя интересовать. Достаточно запомнить, что даже нижайшие фарги, из тех, кто не умеет говорить или говорит с трудом, выше тебя.

— Я нижайший из низших, — согласился Керрик и подавил зевоту.

Вскоре их урок был прерван скрипом открывающейся двери. Керрик постарался скрыть ненависть, которую испытывал всегда, когда входила Сталлан. Она принесла закрытый контейнер.

— Время пришло, — сказала она. — Вайнти хочет представить устозоу.

Керрик не протестовал, когда Сталлан взяла унутака и провела им по нему от головы до ног. Потом ей не понравились живые кандалы, державшие его руки, и она заменила их на свежие. Затем извлекла из контейнера длинную тонкую ленту, которая извивалась, когда она держала ее за один конец.

— Нам не нужны неприятности с этим устозоу, — сказала Сталлан, толкнув Керрика назад, и захлестнула лентообразное существо вокруг его шеи. Затем она закрепила пасть животного на его собственном теле, сделав тем самым петлю, и крепко взялась за другой конец ленты.

— Прикажи ему следовать за тобой, — обратилась она к Энги, недовольная, что Керрик был чем-то большим, чем дрессированное животное. Они были равны в своей ненависти друг к другу.

Керрика это не задело: впервые после захвата он мог увидеть, что находится за дверью. У него сохранились лишь смутные воспоминания о боли, лесе и деревьях, когда его первый раз несли сюда. Сейчас он был настороже и изо всех сил старался казаться послушным. Энги широко распахнула дверь, и он последовал за ней: руки его были крепко связаны впереди, а сзади шла Сталлан, державшая конец ленты с петлей на его шее.

Перед ним тянулся тускло освещенный зеленый туннель. Пол был плетеный, как в тюремной камере, но стены были менее плотными. Их образовывали растения многих видов, тонкие и толстые стволы деревьев, вьющиеся лозы, цветущие кусты и многие странные растения, названия которых он не знал. Перекрывающиеся листья не позволяли видеть происходящее по сторонам. В многочисленных коридорах он мельком замечал движущиеся фигуры, которые затем появлялись в освещенных

солнцем отверстиях. Он поглядел на них искоса, ослепленный после долгого заключения. Свет причинял боль, и глаза слезились, но он упорно смотрел, стараясь разглядеть все.

«Вот это и есть Альпесак?» — думал он. Когда Энги рассказывала о городе, он представлял себе гигантский лагерь с бесчисленными палатками, уходящими вдаль.

Коридор вдруг кончился открытым пространством, гораздо большим, чем все то, мимо чего они проходили. Глаза Керрика уже привыкли к свету, и он разглядел группу ийлан, стоявших вокруг этого пространства. Сталлан выкрикнула какую-то команду, и фарги покорно расступились в стороны, освобождая проход. По плотно утоптанной земле они прошли до дальней стены, где стояла небольшая группа. Двое из них были весьма высокопоставленные, потому что даже на таком расстоянии были заметны сгорбленные спины прислуги. Когда они подошли ближе, Керрик узнал Вайнти: она была одной из тех, кого он никогда не забудет.

Рядом с Эйстай сидела на корточках очень толстая ийлан, кожа которой натянулась, готовая лопнуть. Вайнти знаком приказала им остановиться и повернуться к толстяку.

— Перед тобой, Зхекак, один из устозоу, совершивших преступление, о котором тебе известно.

— Подведите его ближе, — тонким голосом приказала Зхекак. — Он не кажется очень уж опасным.

— Этот пока еще молод. Взрослые гораздо больше.

— Интересно... Покажите мне расположение его зубов.

Пока Керрик ломал голову над смыслом этой фразы, Сталлан схватила его за голову и раздвинула челюсти, чтобы Зхекак могла заглянуть ему в рот. Та была заинтригована зрелищем.

— Очень похоже на экземпляры, которые имеются у Ваналпи. Это весьма интересно, и их нужно изучать. Я уже вижу день, когда Альпесак превзойдет все другие города своими знаниями об устозоу и их практическом использовании.

Вайнти слушала с удовольствием.

— Есть кое-что еще, что ты должна знать об этих существах. Они говорят.

Зхекак отступила назад, выражая одновременно недоверие, удивление и уважение.

— Покажите, — приказала Вайнти.

Сталлан подтолкнула Керрика поближе, а Энги стала так, чтобы он мог видеть ее...

— Скажи свое имя этим высочайшим над тобой, — сказала она.

— Я — Керрик, нижайший из низших.

Зхекак не скупилась на похвалы.

— Великолепный образец дрессировки. Никогда прежде я не встречала животное, которое могло бы произнести свое имя.

— Он способен на большее,— заметила Энги,— он может говорить почти как ийлан. Ты убедишься в этом, если побеседуешь с ним.

Восторг и недоверие Зхекак были велики. Наконец она наклонилась вперед и произнесла очень медленно и отчетливо:

— Я поняла, в чем дело. В действительности ты не можешь говорить.

— Я могу говорить очень быстро и очень четко.

— Просто тебя хорошо выдрессировали.

— Нет. Я научился, как учатся фарги.

— В океане?

— Нет, я не умею плавать. Я научился говорить, слушая Энги.

Зхекак даже не взглянула на Энги, но слова ее были полны презрения.

— Очень хорошо. Учит языку и общению та, что причинила так много неприятностей далекому, славному Инегбану. Ничего удивительного, что глупое животное, вроде этого, нашло общий язык с Дочерью Смерти.— Она повернулась к Вайнти.— Тебя можно поздравить с умением делать многое из ничего: город из джунглей, оратора из устозоу, учителя из Дочери Смерти. Несомненно, будущее Альпесака всегда будет светлым.

Вайнти жестом отпустила Энги и Керрика и обратилась к Зхекак:

— Я всегда помню, что новый мир означает новые дела, и мы выполним свои хорошо. А сейчас — не хочешь ли мяса? У нас здесь много разновидностей, которые ты никогда не пробовала.

Зхекак щелкнула челюстями, выражая удовольствие.

— Это именно то, что я хотела бы изучать для себя.

«Поешь и лопни, толстый мургу», — подумал Керрик, но ни малейшего намека на эту мысль не было в его покорной позе.

— Отведите его обратно, — приказала Вайнти.

Сталлан дернула за петлю и потащила Керрика за собой. Он спотыкался, почти падал, но не жаловался. Они миновали открытое пространство и вошли в зеленые тоннели города.

Сталлан свернула в один из них, и Керрик осторожно осмотрелся. Когда вокруг никого не оказалось, он вскрикнул от боли.

— Помогите мне... такая боль... эта штука на моей шее... я задыхаюсь...

Сталлан повернулась и ударила Керрика по голове за то, что тот посмел беспокоить ее. Но она знала, что хозяева города хотят сохранить это существо живым, а потому решила осла-

бить петлю. Бросив свободный конец, она потянула животное за голову.

Керрик вырвался и побежал, не обращая внимания на гневный рев за его спиной.

Беги, мальчик, беги так быстро, как могут нести тебя ноги, быстрее, чем любой мургу. Вдруг перед ним появилось двое ничего не знающих мургу.

— Уходите! — приказал он, и они послушались.

Глупые, глупые существа... Свободный конец ленты, бивший по плечу и спине, мешал Керрику, он поднял руку и оторвал его. Пробегая через одно из открытых мест, он оглянулся и увидел, что Сталлан далеко позади. Он был прав — эти существа не могли бежать.

Он побежал легче, свободнее. Так он мог бежать весь день. Легкие размеренно прокачивали воздух, ноги шлепали по плетеному полу.

Ничто не останавливало его. Если он видел впереди группы мургу, то выбирал другой путь, а фарги расступались в стороны, когда он приказывал. Один мараг не ушел, попробовав схватить мальчика, но Керрик увернулся от этой неловкой попытки и побежал дальше. Оказавшись наконец в закрытом листьями уголке, он остановился, чтобы отдышаться и подумывать.

Город все еще окружал его. Солнце пробивалось сквозь листья и слепило его. Сейчас было далеко за полдень, значит, море находилось за ним, а суша впереди, в направлении садящегося солнца. Именно туда и должен он идти.

Город переходил в поля без резкой границы. Теперь Керрик двигался быстрым шагом, переходя на бег только когда его замечали.

Вскоре он был уже на дальнем поле. Джунгли по ту сторону ограды выглядели мрачно и враждебно. Но это не испугало мальчика. Он проскользнул под изгородью и обомлел: перед ним стояло огромное существо. Существо не двигалось, но внимательно разглядывало человека.

Страх парализовал Керрика. Существо было огромным: больше, чем мургу, больше, чем мамонт. Сердце мальчика колотилось так бешено, что казалось, будто оно сейчас выпрыгнет из груди. Однако существо не делало попыток приблизиться к человеку, а всего лишь рассматривало его.

Очень медленно, с остановками Керрик начал обходить существо и оказался наконец в спасительной темноте леса.

Свобода! Он ликовал! Раздвинув лианы, Керрик ступил на холодную землю джунглей.

Однако двинуться вперед он не смог: лианы прилипали к его ногам и плотно обвивали их.

Это были не обычные лианы. Он рвал их, пытался бить, но все было бесполезно. Он был связан, и достаточно крепко. Изви-

ваясь в холодных объятиях лиан, Керрик увидел ийлан, шедших к нему по полю.

Обессиленный, совершенно не готовый к сопротивлению, мальчик повернулся лицом к лесу и почувствовал, как двупалые лапы грубо схватили его.

Прощай, свобода! Он снова стал пленником.

16

Вайнти прислонилась к дереву, и, приняв удобную позу, задумалась. Ее тело было неподвижно. Помощники, стоявшие неподалеку, тихо переговаривались между собой. Их в свою очередь сопровождали вездесущие фарги. Вайнти была словно окутана тишиной, потому что никто не осмеливался потревожить покой Эйстан.

Она отдыхала, и только правый глаз ее следил за тремя удаляющимися спинами. Это были Ваналпи — ее незаменимый помощник в расширении города, Зхекак — приезжая ученая и Алакенши — смертоносный груз, висевший на ее шее. Сейчас самым важным для Алакенши было доказать, что она приносит пользу. Она наблюдала и запоминала, чтобы потом, когда Малсас прибудет сюда, подробно ее информировать. Сейчас Алакенши заискивала перед Зхекак, слушая все, о чем говорили между собой двое ученых.

Троица исчезла из поля зрения Вайнти, и взгляд ее остановился на Энги, которая молча подошла и стояла рядом, согнувшись в умоляющем жесте.

— Оставь меня, — сказала Вайнти так сухо, как умела она одна. — Я не хочу с тобой говорить.

— У меня дело величайшей важности. Я умоляю тебя выслушать.

— Уходи.

— Ты должна выслушать. Сталлан бьет устозоу, и я боюсь, что она убьет его.

Вайнти внимательно посмотрела на Энги и потребовала немедленных объяснений.

— Существо пыталось бежать, но было перехвачено, и сейчас Сталлан избивает его.

— Этого я не приказывала. Передай, чтобы она перестала. Нет, подожди, я сделаю это сама. Я хочу услышать подробности об этом побеге. Как это случилось?

— Это знает только Сталлан, а она никому не рассказывает...

— Мне расскажет, — заметила Вайнти с мрачной угрозой в голосе.

Когда они подошли к тюремной камере, то увидели, что дверь открыта, и услышали глухие звуки ударов и стоны.

— Стоп! — приказала Вайнти, остановившись в дверях, и произнесла это слово с такой силой, что Сталлан тут же прекратила истязание, замерев с окровавленной петлей в руке. У ее ног корчился от боли Керрик, избитый до потери сознания.

— Присмотри за устозоу, — приказала Вайнти, и Энги бросилась вперед. — А ты положи эту штуку и объясни, что все это значит.

От ее слов так сильно повеяло холодом смерти, что даже крепкая и бесстрашная Сталлан задрожала. Петля выпала из ее ослабевших пальцев при мысли о том, что стоит Вайнти сказать несколько слов, и она погибла.

— Существо убежало от меня. Очень быстро, так, что никто не мог поймать его. Мы преследовали его, но подойти достаточно близко нам не удавалось, и оно могло удрать, если бы не одна из ловушек, размещенных вокруг поля для предотвращения ночных набегов.

— С этим ясно, — сказала Вайнти, глядя вниз на маленькое тело. — У него есть способности, о которых мы не подозревали. — Гнев ее прошел, и Сталлан вздохнула с облегчением. — Но как он мог убежать?

— Не знаю, Эйстан. Точнее, я знаю, что произошло, но не могу объяснить этого.

— Все же попробуй.

— Он шел рядом со мной и выполнял мои приказания. Когда мы отошли на некоторое расстояние, он остановился и поднял руки к ошейнику, хрипя и говоря, что задыхается. Это было возможно. Я хотела ослабить ошейник, но прежде чем я коснулась его, устозоу бросился бежать. И он вовсе не задыхался.

— Но он сказал тебе, что задыхается?

— Да.

Гнев Вайнти вернулся вновь, когда она задумалась над словами охотницы.

— Ты отпустила конец петли?

— Да, я бросила его, потянувшись к ошейнику. Раз существо задыхалось, оно не могло бежать.

— Конечно. Ты думала, что это так, но оказалось, что оно вообще не задыхалось. Ты уверена в этом?

— Безусловно. Оно пробежало большое расстояние, но дышало хорошо. Когда его схватили, первым делом я осмотрела ошейник. Он был таким же, как в тот момент, когда я его надевала.

— Невероятно, — сказала Вайнти, глядя вниз на лежавшего без сознания устозоу. Энги склонилась над ним, вытирая кровь с его спины и груди. Под глазами у него были синяки, лицо испачкано кровью. Удивительно, что он остался жив после вмешательства Сталлан, и уж совсем необъяснимым было то, что

ошейник не задушил его. Ведь он говорил, что задыхается... Это было невозможно, однако же произошло.

И вдруг Вайнти замерла. В голову ей пришла фантастическая мысль, одна из тех, что никогда не посещают неотесанных охотников, вроде Сталлан. На мгновение она отогнала от себя эту мысль и резко приказала Сталлан:

— Уйди же наконец!

Сталлан тут же заторопилась прочь, выражая облегчение и благодарность и зная, что жизнь ее в этот момент вне опасности. Ей хотелось забыть навсегда о том, что произошло.

Она могла это сделать, но Вайнти — нет. Энги по-прежнему стояла к ней спиной, поэтому она могла думать, не боясь, что кто-то подсмотрит ее мыслительный процесс.

Это была совершенно невозможная идея, но она возникла и требовала внимания. Вайнти из опыта знала, что, когда отпадают все возможные объяснения, оставшееся, каким бы невозможным оно ни казалось, и будет единственно верным.

Устозоу сказал, что ошейник душит его.

Ошейник не душил.

Утверждение этого факта не является фактом.

Устозоу сказал то, что не является правдой.

Значит, это была ложь. Устозоу лгал.

Ийланы не могли лгать, они могли лишь скрывать свои мысли полной неподвижностью тела, слово было мыслью, а мысль была словом, и разговор у них был прямо связан с мышлением.

У них, но не у устозоу.

Он мог думать одно, а говорить другое, мог казаться послушным, а на самом деле мечтал о побеге. Он мог лгать.

Это существо нужно сохранить живым, надежно охранять и не допустить, чтобы оно сбежало. Будущее было туманным и неопределенным, но Вайнти уже знала наверняка, что оно связано с устозоу. Она использует его умение лгать. Использует, чтобы подняться и достичь предела своих желаний.

Сейчас же главное — сохранить в тайне свое невероятное открытие и сделать так, чтобы никто другой не догадался об удивительном таланте устозоу. Прежде всего нужно запретить все разговоры на эту тему. А может, убить Сталлан? На мгновение она задумалась, но потом отказалась от этой мысли: охотница была слишком ценна. Сталлан должна выполнять приказы без рассуждений, должна наслаждаться выполнением их. Нужно, чтобы она всегда помнила, как близко была к смерти.

Успокоившись наконец, Вайнти обратилась к Энги.

— Он серьезно покалечен?

— Не могу сказать. Он весь в синяках и царапинах, но, может быть, этим все и ограничилось. Смотри, он двигается и открывает глаза.

Керрик, как в тумане, видел двух мургу, склонившихся над ним. Он не смог убежать, был избит и обессилен. Придется ждать другого раза.

— Скажи, как ты себя чувствуешь? — приказала Вайнти, и его поразила тревога, звучащая в ее словах.

— У меня все болит, — он подвигал руками и ногами.

— Это потому, что ты пытался бежать, — сказала Вайнти. — Ты воспользовался тем, что Сталлан выпустила из рук петлю. Я постараюсь, чтобы в будущем это не повторилось.

Керрик сразу понял: Вайнти должна знать, что он сказал Сталлан, чтобы освободиться. Энги ничего не заметила, а он заметил, но потом забыл об этом. Он был слишком сильно избит.

Одна из учениц Эхекак перевязала его раны, и, пока они заживали, он находился в камере в полном одиночестве. Ученица каждое утро приносила пищу, а потом проверяла состояние его ран. Уроков языка больше не было, так же как и визитов страшной Сталлан. Кандалы с него сняли, но дверь всегда была старательно заперта.

Когда боль ослабела, он стал думать о своей попытке бежать и о том, что он сделал не так. В следующий раз он не попадется в ловушку, перепрыгнет через фальшивые лозы и убежит в джунгли.

И еще одно его волновало. Он не мог понять, было ли среди листьев бородатое лицо или это ему только привиделось. Может, то была только мечта, чтобы кто-то ждал его там? Впрочем, это неважно. Ему не нужна никакая помощь, представилась бы только возможность бежать. В следующий раз они его не поймут.

Дни медленно следовали за днями. Ученица по-прежнему каждое утро, принося пищу, осматривала его. Когда наконец с черепа мальчика исчезли последние синяки, она принесла унутака, чтобы убрать щетку отросших волос. После этого он стал постоянно пользоваться скользким существом. Когда ученица возилась с ним, дверь всегда была закрыта. Но Керрик чувствовал зловещее присутствие Сталлан по другую ее сторону. Пока что дороги к бегству не было. Но не могли же они вечно держать его в этой камере.

Однажды ученица пришла необычайно возбужденной, и Керрик понял: что-то должно случиться. Она вымыла его и внимательно осмотрела все тело, проследив за тем, чтобы кожаная сумка закрывала нужное место, потом согнулась и устояла на дверь. Без всяких расспросов Керрик понял, что сейчас произойдет, поэтому сел и тоже стал смотреть на дверь.

Когда она наконец открылась, вслед за вошедшей Вайнти появилась толстая, переваливающаяся с боку на бок Эхекак. Фарги и помощники несли контейнер.

— Это был первый и последний побег,— сказала Вайнти.— Я хочу быть уверенной, что такое больше не повторится.

— Это интересная задача,— отозвалась Зхекак,— она доставила мне много счастливых минут. Я верю, что нашла ответ, но лучше я все покажу, чем буду рассказывать, и надеюсь, что ты получишь такое же удовольствие, как я.

— Я получаю удовольствие от любой заботы Зхекак,— формально ответила Вайнти, но за внешней бесстрастностью было видно, что она довольна. Зхекак сделала знак фарги и приняла от нее контейнер.

— Это абсолютно новое,— сказала она, вытаскивая из него ленту из гибкого материала.

Она была тонкой, темно-красной и чрезвычайно крепкой. Зхекак продемонстрировала ее прочность, заставив двух фарги тянуть ленту за концы, что они и делали, скользя и падая к развлечению остальных. Потом она взяла струну-нож и провела им взад и вперед по туго натянутой ленте. Когда после этого она передала ленту Вайнти, та увидела, что у нее по-прежнему блестящая и ровная поверхность. Она выразила свое восхищение и удивление.

— Я с радостью объясню,— самодовольно сказала Зхекак.— Как тебе известно, струна-нож— это одна длинная молекула. Он режет потому, что имеет малый диаметр и практически не ломается из-за сильнейших интермолекулярных связей. И здесь мы имеем подобную картину. Гибкая лента сделана из молекулярного углерода, росшего в углеродистой среде. Она сгибается, но не ломается и не может быть разрезана.

Вайнти поблагодарила за объяснение.

— Итак, у тебя есть лента, которая гарантирует сохранность животного. Но как ты прикрепишь ее к устоэоу и к чему будет прикреплен другой конец?

Зхекак довольно заколыхалась своим мягким телом.

— Эйстай, ты хорошо разбираешься в этом вопросе. У меня есть существо-ошейник.

Ассистент положила перед ней полупрозрачную медузу длиной и толщиной с ее руку. Та лениво извивалась, когда Зхекак набросила ее на шею Керрика, ему не понравилось холодное прикосновение, но он знал, что на его протесты не обратят никакого внимания. Зхекак отдала быстрый приказ, ассистент смазала концы животного какой-то мазью и соединила их вместе в виде ошейника вокруг шеи Керрика.

— Быстрее! — приказала Зхекак. — Процесс уже начался.

Осторожными движениями они обернули конец ленты вокруг животного, затем дернули его так, что он погрузился в прозрачную плоть существа.

— Наклонись ближе, Эйстай,— сказал Зхекак,— и ты увидишь начало процесса.

Прозрачная плоть начала обесцвечиваться и застывать вокруг инородного предмета.

— Это животное — единственный выделитель металла, — сказала Зхекак. — Оно отлагает молекулы железа вокруг гибкой сердцевины, и скоро та становится твердой. Мы будем кормить это существо до тех пор, пока вокруг шеи устозоу не образуется сплошной металлический ошейник. Он будет слишком крепок, чтобы его сломать или разрезать.

— Великолечно. Но к чему ты собираешься прикрепить другой конец?

Зхекак, сотрясаясь обвисшей плотью, прошла через комнату к следящим за ней фарги и вытащила одну из них вперед. Это существо было выше и шире остальных, и, когда она двинулась, под кожей у нее перекачивались крепкие мускулы. Зхекак сжала одну из мускулистых рук своими большими пальцами, но не смогла оставить в ней вмятину.

— Эта фарги служит мне много лет, и никого сильнее ее я не встречала. Она едва может говорить, но выполняет всю самую тяжелую работу в лаборатории. Теперь она твоя, Эйстан, для более важного дела. — Маленькие глазки Зхекак почти исчезли в складках ее плоти, когда она взглянула на свою молчаливую и ожидающую свиту.

— Вот в чем будут заключаться ее услуги. Вокруг ее шеи тоже будет выращен металлический ошейник, и второй конец будет прочно прикреплен к нему. Устозоу и фарги будут соединены вместе, как два фрукта, растущие на одной ветке!

— Это оригинальная идея, — сказала Вайнти, и все помощники и ассистенты выразили свое согласие. — Соединены вместе, навсегда и неразделимо! Скажи мне, устозоу, как далеко ты сможешь убежать, таща за собой эту маленькую фарги?

Вопрос не требовал ответа, и потому Керрик молчал, тогда как все вокруг него веселились. Он взглянул на глупое лицо фарги и не испытал ничего, кроме растущей ненависти. Тут он заметил, что Вайнти в упор смотрит на него, и молчаливо выразил смирение и покорность.

— У этой фарги будет теперь новое имя, — сказала Вайнти. — С этой минуты ее будут звать Инлену, за ее мощное тело, которое сделает весь мир тюрьмой для устозоу. Ты запомнила свое имя, фарги?

— Инлену, — довольно ответила та, зная, что получила его от самой Эйстан, которой отныне будет прислуживать.

Покорность Керрика была настолько же фальшивой, насколько искренним было удовольствие всех остальных. Он уже думал о том, как разорвать ошейник.

Вечернее небо над темной линией деревьев было красным, как огонь, когда над океаном появились первые звезды — духи самых известных воинов. Но четверо мужчин на берегу смотрели не на звезды, а на темную стену джунглей перед ними, боясь проглядеть существо, которое рычало там. Они прижимались спинами к деревянным бортам своей лодки, черпая силы в их прочности. Она доставила их сюда и должна была, как они надеялись, унести назад из этого опасного места.

Не в силах больше молчать, Ортнар высказал общую мысль:

— Там может быть мургу, отслеживающий нас и готовый напасть. Мы не должны оставаться здесь. — Воображение рисовало ему неведомые опасности; он был худой, нервный и легко поддавался тревоге.

— Херилак приказал нам ждать здесь, — сказал Телгес, для которого вопрос был ясен. Он не боялся того, чего не мог увидеть, и предпочитал выполнять приказы, данные ему. Он будет терпеливо ждать, пока не вернется саммадар.

— Но он должен был уже прийти. Что если его уже убили и съели мургу? — Ортнар пришел в ужас от этих мыслей. — Мы можем никогда не вернуться с этого далекого юга. Мы прошли мимо стада оленей, а могли бы поохотиться...

— Мы поохотимся, когда вернемся, — сказал Серриак, почувствовав страх Ортнара. — А сейчас замолчи.

— Почему? Потому, что я говорю правду? Из-за желания Херилака отомстить мы все умрем. Мы не вернемся...

— Тихо, — сказал Хенвер. — Что-то движется вдоль берега.

Они скорчились, держа копыя наготове, и с облегчением опустили их только тогда, когда на фоне неба появился силуэт Херилака.

— Тебя не было очень долго, — укоризненно сказал Ортнар, когда саммадар подошел ближе. Херилак, сделав вид, что не слышит, остановился возле него и устало оперся на свое копые.

— Принеси мне воды, — приказал он, — потом выслушай, что я скажу. — Он утолил жажду, потом уронил сосуд на песок и сам опустился рядом с ним. Когда он заговорил, голос его был низок.

— Саммад Амахаста больше нет, все убиты, вы видели их кости на берегу моря. Вы видите, что нож Амахаста из небесного металла висит сейчас на моей шее, и знаете, что я нашел его среди костей прежнего хозяина. То, что я нашел среди скелетов на берегу, подсказало мне: смерть пришла к ним с юга. Я выбрал вас, чтобы вместе искать эту смерть. Я выбрал вас потому, что вы сильные охотники. Мы шли на юг много дней, останавливаясь только для того, чтобы добыть мясо и набить наши желудки. Придя на юг, в страну мургу, мы видели мно-

гих из них, а вчера нашли кое-что другое. Мы нашли следы, которые не были следами животных. Я пошел по ним и сейчас расскажу вам, что я видел.

В голосе его было что-то такое, что заставило замолчать всех, даже Ортнара. Последние лучи заходящего солнца так осветили лицо Херилака, что показалось, будто на нем кровавая маска. Гнев заставил его обнажить зубы и сильно сжать челюсти, поэтому слова получились приглушенными.

— Я нашел убийц. Эти тропы были сделаны мургу особого вида, которых я никогда прежде не видел. Там огромное гнездо, где они кишат, как муравьи в муравейнике. Но они не муравьи и не тану — хотя стоят вертикально, как мы. Они не принадлежат к животным, которых мы знаем, эти мургу нового вида. Они двигаются по воде на спинах существ, подобных лодкам, а их гнездо защищает колючая стена. И у них есть оружие.

— Что ты говоришь? — в голосе Ортнара был ужас, словно ожили все его ночные кошмары. — Мургу, которые ходят, как тану? Имеющие копыя и луки и убивающие, как тану? Нужно уходить сейчас же, немедленно, пока они не добрались до нас... — Замолчи! — угрюмо приказал Херилак. — Ты охотник, а не женщина. Если ты покажешь свой страх животным, они будут знать об этом и смеяться над тобой, а все твои стрелы пролетят мимо.

Даже Ортнар знал, что это правда, и прикусил губу, заставив себя замолчать. Если ты говоришь об олене, неважно, на каком расстоянии от него, — он может услышать тебя и убежать. Еще хуже, если охотник испытывает страх: все животные знают это, и его каменные наконечники никогда не ударят как надо. Ортнар чувствовал, что остальные отвернулись от него, и знал, что сказал не подумав.

— Эти мургу похожи на тану и в то же время не похожи. Из своего убежища я следил за ними и видел, как они делали много такого, чего я не понимаю. Но я понял, что у них есть, хотя это не копыя и не лук. Это похоже на палку. Мараг направил одну из них на оленя, что-то щелкнуло, и тот упал мертвым. — Его голос поднялся, как бы бросая им вызов, но все промолчали. — Вот что я видел, хотя не могу объяснить этого. Похожая на палку вещь была оружием, и там было много мургу и много палок. Это они перебили саммад Амахаста.

Долгое молчание, последовавшее за этими словами, нарушил Телгес.

— Ты уверен, что эти мургу, убивающие из щелкающих палок, перебили саммад Амахаста?

— Да, уверен, — неумолимо произнес Херилак. — Уверен, потому что знаю о тану, потому что видел в плену у них мальчика тану. Они знают о нас, теперь и мы знаем о них.

— Что же нам делать, Херилак? — спросил Серриак.

— Мы вернемся к саммад, потому что нас только пятеро против неисчислимого количества мургу. Но мы вернемся не с пустыми руками. Тану нужно предупредить об этой опасности, показать, что она действительно есть.

— А как мы это сделаем? — спросил Ортнар, и в голосе его еще чувствовалась дрожь страха.

— Я обдумаю это и утром поговорим. А сейчас всем спать, потому что нам нужно многое сделать завтра.

Херилак не открыл своего замысла. Он уже решил, что нужно сделать, но не хотел тревожить своих товарищей. Особенно Ортнара. Тот был одним из лучших охотников, но со слишком развитым воображением. Иногда же было лучше не думать, а просто действовать.

На заре все проснулись, и Херилак приказал грузить вещи в лодку, готовую к спуску на воду.

— Когда мы пойдем обратно, — сказал он, — нужно, чтобы это происходило без задержек. Может быть, нас будут преследовать. — Он улыбнулся, увидев опасения на их лицах. — Но вероятность этого невелика. Если вы сделаете все, как настоящие охотники, этой вероятности не будет вообще. Вот что мы должны сделать. Мы найдем небольшую группу мургу, рядом с которой никого не будет. Вчера я видел такие группы, которые что-то делали. Мы найдем их, а затем перебьем. Всех до единого. И тихо. Если мой брат ранен, я истекаю кровью. Если мой брат убит, смерть придет и за мной. А сейчас мы идем.

Глядя на мрачные лица, Херилак видел, что они взвешивают его слова. То, что он предлагал, было новым для них и опасным. Но они должны охотиться и убивать мургу, мургу, которые вырезали всю саммад Амахаста. Всех женщин и детей, и даже мастодонтов. Когда они задумались над этим, гнев охватил их, и вот они уже готовы на все. Херилак кивнул и взял оружие, остальные взяли свое и последовали за ним в джунгли.

Под деревьями, куда густая листва не пропускала солнечные лучи, было темно, но тропа была хорошо утоптана и идти по ней было легко. Они шли молча, а вокруг под пологом леса кричали яркие птицы. Не единожды они останавливались с копьями наготове, когда что-то тяжелое и невидимое ломилось сквозь чащу рядом.

Тропа, по которой они шли, извивалась среди песчаных холмов, на которых высились сосны, шелестевшие своими иглами высоко вверх. Вдруг Херилак поднял руку, и они остановились в напряженном молчании. Он поднял голову и понюхал воздух, затем прислушался. Теперь все могли слышать слабые звуки, похожие на треск ветвей или звук волн, накатывающийся на каменный берег. Они еще прошли вперед, туда, где

деревья расступались, открывая вид на заросшие травой луга, полные движения.

Вдалеке бродили стада мургу. Четвероногие, круглые, каждый второй размером с мужчину, они рвали траву и жевали сосновые шишки. Внезапно один из них заревел, схватил ветку своим утиным клювом. Херилак сделал знак отступить — напрямик пути не было, но прежде чем охотники успели двинуться с места, из джунглей донесся рев, и огромный мараг появился между деревьями, скачками несясь к одному из пасущихся животных. Бронированный и чешуйчатый, с белыми кинжалобразными зубами, он производил устрашающее впечатление. Его передние лапы были маленькими и бесполезными, но когти мощных задних лап мгновенно убили намеченную жертву. Остатки стада, завизжав, бросились бежать, охотники тоже торопливо скрылись, пока мараг не заметил их.

Тропа вела к деревьям внизу и густому кустарнику, росшему между ними. Почва стала мягче, вода брызгала между пальцами ног охотников, когда они шли по ней. Солнце жгло их спины на открытых местах и исчезало, когда они вступали под защиту леса, влажная жара лишала сил. Все были мокрыми от пота и тяжело дышали, когда Херилак сделал наконец знак остановиться.

— Видите — впереди? — он произнес это так быстро, что они едва смогли понять его слова. — Это долина реки, а там я видел их. Идем вперед молча, и чтобы никто не увидел нас.

Они двигались как тени. Под ними не шелестела трава, вокруг них не качались ветки, показывая, где они идут. Один за другим они выбрались к воде, откуда и стали смотреть, сами невидимые в темноте. А потом у одного из охотников вырвался тихий вздох удивления, и Херилак зло посмотрел на него.

Хотя саммадар рассказал им о том, что видел, и они поверили ему, увидеть все самим было совсем другое дело. Молча следили они за двумя темными фигурами, скользившими по воде. Первая из них подплыла ближе, двигаясь перед убежищем охотников.

Это была лодка и в то же время не лодка, потому что двигалась без весел. Но ее украшала большая раковина, хотя нет, не украшала, она росла там, являясь частью живого существа, которое служило лодкой. На своей спине оно несло других существ — мургу, тех, о ком говорил Херилак. Некоторые из них держали странные толстые предметы, похожие на темные палки, — это было оружие, описанное Херилаком. В напряженном молчании смотрели охотники, как существа проплывают мимо, на расстоянии полета стрелы. Один из них издал шелкающий ворчащий звук. Наконец лодки остановились у дальнего берега, где мургу выбрались на сушу.

— Вы видели, — сказал Херилак, — все, как я говорил. То же

самое они делали и вчера, а потом вернулись назад. Сейчас мы должны незаметно подобраться и найти место на берегу, где можно использовать наши луки. Положите стрелы на землю рядом со мной и молча ждите. Когда они вернутся, я дам сигнал к готовности, выберите себе мишени и ждите. Натяните луки, но не пускайте стрелы, а когда я скамандую — убивайте их всех. Никто не должен уйти, чтобы предупредить остальных. Все понятно?

Он заглянул в каждое мрачное застывшее лицо, и каждый охотник кивнул соглашаясь. Молча они заняли свои места, потом так же молча стали ждать. Солнце поднялось высоко, жара усиливалась, досаждали насекомые, а рты пересохли от жажды, но они не двигались, они ждали.

Мургу были заняты странными непонятными делами, издавая при этом громкие звериные звуки. Они были либо неподвижны, как камни, либо дергались в отвратительных движениях. Все это продолжалось невыносимо долго, а кончилось так же внезапно, как и началось. Мургу уложили свои инструменты в живые лодки, затем сели в них сами. Те, что носили смертоносные палки — несомненно, охрана, — сели первыми.

Птицы в это жаркое время дня молчали, и единственным звуком было журчание воды, рассекаемой носовыми раковинами с приближающимися существами. Они были все ближе и ближе, пока цветные пятна на их шкурах не стали видны до отращения ясно. Вот они поровнялись с невидимыми охотниками... — Пора!

Щелкнули тетивы луков, засвистели стрелы. Только один мараг успел вскрикнуть, но тут же затих, добытый второй стрелой.

Стрелы вонзились и в темные шкуры живых лодок: те поднимались из воды, крутились на одном месте, тела мертвых мургу сползали с них. Затем раздался громкий всплеск, когда Херилак прыгнул в реку и поплыл к месту бойни. Вернулся он, таща за собой одно из тел, которое подхватили руки охотников. Они перевернули марага и смотрели в его невидящие глаза, тыкая в тело своими луками.

— Это было сделано хорошо, — сказал Херилак. — Все мертвы. Сейчас мы уходим — и возьмем это с собой. — Он показал им одну из смертоносных палок. — Возьмем мы и тело.

Охотники молча посмотрели на него, не понимая.

— Другие должны увидеть то, что видели мы. Их нужно предупредить. Мы возьмем этот труп с собой в нашу лодку и будем грести весь день и всю ночь, чтобы уйти подальше от этого места и мургу. Затем, до того как этот мараг начнет слишком сильно вонять, мы освежаем его.

— Хорошо, — сказал Телгес. — Возьми его череп и шкуру.

— Верно, — согласился Херилак. — Ни у кого не должно быть

никаких сомнений. Каждый тану, увидевший то, что мы прине-
сем, будет знать, что мы видели.

18

Макет имел практическое значение, он был неотъемлемой частью планирования и проектирования города. Поэтому какие бы ограничения ни существовали, масштабный макет Альпесака был сделан.

Вайнти медленно прохаживалась вокруг него, испытывая огромное удовлетворение. Он значительно улучшился с тех пор, как из Инегбана прибыла Сокайн со своими обученными ассистентами. Сейчас маленькие чахлые деревца образовывали сердце города, окруженное небольшими полянами амбесед. Наклонившись ниже, Вайнти увидела золотой полумесяц берега рождений, полностью окруженный колючими стенами.

Алакенси была, разумеется, справа от нее, как постоянное напоминание о Малсас, и ее присутствие притупило удовольствие. Керрик, как обычно в последнее время, находился рядом. Он был очень возбужден, хотя из осторожности старался ничем не выдать себя. Сегодня он впервые видел макет, о существовании которого даже не подозревал. Он должен изучить его и постараться запомнить. Таким образом, когда он убежит из города, ему будет известна система охраны.

Когда Керрик двигался, то же самое делала в нескольких шагах от него Инлену, его постоянный страж, соединенный с ним общим поводком. Он так привык к ее присутствию, что обычно совсем забывал о ней. Он мирился с ней как с неизбежностью. Когда он останавливался, она останавливалась тоже и, повернувшись спиной, не слушая, о чем разговор, думала о чем-то своем; даже рывок поводка не всегда пробуждал ее к жизни.

Вокруг макета была всего лишь узкая дорожка, поэтому внимательные фарги были вынуждены остаться снаружи, пытаясь заглянуть в дверь, переговариваясь между собой о том, как прекрасен этот макет, и восхищаясь формой прозрачного потолка, который сохранял золотистый цвет солнечных лучей.

Вайнти направилась к дальнему концу макета, где со своими ассистентами работала Сокайн.

— Добро пожаловать, Эйстан,— приветствовала ее Сокайн, торопливо выпрямившись и стряхивая грязь с колен. В руках она держала похожее на луковичу оранжевое существо.

— Не прерывай из-за меня своей работы,— сказала Вайнти.

— Она уже завершена. Сейчас идет перевод размеров.

— И ты пользуешься этим.— Вайнти указала на оранжевое существо.— Я никогда не видела подобного.

Сокайн передала ей существо. На макушке у него была труба, а с нижней стороны многочисленные зубы.

— Объясни, — попросила Вайнти.

Сокайн указала на щепки, воткнутые в землю в том месте, где макет начинал расширяться.

— Эти кусочки дерева соответствуют колышкам, которыми мы пользуемся при землеизмерении. Когда мы находимся в поле, я ставлю это измерительное существо на определенное место и смотрю через эту трубку на колышек, находящийся на некотором удалении. Когда это сделано, я нажимаю на зубец, заставляя инструмент запомнить угол и расстояние. Затем я разворачиваю трубу к другому колышку и делаю то же самое. Эти действия проводятся много раз. Когда я возвращаюсь к макету, существо-инструмент сообщает мне об измеренном расстоянии между колышками и точный угол между ними. Результат — этот макет.

— Великолепно. А что значат извилистые линии, нанесенные на землю?

— Это водные пути, Эйстай. Около города немало болот, и сейчас мы переносим на макет их размеры.

Позднее Вайнти не раз вспоминала этот разговор, потому что больше она с Сокайн не встретилась.

Подобно всем ее дням, и этот был заполнен до отказа. Работы в городе расширялись, и постоянно возникали вопросы, требовавшие ее вмешательства. Когда тени стали удлиняться, она почувствовала, что устала, а потому отослала фарги и подозвала Керрика с питьевым плодом. Тот был полон сладкого сока, и мальчик сжимал его зеленую луковицу до тех пор, пока он весь не вытек. Потом он поднес сосуд с соком Вайнти, и она с наслаждением выпила сладковатую жидкость. В этот момент она заметила Сталлан, спешащую в амбесед и расталкивающую фарги в разные стороны.

— Говори, — приказала она, когда Сталлан подбежала к ней.

— Измерительный отряд не вернулся, а сейчас уже почти ночь.

— Прежде они задерживались так долго?

— Нет. Мои приказы были вполне определенны. У отряда была вооруженная охрана, которая приводила их обратно в это время.

— Значит, это первый раз, когда они не вернулись в указанное время?

— Да.

— Что можно сделать?

— До утра — ничего.

— Мне нужен большой вооруженный отряд, готовый выступить на рассвете. Я сама поведу его.

Вайнти проснулась, когда первые лучи солнца пробились сквозь листву, и тут же послала фарги за Керриком. Он зевнул, потянулся и, еще не совсем проснувшись, последовал за Эйстай.

Алакени Вайнти не вызывала, но она все же пришла и, нетерпеливая, как всегда, высматривала и прикидывала, о чем можно будет сообщить Малсас.

Сталлан и вооруженная охрана сидели в лодках, когда они появились на берегу реки. Хотя Керрик уже не раз плавал на лодке, существо это до сих пор восхищало его. Лодку только что покормили, и хвост детеныша аллигатора еще торчал из ее пасти. Маленькие глазки существа, неподвижно смотревшие из-под раковины, на мгновение закрылись, когда оно глотнуло, и остатки аллигатора исчезли. Керрик поднялся на лодку вместе с другими. Пилот нагнулся и произнес в открытое ухо существа какую-то команду. Тело под ним ритмично закачалось, сзади показалась струя воды, и маленькая флотилия двинулась под кроваво-красным небом.

Сталлан была на головной лодке, показывая дорогу. Поля медленно проплывали по обе стороны, животные на них либо разбегались, либо глупо таращились на проплывающие лодки. Вдалеке дренированные поля были окружены со всех сторон обширными болотами. Огромные деревья со множеством корней, уходящих в ил, стояли слева, соединенные в южную изгородь. Ветви их были гибкими и прочными. Эти изгороди образовывали загоны для урукубу, крупнейших живых существ на земле. Когда они двигались, их огромные тела посылали во все стороны высокие волны, их головы на длинных шеях казались карикатурно маленькими. Они паслись около деревьев, глубоко ныряя в болото за подводными растениями. Один из детенышей, уже сейчас крупнее мастодонта, пронзительно закричал, когда мимо него проплыла лодка, и бросился в сторону. Керрик никогда раньше не бывал в этой части города и поэтому внимательно запоминал путь, которым они двигались.

Когда они миновали последние поля, начались нерасчищенные болота, и Сталлан направила маленькую флотилию в узкую протоку. Высокие деревья вздымались со всех сторон, и лодки проплывали под их корнями. Повсюду было множество цветов. Жалящие насекомые вились вокруг и, защищаясь от тех, что садились на него, Керрик пожалел, что ему пришлось отправиться в это путешествие.

Они двигались все медленнее, пока Сталлан не сделала знак остановиться.

— Здесь они работали, — сказала она.

Медленно приблизились они к этому месту. Вверху громко щелкали птицы, но других звуков не было. Охранники сжимали свое оружие, поглядывая по сторонам. Ничего. Молчание нарушила Вайнти.

— Их нужно найти. Расходитесь в разные стороны и будьте осторожны.

Керрик первым заметил какое-то движение.

— Там! — крикнул он. — В этой протоке. Я видел, как что-то двигалось.

Все оружие немедленно было направлено в ту сторону, но Сталлан остановила своих подчиненных.

— Вы начнете стрелять и убьете друг друга. Или меня. Я сама пойду туда, а вы направляйте хесотсаны в другую сторону.

Ее лодка медленно скользнула вперед. Сталлан поставила одну ногу на раковину и вглядывалась в темноту.

— Все хорошо! — крикнула она наконец. — Это одна из наших лодок. — Затем, после долгого молчания, она разочарованно добавила: — Пустая...

Лодка слегка вздрогнула от прикосновения другой лодки, потом, когда Сталлан прыгнула в нее, вздрогнула сильнее. Однако Сталлан пришлось прокричать несколько команд и хорошенько ударить лодку ногой, прежде чем она двинулась к берегу. Приблизившись к ожидавшим ее, Сталлан молча указала на какой-то странный предмет, торчавший из толстой шкуры лодки. Когда она схватила и вырвала его, лодка вздрогнула от боли, а Керрик почувствовал, как сердце его учащенно забилося: Сталлан держала в руке стрелу! Это была стрела тану!

Сталлан опустила ее в воду, вымыла дочиста, затем наклонилась вперед и передала Вайнти. Та повертела ее в руках, изучая этот отвратительный предмет, затем взглянула на Керрика, и тот съехался, как от удара.

— Ты узнал ее, не так ли? Я тоже знаю, что это такое. Вещь устозоу с острым наконечником из камня. Оказывается, здесь больше отвратительных устозоу, чем мы думали, и мы убили не всех. Ничего, мы сделаем это сейчас — убьем их всех до единого. Найдем их и устроим резню. Земля Гендаши велика, но не настолько, чтобы укрыть устозоу. Или ийланы — или устозоу, и, конечно, мы победим!

Со всех сторон послышалось одобрительное шипение, и Керрик вдруг испугался, что его убьют первым. Вайнти подняла стрелу и, отшвырнув ее подальше, с внезапным интересом посмотрела на Керрика.

«Смерть Сокайн и других может оказаться кстати», — подумала она, и долгое время сидела неподвижно, глядя куда-то вдаль, на что-то, видимое только ей. Все вокруг терпеливо ждали, пока она шевельнется и снова заговорит.

— Сталлан, ты будешь искать, пока не убедишься, что все возможности исчерпаны, и вернешься до темноты. Я же немедленно отправлюсь в город. Мой долг быть там.

Всю обратную дорогу в Альпесак Вайнти сидела неподвижно и молчала. Если она шевельнется, окружающие легко поймут возникший у нее план. Только после того как они прибыли в док и все вышли на берег, она встала со своего места. Ее

взгляд нашел широкую спину Алакенши, на секунду задержался и скользнул дальше.

Ее план был готов.

19

Никаких следов измерительного отряда найдено не было, и стрела была единственным мрачным свидетельством его судьбы. Войдя в свою комнату, Вайнти села и послала за Ваналли и Сталлан, которые прибыли вместе с вездесущей Алакенши и закрыли за собой дверь. Керрик, заглянувший в комнату, был отослан властным жестом. Вайнти не могла теперь думать в присутствии утозоу. Втроем они подробно обсуждали меры, необходимые для безопасности города. Нужно было больше ловушек, больше охранников — и никаких измерительных отрядов. Потом Вайнти отпустила всех и крикнула одну из фарги, которая недавно помогала ей и к тому же довольно хорошо говорила.

— Скоро здесь будет урукето. Когда он отправится обратно, я хочу, чтобы ты на нем вернулась в Инегбан и нашла Малсас. Ты передашь ей то, что я сейчас скажу тебе, и передашь в точности, не изменив ни слова. Ты поняла?

— Да, Эйстай. Я сделаю так, как ты прикажешь.

— Вот это сообщение: «Приветствую тебя, Малсас, я принесла тебе сообщение от Вайнти из Альпесака. Это печальное и гневное сообщение большой важности. Сокайн мертва. Она и другие ийланы были убиты устозоу того же вида, что учинили резню на берегу рождений. Мы не видели их, но знаем это наверняка, потому что нашли оружие из дерева и камня, каким пользуются они. Эти устозоу должны быть найдены и убиты. Сейчас они незаметно крутятся вокруг Альпесака в джунглях, их нужно найти и убить, убить всех. Когда урукето отправится в Альпесак, я прошу тебя прислать на нем много фарги, которые умеют хорошо стрелять, с хесотсанами и запасами дротиков. Я чувствую, что это необходимо сделать. Условием благополучия Альпесака является смерть устозоу».

Здесь Вайнти замолчала, подавленная правдой и мрачностью своих слов, а фарги раскачивалась перед ней в страхе от ужасного донесения, которое должна была нести. Но Вайнти справилась с подавленностью и приказала фарги повторять сообщение до тех пор, пока та не заучила его наизусть.

Наутро, после ухода урукето, Вайнти пришла к себе и послала за Керриком. Мальчик приблизился к ней с явной опаской. Но Вайнти, казалось, была рада видеть его.

— Инлену, — сказала она, и огромное существо послушно вышло вперед. — Ты станешь у входа, заслонив его спиной, и лю-

бого, кто приблизится, будешь отправлять обратно. Ты поняла?

— Они должны уйти прочь.

— Да, но говори это тверже, вот так: уходите, Вайнти приказывает! Повтори.

— Уходите, Вайнти приказывает!

— Вот так, правильно. А теперь выполняй.

Инлену была хорошим охранником, и вскоре послышался удаляющийся топот ног. Вайнти повернулась к Керрику и сказала как Эйстай, отдающая приказ.

— Сейчас ты расскажешь мне все об устозоу, о своем виде. Говори.

— Я не понимаю смысла слов, Эйстай.

Вайнти заметила его страх и замешательство и поняла, что она задала слишком общий вопрос. Нужно было его «сузить».

— Как называется ваш город?

— У устозоу нет городов. Ваш город первый, который я видел. Устозоу живут в... — он тщательно рылся в своей памяти. Прошло уже много времени с тех пор, как он думал и говорил на марбак, поэтому слова не хотели приходить. Тогда он представил себе эту картину: — В мягких постройках из шкур, висящих на шестах. Они ходят порознь, а шесты перевозят крупные животные с шерстью...

— Почему они ходят порознь? Почему они вообще перемещаются?

Керрик пожал плечами, потом беспокойно задвигался, стараясь соединить осколки стершихся воспоминаний.

— Они охотятся в одном месте, а ловят рыбу в другом, для этого нужно двигаться.

Продолжение допроса позволило получить еще несколько ответов. Устозоу жили группами, подобными той, которую они вырезали, и сейчас вокруг бродили другие группы, но неясно было, насколько они многочисленны. Воспоминания мальчика были смутны и недостоверны. Наконец Вайнти прекратила задавать вопросы и жестом остановила его. Сейчас начиналась самая важная часть. Грозь наказанием и суля награду, она должна была научить устозоу, что ему предстоит сделать: Ее поведение вдруг изменилось, и она заговорила как Эйстай, распоряжающаяся жизнью города и ее жителей.

— Я могу убить тебя сама или приказать другому — и ты знаешь это.

— Я знаю это, — он умоляюще согнулся, смущенный резким изменением ее тона.

— Но я могу и возвысить тебя, и ты не всегда будешь устозоу — нижайшим из низших. Тебе это нравится, не так ли? Сидеть рядом со мной и командовать другими, работающими для тебя. Я могу сделать это для тебя, но взамен ты должен кое-что сделать для меня. Такое, что можешь сделать только ты.

— Я сделаю, как ты скажешь, Эйстай, но я не понимаю, что ты имеешь в виду?

— То, что ты делаешь, когда говоришь одно, а думаешь другое, что ты сделал со Сталлан, сказав ей, что задыхаешься, хотя на самом деле ничего такого не было.

— Я не знаю, о чем речь, — сказал Керрик, изображая непонимание и наивность. Вайнти радостно шевельнулась.

— Прекрасно! Ты сделал это сейчас. Ты делаешь это, говоря о том, чего не было, так, словно это произошло. Признайся в этом или я убью тебя на месте!

Он содрогнулся от резкой перемены настроения Вайнти: ее лицо приблизилось, а рот открылся, показав ряды острых зубов.

— Да, я делал это, признаю. Я делал это, чтобы убежать.

— Очень хорошо. — Она шагнула назад, момент опасности миновал. — Эту вещь, которая прекрасно получается у тебя и недоступна ийланам, мы называем ложью. Я знаю, что ты лгал, и несомненно будешь лгать мне в будущем. Я не могу помешать этому, но Инлену будет следить, чтобы твоя ложь не позволила тебе убежать. А сейчас, зная, что ты лжешь, мы попробуем использовать эту ложь для добрых дел. Ты будешь лгать для меня.

— Я сделаю, как приказывает Эйстай, — сказал Керрик, ничего не поняв, но спеша согласиться.

— Вот и хорошо. Ты сделаешь, как я прикажу, и никогда никому не скажешь об этом приказе — иначе умрешь. А вот та ложь, которую ты должен произнести, и произнести возбужденным голосом: — Там, среди деревьев, устозоу, я вижу его! Повтори.

— Там, среди деревьев, я вижу устозоу!

— Хорошо. Не забудь этих слов и произнеси их только тогда, когда я прикажу. При этом я сделаю вот такое движение.

Керрик с радостью согласился. Сделать это было довольно просто, хотя он и не видел особой необходимости в этом. Угрозы были вполне реальны, поэтому он постарался запомнить слова и сигнал, бормоча их про себя на обратном пути через город.

Много дней прошло с тех пор, как Керрик в последний раз видел Энги. Теперь он даже редко думал о ней в своей новообретенной свободе, занимавшей все его дни. Сначала он боялся выходить один, и даже получал удовольствие от молчаливого присутствия Инлену, как некоторой гарантии безопасности. Покинув свою комнату, он очень быстро обнаружил, в чем заключается действительное социальное разделение граждан города. Отношение к нему, «отвратительному устозоу», резко изменилось с тех пор, как он стал появляться в обществе Эйстай и часто сидел рядом с ней. Для безымянных фарги это было доказательством того, насколько его ранг выше, чем их, и, грубо говоря, это было действительно так.

Он видел, как эти фарги быстро продвигаются по служебной лестнице. Они становились охранниками, заготовителями птиц, мясниками, надсмотрщиками над рабочими и занимали еще множество других должностей, о которых он не знал почти ничего. С этими ийланами он говорил в нейтральной манере, обращаясь как с равными или чуть свысока, и они охотно принимали это.

Уважительно он разговаривал с теми, кто правил городом. Их положение было ясным, хотя то, что они делали, не всегда понятно, потому что их окружали помощники и ассистенты, нетерпеливые фарги, стремящиеся занять постоянные места в администрации города.

Видя каждый день так много, Керрик не скучал по ежедневным визитам Энги в тюремную камеру. Однако иногда мальчику хотелось, чтобы Энги была рядом и объяснила некоторые непонятные вещи. В прежние дни он задавал ей беспокоящие его вопросы, и ее ответы всегда разжигали его любопытство. Потом его обучение было резко прервано, и Керрик так и не понял почему. Когда Вайнти и Энги разговаривали между собой, они вели себя как равные. Тогда откуда это предубеждение даже против простого упоминания ее имени? Он долго думал об этом, потом спросил у Вайнти, где сейчас Энги. Эйстаи ответила что-то маловажное для него, и прервала разговор.

Снова он увидел Энги чисто случайно. Он был возле амбесед, когда среди фарги началось волнение. Они задавали друг другу вопросы, а потом заторопились все в одном направлении. Из любопытства он последовал за ними и увидел удаляющихся четырех ийлан, которые несли пятого. Ничего не понимающий, Керрик хотел было уйти, но в этот момент четверо ийлан вернулись и теперь медленно шли, тяжело дыша. Их кожа была испачкана грязью, а ноги покрывал красный ил. И вдруг Керрик увидел, что одна из них Энги. Он окликнул ее, и она остановилась. Она смотрела на него внимательно, но молча.

— Где ты была? — спросил он. — Я не мог тебя увидеть.

— Моя знающая голова больше не требовалась, поэтому меня перевели к остальным обреченным. Сейчас я работаю на новых полях.

— Ты? — он выразил удивление, даже страх, что не понял ее слов.

— Я.

Остальные трое тоже остановились, она сделала им знак идти дальше и предложила Керрику проводить ее.

— Я должна вернуться к работе.

Она пошла по дороге, и он засеменил рядом с ней. В этом была какая-то тайна, которую он обязательно хотел разрешить, но не знал, как начать.

— Что случилось с той, которую вы несли?

— Укус змеи. Их много там, где мы работаем.

— Но почему ты? — Сейчас их никто не мог подслушивать — тащившуюся сзади Инлену можно было не считать. — Ты говоришь с Эйстай как с равной, а сейчас выполняешь работу, которую лучше может сделать нижайшая фарги. Почему?

— Причину этого не просто объяснить. Кроме того, Эйстай запретила говорить об этом с другими ийланами.

Едва произнесла эти слова, Энги осознала заключенную в них двусмысленность: Керрик не был ийланом. Она показала на Инлену.

— Прикажи, чтобы она шла впереди нас, следуя за теми тремя. — Как только это было сделано, Энги повернулась к Керрику и так горячо заговорила, как он еще не слышал.

— Я и другие находимся здесь потому, что слишком сильно верим в то, что чуждо нашим правителям. Нам приказали отречься от этой веры, но мы не можем. Тот, кто однажды узнал правду, не может забыть ее.

— О какой правде ты говоришь? — удивленно спросил Керрик.

— О жгучей, беспокойной правде, согласно которой мир и все в нем содержащееся может стать гораздо лучше. Ты думал о подобных вещах?

— Нет, — честно признался Керрик.

— А я думала. Но ты еще молод и не ийлан. Ты удивил меня своей первой попыткой заговорить, а твое существование до сих пор загадка для меня. Ты не ийлан, а в то же время не дикий устоэу, потому что можешь говорить. Я не знаю, кто ты и каково твое место в планах великих.

Керрик начал жалеть, что встретил Энги. Очень небольшое из того, что она говорила, ему было понятно.

— Наша вера должна быть правдивой, потому что ее сила в передаче понимания неверящим. Первой это поняла Угуненапса, исповедовавшая идеи, которых никогда прежде не было. Она говорила о своей вере другим, и они смеялись над ней. Эйстай города, узнав о ее странном поведении, вызвала к себе и велела все рассказать. И она рассказала. Она говорила о существе внутри нас, которое нельзя увидеть, но которое дает нам возможность говорить и возвышает нас над животными. У животных этого существа внутри нет, и потому они не могут говорить. Следовательно, речь — это голос существа внутри, и оно есть жизнь и знание смерти. Животные не знают о жизни и смерти, сейчас они есть, потом их не будет. Но ийланы знают, а теперь знаешь и ты. И в этом загадка, которую я должна попытаться решить. Кто ты? Каково твое место в жизни?

Энги повернулась к Керрику и заглянула в его глаза, как будто могла найти в них ответ на свой вопрос. Но он не мог ничего ответить, и она поняла это.

— Когда-нибудь ты узнаешь, — сказала она. — А сейчас ты слишком молод. Но я сомневаюсь, что ты сможешь понять прекрасную мечту Угуненапсы, мечту о правде, которую она объяс-

няла другим. И доказывала! Этим она разозлила Эйстай, которая приказала ей забыть фальшивую идею и жить так, как всегда жили ийлань. Угуненапса отказалась и тем самым признала, что вера выше города и приказов Эйстай. За непослушание Эйстай лишила ее имени, изгнав из города. Ты знаешь, что это значит? Конечно, нет. Ийлан не может жить без своего города и имени, если однажды он уже получил его. Лишение этого означает смерть. С незапамятных времен ийлань, покидающие город, очень страдали, падали духом, потом теряли сознание и быстро умирали. Так было всегда.

У Энги было сейчас какое-то странное настроение, нечто среднее между радостью и восторгом. Она остановилась, мягко взяла Керрика за руку и заглянула ему в глаза, пытаясь полнее выразить свои чувства.

— Но Угуненапса не умерла, и это было неоспоримым доказательством ее правоты. С того дня ее правота подтверждалась снова и снова. Мне приказали уйти из Инегбана, приказали умереть — но я не умерла. Никто из нас не умер, потому мы и оказались здесь. Они называют нас Дочерьми Смерти, считая, что мы заключили с ней договор. Но это неправда. Мы называем себя Дочерьми Жизни, и это правда, потому что мы живем там, где умирают другие.

Керрик осторожно высвободился от ее холодного и мягкого прикосновения и повернул назад, солгав:

— Я зашел слишком далеко. Мне запрещено бывать здесь, на полях. — Он дернул за поводок, избегая пристального взгляда Энги. — Инлену, мы возвращаемся.

Энги молча смотрела, как он уходит, потом двинулась дальше. Оглянувшись, Керрик увидел, как она медленно бредет по пыльной дороге. Он удивленно покачал головой, не понимая, зачем она говорила все это, потом заметил поблизости апельсиновые деревья и потянул к ним Инлену. Его горло пересохло, солнце сильно пекло, и он не понял десятой доли того, о чем говорила Энги. Он не знал, что ее вера была первой трещиной за миллионы лет существования ийланов. Быть ийланом означало жить как ийлан, больше он ничего не смог понять.

У деревьев, как и вокруг всего города, стояли вооруженные охранники, с любопытством смотревшие, как он срывает спелые плоды. Эти охранники следили за входом в город днем, тогда как ночью его блокировали большие и сильные ловушки. Причем охранники не видели ничего, ловушки же собирали большое количество всевозможных животных. Однако устооу-убийцы не попадались.

Тем временем урукето пересек океан, достигнув Инегбан, и вернулся в Альпесак. Когда он наконец подошел к причалу, Вайнти и ее свита уже ждали на берегу. Первым на берег сошла его командир, Эрефнаис, и остановилась перед Вайнти.

— Эйстай, я привезла личное послание Малсас, которое ка-

сается зверств устозоу. Кроме того, она приказала мне передать распоряжение о необходимости усиления бдительности и уничтожения устозоу. Для этого она повелела использовать своих лучших охотников с хесотсанами и дротиками и надеется, что угроза будет полностью ликвидирована.

— Мы все думаем так же, — сказала Вайнти. — Сейчас ты пойдешь со мной, потому что я хочу услышать все новости из Инегбана.

Новости действительно были, и Эрефнаис изложила их Вайнти в ее личной комнате, в присутствии одной Алакенши.

— Зима была мягкой. Некоторые животные погибли, но погода была лучше, чем в другие годы. Это хорошие вести, однако есть и другие. Более половины урукето погибло. Они выросли слишком быстро и оказались слишком слабыми. Теперь началось выведение других урукето, но это потребует времени, поэтому граждане Инегбана не придут в Альпесак ни в этом, ни в следующем году.

— Ты привезла тяжелые известия, — сказала Вайнти, и Алакенши тоже выразила свои сожаления и соболезнования. — Но тем более необходимо истребить устозоу. Ты должна вернуться с сообщением о нашем росте, и это смягчит горечь других известий. Тебе нужно увидеть макет... Алакенши, пошли фарги передать Сталлан, чтобы она немедленно шла туда. — Алакенши была недовольна, что ей приказывают, как фарги, но скрыла свою обиду и пошла выполнять приказ. Когда они добрались до макетов, Сталлан уже была там.

Альпесак не вырос после смерти Сокайн, но его защита была укреплена. Сталлан указала на заново выращенные колючие изгороди и посты охраны, где вооруженные ийланы находились день и ночь.

— Но что может сделать охрана ночью? — нетерпеливо спросила Алакенши.

Сталлан ответила ей формально и ясно:

— Очень мало, но они снабжены осветителями и плащами, поэтому работают хорошо. И им не нужно каждый день проделывать долгий путь от города и обратно.

— По-моему, наши средства можно использовать более мудро, — сказала неубежденная Алакенши, а Вайнти, обычно не обращавшая на нее внимания, заметила:

— Возможно, Алакенши права. Давайте посмотрим на это сами, и ты тоже, Эрефнаис, чтобы могла рассказать Малсас о нашей защите, когда вернешься.

Они прошли через город нестройной толпой со Сталлан и Вайнти во главе, остальные следовали за ними соответственно своим должностям. Керрик со своей неразлучной Инлену шел сразу за командиром урукето, помощники и фарги тянулись сзади. Из-за шедшего дождя Вайнти и некоторые другие закутались в плащи, но дождь был теплым, поэтому Керрик не взял

плащ и наслаждался, чувствуя, как струйки воды стекают по его телу.

Возле леса у края последнего поля росла группа деревьев. Когда все подошли к ней, стало видно, что лозы и колючие кусты со всех сторон окружают рощу, оставляя единственный выход. Сталлан указала на ийлан с хесотсанами, стоявших на платформе вверху.

— Когда они на посту, никто не может пройти, — сказала она. — Это кажется вполне надежным, — заметила Вайнти, поворачиваясь к Алакенши и неохотно выслушивая ее мнение. Затем она направилась к роще, но Сталлан попросила ее остановиться.

— Там есть самые разные животные, поэтому пусть впереди идет охрана.

— Согласна. Но я — Эйстан и вместе со своими советниками хожу в Альпесаке куда хочу. Остальные могут остаться здесь. Когда линия охранников с оружием наизготовку заняла место перед ними, они пошлись дальше. У дальней стороны рощи Сталлан показала им ловушки и западни.

— Ты все сделала хорошо, — сказала Вайнти. Алакенши попыталась согласиться, но Вайнти не обратила на нее внимания и повернулась к Эрефнаис. — Расскажи обо всем этом Малсас, когда вернешься в Инегбан. Альпесак охраняется и в безопасности.

Она повернула назад и в последний момент, когда только Керрик мог ее видеть, сделала ему знак говорить. Мгновение он смотрел, не понимая, потом до него дошло.

— Там! — громко закричал он. — Там, среди деревьев, я вижу устоэу!

Его слова были настолько убедительны, что все повернулись в ту сторону, куда он указывал. В тот момент, когда внимание всех сосредоточилось на деревьях, Вайнти сбросила свой плащ на землю. Под ним она держала деревянную стрелу с каменным наконечником.

Крепко держа ее обеими руками, она легко повернулась и вонзила стрелу в грудь Алакенши.

Только Керрик видел это, только его взгляд не был направлен на деревья. Алакенши схватилась за древко, ее глаза широко раскрылись от ужаса, затем она покачнулась и упала.

Тут только Керрик понял, для чего нужна была его ложь, и мгновенно подстроился.

— Стрела устоэу прилетела из леса! Она попала в Алакенши! Вайнти отступила в сторону и склонилась над телом.

— Стрела из леса! — закричала Инлену, обычно повторявшая то, что слышит. Другие сказали то же самое, и факт был установлен. Слово стало делом, а дело — словом. Тело Алакенши унесли, Сталлан и Эрефнаис торопливо увели Вайнти в безопасное место.

Керрик ушел последним. Некоторое время он смотрел на стену джунглей, такую близкую и такую далекую, потом дернул за поводок, прикрепленный к ошейнику, и Инлену покорно пошла за ним.

20

Запершись в своей комнате, Вайнти горевала о смерти верной Алакенши. Об этом сказал Керрик, выйдя к нетерпеливо ожидавшим ийланам. Она не может никого видеть. Олечаленные, все разошлись, Керрик был превосходным лгуном. Вайнти удивлялась его таланту, глядя и слушая через небольшую щель в листьях и сознавая, что это было именно то оружие, которое она всегда хотела иметь. Она не показывалась сейчас перед другими, потому что пока она двигалась, победу и радость выражал каждый мускул ее тела. Но никто не видел это, ведь она не появлялась перед публикой, пока не прошло порядочно времени с момента ухода урукето. При этом она недолго сожалела о смерти Алакенши, потому что это было не в обычаях ийлан. Кем бы ни была Алакенши, больше ее не существовало. Ее телом распорядились сейчас низжайшие фарги.

Жизнь в городе шла своим чередом. По распоряжению Эйстаи, те, кто управлял им, пришли навестить ее. Керрик стоял сзади и наблюдал, предчувствуя какие-то важные перемены. Вайнти приветствовала всех прибывших по имени, чего никогда прежде не делала.

— Ты здесь, Ваналпи, та, что вырастила этот город из семени, и ты здесь, Сталлан, та, что защищает нас от опасностей этого мира. Эхекак, помогающая нам своими научными знаниями, и Акасест, снабжающая нас пищей, вы тоже здесь.

Она называла их так, пока они собирались, — небольшая, но важная группа лидеров Альпесака. Когда Вайнти обратилась ко всем сразу, они замерли неподвижно.

— Некоторые из вас прибыли сюда с первой группой, еще до того, как возник город, другие прибыли позднее, так, как я. Но сейчас все мы работаем для роста и славы Альпесака. Вы все слышали о позоре, который я обнаружила в день своего прибытия, — об убийстве самцов и детенышей. Мы отомстили за это преступление — устозоу, совершившие его, были убиты, и больше такого никогда не повторится. Наш берег рождений безопасен, защищен, он теплый — и пустой.

Когда она произнесла эти слова, волна движений прокатилась по всем телам слушателей. Только Керрик не шевельнулся, молча ожидая следующих слов Вайнти.

— Да, вы правы. Время пришло. Золотой песок должны заполнить толстые и медлительные самцы.

За все время своего пребывания в Альпесаке Керрик не видел

ийлан в таком возбуждении. Идя быстрее, чем обычно, они громко разговаривали и смеялись, а он недоуменно следовал за ними через город к выходу в Канал, где жили самцы. Охранница Икеменд шагнула в сторону при их появлении, выражая движениями тела свое почтение. Керрик хотел войти следом, но был остановлен резким рывком железного ошейника. Когда он дернул за поводок, соединявший его с Инлену, та осталась стоять неподвижно, как камень. За его спиной раздался глухой стук и дверь закрылась.

— Что случилось? — раздраженно спросил он. — Говори, я приказываю.

Инлену повернулась и пустые глаза уставились на него.

— Не нас, — сказала она и повторила, — не нас.

Больше он ничего не смог от нее добиться. Некоторое время он думал об этом странном происшествии, а потом забыл, сочтя его еще одним необъяснимым фактом жизни этого полного тайн города.

Его изучение Альпесак продолжалось. С тех пор как все узнали, что он сидит рядом с Эйстай, куда бы он ни пошел, ничто не преграждало ему путь. Он не пытался покинуть город — охранники и Инлену препятствовали этому, но в пределах города он мог бродить где угодно. Подобное занятие было вполне естественно для мальчишка из саммад, но теперь он помнил о своей прежней жизни все меньше и меньше и постепенно приспособливался к жизни ийлан.

Каждый день начинался одинаково. С первыми лучами солнца город пробуждался к жизни. Подобно всем прочим, Керрик умывался, но в отличие от них хотел пить, да и есть тоже. Ийлавы ели один раз в день, иногда и еще реже, а пили всегда в одно и то же время. С ним все было по-другому. Он мог бесконечно пить сок из плодов, возможно, из-за бессознательных воспоминаний о своей жизни среди охотников. Затем он ел фрукты, отложенные с вечера. Если у него были другие важные дела, он приказывал фарги принести их, но, как правило, старался это сделать сам. Фарги, как бы подробно он их ни инструктировал, всегда возвращались с помятыми и гнилыми фруктами. Для них все они были одинаковы — корм для животных, которые едят все, что дадут, невзирая на качество. И действительно, если какие-нибудь фарги были рядом, когда он ел, они собирались вокруг, внимательно смотрели и переговаривались между собой, пытаясь понять, что он делает. Самые смелые пробовали фрукты, а потом долго плевались, и это было очень смешно. Поначалу Керрик пытался прогнать фарги, досаждавших ему своим присутствием, но они всегда возвращались. В конце концов он привык к ним, как к прочим ийланам, и прогонял только в крайних ситуациях — если нужно было обсудить какой-то важный личный вопрос.

Постепенно он начал замечать в кажущемся беспорядке Альпесака естественный порядок и контроль, который правил всем. Думая об этом, он мысленно уподобил жизнь ийлан жизни в муравейнике. Внешне бессмысленная суета, а на самом деле разделение труда между рабочими, собирающими пищу, ухаживающими за молодым, и охраной, предотвращающей возможные нападения, — а в центре всего этого matka, дающая начало потоку жизни, гарантирующему существование муравьиного города. Не самая точная аналогия, но лучшей он подобрать не мог. В конце концов, он был всего лишь мальчиком, попавшим в исключительные обстоятельства.

Часто по утрам он выходил вместе с фарги, чтобы привезти фрукты из рощ, окружавших город. Этим было приятно заниматься, пока не наступала жара. А его растущее тело требовало упражнений. Он мог ходить быстро, даже бегать с тяжелой топающей сзади Инлену, и останавливался только потому, что она перегревалась и не могла идти дальше. Он испытывал огромное удовольствие, сознавая, что он может продлить бег, тогда как этого не может сделать даже такая сильная ийлан, как Инлену.

Вокруг города широкими, постоянно изменяющимися кольцами тянулись рощи деревьев и зеленые поля. Ассистенты Ваналпи и ее помощники все время выводили новые растения и деревья, некоторые из новых фруктов и овощей были восхитительны, другие имели дурной запах или вкус. Керрик пробовал их все, потому что знал — перед посадкой все их проверяют на токсичность.

Видов растений, употреблявшихся в пищу, было даже больше, чем видов животных. Керрик не знал о глубоко укоренившемся консерватизме ийлан. Будущее должно быть как прошлое — неизменяемым. Новые виды выпускались в мир после осторожного генного манипулирования и уже не изымались из него. Леса и джунгли Гендаши кишели новыми растениями и животными, которые были источником постоянного восхищения Ваналпи и ее ассистентов. Большинство из них были слишком знакомы Керрику, чтобы представлять для него какой-либо интерес. Что удивляло его, так это огромное, неуклюжее, холоднокровное животное, которое у ийлан называлось мургу: это было слово из языка марбак, который он почти забыл.

Поскольку Альпесак вырос из Инегбана, жизнь старого мира то и дело проглядывала в новом. Керрик мог полдня провести, разглядывая трехрогого ненитеска, обрывающего листву в своем неутолимом голоде. Его бронированная шкура и огромные роговые плиты вокруг черепа развились как защита от хищников, вымерших миллион лет назад, хотя, возможно, небольшое их количество тоже сохранилось в старых городах Энтобана. Видовая память об этой угрозе была еще запечатлена в мозгу этих существ, и порой, если, по их понятиям, что-то могло угрожать

им, они собирались большими группами и рыли своими рогами землю. Но это было исключение, обычно они спокойно паслись, поедая каждый день огромное количество пищи. Керрик заметил, что если двигаться медленно, то можно подойти вплотную к этим огромным существам. Вероятно, они не видели опасности в такой маленькой букашке. Их шкуры покрывали морщины, маленькие разноцветные ящерицы бегали по их спинам, поедая паразитов, живших в складках кожи. Однажды, несмотря на тревогу Инлену, дергавшую за поводок, он рискнул приблизиться к одному из них и коснуться его холодной шершавой шкуры. Результат был неожиданным: он вдруг увидел другое серое существо, мастодонта Кару, светлый глаз которого взглянул сверху на Керрика. Так же неожиданно, как появилось, видение исчезло, и перед ним вновь была стена шкуры нени-теска. Он вдруг возненавидел это существо, бесчувственное, как камень, неторопливое и глупое. Повернувшись, он ушел обратно.

Единственное, что не понравилось Керрику, была бойня, где каждый день убивали и разделяли большое количество животных. Убийство было быстрым и безболезненным: у входа во двор охранники просто стреляли в животных, которых вводили внутрь. Когда они падали, их тащили во двор крупные животные, очень сильные и глупые: по-видимому, им было все равно, что их ноги измазаны в крови. Внутри еще теплые трупы разделялись и разрезались на куски, которые затем подвергались обработке энзимами. Впервые с тех пор, как Керрик употреблял в пищу желеобразное мясо, ему захотелось забыть, откуда вообще оно берется.

Лаборатории, где работала Ваналпи и ее ассистенты, мало интересовали его, и поэтому он редко заходил туда. Ему больше нравилось изучать поражающие воображение детали растущего города, макет города или говорить с самцами. Он обнаружил их после того, как вернулся с берега рождений. Никому не разрешалось находиться там, кроме охраны и провожатых, а то, что он увидел через колючую изгородь, было невероятно скучно: только толстые самцы лежали под солнцем.

Но самцы в Канале были разными. К этому времени он забыл чувство глубокого потрясения, которое испытал, узнав впервые, что все ийлань, с которыми он встречался, были самки. Теперь он принимал это как факт жизни, забыв о роли мужчин и женщин у тану. Его просто мучило любопытство относительно той части города, где он никогда не был. Спустя некоторое время после возвращения из Канала, он спросил об этом Вайнти. Ее это развлекло, хотя она не объяснила почему. Она решила, что, поскольку он самец, нет причин не пускать его туда. Но Инлену войти не могла, следовательно, и ему вход был запрещен. Он думал об этом довольно долго, пока не нашел четкого решения. Он входил в дверь, которая тут же закрывалась

за ним, оставляя снаружи Инлену с поводком, соединявшим их. /

Правда, при этом он не мог отойти от двери и увидеть все, но это не имело особого значения. Самцы подходили к нему, радуясь новизне его появления в их уединенной и скучной жизни.

Однако Керрик был слишком юн, чтобы разговаривать с самцами о самках, и постепенно интерес к нему поубавился.

И все-таки многие самцы время от времени беседовали с ним или задавали вопросы. Алипол подходил и приветствовал его, когда бы он ни появился. Всеми делами в Канале руководила Икеменд, но ее власть заканчивалась перед дверью, а за ней царствовал Алипол. Он был прислан из Инегбана специально для этого ответственного места руководителя и был гораздо старше всех остальных. Ко всему прочему Алипол был художником, но об этом Керрик узнал спустя много времени. Это случилось в один из его визитов, когда Алипол не появился, как обычно, и мальчик спросил о нем у кого-то другого.

— Алипол, как всегда, занят своим искусством, — ответил тот и заторопился прочь. Керрик не понял этого выражения — большинство самцов знали язык даже хуже, чем фарги, — но уловил, что тот делает новые красивые вещи. В тот день Алипол не появился, поэтому Керрик задал свои вопросы в следующий раз.

— Искусство — это очень важное, может, даже самое важное из того, что я знаю, — сказал Алипол. — Но глупые молодые самцы этого не понимают, а жестокие самки даже не подозревают о его существовании.

Алипол и другие самцы всегда выражались о самках подобным образом, со смесью страха и уважения, чего Керрик никак не мог понять. Они и сами не могли объяснить этого, и вскоре он перестал спрашивать.

— Пожалуйста, расскажи мне, — попросил Керрик с любопытством и интересом, что вызвало явное недоумение Алипола.

— Редкое отношение, — сказал он, затем ненадолго задумался. — Стой здесь, а я покажу тебе, что делаю. — Он хотел уйти, но тут же повернул назад. — Ты когда-нибудь видел нени-теска?

Керрику вопрос показался неуместным, но он подтвердил, что действительно видел этого зверя. Алипол ушел и вернулся с предметом, увидев который, Керрик выразил нескрываемую радость и удовольствие. Что касается Алипола, то его удовольствие было неизмеримо больше.

— Ты видишь то, чего не видят другие, — просто сказал он. — У них нет глаз, и они ничего не понимают.

Алипол соединил вместе все четыре своих пальца и поднял вверх в виде чаши, внутри которой была изящная статуэтка нени-теска, ярко сверкавшая в солнечных лучах и, казалось,

сотканная из этих лучей. Глаза были красными, а от хвоста и рогов, огромных роговых плит и толстых ног шло сияние. Керрик наклонился ниже и увидел, что маленькое существо сделано из тонких нитей какого-то блестящего материала, соединенных вместе. Он вытянул указательный палец и осторожно коснулся скульптуры.

— Что это? Как ты это сделал? Я никогда прежде не видел ничего подобного.

— Это проволока, золотая и серебряная проволока. Два металла, которые никогда не тускнеют. Глаза — маленькие драгоценные камни, которые я привез из Инегбана. Их находят в реках и на отмелях, и я умею их полировать.

Потом Алипол показал Керрику другие вещи, которые он сделал, такие же удивительные. Керрик оценил искусство, и ему захотелось иметь у себя одну из этих вещей, но он не осмеливался попросить, чтобы не разрушить завязавшуюся между ними дружбу.

По мере роста у города осталась всего одна проблема — устою. В дождливые месяцы, когда на севере было холодно, город охранялся и был окружен защитным кольцом. Когда тепло вернулось на север, Сталлан начала устраивать рейды вдоль берега. Только однажды они наткнулись на большую группу устою и перебили всех, кто не успел убежать. Чаше им встречались небольшие группы, которые тут же уничтожались, а однажды они вернулись с раненым пленником. Вместе с другими Керрик отправился взглянуть на это грязное, покрытое мехом существо, но пленник вскоре умер, не приходя в сознание.

Время, прошедшее без смены времен года, едва ощущалось в Альпесаке. Город разрастался, захватывая леса и джунгли, пока не покрыл обширную площадь от реки до моря. По сообщениям из Инегбана, погода была прежней, ураганов не было. Прошедшая зима оказалась довольно мягкой, поэтому кое-кто надеялся, что холода кончатся, хотя ученые считали, что это временное улучшение. Они приводили в доказательство температуру воды и воздуха, измеренные на летней станции в Тесхете, и указывали на увеличение числа прожорливых диких устою, которые спускались вниз, со своих родных северных гор.

В Альпесаке подобные новости вызывали, конечно, большой интерес, но они были всего лишь историями с далекого континента. Урукето уже выращивались, это было приятно слышать, и однажды Инегбан придет в Альпесак, и город будет полон. Однажды... К тому времени здесь будет многое сделано, и солнце всегда будет теплым.

Керрику казалось, что лето длилось бесконечно. Со своего места — рядом с Эйстайн — он наблюдал, как растет город, и рос вместе с ним. Воспоминания о прошлой жизни постепенно туск-

нели и исчезали, за исключением редких сповидений. Он больше не был устоэоу, не был Экериком. Когда Вайнти назвала его так, она изменила услышанное от него слово, и все стали подражать ей. Но теперь он стал не Экерик — медлительный и глухой, а Керрик — близкий к центру.

Ему было нужно новое имя, потому что он вырос и стал теперь высоким, как ийлан, даже еще выше. На его теле было теперь так много волос, что унутак умер, возможно от переедания, и его пришлось заменить более крупным и прожорливым. Но без зимнего холода в конце года и весенней зелени в его начале Керрик не мог измерять проходившее время.

Между тем ему было уже пятнадцать лет, когда однажды Вайнти позвала его к себе.

— Завтра утром урукето уйдет в океан, я поплыву на нем в Инегбан.

Керрика мало заинтересовало сообщение (Инегбан был всего лишь словом, ничем больше), но он сказал, что ему будет жаль расстаться с ней.

— Близятся большие перемены. Новые урукето достигнут зрелости, и через год, максимум через два, Инегбан будет покинут. Те, кого это касается, смотрят в будущее и на перемены, которые должны произойти, с таким страхом, что недооценивают реальных проблем, имеющихся здесь. Их несколько не заботят устоэоу, угрожающие нам, едва замечают они Дочерей Смерти, которые подрывают нашу мощь. Меня ждет много работы, и ты должен помочь мне. Вот почему ты поедешь со мной в Инегбан.

Интерес Керрика сразу возрос. Путешествие внутри урукето через океан, визит в новые места! Он был одновременно возбужден и испуган.

— Ты привлечешь всеобщее внимание и, пользуясь им, я попробую убедить их, что нужно делать. — Она насмешливо посмотрела на него. — Но ты сейчас стал слишком ийланом. Ты должен показать им всем, что как был устоэоу, так и остался им.

Она подошла к месту, где много лет назад положила маленький нож, и достала его. Зхекак, изучив его, определила, что он сделан из метеоритного железа, а затем покрыт антикоррозийным слоем. Вайнти отдала нож Этдирг, своему первому ассистенту, и приказала повесить его на шею Керрику. Этдирг взяла кусок витой золотой проволоки и прикрепила сверкающее железо к ошейнику, в то время как в дверь заглядывали любопытные фарги.

— Это должно показаться им довольно-таки странным, — сказала Вайнти, сдавливая острый конец проволоки. Ее пальцы впервые за несколько лет коснулись кожи Керрика, и она удивилась, почувствовав ее теплоту.

Керрик смотрел на тупой конец ножа без особого интереса: он вообще не помнил его.

— Устоэу одеваются в шкуры, и в одну из них был одет ты, когда тебя сюда принесли. — Она сделала знак Этдирг, которая развязала сверток и вытряхнула из него мягкую оленью шкуру. Фарги начали переговариваться с отвращением, и даже Керрик отшатнулся от нее.

— Стой смирно, — приказала Вайнти. — На ней нет ни грязи, ни вшей. Этот кусок вычищен и стерилизован, и это будет повторяться ежедневно. Этдирг, убери старую сумку и прикрепи это на старое место.

Этдирг сняла сумку и попробовала приладить шкуру, но застежки были не на месте. Она отправилась переделывать их, а Вайнти внимательно посмотрела на Керрика. Он вырос и возмужал, и она смотрела сейчас на него с интересом и отвращением. Потом прошла через комнату, потянувшись к нему, и Керрик вздрогнул от ее прикосновения. Вайнти удовлетворенно улыбнулась.

— Ты — самец, такой же, как наши самцы. Правда, у тебя всего один пенис вместо двух, но ты реагируешь точно так же, как они!

Керрик почувствовал себя неловко от того, что она делает, и попытался оттолкнуть Вайнти, но она схватила его второй рукой и подтащила поближе к себе.

Вайнти была возбуждена сейчас и агрессивно настроена, как все самки ийлан, и Керрик прореагировал на это, как другие самцы.

Он не знал, что происходит с ним и что за странные чувства он испытывает, но Вайнти знала это хорошо. Она была Эйстай и могла делать все, что захочет. Отработанным движением бросила его на пол и наклонилась над ним.

Ее кожа была холоднее его, а он теплый, странно теплый — и вот это случилось. Он не знал, что это было, знал только, что это самое восхитительное, что случилось с ним за всю его жизнь.

21

— Я принесла почтительное послание от Эрефнаис, — сказала фарги, дрожа от усилия передать сообщение правильно. — Погрузка закончена, и урукето готов к отплытию.

— Мы идем, — объявила Вайнти, и, повинувшись ее жесту, Этдирг и Керрик выступили вперед. Она посмотрела на руководителей Альпесака, собранных вместе, и сказала самым формальным и официальным тоном: — Город ваш, пока я не вернусь. Сохраните его.

Она попрощалась и медленно двинулась через город с Керри-

ком и Этдирг, соблюдавшими приличествующую дистанцию.

Керрик долго учился контролировать свое поведение и поэтому приближался сейчас к урукето так же спокойно, как все остальные, хотя внутри у него все бурлило от противоречивых чувств. Это путешествие коренным образом меняло его привычную жизнь. И потом он никак не мог понять, что произошло у него вчера с Вайнти. Что вызвало у него такие чувства? Может ли это повториться? Он надеялся, но как этого достичь?

У него не было никаких воспоминаний о любви у тану, о различиях между полами, о притягательно-запретных разговорах старших мальчиков, шептавшихся друг с другом, даже об удовольствии, которое он однажды испытал, коснувшись обнаженного тела Исел. Все это исчезло перед необходимостью жить с ийланами. Самцы в Канале никогда не говорили о своих отношениях с самками, а если и делали это, то, вероятно, в его отсутствие. Иялену молчала. Вообще у него не было никаких знаний о сексе ни тану, ни ийлан, и он мог лишь строить догадки об этой увлекательной тайне.

Небо позади них было красным от лучей заходящего солнца, когда они добрались до гавани. Энтисенат, прыгавший в предвкушении путешествия, появился из моря и вновь обрушился в воду, в розовую от солнца пену. Керрик поднялся на борт последним, вошел в высокий плавник и несколько мгновений почти ничего не видел в слабоосвещенном помещении. Пол под ним запульсировал, Керрик потерял равновесие и упал. Путешествие началось.

Новизна плавания быстро прошла, потому что вокруг было только море и абсолютно никакого занятия. Большую часть помещения заполняли мертво-живые тела оленей и другой дичи. Они лежали, сваленные в кучу, с безвольными лапами и закрытыми роговыми клювами. Некоторые из оленей, хотя и неподвижные, лежали с широко открытыми глазами, и это было хорошо видно в свете люминесцентных пятен. Керрик чувствовал себя неловко от того, что они смотрят на него и беззвучно кричат в своем парализованном состоянии. Впрочем, этого не могло быть, просто он переносил на них свои чувства. Пока наверху бушевал казавшийся бесконечным шторм, плавник урукето оставался закрытым, и воздух в нем стал затхлым и воющим.

В темноте ийланы делались вялыми и засыпали. Только один или два из них бодрствовали все время. Однажды Керрик попытался заговорить с ийланом, стоящим на руле, но тот не ответил: все его внимание было сосредоточено на компасе.

Керрик спал, когда шторм кончился, и волнение на море улеглось. Он проснулся от холода — сверху задувал свежий ветер. Ийланы сушили плащи, натягивали плащи, но ему воздух и лучи света доставили удовольствие. Он дергал за поводок до тех

пор, пока медлительная Инлену не проснулась, а потом потянул ее в отверстие, ведущее наружу. Он быстро поднялся по морщинистой спине урукето и остановился рядом с Эрефнаис, которая стояла там, плотно закутавшись в большой плащ. Инлену стояла ниже, так далеко, как позволял ее поводок. Керрик ухватился за край и посмотрел вниз, в зеленые волны, катившиеся к ним и пенившиеся у спины урукето. Лучи солнца, пробиваясь сквозь облака, освещали бескрайнее море, которое тянулось до горизонта во все стороны. Это было великолепно. Смеясь, когда соленые брызги попадали ему в лицо, Керрик, дрожащий от холода, обхватил себя руками, но не хотел уходить. Эрефнаис повернулась, увидела его и восхитилась его реакцией.

— Тебе холодно. Пойди вниз и возьми плащ.

— Нет, мне это нравится. Я понимаю теперь, почему ты пере-скажешь океан на урукето. Ничто не может сравниться с этим. Эрефнаис была довольна.

— Очень немногие способны так чувствовать. Если у меня отнять море, я буду несчастна и, может, даже умру.

Прямо по курсу перед урукето носились морские птицы, и Эрефнаис указала в этом направлении.

— Сейчас мы недалеко от земли. Видишь, у самого горизонта видна темная линия? Это берег Энтобана.

— Я слышал это название, но никогда не понимал его значения.

— Это огромный континент, настолько большой, что никто не обогнул его с юга. Это дом ийлан, где один город сменяется полями другого города.

— Это и есть цель нашего путешествия?

Эрефнаис подтвердила.

— Да, на северном берегу. Сначала нужно миновать проход, называемый Генагли, и войти в теплые воды Апканала, на берегах которого расположен Инегбан.

Когда она говорила это, в ее голосе звучали радость и боль.

— Сейчас, в середине лета, все как будто благополучно, но прошлая зима была худшей за всю историю города. Урожай погиб, животные тоже. Звери с севера приходили стадами. А однажды, правда недолго, из облаков сыпалась твердая вода, и земля побеледа.

Твердая вода! Смысл был ясен, но что это такое? Керрик уже хотел попросить объяснений, но тут в его воображении возникли покрытые снегом горы. Правда, видение это сопровождалось угрызениями совести и страхом. Он потер глаза, потом посмотрел на море и отогнал воспоминание прочь. Что бы это ни было, понимания оно не принесло.

— Мне холодно, — сказал Керрик полуправду-полуложь, — я, пожалуй, вернусь внутрь.

Однажды утром он проснулся от теплого воздуха и солнечных лучей, лившихся через открытый плавник. Он быстро поднялся и присоединился к Вайнти и Этдирг, которые уже стояли там. Их внешний вид удивил его, но поскольку они ничего не говорили об этом, он тоже промолчал: Вайнти не любила вопросов. Краешком глаза он посмотрел на нее. Ее лоб и углы мощных челюстей были окрашены в красный цвет и украшены мелкими завитками. У Этдирг на лице не было краски, но вокруг ее рук обвивались черные ветви, заканчивающиеся листьями на тыльной стороне ладоней.

Керрик никогда прежде не видел, чтобы ийланы украшали себя подобным образом, но постарался сдержать свое любопытство и стал смотреть на берег. Его линия быстро приближалась, зеленые лесистые холмы четко выделялись на фоне неба.

— Инегбан, — сказала Этдирг, вложив в это слово все свои чувства.

Покрытые травой поля чередовались с лесами, по ним бродили темные фигуры пасущихся животных. Когда миновали последний выступ суши, открылась величественная гавань. На ее берегу и раскинулся Инегбан.

Керрик, считавший Альпесак великолепным, увидел теперь настоящий город и выражением своих чувств доставил удовольствие Вайнти и Этдирг.

— Когда-нибудь Альпесак будет таким же, — сказала Вайнти, — хотя и не при нашей жизни, ведь Инегбан растет с начала начал.

— Альпесак будет лучше, — со спокойной уверенностью сказала Этдирг. — Ты сделаешь его таким, Вайнти.

Вайнти промолчала.

Когда урукето вошел во внутреннюю гавань, Эрефнаис поднялась на вершину плавника, затем крикнула вниз какую-то команду. Огромное существо замедлило ход и остановилось, покачиваясь на чистой воде. Пара энтисенатов плыла впереди, потом резко повернула назад, достигнув плавучего ограждения из огромных бревен. Им не хотелось даже слегка касаться жалеющих щупалец медуз, подвешенных к бревнам. Энтисенаты носились взад и вперед, не в силах дожидаться, когда проход откроется и они смогут достичь долгожданной награды — пищи. Они должны были оставаться в гавани, пока урукето не двинется обратно. Еще не до конца обученные, они плохо выполняли приказы и уже едва сдерживались, когда ограждение открылось. Энтисенаты бросились в гавань, урукето не спеша последовал за ним.

Керрик молча наблюдал за всем этим. Площадь пристани была большой, и всю ее заполняли ийланы, ожидающие их прибытия. Вдали поднимались стволы древних деревьев, и их ветки и листья высоко вверху, казалось, касаются неба. Дороги, ведущие от пристани в город, были такими широкими, что по ним

мог двигаться урукуб. Ийланы, толпившиеся на берегу, расступились, пропуская небольшую процессию. Четыре фарги несли конструкцию из гнутого дерева, завешенную цветными тканями. Они осторожно опустили ее на землю, а сами расположились вокруг нее на корточках. Чья-то рука изнутри отдернула ткань, и ийлан с раскрашенным золотой краской лицом ступил на землю. Вайнти сразу же узнала его.

— Гулумбу, — сказала она, внимательно следя за своими движениями. — Я знаю ее уже давно, потому что она из тех, кто поддерживает Малсас. Нужно встретить ее.

Они сошли на берег и ждали на пристани, когда Гулумбу подойдет к ним. Она с некоторым подобострастием приветствовала Вайнти, отметила присутствие Этдирг и медленно скользнула взглядом по Керрику.

— Добро пожаловать в Инегбан, — сказала она. — Добро пожаловать в родной город, Вайнти — строительница Альпесака, пересекая бурное море.

Вайнти ответила столь же формально.

— А как поживает Малсас, Эйстан нашего города?

— Она приказала мне приветствовать тебя и пригласила посетить ее в амбесед.

Пока они разговаривали, паланкин унесли обратно. Вайнти и Гулумбу пошли рядом, возглавляя процессию, направившуюся в город. Керрик и Этдирг, согласно обычаю, медленно следовали за ними вместе с другими помощниками.

Керрик смотрел по сторонам широко открытыми глазами. Все дорожки, отходившие от той, по которой они двигались, были полны ийланами и не только ийланами. Маленькие существа с острыми когтями и яркой чешуей сновали в толпе. На некоторых крупных деревьях, мимо которых они проходили, были устроены платформы, с которых ийланы, многие с раскрашенными лицами и телами, смотрели вниз на толпу. Под одним из этих деревьев, которое было больше других, стояла вооруженная охрана.

Ийланы вверху двигались и разговаривали между собой так, что не оставалось сомнений — это самцы.

Здесь не было посвящения работе и формальных разговоров, знакомых Керрику по Альпесаку. Ийланы тыкали в него пальцами и открыто переговаривались о его странном внешнем виде.

Кроме того, здесь были ийланы, подобных которым он никогда прежде не видел, некоторые раза в два ниже других. Они стояли группами, прижимаясь друг к другу. Керрик коснулся руки Этдирг и вопросительно указал на них.

— Нинсе — безответные, — сказала она, каждым своим движением выражая презрение. — Ийлейбе — плохо говорящие.

Безответные — значит немые, Керрик понял это достаточно ясно. Они не могли ни говорить, ни понимать того, что говорили

другие. Этдирг больше ничего не могла сказать про них, и Керрик на время отложил этот вопрос вместе с другими, на которые хотел получить ответы.

Амбесед была такой большой, что дальняя сторона ее терялась за бурлящей толпой, которая расступилась, чтобы пропустить процессию. Она прошла сквозь нее к солнечной стене, где Мал-сас вместе со своими советниками полулежала на платформе, задрапированной мягкими тканями. Она вся сверкала от золотой и серебряной краски на лице и руках и золотых колец, покрывавших ее толстое тело без талии. Она разговаривала с помощниками, не замечая появления процессии до тех пор, пока та не оказалась перед ней, считая, что небольшое ожидание не оскорбит, но напомнит о ее высоком положении. Затем она повернулась, увидела Вайнти и поднялась ей навстречу. Традиции обязывали их приветствовать друг друга.

Керрик смотрел с интересом вокруг, не обращая внимания на то, что говорится, и поэтому был поражен, когда двое ийлан подошли и схватили его за руки. Когда они потащили его, он испуганно посмотрел на Вайнти, но та сделала ему знак не сопротивляться и идти с ними. Впрочем, выбора у него не было. Они с силой тащили его за собой, и он подчинился, позволив увести себя вместе с Инлену, которая покорно шла следом.

Недалеко от амбесед был вход куда-то, довольно странного вида. Между стволами виднелись полупрозрачные хитиновые панели, тянувшиеся в обе стороны. Посредине была дверь из того же материала, без ручки или какого-либо отверстия на ее поверхности. Все еще держа руку Керрика, один из ийлан вдавил в дверь что-то похожее на луковицу. После недолгого ожидания дверь открылась и выглянула фарги. Затем Керрика втолкнули внутрь вместе с Инлену, следовавшей за ним, и дверь закрылась.

— Сюда, — сказала фарги, игнорируя Керрика и обращаясь к Инлену, затем повернулась и пошла вперед.

Это было весьма необычно. Короткий коридор из того же самого материала привел их к другой двери, затем еще к одной. Следующее помещение было меньше, и здесь фарги остановилась.

— Опустить глазные мембраны, — сказала она Инлену, затем, вытянув руки, попробовала сделать то же самое с веками Керрика.

— Я слышал тебя, — сказал он, отталкивая ее. — Оставь свои грязные пальцы для себя.

Фарги уставилась на него, шокированная его грубостью, и только через некоторое время пришла в себя.

— Важно, чтобы глаза были закрыты, — сказала она наконец, затем опустила свои собственные мембраны и вдавила в стену красную луковицу какого-то растения.

Керрик стоял с открытыми глазами, пока сверху на них не

обрушилась теплая вода. Некоторые струйки, попавшие ему в рот, были жгучими и горькими, и он плотно сжал губы. Почти все кончилось, но фарги повторила:

— Глаза не открывать.

Повеявший теплый ветер быстро испарил воду с их тел. Керрик подождал, пока его кожа полностью высохнет, затем осторожно открыл глаза. Мембраны фарги скользнули вверх, и, заметив, что глаза Керрика открыты, она толкнула его через последнюю дверь в длинное низкое помещение.

Все там было совершенно непонятно для Керрика — никогда прежде он не видел ничего подобного. Пол, потолок, стены из того же самого твердого материала. Солнечные лучи падали через полупрозрачные панели вверх и пятнали пол тенями листьев. Вдоль дальней стены возвышалась плоскость из того же материала, на которой стояли незнакомые ему предметы. Ийланы возлились с ними и не заметили его появления. Фарги, ничего не сказав, покинула их. Во всем этом Керрик не видел никакого смысла, а Инлену, как всегда, нисколько не беспокоилась о том, где она была и что происходило вокруг. Она повернулась и удобно уселась на свой хвост.

Вскоре одна из работающих заметила их и обратилась к той, которая сидела на корточках и смотрела на маленький квадратик какого-то материала так, словно это было очень важно. Она повернулась, увидела Керрика и, подойдя, остановилась перед ним. Одного глаза у нее не было, зато второй был так сильно навывкате, словно стремился работать за двоих.

— Посмотри на это, Эссаг, — громко воскликнула она, — посмотри, что нам прислали из-за моря.

— Это странно, Икемен, — вежливо ответила Эссаг. — И напоминает мне один из видов устоу.

— Верно, только этот почему-то не покрыт мехом. А почему он закутан в эту ткань? Убери ее.

Эссаг шагнула вперед, и Керрик приказал ей:

— Не трогай меня. Я запрещаю тебе это делать.

Эссаг попятилась, а Икемен радостно воскликнула:

— Он говорит, устоу, который говорит! Хотя нет, что я. Он просто выучил несколько фраз. Как твое имя?

— Керрик.

— Вот видишь! Его хорошо обучили.

Керрик испытывал все возрастающий гнев на этих тупиц.

— Это неверно, — сказал он. — Я могу говорить не хуже вас и гораздо лучше фарги, которая привела меня сюда.

— В это трудно поверить, — сказала Икемен. — Но предположим на мгновение, что ты действительно говоришь, а не повторяешь заученный урок. Если это правда, значит, мы можешь ответить на мои вопросы.

— Я готов.

— Как ты появился здесь?

— Я прибыл с Вайнти, Эйстайн из Альпесака. Мы пересекли океан на урукето.

— Верно. Но это тоже может быть заученной фразой. — Икемен долгое время размышляла. — Но должны же они кончиться! О чем не мог знать твой дрессировщик? Ну вот, скажи мне, что произошло за дверью, пропустившей тебя сюда?

— Мы были вымыты очень горькой водой.

Икемен восхищенно затопала ногами.

— Великолепно. Ты действительно животное, которое может говорить. Как удалось достичь этого?

— Меня научила Энги.

— Да, если кто-то и годился для этого, так это она. Однако хватит говорить. Сейчас ты будешь делать то, что я скажу. Иди к этому рабочему месту.

Керрик прекрасно видел, что они делают, но не понимал, зачем это. Взяв губку, Эссаг смочила подушечки его большого пальца, затем Икемен проткнула ее каким-то острым предметом. Керрик удивился, что он ничего не почувствовал даже тогда, когда Икемен выдавила из пальца крупные капли крови. Эссаг поймала их небольшим контейнером, который закрылся, когда она нажала на его макушку. Затем его руку положили на стол и потеряли другой губкой, от которой стало прохладно, а затем она онемела.

— Посмотри туда, — сказала Икемен, указывая высоко на стену. Керрик взглянул, но ничего не увидел. Когда он перевел взгляд обратно, оказалось, что за это время она, пользуясь струной-ножом, срезала тонкий слой его кожи. Боли он и сейчас не чувствовал. Появившиеся мелкие капли крови были закрыты адгезивной повязкой ньюфмейкела.

Керрик не выдержал.

— Ты взяла немного моей крови и кожи. Зачем?

— Любопытный устоэу, — сказала Икемен, давая ему знак лечь на низкую лежанку. — Это не последнее чудо в нашем мире. Я изучаю твоё тело — вот что я делаю. Эти цветные кусочки будут подвергаться хроматографии, в то время как эти ускорительные колонны и прозрачные трубы будут открывать другие секреты твоей химии. Доволен?

Керрик промолчал, ничего не поняв. Икемен положила ему на грудь серое шишковатое существо и пробудила его к жизни.

— А сейчас эта штука — генератор ультразвука — заглянет внутрь твоего тела. Когда это закончится, мы будем знать о тебе все. Вот и готово. Фарги покажет тебе обратную дорогу.

Когда за Керриком и Инлену закрылась дверь, Икемен заметила:

— Разговорчивое животное. Первое время мне очень хотелось в Альпесак. Я слышала, что тамошние устоэу разнообразны и интересны. А теперь будь внимательна.

— Я готова, Икемен, — сказала Эссаг.
— Сделай полную серию серных проб, все металлические пробы и представь мне полную картину биологии этого существа. После этого начнется настоящая работа.
Икемен вернулась к своему рабочему столу.
— Мы должны узнать все о процессах их метаболизма. Нам приказано найти паразитов, которые могут жить только на этом виде. — Сказав это, она вздрогнула, и ассистенты поняли и разделили ее чувства. Икемен жестом призвала их к молчанию.
— Я знаю ваши мысли и вполне разделяю их. Мы создаем жизнь, а не уничтожаем ее. Но эти устоюзу представляют для нас большую опасность и должны быть изгнаны. Да, именно так, изгнаны. Поняв, что им угрожает, они уйдут и не станут больше беспокоить новый город. Мы не убьем их,* мы только прогоним их прочь.
Она говорила со всей искренностью, на которую была способна. Вместе с Эссаг они испытывали страх оттого, что подобные задачи придется решать не однажды, и чувствовали боль, потому что их уважение к жизни — любой, жизни — вступило в противоречие со стремлением выжить.

22

Когда стали закрывать огромные двери, звуки, доносившиеся в амбесед снаружи, постепенно стихли, и воцарилась тишина. Прежде Вайнти не обращала на двери особого внимания, хотя бывала здесь не один раз. Двери были сделаны из различных переплетенных растений и животных и украшены вставками из сверкающих металлов и драгоценных камней. Они были единственной роскошью в этом древнем городе. Как отличалось все от нового Альпесака, где дверей почти не было, а те, что имелись, были влажными от сока составляющих их растений. Все там было еще неотделанным и растущим, пылым и зеленым, прямо противоположным этому древнему и степенному городу. Да и сама она была всего лишь Эйстай далекого города, лишь на время пришедшая перед теми, кто правит бессмертным Инегбаном.

Вайнти вдруг резко оборвала себя. Ей нечего стыдиться. Древний и богатый Инегбан обречен, в этом можно не сомневаться. Эти деревья умрут, ветер погонит через пустой город холодные туманы и опавшие листья, эти тяжелые двери упадут под ударами времени и превратятся в пыль. Ийланы Инегбана могут смеяться над грубостью ее далекого города, но в нем их спасение. Вайнти высоко оценила эту мысль, повертела ее и так и этак и позволила ей овладеть собой. Альпесак был их спасением, а она была Альпесаком. Оказавшись рядом с Малсас и ее помощниками, Вайнти держалась прямо и горделиво, почти

высокомерно. Они почувствовали это и, по крайней мере двое из них, беспокойно заерзали. Это были Лекмелик и Мелпон, которые знали ее многие годы и сейчас надеялись на некоторую почтительность. Малсас тоже не пришла в восторг от недостатка уважения. Когда она заговорила, ее поза была твердой и вопросительной.

— Ты кажешься очень довольной, Вайнти, и должна нам объяснить: почему?

— Я довольна оттого, что снова оказалась в Инегбане, среди всех его удобств, среди эфензеле моей эфенбуру. Мне приятно сообщить тебе, что работа, за которую я отвечаю, идет хорошо. Альпесак растет и процветает, поля его обширны, животные многочисленны. Гендаши — богатая и плодородная земля, и Альпесак будет расти, как не рос ни один другой город.

— Твои слова оставляют сомнения, все ли так хорошо, как ты говоришь, — сказала Малсас.

— Ты очень проницательна, Эйстай, — ответила Вайнти. — Есть и темные стороны. Устозоу и все прочие животные этой земли многочисленны и опасны. Мы не можем устроить берег рождений, пока не уничтожим аллигаторов, существ, очень похожих на известных тебе крокодилов, но гораздо более многочисленных. Некоторые виды устозоу восхитительны, и ты сама пробовала их, когда почтила наш город своим посещением, но есть и другие устозоу, которые стоят на задних лапах, подобно ийланам. Они наносят большой вред и представляют собой настоящую угрозу.

— Я понимаю опасность. Но как могут эти животные противостоять нашему оружию? Если они так сильны, то не потому ли, что вы слабы?

Это была откровенная угроза, и Вайнти тут же отступила.

— Возможно, это только моя слабость. В таком случае я могу уйти вниз, предоставив более сильным занять мое место. Но взгляни, как эти опасные существа проникают прямо в наши ряды и убивают нас! Погибла твоя эфензеле, сильная вездесущая Алакнши. Возможно, их не так и много, но они устраивают засады. Сокайн и все, кто был с ней, погибли в одной из таких засад. Если умирает фарги, всегда найдется кто-нибудь, кто займет ее место, но кого можно поставить вместо Алакнши и Сокайн? Устозоу убивают наших животных, и нам приходится растить новых, но они убивают и на берегу рождений... Кто заменит погибших самцов и молодняк?

После этих слов Мелпон громко вскрикнул. Она была очень старой и питала сентиментальные чувства к берегу рождений. Ее крик подействовал на всех, даже на Малсас, славившуюся своей выдержкой. Поэтому она позволила себе несколько раз качнуться от отчаяния.

— Дело, кажется, зашло слишком далеко. А ты все делаешь правильно.

— Это так, но мне хочется большего.

— Чего?

— Позволь сначала сообщить тебе как можно больше сведений об устоузу. Я хочу, чтобы ты выслушала пленного устоузу.

Малсас обдумала предложение и согласилась.

— Если у него есть сведения, представляющие ценность, мы выслушаем его. Он действительно говорит и отвечает на вопросы?

Керрик, видимо, ждал недалеко, потому что посланец быстро вернулся с ним. И вот он предстал перед собравшимися — низкий перед высочайшими, ожидая приказов.

— Прикажи ему говорить, — сказала Малсас.

— Расскажи нам о своей стае, устоузу, — сказала Вайнти, — но так, чтобы все поняли.

Керрик быстро взглянул на нее, когда она говорила это, и тут же отвел взгляд. Ее последние слова были сигналом. Он должен был сообщить слушателям сведения, которым Вайнти научила его.

— Я могу сказать немного. Мы охотимся, роемся в земле в поисках насекомых и убиваем ийлан.

Гневный ропот и быстрые движения тел были ему ответом.

— Объясни насчет убийства ийлан, — приказала Малсас.

— Это вполне естественная реакция. Я знаю, что ийланы испытывают отвращение к устоузу, и те отвечают тем же. Но будучи существами грубыми, устоузу хотят лишь убивать и уничтожать. Их единственная цель — убивать всех ийлан. Они стремятся сделать это, а если не получается — убивают сами себя.

Это звучало глупо даже в устах Керрика. Кто мог поверить такой явной и грубой лжи? Ответ был один: только ийланы, которые сами никогда не лгали. Керрик в страхе отпрянул, видя их угрожающие движения, и был рад, когда ему приказали выйти из комнаты. Как только дверь закрылась, Малсас сказала:

— Устоузу должны быть уничтожены раз и навсегда. И все до единого. Выследить и убить уже за одно то, что они убили Алакенши, сидевшую рядом со мной. Искать их и уничтожать! Ты можешь сказать нам, Вайнти, как этого достичь?

Вайнти поняла, что одержала тактическую победу. Опершись на хвост, она продолжала движение вперед — к победе окончательной.

— Во-первых, там должно быть больше вооруженных фарги. Их никогда не бывает слишком много. Они будут охранять поля, прокладывать дороги в джунглях и защищать город от устоузу.

— Мы сделаем это, — согласилась Малсас. — У нас есть хесотсаны и фарги, обученные обращаться с этим оружием. Когда

ты будешь возвращаться, урукето примет столько вооруженных фарги, сколько сможет поднять. Два меньших урукето уже готовы к морским путешествиям и тоже повезут фарги. Что еще? — Существа-шпионы и существа-убийцы. Ийлань — не убийцы из джунглей, но их наука может вывести таких существ, которые будут делать это в совершенстве.

— Об этом мы тоже позаботимся, — сказала Малсас. — Много уже сделано, и работа продолжается. Икемен, руководящая этим, уже вызвана. Она даст объяснения.

— Значит, делается все, что можно? — спросила Вайнти, каждым движением своего тела выражая удовольствие и благодарность.

— Да, — ответила Малсас. Однако время работает не на нас. Вернувшиеся из Тесхета сообщают о холодном лете, ранней осени и предполагают, что зима будет долгой и суровой. Мы ОБЯЗАНЫ как можно скорей закончить работу.

Она сделала такое ударение на этих словах, а ее гнев и страх были так велики, что слушатели отшатнулись от этой волны эмоций. Прошло немало времени, прежде чем Малсас нарушила молчание.

— Пошлите за Икемен. Послушаем, что уже сделано.

Керрик не только услышал об этом, но и увидел результаты своими глазами. Икемен вошла в сопровождении тяжело нагруженной фарги, которая опустила свою ношу и удалилась. Икемен сдернула покрывало с клетки, которая была достаточно большой, чтобы вместить даже ийлана.

— Повелитель небес, — гордо сказала она, и ее единственный глаз еще больше выкатился.

Огромная птица взъерошила свои перья и огляделась. Ее кривой клюв предназначался для разрыва плоти, длинные крылья позволяли летать высоко, быстро, неумоимо, пальцы ног заканчивались острыми когтями, пригодными только для убийства. Существу пришлось не по вкусу, что его разглядывают, оно встряхнуло крыльями и гневно закричало. Икемен показала вытянутый длинный предмет, прикрепленный к одной из лап птицы.

— Это животное — нейрологический фиксатор изображения, — сказала она. — Причем гораздо более совершенный, чем прежде. Как вам известно, изображение на его глазе фокусируется на мембране внутри, нейроны записывают его в нервных узлах, и впоследствии возможно его воспроизведение. Количество этих изображений почти не ограничено.

— Изображение чего? — спросила вдруг Малсас, прерывая технический разговор, в котором ничего не понимала.

— Того, что мы хотим записать, Эйстай, — пояснила Икемен.

— Эта птица почти нечувствительна к холоду и летает на больших высотах, выскивая свою добычу. Во время дрессировки ее учили летать на север, и обучение прошло успешно.

Обычно она интересуется длиннозубыми хищными устозоу, которые живут на севере. Они не угрожают ей и слишком велики, чтобы у нее хватило сил напасть на них и съесть. Но птица была обучена и знает, что получит награду, если точно выполнит инструкции. Один раз она уже летала на север, и сейчас мы можем увидеть, что она там видела.

Икемен открыла один из свертков и вытащила пачку отпечатков. Они были черно-белыми, но очень выразительными, она разложила их в нужной последовательности. На первом было белое поле с черными точками, затем точки приблизились, стали более отчетливыми. Это были четвероногие, покрытые мехом устозоу. Одно из них выросло и заполнило весь снимок — оскаленная морда с торчащими изогнутыми клыками. На следующей снимке оно уже убегало, спасаясь от атакующей птицы. Этот снимок был самым драматичным из-за птицы, тень которой падала на длиннозубого и на снег. Когда Малсас отложила снимки, их тут же взяла Вайнти.

— И ее можно научить искать любое животное?

— Да, любое.

— Даже устозоу, которого я привезла из Альпесака?

— Особенно этого устозоу. Она может искать их, найти и вернуться. Используя эти снимки и подготовленную карту, можно легко определить, где она была.

— Тогда это то, что нам нужно! Устозоу ходят небольшими группами, а страна велика. Мы нашли одну такую группу и легко уничтожили ее. Сейчас мы найдем другие...

— И уничтожим тем же самым способом, — сказала Малсас.

— Да. Я обещаю тебе — мы уничтожим их.

— Очень хорошо. А сейчас все могут идти, кроме Вайнти.

Малсас сидела молча, пока тяжелые двери не закрылись за уходящими. Только тогда она шевельнулась, и Вайнти увидела выражение подавленности и страха на ее лице. Эйстай Инегбана боится? Причина могла быть только одна. Вайнти все поняла еще до того, как Малсас начала говорить.

— Дочери Смерти, не так ли?

— Да. Они не умирают и число их все увеличивается.

— Не умирают они и в Альпесаке. Вначале, когда работа была тяжелой и опасной, умирали, но сейчас, когда мы разрослись, все изменилось. Правда, и сейчас они калечатся и иногда гибнут, но этого слишком мало.

— Ты возьмешь самых злостных нарушителей с собой, когда отправишься обратно. Тех, что говорят перед народом и обращают его в свою веру.

— Хорошо. Но каждая из них будет уменьшать число вооруженных фарги. В Альпесаке эти бессмертные существа будут мне только мешать, поскольку не хотят участвовать в уничтожении устозоу. Они будут лишь обузой.

— Так же как и в Инегбане.

— И все же я возьму их, но только на новом, еще не проверенном урукето.

В знаке Малсас, которым она выразила согласие, чувствовалось уважение.

— Ты жестока и опасна, Вайнти. Если молодой урукето не сможет пересечь океан, его неудача окажется и нашим успехом. — Я думаю точно так же.

— Хорошо. Мы еще поговорим об этом, перед тем как ты вернешься в Альпесак. А сейчас я устала — день был очень длинным.

Вайнти сделала жест формального прощания и вышла. Идя через город, она думала о будущем, и движения ее тела отражали эти мысли.

В них было не только хорошее настроение, но и присутствие смерти, так что встречные фарги, мимо которых она проходила, торопливо разбегались в стороны. Она была голодна и направилась к ближайшему месту выдачи мяса. Там стояло много желающих, но она приказала им уйти с дороги. Поев, Вайнти вымыла руки и направилась в свои комнаты. Обе они были функциональными и удобными, со стенами, закрытыми расшитыми тканями.

Фарги расходились от ее резких команд, все, кроме одной, которой она приказала подойти.

— Найди моего устозоу, — сказала она, — приведи его сюда. Это потребовало времени, потому что фарги не знала, где его искать. Но она сказала об этом другой фарги, та — третьей, и постепенно через живую ткань города приказ дошел до той, которая знала Керрика.

К тому времени, как он появился, Вайнти почти забыла о своем приказе, глубоко погружившись в планирование будущего. Однако, едва он вошел, воспоминание вернулось.

— Это был день успехов, день моих успехов, — сказала она задумчиво, не заботясь, понимает ли он. Инлену удобно уселась на свой хвост, разглядывая вышитые ткани на стенах и восхищаясь ими.

Вайнти подтащила Керрика к себе, сдернула с него мех и засмеялась, когда он попробовал отпрянуть.

Керрик недолго сопротивлялся тому, что должно было произойти. Когда все кончилось, и она оттолкнула его от себя, он ушел с сожалением и надеждой, что это будет происходить снова и снова.

В темных тучах зловеще громыхал гром, а проливной дождь хлестал по поверхности океана. Урукето медленно уходил от берега, за ним следовали два поменьше. Энтисенаты, радуясь

возможности вновь оказаться в открытом океане, помчались вперед, выскакивая из воды и снова погружаясь в нее. Инегбан остался вдали, потускнел, а затем исчез за пеленой дождя.

Путешествие оказалось нелегким. После восторгов и удовольствий Инегбана — обратная дорога на урукето была просто мучением. Весь пол в помещении занимали фарги, и невозможно было пройти, не наступив на них. Запасы пищи и воды были ограничены, и их выдавали весьма скупо. Это было не страшно для ийлан, которые просто проспали большую часть времени, но Керрик чувствовал себя как в ловушке и постоянно задыхался, отчего никак не мог уснуть. Если ему это удавалось, то ненадолго, и скоро он с криком просыпался весь в поту. Он не мог ходить, где ему вздумается, и только дважды за все путешествие выбрался на плавник подышать свежим воздухом.

В довершение всего начался шторм, плавник не открывался много дней, и дышать спертым воздухом стало невозможно. В конце концов плавник открыли, оставив узкую щель, но и этого было достаточно, чтобы почувствовать холодный ветер и брызги волн. Сырость и жару, холод и тепло Керрик переносил молча.

Когда шторм наконец кончился и плавник можно было открыть как следует, Вайнти приказала всем оставаться внутри и поднялась на верхушку одна. Море, еще волновавшееся в белопенных волнах, было пустым, два меньших урукето исчезли и больше их никогда не видели.

Морская болезнь Керрика прошла только тогда, когда они прибыли в порт Альпесака. Болезнь и дни без пищи ослабили его настолько, что он едва мог подняться на ноги. Сидевший в клетке рептор страдал почти так же, как и он: низко свесив голову, он слабо закричал, когда его стали выносить наружу. Керрик покинул урукето последним, вынесенный Инлену и двумя другими ийланами.

Вайнти глубоко вдыхала влажный теплый воздух, насыщенный запахами живого города, и испытывала огромное наслаждение, стряхнув с себя летаргию путешествия. Она скользнула в первый же прохладный бассейн, смыла с себя морскую соль и вновь вынырнула наружу освеженной и готовой к дальнейшей работе.

Ей не нужно было вызывать руководителей города, потому что они ждали в амбесед ее прибытия.

— В Альпесакe все хорошо? — спросила она и почувствовала еще большее удовольствие, когда все ответили утвердительно. — Что с устозоу, Сталлан, как себя ведут эти паразиты, разъедающие окраины нашего города?

— Неприятностей гораздо меньше. Они выкрали несколько наших мясных животных, других зарезали в ночное время и

увесли до наступления утра. Но наша защита крепка, и они могут сделать немного.

— И все же слишком много. Они должны быть остановлены. Я привезла много фарги, обученных пользоваться оружием. Устозоу будут выслежены и уничтожены.

— Их нелегко выследить, — с сомнением сказала Сталлан. — У них звериное чутье, и они не оставляют после себя следов, а если и оставляют, то они ведут в засаду. Уже многие фарги погибли таким образом.

— Больше не погибнут, — сказала Вайнти и, как будто поняв ее, рептор пронзительно закричал. Его клетку принесли сюда носильщики, и он с наслаждением после долгого путешествия чистил свои перья.

— Сейчас я вам все объясню, — сказала Вайнти. — Это летающее существо даст нам возможность найти устозоу, найти их норы, где они прячутся, где прячут своих детенышей и самок. Но сейчас я хочу подробно рассказать вам о том, что произошло в Инегбане.

Рептор быстро оправился от морского путешествия, и Вайнти с нетерпением ждала очередного набега устозоу. Когда ей сообщили о нем, она отдала приказ и немедленно направилась на дальнее пастбище, где произошло нападение. Сталлан уже была там.

— Расточительство — взяты только задние части.

— Это очень практично, — спокойно сказала Вайнти. — Легче нести и разделять тоже. Каким путем они ушли?

Сталлан показала на отверстие в колючей изгороди и след, исчезающий вдали под высокими деревьями.

— На север, как обычно. Их след слишком ясен и рассчитан на то, что мы его заметим, но в конце его наверняка ждет засада.

— Птица доберется туда, куда мы не сможем, — сказала Вайнти, поворачиваясь к принесенному рептору. Та вдруг гневно закричала и рванула цепь, державшую ее ногу. Вместо клетки она сидела на деревянном насесте. Длинные столбы поддерживали его там так, что птица не могла дотянуться до фарги, принесших ее, ни когтями, ни клювом. Срочно вызванный, появился Керрик.

— Делайте свое дело, — приказала Вайнти дрессировщикам. Керрик понял, что он не зритель, когда твердые пальцы схватили его и толкнули вперед. Рептор, возбужденный видом и запахом кровоточащих трупов, закричал и сильно взмахнул крыльями. Одна из дрессировщиц вырезала кусок мяса из бока растерзанного животного и бросила птице. Та жадно схватила мясо свободной лапой, прижала к насесту и начала отрывать от него куски. Теперь можно было продолжить, и Керрика толкнули вперед, почти в пределы досягаемости этого окровавленного кривого клюва.

— Проследи, найди... Проследи, найди... — снова и снова выкрикивали дрессировщицы, пока остальные держали Керрика. Рептор не бросился вперед, вместо этого он откинул голову назад и уставился холодным, серым взглядом на Керрика. Он неподвижно смотрел на него, пока выкрикивали команды, потом моргнул и втянул голову в плечи.

— Поверните насест, чтобы он увидел следы, — приказала одна из дрессировщиц, затем повернулась к нему и быстро освободила ногу.

Рептор закричал, согнул свои ноги, затем сильным ударом крыльев бросил себя в воздух. Он был хорошо обучен и потому быстро поднялся вверх, сделал один круг и направился на север.

— Начало положено, — удовлетворенно сказала Ваййти.

Однако энтузиазм ее пошел на убыль, когда прошло несколько дней, а рептор не возвращался. Встревоженные дрессировщики избегали ее, да и другие тоже, видя гнев в ее движениях.

Пока Керрика не вызывали к ней, он старался быть от нее как можно дальше. Канал был отличным убежищем, где его не было легко найти, к тому же он не заглядывал туда с тех пор, как вернулся из Инегбана.

Икеменд открыла дверь при его приближении.

— Ты был в Инегбане, — сказала она, и в словах ее были одновременно и вопрос и ответ.

— Я никогда прежде не видел такого города.

— Расскажи мне о нем, потому что я никогда не увижу его снова своими собственными глазами.

Керрик знал, что она хочет услышать, и рассказал только о величии города, толпах его жителей и всеобщей радости, и ничего о суровых холодных зимах. Она слушала долго и заторопилась прочь только тогда, когда работа потребовала ее личного присутствия. Самцы не любили Икеменд и избегали ее, поэтому сейчас в пределах видимости никого не было. Керрик заглянул в темный коридор и, заметив кого-то в дальнем конце, окликнул его:

— Это я, Керрик, я хочу говорить с тобой.

Самец заколебался, затем пошел дальше и остановился только, когда Керрик окликнул его вторично.

— Я был в Инегбане. Ты хочешь послушать об этом?

Искушение было слишком велико, чтобы ему противиться. Ийлан медленно двинулся к Керрику, и тот узнал его. Это был Эсетта, нудное существо, с которым он разговаривал один или два раза. Все самцы восхищались пением Эсетты, хотя Керрику оно казалось монотонным и немного скучным. Правда, он никогда не говорил этого вслух.

— Инегбан — настоящий город, — сказал Эсетта, как будто слегка запыхавшись, как говорили все самцы. — Там мы могли бы сидеть среди листьев и следить за всем, что происходит

внизу. Там мы никогда бы не испытывали скуки, как здесь, где нам нечего делать, кроме как думать о роковом берегу. Скажи мне...

— Чуть позже. Сначала сходи за Алиполом. Я хочу рассказать ему тоже.

— Я не могу.

— Почему?

— Почему не могу? Ты хочешь знать, почему я не могу? Хорошо, я скажу тебе. — Он замешкался с ответом и провел языком по губам, чтобы увлажнить их. — Ты не сможешь говорить с ним, потому что он умер.

Керрика потрясла эта новость. Могучий Алипол, крепкий, как ствол дерева, умер? Это казалось невозможным.

— Болезнь или несчастный случай?

— Хуже. Его забрали, забрали силой. Его, который уже дважды был на берегу. И они знали, эти грубые животные, они знали, он говорил им, умолял, но они только смеялись над ним. Некоторые из них повернули обратно, но одна, отвратительная, со шрамами и грубым голосом, та, что возглавляет охотников, сочла его протесты возмутительными и забрала Алипола, и задушила его крики своим телом. Весь день они были там, весь день. Я видел это.

Керрик понял, что с его другом случилось что-то страшное, но не понял, что именно. Эсетта, забыв о нем, начал что-то напевать про себя, погребальное, затем хриплым голосом затянул песню, полную страха:

Молодым я однажды ходил на берег,

И я вернулся!

Второй раз я пойду уже взрослым,

Но вернусь ли я?

Только не в третий, прошу вас!

Не в третий раз,

Когда вернутся лишь немногие,

Но не я.

Если я пойду, я знаю, что не вернусь.

Наконец Эсетта замолчал. Он забыл о том, что Керрик должен был рассказать ему об Инегбане, или, скорее всего, не хотел больше слушать об этом далеком городе. Он повернулся, не отвечая на вопросы Керрика, и, пошатываясь, пошел обратно. Потом, хотя Керрик громко кричал, никто больше не появился. В конце концов он ушел, захлопнув за собой дверь. Что имел в виду Эсетта? Что убило Алипола на берегу? Этого он понять не мог. Инлену спала на солнце, прислонившись к стене, и он грубо дергал за поводок, пока она рассеянно не взглянула на него и, зевая, не поднялась.

Фарги торопилась доставить послание для самой Эйстай, но в своей торопливости двигалась слишком быстро в это жаркое время дня. Когда она добралась до амбесед, рот ее широко открылся, а дыхание так участилось, что говорить она не могла. Страдая от нерешительности, она, шатаясь, вышла на солнце, но затем вернулась обратно в прохладную тень. Нет ли поблизости бассейна? В своем теперешнем состоянии она никак не могла этого вспомнить. Никто из проходивших мимо фарги не обращал внимания на движения ее пальцев и изменения окраски кистей рук. Они были эгоистичны, думали только о себе и никогда не помогали другим фарги. Она почувствовала растущий гнев, забыв, что на их месте и сама поступила бы так же. Она решительно заглянула в ближайший коридор и наконец нашла питьевой плод. Высосав большую часть его содержимого, она вылила остатки на свои руки и шею. Дыхание ее замедлилось, и она рискнула заговорить:

— Эйстай... я принесла тебе послание...

Получилось грубовато, но понятно. Двигаясь теперь медленно и оставаясь при этом в тени, она обошла амбесед, пробиваясь через толпу фарги, собравшихся перед Эйстай, и замерла в позе выжидательного внимания.

Через некоторое время Ваналпи заметила ее и обратила внимание Вайнти на молчаливую фигуру.

— Говори, — приказала Вайнти.

Фарги вздрогнула и заставила себя говорить, осторожно вспоминая слова.

— Эйстай, я принесла послание от той, что кормит рептора. Птица вернулась.

— Вернулась! — восторженно воскликнула Вайнти, и фарги задрожала от радости, наивно полагая, что удовольствие доставила она. Вайнти вызвала другую фарги: — Найди Сталлан. Пусть немедленно идет ко мне. — Потом повернулась к той, что принесла послание. — А ты вернешься обратно и останешься там ждать, пока снимки не будут готовы для просмотра. Затем известишь меня. Повтори.

— Вернуться к тем, с птицей, ждать. Вернуться к Эйстай, когда будут готовы...

— Снимки, виды, пейзажи, — сказала Вайнти тремя разными способами, чтобы существо могло запомнить. — Повтори, акайил.

Акайил — плохо владеющий языком. Глазевшие фарги тревожно зашептались друг с другом и расступились, пропуская посланца.

— Ваналпи, как долго будет продолжаться процесс? — спросила Вайнти.

— Это зависит от имеющейся сейчас информации. Запасы па-

мяти будут переведены в долговременный банк памяти. Я сделаю это сама. Первое и последнее изображение можно сделать немедленно, но получение информации, находящейся между ними, потребует много времени.

— Я не понимаю тебя.

— Ты права, Эйстай, это было глупое объяснение. Птица летала где-то много дней, и все это время, ночью и днем, каждые несколько секунд запоминались новые картины. Каждый снимок можно перенести на пластинку жидкого кристалла и записать или отбросить. Это займет дни, много дней.

— Значит, наберемся терпения и будем ждать. — Она оглянулась и увидела приближающуюся Сталлан.

— Птица вернулась, и скоро мы узнаем, найдены ли устою. Вы готовы атаковать их?

— Да, фарги уже хорошо стреляют, и хесотсаны накормлены. Посажено много дротиковых кустов и еще больше дротиков собрано. Лодки успешно разводятся и некоторые из молодых уже достаточно велики, чтобы использовать их.

— Подготовь все. Загрузи пищу и воду, затем приходи ко мне. Ваналпи, твой опыт в обращении со снимками пригодится нам сейчас. Ты отправишься помогать тем, кто делает эту работу.

Остаток этого дня и весь следующий Вайнти руководила городом, не вспоминая устою. Но каждый раз, когда она расслаблялась и ей не с кем было поговорить, мысли об этом возвращались. Найдены ли устою? Если найдены, то они должны быть выслежены и уничтожены. Ее носовые клапаны белели от гнева, когда она думала об устою. В таком состоянии она не испытывала удовольствия даже от еды и часто пугала фарги жестоким выражением лица. К счастью для города, на третий день пришло долгожданное сообщение.

— Снимки готовы, Эйстай, — сказала фарги, и дрожь облегчения прошла по телам тех, кто это слышал. Когда Вайнти покинула амбесед, даже Керрик присоединился к большой группе следовавших за ней и желавших узнать, что произошло.

— Они найдены, — сказала Вайнти. — Большинство снимков уже готово.

Пластины целлюлозы были извлечены из отверстия. Ваналпи отделила их друг от друга, и Вайнти схватила снимки — еще сырые и теплые.

— Они действительно найдены, — сказала она, и снимки задрожали в ее руках. — Где Сталлан?

— Здесь, Эйстай, — откликнулась Сталлан, откладывая в сторону снимки, которые разглядывала.

— Ты знаешь, где находится это место?

— Пока нет. — Сталлан указала на центр одного из снимков. — Достаточно знать, что река проходит мимо этого места. Мы

атакуем из воды. Я сейчас пойду по их следам, эта дорога мне известна, и первая часть пути уже нанесена на карту. Со снимками я могу двигаться, пока не доберусь до цели. Смотри, это их логово. Укрытия из шкур крупных животных, все, как в прошлый раз.

— И они будут уничтожены так же, как в прошлый раз. — Она сделала Керрику знак приблизиться, затем постучала по снимку большим пальцем. — Ты знаешь, что это такое?

Он никогда прежде не видел снимков и не понял их назначения. Взяв пластинку, Керрик повертел ее в руках, даже заглянул на обратную сторону, пока Вайнти не забрала ее.

— Ты уже видел этих существ и эти укрытия прежде, — сказала она.

— Позволь заметить, Эйстай, — смиренно вмешалась Ваналпи, — но фарги ведут себя точно так же. Если их не научить разглядывать снимки, они кажутся им бессмысленными.

— Понимаю, — Вайнти отбросила пластинки в сторону. — Конец приготовления. Мы уходим, как только будет определено место. Ты, Керрик, пойдешь вместе с нами.

— Спасибо, Эйстай. Я буду рад помочь тебе.

Керрик был вполне искренен сейчас. Он понятия не имел, куда они отправляются и что там будут делать, его просто привлекало путешествие на лодке.

Его энтузиазм прошел очень быстро. Они выехали на заре, до самых сумерек плыли, а затем легли спать на берегу. Это продолжалось день за днем, пока он не начал завидовать ийланам и их возможности погружаться в бездумное состояние. Он вместо этого смотрел на берег и пытался представить, что находится за стеной деревьев, высившихся там.

По мере продвижения к северу берег менялся. Джунгли уступали место лесу, затем пошли болота, а потом низкий кустарник.

Они миновали устье большой реки, но продолжали движение. Только когда достигли бухты, маршрут был изменен. Вайнти и Сталлан на головной лодке направились к ней. Это было нечто новое, и дремавшие до сих пор фарги пробудились к жизни. Когда они приблизились к берегу, из тростниковых зарослей вылетели птицы и подняли невообразимый крик. Их было так много, что потемнело небо.

Подобно другим, Керрик придвинулся ближе, чтобы услышать, какое решение примет Вайнти. Сталлан коснулась одного из снимков.

— Мы сейчас здесь, и устоэу тоже здесь, — на речном берегу. Если мы подойдем сегодня ближе, нас могут заметить. Самое разумное для нас: облегчить здесь лодки, оставив всю воду и пищу на берегу. Тем самым мы подготовимся к быстрому удару с первыми лучами солнца.

Вайнти согласилась.

— Мы атакуем с реки, чтобы не упустить их на этот раз. Я хочу, чтобы они все были убиты, за исключением нескольких. Сталлан даст вам нужные инструкции относительно пленных. Все понятно? Повторите.

Начальники групп повторяли приказание снова и снова, пока самые тупые фарги не поняли, что нужно делать. Керрику это быстро надоело, и он отвернулся, но Вайнти окликнула его. — Ты останешься здесь с запасами и подождешь нашего возвращения. Я не хочу, чтобы тебя по ошибке убили в сражении. Твоя работа начнется позже.

Прежде чем Керрик успел ответить, она отвернулась. Он не хотел видеть никаких убийств, даже устозоу, и поэтому приветствовал ее решение.

На рассвете все пришло в движение. Керрик сидел на берегу, пока они садились в лодки, затем следил, как те исчезают в утреннем тумане. Инлену тоже смотрела, хотя и с явным отсутствием интереса и, как только они скрылись из вида, открыла один из мясных контейнеров.

— Ты отвратительная обжора, — сказал Керрик. — Ты станешь толстой.

— Есть хорошо, — ответила Инлену, — Ты тоже ешь.

Ему не хотелось этого мяса, хранившегося в пузырях и имевшего затхлый запах, но он все-таки немного поел и выпил воды. Заставить Инлену двигаться, пока она не поест, было невозможно, поэтому он начал разглядывать ее вблизи и вдруг понял, что сказал правду: она толстела и жир уже мягким слоем покрывал все ее тело.

Постоянно находившийся в обществе других, Керрик обнаружил, что еще может получать удовольствие от одиночества. Инлену можно было не считать. Когда лодки ушли, вокруг стало тихо, и он услышал другие звуки: шум ветра в высокой траве, шорох волн, катившихся на берег. Не было только голосов, постоянных разговоров в амбесед.

Керрик и Инлену медленно пошли по чистому песку, между лучками травы, заставляя врасплох птиц, которые выпархивали из-под самых ног. Они прохаживались так, пока Инлену не начала что-то недовольно бурчать. Когда они подошли к гребню высокой черной скалы, начался отлив. Водоросли свисали с ее боков, под водой виднелась россыпь темных раковин, прицепившихся к трещинам.

— Есть хорошо, — сказала Инлену и громко прищелкнула челюстями.

Став по колено в воде, она попыталась оторвать некоторые из раковин, но они крепко прикрепились к камню. Она не протестовала, когда Керрик потянул ее на берег, где вскоре нашел камень размером с кулак. Пользуясь им, он отбил несколько раковин, а Инлену, схватив их, отправила в рот и разгрызла своими огромными челюстями. Она выплюнула осколки рако-

вин в воду и, счастливая, проглотила сладкую плоть моллюсков. Керрик собрал еще для себя и, пользуясь металлическим ножом, висевшим у него на шее, открыл их. Они ели, пока не наелись до отвала.

Это был прекрасный день, лучший из всех, которые он помнил. Но Керрик хотел быть на месте, когда вернутся другие, поэтому они пошли обратно к месту высадки. Ждать им пришлось долго, солнце почти село, когда показались лодки.

Вайнти вышла на берег первой. Широко шагая, она пересекла его, подошла к запасам, опустила оружие в песок и вскрыла контейнер с мясом. Откусив большой кусок, она заметила во-просительную позу Керрика.

— Никто не ушел. Убийцы были наказаны. Они сражались отчаянно, мы потеряли много фарги, но в мире их вполне достаточно. Мы сделали то, за чем пришли сюда, а сейчас ты выполнишь свой долг.

По приказу Вайнти две фарги принесли и швырнули на песок тяжелый узел. Сначала Керрик решил, что это связка шкур, но узел вдруг шевельнулся.

Когда фарги развязали шкуры, Керрик увидел бородатое лицо. Волосы были залиты кровью, а глаза широко открыты от ужаса. При виде Керрика он издал странный резкий звук.

— Устозоу, — сказала Вайнти, — по всей видимости, делает то, что считается разговором у этих грязных существ. Что он говорит, Керрик? Я приказываю тебе послушать и сказать мне, что он говорит.

Нечего было и думать не выполнить приказа — когда Эйстай приказывала, все делали то, что она говорила. Но Керрик не сделал этого, и движения его выражали страх.

Он не понимал смысла этих звуков. Они ничего не значили для него. Совсем ничего.

25

— Существо говорит? — настойчиво спросила Вайнти. — Отвечай немедленно.

— Я не знаю, — пробормотал Керрик. — Может быть. Я ничего не могу понять, вообще ничего.

— Значит, это просто шум?

Вайнти была в ярости — это нарушало ее планы. Она никогда не верила Энги, которая настойчиво утверждала, что грязные существа могут общаться друг с другом. И вот теперь ясно: Энги ошиблась. Вайнти выместила свой гнев на устозоу, ударив его ногой в лицо. Тот застонал от боли, затем громко вскрикнул.

Керрик вдруг насторожился.

— Эйстай, подожди — что-то есть.

Она отступила назад и повернулась к нему, все еще гневная, и Керрик торопливо заговорил, не дожидаясь, пока она обратит свой гнев на него.

— Ты слышала, что он выкрикивал много раз одно и то же слово, и я знаю, то есть думаю, что знаю, что это значит.

Он помолчал и закурил губу, ища в своей памяти давно забытое слово.

— Мараг, вот что он сказал. Мараг.

— Это ничего не значит.

— Нет, значит. Это примерно то же, что устозоу.

Вайнти ничего не могла понять.

— Но ведь это существо само устозоу.

— Нет, я имел в виду другое. Это примерно то же, что для ийлан устозоу.

— Это не совсем ясно, но я начинаю понимать, что ты имеешь в виду. Задавай ему вопросы, а если думаешь, что этот устозоу не может говорить хорошо, мы найдем тебе другого.

Но Керрик не мог этого сделать. Пленник молчал. Когда Керрик, чтобы подбодрить, наклонился к нему, устозоу плюнул ему в лицо. Это не понравилось Вайнти.

— Почисти себя, — приказала Вайнти, затем сделала знак фарги принести другого устозоу.

Керрик почти не замечал происходящего. Мараг. Это слово снова и снова возвращалось к нему и пробуждало воспоминания, неприятные воспоминания. Керрик в джунглях, какая-то схватка на море... Мургу. Это было больше одного марага. Мургу, мараг, мургу, мараг...

Он вдруг заметил, что Вайнти гневно кричит ему.

— Ты что, стал плохо слышать, как фарги, только что вышедшая из моря?

— Прости, я задумался. Звуки, которые произносит устозоу, разбудили мою память...

— Для меня они ничего не значат. Поговори с другим устозоу.

Керрик взглянул вниз на широко раскрытые, испуганные голубые глаза, на спутанные светлые волосы. Испуганное существо заскулило, когда Вайнти схватила одно из копий с каменным наконечником, которые захватили у устозоу, и направила его на пленника.

— Смотри, — сказала Вайнти, — я покажу, что тебя ждет, если ты будешь молчать.

Бородатый пленник хрипло закричал, когда Вайнти повернулась и вонзила в него копье. Она делала это снова и снова, пока он не замолчал. Второй узник застонал и откатился в сторону, насколько позволяли его путы. Вайнти отбросила окровавленное копье в сторону.

— Развяжи ему конечности и заставь говорить, — приказала она и ушла.

Пленник тяжело закашлялся и из глаз у него потекли ручьи слез. Керрик наклонился ближе и ждал, пока он успокоится, потом произнес единственное слово, которое знал:

— Мараг. Мараг.

Ответ последовал немедленно, но был слишком быстр, чтобы он его понял, хотя он различил слово «мургу» и что-то еще. Саммад. Да, саммад, которая была убита. Эти слова что-то значили для него. Все саммад было убито мургу. Это было то, что она сказала.

Она. Слово это пришло ему на язык. Самка. Она была линга, а тот, которого убили — ханнас. Самец и самка. И он сам тоже был ханнас.

Понимание приходило, но очень медленно. Некоторые слова он не мог понять вообще — запас слов восьмилетнего мальчика значительно отличался от запаса слов взрослой женщины.

— Вы оба производите похожие звуки. Ты понимаешь их?

— Да, конечно, понимаю, Эйстай.

— Это хорошо. Свяжите ее снова, чтобы не могла убежать. Утром ты сможешь продолжить и, когда будешь понимать все, задашь устоэу несколько вопросов. Если существо откажется отвечать, его ждет судьба первого. Я уверена, что этот аргумент подействует.

Женщина произнесла несколько слов, и вдруг он осознал, что понимает их, несмотря на то, что не видит ее движений!

— Мне холодно.

— Ты можешь говорить в темноте, и я понимаю тебя.

— Холодно...

Ну конечно, язык марбак отличался от языка ийлан тем, что не зависел от движений тела. Это были звуки, только звуки. Удивленный своим открытием, он снял несколько окровавленных шкур с тела мертвого мужчины и накинул их на женщину.

— Мы можем говорить даже ночью, — сказал он, вытирая свои грязные руки о песок. Когда она ответила, ее голос был низким и еще испуганным, но в нем уже чувствовалось любопытство.

— Я Ина из саммад Охсо. А кто ты?

— Керрик.

— Ты тоже пленник, захваченный мургу. И ты можешь говорить с ними?

— Да, могу. Как вы оказались здесь?

— Станные вопросы ты задаешь. Конечно, пришли. Мы никогда прежде не заходили так далеко на юг, но прошлой зимой очень многие погибли от голода, и нам не оставалось ничего другого. — Она взглянула на его силуэт на фоне темного неба и спросила: — А когда тебя захватили в плен, Керрик?

— Когда? — На этот вопрос было трудно ответить. — Это случилось много лет назад. Я был тогда очень маленьким.

— Они все мертвы, — сказала вдруг женщина и зарыдала. —

Эти мургу убили всех, всех, за исключением нескольких пленников.

Она рыдала все громче, и вдруг Керрик почувствовал боль в шее. Он схватил обеими руками ошейник, и тут его дернули в сторону. Все было просто: шум мешал Инлену спать, и она откатилась в сторону, потащив за собой Керрика. После этого он больше не пытался говорить.

Утром он проснулся с трудом. Голова была тяжелой, кожа горела. Видимо, вчера он слишком много был на солнце. Найдя контейнер с водой, он жадно пил, когда появилась Сталлан.

— Эйстай сообщила мне, что ты говоришь с другими устоу, — сказала она, и в словах ее было столько ненависти, что Керрик возмутился.

— Я — Керрик, тот, что сидит рядом с Эйстай. Твои слова оскорбительны.

— А я — Сталлан, убивавшая для Эйстай устоу. В том, что я сказала, нет ничего оскорбительного.

Охотница вчера пресытилась убийствами, и ее манера говорить была, как всегда, грубой. Но Керрик чувствовал себя сегодня слишком плохо, чтобы спорить с этим наглым существом. Не сегодня. Намеренно не замечая ее движений, выражающих превосходство и удовлетворение, он повернулся к ней спиной, заставив ее следовать за ним к месту, где лежала связанная женщина.

— Говори с ней, — приказала Сталлан.

Женщина задрожала при звуке ее голоса и испуганно взглянула на Керрика.

— Я хочу пить.

— Я принес немного воды.

— Она корчится и издает звуки, — сказала Сталлан, — что это значит?

— Она хочет воды.

— Хорошо, дай ей немного, а потом я буду задавать вопросы. Ину пугал мараг, стоявший рядом с Керриком и холодно, безо всякого выражения смотревший на нее. Потом руки его шевельнулись и он издал какие-то звуки. Керрик перевел:

— Где есть большие тану?

— Где? Что это значит?

— Я говорю за этого безобразного марага. Он хочет знать, где находятся другие саммад.

— На западе, в горах. Ты же сам знаешь.

Сталлан не удовлетворил этот ответ, допрос продолжался. Через некоторое время, даже со своим неполным знанием языка, Керрик понял, что Ина уходит от прямого ответа.

— Ты не говоришь всего, что знаешь, — сказал он.

— Конечно, нет. Этот мараг хочет найти другие саммад, чтобы убить их. Я не скажу ему. А ты сам хочешь этого?

— Мне все равно, — искренне ответил Керрик. Он устал, и

у него болела голова. Мургу могли убивать устозоу, устозоу убивать мургу, ему до этого не было дела. Он кашлянул раз, другой, третий, а когда вытер губы, увидел, что слюна с кровью.

— Спроси снова, — сказала Сталлан.

— Спрашивай сама, — ответил Керрик в такой оскорбительной манере, что Сталлан зашипела от гнева. — Я хочу выпить воды — мое горло пересохло от жажды.

Он выпил воды, жадно глотая ее, затем на мгновение закрыл глаза.

Потом он почувствовал, что кто-то дергает его, но нужно было слишком много усилий, чтобы открыть глаза. Через некоторое время его оставили в покое. Ему было холодно, хотя в небе ярко светило солнце.

26

Самое тяжелое осталось позади. Правда, бывали еще периоды беспамьства, но боль в это время утихала и становилась тупой. Он видел все, как в тумане, однако понимал, что крепкие прохладные руки, поддерживающие его за плечи, чтобы он мог пить, могли принадлежать только Инлену. «Постоянный слуга и провожатый», — подумал он и, сам не зная почему, рассмеялся от этой мысли.

Наконец он окончательно пришел в себя, но не мог двинуться с места. Не то чтобы он был связан или его кто-то держал, просто страшная слабость прижала его к постели. Потом он обнаружил, что может открывать и закрывать глаза, но их туманили непрошенные слезы. Инлену была возле него, упорно сидя на своем хвосте и молча глядя в никуда. С огромным трудом он мог произнести одно-единственное слово — «вода», но не смог сопроводить его нужным движением тела. Один глаз Инлену повернулся к нему, пока она соображала, что он имеет в виду. Постепенно его мысль дошла до нее, она засуетилась, принесла сосуд с водой и приподняла Керрика, чтобы он мог напиться. Он закашлялся, затем откинулся назад, утомленный, но в сознании. У входа что-то задвигалось и в поле его зрения появилась Акотолп.

— Я слышала, он говорит? — спросила она, и Инлену знаком подтвердила это.

— Хорошо, очень хорошо, — сказала ученая. Керрик мельком взглянул на ее толстое лицо, плывшее перед ним, как восходящая луна.

— Ты должен был умереть, — довольно сказала она, — и ты умер бы, не окажись здесь меня. Покажи, как ты благодарен мне за это.

Керрик ухитрился сделать слабое движение челюстью, Акотолл приняла это как должное.

— Болезнь захватила все твоё тело, эти язвы на твоей коже только самая малая часть её. Фарги не хотели касаться тебя, слишком глупые, чтобы понять, что инфекция этого рода очень специфична. А меня это привлекло. Это было очень интересно, поскольку я никогда не работала с теплокровным устозоу. Твоя смерть казалась неизбежной.

Говоря это, Акотолл обмывала его тело. Это было довольно больно, но не шло ни в какое сравнение с тем, что он испытывал прежде.

— Некоторые устозоу, захваченные нами, имели ту же самую болезнь, но в слабой форме. Антитела от них ввели тебе, потому что у тебя их не было. Ну вот и все. А сейчас съешь что-нибудь.

— Как много? — ухитрился прошептать Керрик.

— Как много пищи? Или как много антител? А может, ты ещё бредишь?

Керрик сделал рукой движение, означавшее время.

— Понимаю, сколько времени ты болен? Очень долго, я даже не могу сказать точно. Но это неважно. Выпей это, ведь ты сильно потерял в весе и тебе нужен протеин. Это восхитительный мясной бульон.

Керрик был слишком слаб, чтобы протестовать, и выпил немного жидкости. Затем он уснул, утомленный. Кризис миновал, болезнь ушла, и он поправился. Его никто не навещал, кроме толстой ученой, да он и не хотел никого видеть. Воспоминания о тану, с которой он разговаривал, возвращались снова и снова. Тану и устозоу — одни и те же люди, одни и те же существа. Он не мог этого понять и старался найти в этом смысл. Конечно, он сам был тану и был принесен сюда ещё маленьким, но это случилось так давно и так много произошло с ним с тех пор, что все воспоминания об этом исчезли. Хотя физически он не был ийланом и не мог быть им, сейчас он думал, как они, двигался, как они, и говорил, как они. Но его тело было телом тану, и в его снах он двигался среди таких же, как он, людей. Эти сны тревожили его, даже пугали, и он был рад, что, проснувшись, почти не помнил их. Он пытался вспомнить больше слов тану, но не мог, потому что даже слова, произносимые им вслух, ускользали из его памяти, пока он выздоравливал.

Если не считать постоянного молчаливого присутствия Инлену, он был совершенно один. Акотолл была единственным посетителем, и это его удивляло.

— Они все ещё остаются за городом, те, что отправились убивать устозоу? — спросил однажды Керрик.

— Нет. Они вернулись по крайней мере двенадцать дней назад.

— И никто не пришел сюда, кроме тебя?

— Конечно, нет. — Акотолп удобно уселась на свой хвост. — Ты слишком мало знаешь об ийланах, примерно столько, сколько места между моими пальцами. — Она плотно сжала их и показала ему. — Ты живешь среди нас и ничего не знаешь.

— Я никто и ничего не знаю. Ты же знаешь все и можешь прояснить меня.

Керрик отдавал себе отчет в том, что говорит, и это было не простой вежливостью. Он жил в джунглях тайн, в лабиринте вопросов без ответов. Большую часть своей жизни он провел здесь, в этом загадочном городе. В жизни ийлан было много моментов, о которых знали все, но никто не хотел говорить. Если лезть и подобострастие могли заставить говорить это толстое существо, он готов пойти на это.

— Ийланы не болеют, болезнь бывает только у низших существ, вроде тебя. Я думаю, когда-то были болезни, которые поражали и нас, но прошло уже много времени с тех пор, как они побеждены, подобно лихорадке, убившей некоторых из первых ийлан, пришедших сюда. Поэтому твоя болезнь поставила в тупик глупых фарги, они не могли понять и принять этого, а потому избегали тебя. Однако у меня, поскольку я работала со всеми формами жизни, есть иммунитет к подобной глупости.

Она гордилась собой, и Керрик поспешил согласиться с ней.

— Нет ничего неизвестного для тебя, высочайшая, — добавил он. — Могу ли я осмелиться задать тебе вопрос?

Акотолп знаком выразила свое разрешение.

— А есть ли болезни среди самцов? Я слышал в Канале, что многие из них умирают на берегу.

— Самцы глупы и ведут глупые разговоры. Ийланам запрещено обсуждать эти вопросы.

Акотолп насмешливо взглянула на Керрика одним глазом, скосив второй на спину флегматичной Инлену, думавшей о чем-то своем.

— Но я не вижу вреда от разговора с тобой. Ты не ийлан, к тому же самец, поэтому с тобой можно говорить. Мои объяснения будут просты, ибо у тебя нет знаний, подобных моим. Я опишу тебе некоторые подробности процесса воспроизведения, но прежде ты должен уяснить свое низшее происхождение. Все теплокровные самцы, включая тебя, извергают сперму, и в этом ваш вклад в процесс-рождения. У нашего, высшего вида, все по-другому. Во время полового сношения оплодотворенные яйца откладываются в мужскую сумку. Этот акт начинает метаболические изменения в телах самцов: они становятся вялыми, расходуют мало энергии и толстеют. Яйца высидиваются и молодежь питается в защитной сумке, выходя из нее, когда вырастает достаточно, чтобы выжить в море. Этот прекрасный процесс освобождает высших самок для более важных дел.

Акотолл причмокнула губами, потянулась, схватила тыкву Керрика с жидким мясом и одним глотком осушила ее.

— Высших во всех отношениях! — Она удовлетворенно рыгнула. — Когда молодежь выходит в море, роль самцов в воспроизведении заканчивается. Повернуть вспять метаболические изменения в телах самцов невозможно, и примерно половина из них умирает при этом. Конечно, самцам это не нравится, но на выживание всего вида это не влияет. Я вижу, ты так и не понял, о чем я говорила, верно? Это заметно по пустоте твоих глаз.

Но Керрик все-таки кое-что понял. «ТРЕТИЙ РАЗ НА БЕРЕГУ — ВЕРНАЯ СМЕРТЬ», — подумал он, а вслух сказал:

— Твоя мудрость недосыгаема, высочайшая. Живи я даже с начала времен, и тогда я знал бы только малую часть того, что знаешь ты.

— Разумеется, — согласилась Акотолл. — Низшие теплокровные существа не способны на серьезные метаболические изменения, поэтому их так мало и они могут жить только на краю света. Я работала в Энтобане с животными, которые зарываются в ил на дне высохших озер на время сухого периода и живут там, пока очередные дожди не заполняют водоемы снова. Поэтому даже ты можешь понять, что метаболические изменения помогают выжить так же хорошо, как и умереть.

Разные факты соединились в мозгу Керрика, и он сказал:

— Дочери Жизни.

— Дочери Смерти, — поправила его Акотолл. — И не говори при мне об этих существах. Они не служат своему городу и не умирают, как принято, покидая его. — Когда она вновь посмотрела на Керрика, в ее движениях читалась холодная злоба.

— Икемен умерла, а она была великой ученой. Ты имел честь встречаться с ней, когда она брала образцы твоего тела. Это ее и погубило. Какие-то глупцы на высших этажах потребовали от нее найти биологический путь уничтожения твоего вида устою, а она не смогла, как ни старалась. Поэтому, подобно ийланам, отвергнутым своим городом, она умерла. Но я вижу, что тебя это не трогает, и не хочу больше говорить с тобой.

Она ушла. Керрик был потрясен. Впервые он начал понимать то, что происходит вокруг. А он-то принимал мир таким, каким видел! Он считал, что существа вроде хесотсанов и лодок появились естественным путем, а что было на самом деле? Ийланы изменяли их тела каким-то неизвестным способом и могли сделать это с любым растением или животным в городе. Если толстая Акотолл знала, как добиться этого, ее знания действительно превосходили все, что он мог вообразить. Впервые он испытывал к ней уважение, он уважал ее за то, что она знает и что может сделать. Она вылечила его, без нее он бы просто умер. Потом он уснул и во сне стонал: ему снилось, что

животные вокруг него изменялись и он таял и изменялся вместе с ними.

Скоро он поправился настолько, что мог уже сидеть, а потом, опираясь на Инлену, ухитрился даже сделать несколько шагов. Постепенно силы возвращались к нему, и вскоре он рискнул покинуть свою комнату и посидеть у зеленой стены, на солнышке. Фарги снова приходили, когда он окликал их, приносили ему фрукты.

Силы его продолжали прибывать, и наконец, то и дело останавливаясь, чтобы отдохнуть, он дошел до далекой амбесед. Прежде это была короткая прогулка, а сейчас получилось целое путешествие, он тяжело опирался на Инлену, чтобы достигнуть цели. У стены амбесед он опустился на землю, задыхаясь от усилий. Вайнти заметила его появление и приказала ему приблизиться. Он с трудом поднялся на ноги и, спотыкаясь, направился к ней.

— Ты еще болен, — сказала она.

— Болезнь прошла, Эйстай, осталась только слабость, бесконечно знающая Акотолп велела мне есть бодыше мяса, чтобы мое тело обрело прежнюю форму и силу.

— Делай, как она сказала, — это и мое распоряжение. Победа идет с нами на север, и все устою, которых мы встретили, уничтожены, за исключением нескольких пленников. Я хочу, чтобы ты поговорил с ними и получил от них информацию.

— Как прикажет Эйстай, — ответил Керрик. Он говорил с покорной вежливостью и вдруг почувствовал возбуждение: кожа его покраснела и сам он задрожал. Керрик понял, что ненавидит этих отвратительных существ, и все же продолжал общаться с ними.

— Ты будешь говорить, но не с теми, кого мы приносили тогда, они уже мертвы. А сейчас восстанавливай свои силы. Когда теплое солнце вернется на север, мы пойдем туда снова и снова будем убивать.

Керрик знаком выразил покорность и удивился своей досаде. Оказалось, достаточно ему полежать на солнце, чтобы болезнь окончательно ушла и силы вернулись. Прошло немало дней, прежде чем Акотолп послала за ним. Фарги указали ему дорогу в ту часть города, где он никогда прежде не бывал.

— Закрой глаза, — приказала фарги. — И Керрик быстро закрыл глаза, когда сверху брызнула теплая жидкость.

Акотолп прервала работу, когда они вошли, вытянула руку и уцепилась Керрика своими большими пальцами.

— Хорошо. Ты уже поправился. Теперь тебе нужны упражнения, это приказ Эйстай. Для нее важно, чтобы ты мог идти на север вместе с другими.

— Я выполняю это. — Керрик оглядел странную лабораторию, стремясь во все вникнуть и почти ничего не понимая. — Однажды в далеком Инегбане я был в комнате, похожей на эту.

— Ты мудр в своей глупости. Одна лаборатория действительно похожа на другую.

— Расскажи мне, что ты делаешь здесь, великая.

Акотолп прищмокнула губами, и ее толстое тело задрожало от переполнивших ее чувств.

— Ты хочешь, чтобы я рассказала тебе, существу бесконечно глупому? Даже прожив десять жизней, ты не сможешь этого понять. С тех пор, как первый ийлан вышел из моря, у нас есть своя наука, и с тех пор она развивается. Наука — это знание о жизни, взгляд внутрь жизни, взгляд на клетки, образующие все живое, на клетки генов, на спираль, которая может быть разорвана и изменена по нашему желанию. Можешь ты понять мои слова, ползающее и пресмыкающееся существо? — Очень мало, бесконечно знающая, но достаточно, чтобы понять, что ты управляешь жизнью.

— Это верно. По крайней мере, твоего интеллекта хватает, чтобы оценить то, чего ты не понимаешь. Взгляни на это удивительное существо. — Акотолп оттолкнула в сторону одного из своих ассистентов и указала на шишковатое разноцветное животное, сидевшее на корточках рядом с прозрачной частью стены. Яркие солнечные лучи сверкали на его больших глазах, направленных в их сторону. Кроме того, у него был еще один глаз на макушке. Акотолп пригласила Керрика подойти поближе, страшно развеселилась, заметив его отвращение.

— Тебя что-то беспокоит?

— Эти глаза...

— Они ничего не видят, глупец. Эти глаза превращены в линзы, преломляющие солнечные лучи так, чтобы мы могли видеть невидимое. Взгляни сюда, на эту прозрачную пластину. — Что ты видишь?

— Каплю воды.

— Удивительная наблюдательность. А сейчас, смотри, я вставлю ее в сандуу. — Акотолп ткнула пальцем, и в боку сандуу появилось отверстие, куда она вставила пластину. Затем она мельком заглянула в самый верхний глаз и, довольная, подождала Керрика.

— Закрой один глаз и загляни сюда другим. Теперь скажи мне, что ты видел.

Сначала он не различал ничего, кроме пятен света. Моргнув несколько раз, он шевельнулся и тут увидел их. Это были прозрачные существа с быстро двигающимися щупальцами. Ничего не поняв, Керрик повернулся к Акотолп за помощью.

— Я вижу каких-то двигающихся существ. Кто они такие?

— Мельчайшие животные, живущие в капле воды, их изображения увеличены линзами. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Нет.

— Ну разумеется, ты же никогда не учился. Твой интеллект не выше интеллекта других устозоу. Иди.

Керрик повернулся и задохнулся, увидев бородатого тану, стоявшего в нише стены. В следующее мгновение он понял, что это всего лишь чучело животного.

Идя обратно, он чувствовал странное беспокойство. Солнце грело его плечи, Индену тащилась сзади. Мыслями и речью он был ийланом, но телом — тану, а значит, не был ни тем ни другим, и это огорчало его. В конце концов он решил, что он ийлан и не стоит сомневаться в этом, но пальцы, снова и снова ошупывающие тело, касались теплой плоти тану.

27

— Пришло время уходить, — сказала Сталлан. — Мы уже знаем все места, изображенные на снимках.

— Покажи, — распорядилась Вайнти. Ее помощники и фарги подошли ближе, чтобы тоже увидеть, но властный жест заставил их отойти. Сталлан показывала снимки один за другим, объясняя каждый из них.

— На этих, самых ранних, горные долины, где устозоу обычно зимуют. Но прошлой зимой все там замерзло, а оттепелей, которые приносят жизнь, не было. Поэтому в поисках пищи устозоу должны двигаться на юг.

«На юг, подальше от зимних холодов, — подумала Вайнти. — Мы тоже бежим на юг от зимы Инегбана». Впрочем, она тут же откинула эту отвратительную мысль. Между этими фактами нет никакой связи, как нет ее между ийланами и устозоу. Это только случайное совпадение. Что касается устозоу, то они перемещаются на юг в поисках пищи.

— Юг — это место, где мы можем настигнуть их, — сказала Вайнти.

— Ты отчетливо видишь будущее, Эйстай. Если они останутся там, где привыкли, то умрут от голода, а если не останутся, то придут прямо к нам.

— Когда мы выходим?

— Очень скоро. Посмотри сюда и сюда, на крупных животных, которые тащат волокуши. Они идут вниз с холмов. Там есть трава, но она еще серая и мертвая после холодной зимы. И там лежит белая твердая вода. Им придется идти дальше на юг.

— И они пойдут. Приготовления закончены?

— Да, Эйстай. Запасы собраны, лодки накормлены, вооруженные фарги готовы.

— Следи, чтобы они всегда были наготове.

Она отпустила Сталлан и тут же начала думать о предстоящей кампании. На этот раз они отправлялись далеко и должны были отсутствовать все лето. Они не смогут взять с собой продуктов в достаточном количестве, поэтому нужно подумать о поставках продовольствия. А может, лучше жить за счет той земли? Это проще, к тому же, чем больше животных они убьют, тем меньше достанется устозоу. Но кроме того, нужно иметь и запасы консервированного мяса, чтобы продвижение их не

замедлялось. Все должно быть предусмотрено. Пленников тоже нужно будет брать. Летавший наугад рептор нашел только несколько стай устозоу, но допросы пленников дадут недостающую информацию о местонахождении их стоянок. Вайнти нетерпеливо подозвала к себе фарги.

— Вызови ко мне Керрика.

Ее мысли вновь обратились к будущей кампании, пока она не заметила, что Керрик стоит перед ней.

— Как твоё здоровье? — поинтересовалась она, — ты похудел.

— Да, но болезнь ушла, и шрамы от язв зажили. Каждый день я устраиваю этой толстой Инлену пробежку со мной по полям. Она теряет вес, я набираю его.

— Скоро мы пойдем на север, и ты с нами.

— Как прикажешь, Эйстай, так я и сделаю. — Под внешним спокойствием и покорностью скрывались совсем иные чувства. Ему хотелось пойти, и в то же время он боялся этого.

Болезнь наложила свой отпечаток на его впечатления от последней экспедиции. Проще всего было, когда он лежал без сознания, потому что об этом не оставалось воспоминаний. Затем пришли бессонные дни, боль в груди, язвы, покрывавшие его тело. Он смутно осознавал приближение смерти, но был слишком слаб, чтобы что-нибудь сделать.

Но все это в прошлом — и должно остаться там. Хотя он еще чувствует усталость к концу дня, каждый день делает его более сильным. Все будет хорошо. Он снова пойдет с ними и там, где будут другие Устозоу, будет говорить с ними. Долгое время он даже не позволял себе думать об этом, но сейчас странное возбуждение охватило его, и он нетерпеливо ждал экспедиции. Он снова будет говорить с тану и на этот раз запомнит больше их слов.

Они отправились на север спустя несколько дней, раньше, чем планировали, потому что решили двигаться медленно: Вайнти хотелось посмотреть, смогут ли они запастись мясом по пути. В первый день они плыли лишь до обеда, а затем высадились на каменистый берег. Сталлан взяла своих лучших охотников и ушла, а следом за ней двинулись возбужденные фарги.

Они вернулись назад перед сумерками, фарги тащили туши оленей. Керрик с каким-то странным возбуждением смотрел, как они подходят и кладут оленей у ног Эйстай.

— Это хорошо, это очень хорошо, — довольно сказала она. — Ты носишь правильное имя, Сталлан, — как охотнику тебе нет равных.

ОХОТНИК. Керрик никогда не задумывался над смыслом ее имени. Охотник. Входить в лес, осторожно двигаться по равнине и убивать, убивать...

— Я тоже люблю охотиться, Сталлан, — сказал он, наклонившись, чтобы взять хесотсан, лежавший рядом, но Сталлан грубо оттолкнула его ногой. Отказ был жестким и резким.

— Хесотсан не дают в руки устозоу, из него их убивают. Керрик отпрянул. Он вообще не думал об оружии, а только об охоте и погоне. Пока он обдумывал ответ, заговорила Вайнти.

— У тебя такая короткая память, Сталлан, что ты забыла, кто призывает здесь? Дай Керрику свой хесотсан и объясни, как он действует.

Сталлан замерла от силы этого приказа. Вайнти не меняла повелительного положения своего тела — ей было важно, чтобы все ийлань, даже такого ранга, как Сталлан, помнили, что она — Эйстаи.

Сталлан оставалось только повиноваться. Фарги подошли ближе, как делали всегда, когда что-то должны были объяснить, а охотница с отвращением протянула оружие Керрику.

— Это существо — хесотсан — выведено для того, чтобы быть оружием. — Керрик осторожно взял длинную темную палку и стал следить за указательным пальцем Сталлан. — Пока молоды, они двигаются, а достигнув зрелости, изменяют свою форму. От ног остаются лишь следы, позвоночник костенеет, и существо выглядит подобно этому. Его нужно кормить, иначе оно умрет. Вот это рот, — она указала на черное отверстие, — и его нельзя смешивать с отверстием, в которое вставляются дротики. Дротики собирают на кустах и сушат... НЕ ДВИГАЙ СВОИМИ РУКАМИ!

Сталлан вырвала оружие из рук Керрика и держала, пока не усмирила свою злость. Присутствие Эйстаи сковывало охотницу, будь они одни, она разорвала бы этого устозоу на куски. Ее голос стал еще более хриплым, когда она заговорила снова.

— Хесотсан убивает. Для этого нужно сдвинуть его тело там, где была твоя рука. А затем нажать вот здесь, в основании, большим пальцем другой руки.

Раздался резкий шелкающий звук — и дротик, свистнув, улетел в море.

— Дротик вставляется сюда. Когда хесотсан получит импульс, он выделяет небольшое количество секрета, который превращается в пар и с силой выталкивает дротик. Когда заряжаешь, дротики можно держать руками, но когда они движутся через эту трубку, то слегка касаются железы, которая выделяет яд настолько сильный, что невидимая капля его убивает такое крупное животное, как ненитеск.

— Ты стала отличным учителем, — сказала Вайнти, резко обрывая эту сцену. — А теперь хватит.

Сталлан вырвала хесотсан у Керрика и быстро ушла. Однако не настолько быстро, чтобы он не заметил жгучей ненависти в ее движениях. Он быстро забыл этот теоретический урок, ему не терпелось опробовать оружие на охоте. Но Керрик был

слишком осторожен, чтобы остаться со Сталлан наедине, и предусмотрительно держался от нее подальше, особенно на охоте. Отравленные дротики могли убить его так же легко, как любое другое животное.

Когда подходил день очередной охоты, он смотрел, куда идут Сталлан и другие, а затем уходил в противоположном направлении, ему не хотелось стать жертвой несчастного случая.

Охотиться с неуклюжей Инлену на привязи было нелегко, но он делал это, как мог.

Счастье не оставляло его, и Инлену с течением времени приносила на берег все больше и больше оленей. Но для Керрика важнее, чем олени, было чувство, которое он испытывал, подкрадываясь к ним в высокой траве. Это было высшее удовольствие. При этом он не замечал усталости, ел с большим аппетитом и крепко спал. Охота продолжалась по мере продвижения на север, и с каждым днем он замечал, что делает это все лучше и лучше. Когда они покинули океан и вошли в широкую реку, Керрик чувствовал себя таким же сильным, как до болезни. Через несколько дней после этого произошел первый бой, первая бойня этого лета.

Когда все ушли, Керрик остался на своем обычном месте, в лагере. Снимки рептора показывали, что устоэу двигаются в этом направлении вдоль реки, и в удобном месте была устроена засада. Но это не касалось Керрика. Скрестив ноги, он сидел на земле и открывал рот хесотсана ногтем указательного пальца. Затем втолкнул туда кусок мяса, думая при этом о следующей охоте. Он хотел описать широкий круг вокруг найденного стада оленей, а затем лечь в засаду с подветренной от них стороны. Олени будут бежать от других охотников и выскочат на него. Это был хороший план.

Далекий пронзительный крик нарушил его мысли. Даже Инлену засуетилась, оглядываясь по сторонам. Звук повторился ближе и громче. Керрик вскочил на ноги, держа оружие наготове, когда крик раздался снова, сопровождаемый глухим стуком падения.

Потом с берега донеслось громкое мычание и появилась большая голова. Огромные белые бивни, поднятый хобот и оглушительный рев.

— Убей устоэу! — взмолилась Инлену. — Убей! Убей!

Керрик поднес хесотсан к глазам, взглянул вдоль него на темный глаз существа, свирепо смотревшего на него, и вдруг прошептал:

— Кару... — Рука его опустилась, и он не выстрелил. Инлену застонала от ужаса.

Мастодонт поднял хобот, снова заревел, затем повернулся и исчез из виду.

Кару... Почему он сказал это? Что это значило? Его поразило это гигантское существо, но он не боялся его. Это странное

слово «кару» и эта смесь воспоминаний: теплый и дружеский... холодный, как смерть... Весь дрожа, он отбросил их прочь. Сражение, должно быть, очень близко: огромный волосатый зверь испугался схватки и побежал этим путем. Керрик был рад, что не убил его.

— Эйстай вызывает того, кого зовут Керрик, — сказала фарги, медленно шедшая вдоль речного берега. Она была ранена острым предметом, и широкая повязка покрывала ее руку. Кровь стекала по ней и капала у ее ног.

— Вымой себя, — приказал Керрик, затем дернул поводок, и Инлену неуклюже поднялась на ноги. Хесотсан доел кусок мяса, и, прежде чем идти, Керрик ловко закрыл его рот: у существа были маленькие острые зубы и оно могло пребольно укусить, если этого не сделать.

Они дошли до речной отмели, затем повернули, наткнувшись на хорошо утоптанную тропу. Множество раненых фарги проходили мимо них, направляясь в обратную сторону. Некоторые из них стояли, другие лежали на земле, слишком слабые, чтобы идти дальше, а потом попалась мертвая, лежавшая у дерева с широко раскрытым ртом. Сражение, видимо, было жестоким.

Затем Керрик увидел первых мертвых тану. Они лежали рядом — мужчина и женщина, а в стороне валялись маленькие детские трупик. Еще дальше виднелся мертвый мастодонт, окруженный рассыпавшимся скарбом.

Потрясенный, Керрик, спотыкаясь, отошел от них. Они были устозоу, и их нужно было убивать, и в то же время они были тану. Они были отвратительные устозоу, которые устроили резню ийланских самцов и детенышей на берегу. Но что он сам знал об этом? Он никогда даже не подходил к берегу.

Фарги, пронзенная копьем, лежала в луже крови, обхватив охотника, убившего ее. Она была ийланом, и он, Керрик, тоже был ийланом.

Но нет, он был тану. А может быть, не был?

На этот вопрос он ответить не мог, как не мог и забыть его. Когда-то он был мальчиком, но этот мальчик давно умер, и сейчас он был ийланом, а не грязным устозоу.

Фарги дернула его за руку, и он пошел за ней, мимо новых трупов тану, мастодонтов, ийлан. Смотреть на это было невыносимо. Скоро они подошли к группе вооруженных фарги, которые расступились, пропуская Керрика. Там стояла Вайнти, каждым движением своего тела выражая нескрываемый гнев. Увидев Керрика, она молча указала на что-то, лежавшее у ее ног. Это была шкура животного, плохо выделанная и бесформенная, за исключением головы, набитой травой.

Керрик в ужасе отпрянул. Это было не животное, а ийлан, и он узнал его. Это была Сокайн, убитая устозоу, убитая, ободранная и принесенная сюда.

— Посмотри на это! — Каждое движение Вайнти, каждый звук ее голоса дышали ненавистью и неукротимым гневом. — Посмотри, что сделали эти животные с одной из лучших наших ученых. Я хочу знать, кто это сделал, сколько их было и где их можно найти. Ты задашь эти вопросы захваченному устою. Вероятно, это вождь стаи, его удалось усмирить только дубиной. Расскажешь мне все, когда я вернусь. Нескольким устою удалось бежать, но Сталлан со своими охотниками преследует их.

На поляне, окруженной высокими деревьями, лежал связанный тану. Стоявшая рядом фарги избивала его копьём.

— Причиняй ему боль, но не убивай до моего возвращения, — сказала Вайнти, затем повернулась и заторопилась прочь.

Керрик медленно, почти против своей воли, подошел и увидел, что борода и волосы охотника в крови. Он молчал, и фарги продолжала избивание.

— Прекрати, — приказал Керрик, ткнув фарги хесотсаном, чтобы привлечь ее внимание. — И уходи отсюда.

— Кто ты? — хрипло спросил мужчина, закашлялся и выплюнул кровь и остатки зубов. — Ты тоже пленник?.. Где твои волосы?.. Кто ты?.. Ты можешь говорить?..

— Я... Я — Керрик.

— Это имя мальчика, а не охотника, а ты уже взрослый.

— Здесь я задаю вопросы. Скажи мне твое имя.

— Я — Херилак, а это моя женщина. Была... Они мертвы, все мертвы, так?

— Некоторые убежали, и за ними гонятся.

— Имя мальчика... — его голос стал мягче. — Подойди ближе, мальчик, ставший мужчиной. Дай мне взглянуть на тебя. Я плохо вижу, поэтому тебе нужно подойти... Да, я вижу. Хотя у тебя нет волос, я вижу, что у тебя лицо тану.

Херилак повертел головой. Видя, что кровь заливает ему глаза, Керрик наклонился и вытер ее. Это было как прикосновение к самому себе, к теплой коже, похожей на его собственную, он вздрогнул от этого незнакомого ощущения.

— Ты издавал какие-то звуки, — продолжал Херилак, — и ерзал, как это делают они. Ты можешь говорить с ними, да?

— Здесь я задаю вопросы, а ты должен отвечать на них.

Херилак не обратил внимания на эти слова, но с пониманием кивнул.

— Они хотят, чтобы ты делал их работу. Давно ты у них?

— Я не знаю, много лет... зим...

— И все это время, Керрик, тану убивали их. Мы убивали их, но слишком мало. Однажды я видел мальчика, которого схватили мургу: у них что, много пленников?

— Ни одного, кроме меня...

Херилак заговорил почти шепотом:

— Ты можешь говорить с ними. Нам нужна твоя помощь, всем

тану... — Он вдруг замолчал, увидев, что висит на шее Керрика, затем заговорил вновь. — Повернись, мальчик, повернись к свету. Что это у тебя на шее?

— У меня? — переспросил мальчик, касаясь холодного металла ножа. — Они сказали, что это висело у меня, когда меня захватили.

Голос Херилака становился все более глухим и далеким, по мере того как он погружался в воспоминания.

— Небесный металл... Я был одним из тех, кто видел его падение с неба, искал его и нашел. Я был там, когда делались эти ножи, пилил куски металла крепкими камнями, ковал и сверлил их. Подними мой мех спереди и посмотри...

Под ним на ремне висел металлический нож. Керрик недоверчиво коснулся его — он был таким же, как его собственный, только в два раза больше.

— Я видел, как их делали — большой для саммадара, а маленький для его сына. Возможно, детское имя мальчика было Керрик, я не помню, но его отец был близок мне. Его звали Амахаст. Потом много лет спустя я вновь нашел нож из небесного металла — среди сломанных костей его тела. Тела Амахаста.

Керрик молча слушал, как охотник произносил это имя. Имя, приходившее к нему во сне и забывавшееся наяву.

АМАХАСТ.

Это слово, подобно ключу, освободило поток воспоминаний, хлынувших на него. Кару, его мастодонт, убитый рядом с ним, его отец Амахаст, убитый вместе со своей саммад... Воспоминания туманились и накладывались на сегодняшнее зрелище трупов, лежавших со всех сторон. Сквозь эти воспоминания медленно пробивались слова охотника:

— Убей их, Керрик, убей их, как они убивали всех нас!

Керрик повернулся и вместе с Инлену, спотыкавшейся сзади, бросился прочь от охотника и его голоса. Но убежать от них было невозможно. Мимо вооруженных фарги он поднялся на вершину травянистого склона, который спускался к морю, сел на землю, обхватив колени, и уставился на море, погруженный в себя.

Он видел Амахаста, своего отца, и его саммад. Глаза его наполнились слезами, которых он не знал за собой даже в детстве, когда видел гибель своей саммад, вырезанной так же, как саммад Херилака сегодня. Две эти сцены слились в его мыслях воедино и превратились в одну. За долгие годы жизни с ийланами он забыл прошлое, но сейчас вспомнил и чувствовал себя двумя разными людьми: устозоу, говорящим, как ийлан, и мальчиком тану.

Мальчиком? Он взглянул на свои руки, пошевелил пальцами. Он больше не был мальчиком. За эти годы его тело выросло, он стал мужчиной, хотя только теперь осознал это.

Вскочив на ноги, Керрик громко закричал от возбуждения. Кто он такой и что произошло с ним? Внезапно что-то дернуло его за шею. Он повернулся и обнаружил, что Инлену тянет за свой конец поводка. Ее глаза были широко открыты, а движения выражали тревогу и страх.

Ему вдруг захотелось убить ее, и он начал поднимать оружие, еще зажатое в его руке.

— Мараг! — выкрикивал он. — Мараг! — Но гнев исчез так же быстро, как появился, и Керрик сконфуженно опустил хесотсан.

Стоило ли стрелять в ту, которая была пленником больше, чем он.

— Успокойся, Инлену, — сказал он. — Все в порядке, так что успокойся.

Инлену вновь села на свой хвост и уставилась на вечернее солнце. Керрик смотрел мимо нее на поляну среди деревьев, где ждал Херилак.

Чем мог он помочь избитому и обреченному пленнику? Кто он такой? Физически он был тану, мужчиной с мыслями мальчика, и это очевидно для него теперь. Этот мальчик, оставшись в живых, стал ийланом, и это тоже очевидно. Ийланом — по своим внутренним ощущениям и тану — для окружающего мира.

Это все ясно, непонятно только, что будет с ним дальше. Если он ничего не сделает, его жизнь останется прежней — высокое положение, правая рука Эйстан, почет и уважение.

Но было ли это тем, чего он хотел? Его будущим? Никогда прежде он не задумывался над этим вопросом, и даже не предполагал возможности такого конфликта. Керрик пожал плечами и встряхнул головой, освобождаясь от невидимой ноши. Он сделает, как сказала Вайнти, и задаст вопросы устоэу, а подумать обо всем этом он сможет позднее, сейчас же у него слишком болит голова.

Когда он вернулся, все было по-прежнему. Херилак лежал связаный на земле, а три фарги стояли на страже, послушные и нерассуждающие. Керрик взглянул вниз, на охотника, попробовал заговорить, но слова не приходили. Первым молчание нарушил Херилак.

— Делай, как я говорю, — прошептал он. — Убей мургу, разрежь мои путы и бежим вместе. В горы, к зимнему снегу, к хорошей охоте и костру в палатке. Вернись к своему народу. Сказанные шепотом, эти слова прогремели для Керрика, как раскаты грома.

— Нет! — закричал он. — Замолчи! Ты должен только отвечать на мои вопросы. Ничего не предлагать, только отвечать...

— Ты был потерян, мальчик, потерян, но не забыт. Они пыта-

лись сделать из тебя своего гражданина, но ты не стал им. Ты — тану и можешь вернуться в саммад.

Керрик гневно закричал, приказывая Херилаку замолчать, но не мог избавиться от голоса и слов охотника, и в то же время не мог уступить ему. Все решила фарги, державшая копье охотника. Она ничего не понимала, но, видя странное поведение Керрика и помня прежний приказ Эйстай, решительно подошла к Херилаку.

— Нет! — громко крикнул Керрик на языке марбак. — Не делай этого!

Оружие в его руке щелкнуло почти без его усилий, и фарги рухнула мертвой. Еще охваченный гневом, он повернулся и выстрелил во вторую фарги, ее рот был недоверчиво открыт, когда она падала. Третья начала поднимать оружие, но Керрик оказался быстрее, и она тоже упала. А он продолжал снова и снова сжимать хесотсан, пока трупы фарги не ошетились дротиками. Потом хесотсан опустел, и Керрик швырнул его на землю.

— Возьми копье и освободи меня, — приказал Херилак.

Инлену, шатаясь, последовала за Керриком, когда он подошел к фарги и вырвал копье из ее мертвых рук, а затем освободил руки и ноги Херилака.

— Что такое? Что случилось? — услышал вдруг он гневный голос Вайнти.

Керрик резко повернулся и увидел ее, стоящую за ним с открытым ртом и белыми блестящими зубами. Потом глаза его затуманились и он вспомнил, как эти зубы разрывали горло девушки, увидел ряды зубов над собой, когда она сидела на нем, расставив ноги и ревя от наслаждения, разделенного с ним.

Наслаждение и ненависть — сейчас он испытывал их одновременно. Она сказала что-то, чего он не услышал, и, видя, что он не повинует, повернулась и потянулась за одним из валявшихся рядом хесотсанов.

То, что он сделал в следующий миг, было настолько естественным, что не потребовало ни размышления, ни усилий. Копье поднялось, рванулось вперед и глубоко погрузилось в тело Вайнти.

Она схватила его, выдернула, и из раны фонтаном брызнула кровь, силы покинули Вайнти, и она упала на землю.

— Беги! — крикнул Херилак, схватив Керрика за плечо. — Идем со мной. Тебе нельзя оставаться после того, что ты сделал.

Единственный выход — бежать.

Он взял Керрика за руку и потянул к темной стене леса на дальней стороне поляны. Поначалу Керрик сопротивлялся, но

потом, спотыкаясь, последовал за ним, держа в руке забытое копье. Протестующая Инлену топала сзади. Потом все трое скрылись среди деревьев, и вскоре их шаги затихли вдали. Поляна снова была пуста и тиха. Тиха как смерть.

Конец первой книги.

КНИГА ВТОРАЯ

Вороны описывали широкие круги и громко каркали перед тем, как сесть на деревья. Близился полдень, и слабый ветерок не спасал от жары. Под деревьями было прохладнее: сквозь плотную листву берез и дубов пробивались лишь редкие солнечные лучи. Те, которым это удавалось, весело прыгали по трем телам, неподвижно лежавшим в примятой траве.

Даже могучая сила Херилака была на исходе. Его раны открылись, и кровь заливала лицо. Он лежал на спине, закрыв глаза, и тяжело дышал.

Инлену лежала напротив него, широко раскрыв рот, чтобы остыть после долгого бега.

Керрик не был утомлен, и потому отдавал себе отчет, что случилось и где они находятся: среди предгорий, недалеко от берега. Они могли двигаться, пока двигалась Инлену, а когда она зашаталась и остановилась, Херилак тоже свалился на землю. За время долгого бега паника Керрика прошла, сменившись убийственным страхом.

Что он наделал?

Впрочем, он отлично знал ответ на этот вопрос. Убив Эйстайн, он уничтожил самого себя. Сейчас, когда все было позади, он не мог понять, что заставило его совершить этот безумный поступок. Одним ударом копья он разорвал все узы, соединявшие его с ийланами, и противопоставил себя им. Жизнь, которую он вел, закончилась со смертью Вайнти. Он никогда не сможет вернуться к удобствам Альпесака, к легкой жизни, которую вел там. Впереди его ждала пустота. Содрогнувшись от этой мысли, он повернулся и посмотрел на склон. Никакого движения. Никакого намека на погоню. Пока нет, но она будет, обязательно будет. Убийце Эйстайн не позволят уйти безнаказанно.

Да, возврата не было. Он стал изгнанником, ийланом среди устоэу. Чей-то голос прервал его размышления, и прошло некоторое время, прежде чем он понял, о чем тот говорит.

— Ты все сделал хорошо, Керрик. Это был отличный удар, ты убил одного из их командиров.

— Не просто командира,— бесцветным голосом сказал Керрик. — Главу города, саммадара города.

— Это еще лучше!

— Лучше? Ее смерть означает мою смерть.

— Ее? Этот безобразный мараг—самка? В это трудно поверить.

— Они все самки. Самцы содержатся отдельно, в другом месте.

Херилак приподнялся на локте и холодно взглянул на Инлену.

— Значит, она тоже самка? — спросил он.

— Да, как и все.

— Дай мне копые. Пусть их будет на одну меньше.

— Нет!

Керрик отдернул копые прежде, чем пальцы Херилака нашли его.

— Только не Инлену! Она безвредна и такой же пленник, как я. Ты не убьешь ее.

— Почему? Разве не такие, как она, вырезали всю мою саммад, всю, до единого человека? Дай мне копые. Я убью ее, и ты будешь свободен. Неужели ты считаешь далеко уйти с таким грузом?

— Ты не причинишь ей вреда, ясно?

Керрик сам был удивлен теплотой своих чувств к Инлену. Прежде она ничего не значила для него, и он воспринимал ее как помеху своим передвижениям. Но сейчас ее присутствие было чем-то успокаивающим.

— Если не хочешь убивать ее, перережь поводок наконечником копья.

— Его нельзя перерезать. Смотри, край камня даже не царапает его. — Он безуспешно водил острием по гладкой и твердой поверхности ошейника. — Некоторые из твоей саммад убежали, — продолжал Керрик, стараясь отвлечь внимание Херилака от Инлену.

— Ты знаешь, кто они и сколько их?

— Нет. Только то, что несколько сбежало.

— Мне нужно подумать. Кто бы они ни были, они не пойдут дальше на юг, а вернутся туда, где мы были прошлой ночью. Нужно и нам идти туда же. — Он взглянул на Керрика. — За нами есть погоня?

— Не думаю, чтобы кто-нибудь из ийлан видел наше бегство. Но они придут. Они хорошие следопыты и не позволят мне уйти после того, что я сделал.

— Ты тревожишься без причины: пока они еще не пришли. Но мы не будем в безопасности до тех пор, пока не уйдем на достаточное расстояние от этого берега. — Херилак поднялся, обтер засохшую кровь и огляделся. — Мы пойдем на север, пересечем гребень горы и выйдем к реке.

Всю оставшуюся часть дня они медленно двигались к горам, следуя за хромавшим Херилаком. Войдя в заросшую травой долину, тот вдруг остановился и принялся.

— Олень, — сказал он. — Нам нужна пища. Не думаю, что за нами гонятся, но даже если и так, мы все равно не должны упускать случая. Ты принесешь хорошую добычу, Керрик.

Керрик взглянул на копые, прикидывая его вес.

— Я не бросал копые с тех пор, как был мальчиком. У меня сейчас не получится.

— Это вернется.

— Но не сегодня. А как ты, Херилак? У тебя хватит сил?

Он протянул копые, и Херилак схватил его.

— Когда у меня не хватит сил для охоты, я умру. Идите к реке и ждите, я скоро вернусь.

Он выпрямился, держа в руке копые, а затем быстро и бесшумно исчез из виду. Керрик повернулся и направился к реке, где досыта напился, а затем плеснул несколько пригоршней воды на свое потное тело. Инлену встала на колени и шумно всасывала воду.

Керрик позавидовал ее спокойствию и равнодушию. Наверное, приятно быть глупой.

Керрик знал, что он оставил за собой, но будущее было для него темно. Сможет ли он жить вдали от города, ведь он ничего не знает об этом грубом существовании. Детские воспоминания тут не годились. Он даже не мог бросить копые.

— Ийланы идут, — сказала вдруг Инлену, и Керрик, испуганно вскочив на ноги, метнулся в кусты. Однако страх его был напрасным: из кустов вышел Херилак, на плече которого висел олень.

Керрик гневно повернулся к Инлену, но тут же понял, что она ни в чем не виновата. Для Инлену все, кто говорил, были ийланы, и сейчас она имела в виду только то, что кто-то идет.

— Я видел мургу, — сказал Керрик, и страх Керрика вернулся. — Они были в соседней долине и возвращаются к морю. Думаю, они потеряли наш след. А сейчас мы будем есть.

Пользуясь копьем, он выпотрошил еще теплого оленя, и поскольку у них не было огня, сначала вырезал его печень, разделил ее пополам и половину протянул Керрику.

— Я не голоден, — сказал Керрик, глядя на сырой, кровоточащий кусок.

— Прощу тебя, не отказывайся.

Лицо Инлену было повернуто в сторону, но ее глаз следил за каждым движением Херилака. Тот заметил это и спросил:

— Она ест мясо?

Керрик улыбнулся вопросу и приказал Инлену открыть рот. Инлену сделала это, и Херилак увидел пасть, полную блестящих зубов.

— Да, она ест мясо. Накормить ее?

— Конечно.

Херилак ободрал шкуру с передней ноги оленя, вырезал большой кусок и передал его Керрику.

— Дай ей сам. Мне не нравятся ее зубы.

— Инлену безобидна. Это просто глупая фарги.

Инлену сомкнула пальцы вокруг куска мяса и принялась медленно жевать его, тупо глядя куда-то вдаль.

— Как ты назвал ее? — переспросил Херилак.

— Фарги. Я не могу объяснить, что значит это слово. Что-то

вроде существа, которое учится говорить, но у него это плохо получается.

— Ты тоже фарги?

— Нет! — оскорбился Керрик. — Я — ийлан, то есть вообще-то я тану, но говорю, как ийлан. И поэтому причислял себя к ним. ПРИЧИСЛЯЛ.

— А как все это произошло? Ты помнишь?

— Сейчас да, но долгое время не мог вспомнить.

Его голос прерывался, когда он впервые начал вслух рассказывать о том, что произошло с саммад Амахаства. Резня на берегу, плен, страх неизбежной смерти и неожиданная передышка... Дойдя до этого места, он замолчал, потому что словами нельзя было описать его жизнь за годы, прошедшие с того дня.

Херилак тоже молчал, стараясь понять, что случилось с мальчиком Керриком, который ухитрился остаться в живых, когда все остальные погибли. Единственный выживший, как-то сумевший договориться с мургу. Научившийся их языку, он был слишком похож на них, хотя и не осознавал этого. Разговаривая, он то и дело дергался телом, а закончив, сидел неподвижно. Что-то они там сделали с ним. И потом эта сумка из кожи, похожей на его собственную... Тут мысли Херилака прервал громкий всплеск воды.

Керрик тоже услышал его и побледнел от страха.

— Они нашли нас. Я погиб...

Херилак сделал ему знак замолчать, схватил копье и повернулся к воде. Из кустов, росших на берегу, появился человек, и Херилак опустил копье.

— Это Ортнар, — сказал он и окликнул охотника.

Ортнар замер на месте, потом, увидев их, расслабился. Он был здорово измотан и, направляясь к ним, опирался на копье. Только подойдя ближе, он увидел Инлену и, подняв копье, хотел метнуть его, но остановился, услышав голос Херилака:

— Стой! Этот мараг пленник. Ты один?

— Да... — Он остановился и тяжело опустился на землю, положив рядом лук и пустой колчан. — Со мной был Телгес, и мы охотились, когда на нас напали мургу. Мы сражались, пока у нас были стрелы, а потом они подошли к нам со своими смертоносными палками, и мы ничего не могли сделать. Все, кроме нас, были уже мертвы, и я хотел уходить, но Телгес колебался и бежал недостаточно быстро. Они преследовали нас, и он повернул обратно, а потом упал... Я остался один... А сейчас скажи мне, что это за существо?

— Я не существо, я — тану, — гневно сказал Керрик.

— Не очень-то похоже. Ни волос, ни копья... соединен с этим марагом...

— Замолчи, — приказал Херилак. — Это Керрик, сын Амахаства. Его мать была моей сестрой. Он был в плену у мургу.

Ортнар потер лицо рукой.

— Я поторопился со словами. Сегодня был день смерти... Я — Ортнар, и я приветствую тебя. — Его лицо исказилось в мрачной гримасе. — Добро пожаловать в саммад Херилака, хотя и несколько малочисленную. — Он взглянул на темнеющее небо. — Сегодня ночью там появится много новых звезд.

Солнце было уже низко, и воздух на этой высоте был холодным. Инлену отложила в сторону обглоданную кость и взглянула на Керрика.

— Позволь униженно спросить, где плащи?

— Плащей нет, Инлену.

— Мне холодно.

Керрик тоже дрожал, но не от холода.

— Я ничего не могу сделать, Инлену, совсем ничего...

2

Инлену умерла ночью.

Керрик проснулся на рассвете, дрожа от холода. На траве сверкали капли росы, над рекой клубился туман. Когда он повернулся к Инлену, то увидел, что ее рот широко открыт, а глаза слепо смотрят в одну точку.

Холод, подумал он. Она умерла от холода.

Затем он увидел лужицу крови под ее головой. Острые копыя пробило Инлену горло, убив на месте. Кто же сделал это? Херилак еще спал, но глаза Ортнара были открыты и холодно смотрели на него.

— Убийца! — крикнул Керрик, вскакивая на ноги. — Ты убил это безвредное животное, пока оно спало.

— Я убил марага, — нагло ответил тот, — а это всегда было хорошим поступком.

Дрожа от гнева, Керрик протянул руку и схватил копые Херилака. Однако поднять его он не успел: большой охотник крепко взялся за древко.

— Существо мертво, — сказал Херилак, — и тут ничего не поделаешь. Она все равно скоро умерла бы от холода.

Керрик перестал дергать копые и вдруг прыгнул к Ортнару, схватил его за горло и начал душить. Ортнар извивался под ним и ошупью искал копые, но Керрик прижал руку мужчины к земле. Охотник слабо сопротивлялся, царапая спину Керрика свободной рукой, но в гневе тот ничего не чувствовал.

Наверное, Керрик задушил бы Ортнара, если бы не вмешался Херилак. Он вцепился в запястья Керрика своими ручищами и развел их в стороны. Ортнар хватал воздух широко открытым ртом, но не мог отдышаться. Потом он застонал и стал ошупывать свое помятое горло. Слепой гнев Керрика прошел,

и, как только он перестал вырываться, Херилак отпустил его.

— Тану не убивал тану,— произнес большой охотник.

Керрик хотел было возразить, но промолчал. Инлену мертва, и смерть ее убийцы ничего не изменила бы. К тому же Херилак прав: зима все равно убила бы ее. Керрик сел рядом с неподвижным телом и посмотрел на солнце. Кем она была для него? Просто глупой фарги, всегда и везде ходившей за ним? С ее смертью оборвалась последняя нить, связывавшая его с Альпесаком. Он снова стал тану и должен забыть, что когда-то был ийланом.

И тут он осознал, что по-прежнему связан с Инлену гибким поводком, перерезать который невозможно. Вместе с этой мыслью пришло понимание того, что есть лишь один способ освободиться. Керрик испуганно взглянул на Херилака. Саммадар понимающе кивнул.

— Я сделаю все, что нужно. Отвернись, чтобы не видеть этого.

Керрик отвернулся к реке, но отчетливо слышал все, что происходило у него за спиной. Тем временем Ортнар пришел в себя и, спотыкаясь, спустился к речке обмыть лицо и шею. Чтобы заглушить страшные звуки, Керрик начал выкрикивать в его адрес разные оскорбления.

Вскоре все кончилось. Прежде чем подать Керрику ошейник, Херилак вытер его о траву, а тот торопливо направился к воде, где долго мыл его. Когда ошейник стал чистым, Керрик взял его обеими руками и пошел по склону вдоль берега, не желая видеть того, что лежало позади.

Услышав шаги охотников, он быстро обернулся: ему не хотелось быть убитым сзади.

— Он хочет тебе что-то сказать,— произнес Херилак, вытолкнув вперед Ортнара. На лице маленького охотника застыла ненависть, и он то и дело прикасался к горлу. Голос его был хриплым.

— Возможно, я ошибся, убив марага, но я не жалею, что сделал это. Саммадар приказал мне говорить с тобой, и вот что я скажу: ты пытался убить меня, чужак, а это нелегко забыть, но твоя связь с марагом была сильнее, чем я думал, поэтому я говорю по доброй воле, что твоей спине незачем бояться моего копыя. А что скажешь ты?

Оба охотника смотрели на Керрика, и он понял, что решить все нужно именно сейчас. Инлену умерла, и ничто не могло вернуть ей жизнь. Кроме того, он понимал холодную ненависть Ортнара после уничтожения всей саммад.

— Твоей спине не грозит мое копые, Ортнар,— ответил Керрик.

— И не будем больше говорить об этом,— властно сказал Херилак. — Ортнар, ты понесешь тушу оленя, сегодня ночью мы

добудем огонь и хорошо поедим. Пойдете вдвоем, дорогу ты знаешь. Привал в полдень, тогда же я и присоединюсь к вам. А пока я выясню, не идут ли за нами мургу. Некоторое время двое мужчин шли молча. Тропа была хорошо видна и вела почти до конца долины. Ортнар тяжело дышал под своей ношей и, когда они дошли до медленно текущего ручья, взмолился:

— Немного попоью, чужак! Потом пойдем дальше.

Он бросил оленя на землю и погрузил лицо в воду. Когда Ортнар напился и отдохнул, Керрик обратился к нему с вопросом:

— Меня зовут Керрик, сын Амахаста. Может, ты находишь, что это слишком тяжело заломнить?

— Мир, Керрик. Мое горло еще болит после стычки с тобой. Я не хотел тебя оскорбить, но ты выглядишь очень странно. Вместо бороды и волос у тебя только щетина.

— Со временем они вырастут. — Керрик потер свое лицо.

— Да, наверное, это выглядит странно только сейчас. Но кольцо на шее, почему ты не снимешь его?

— Пожалуйста, попробуй. — Керрик протянул ему кольцо, которое нес, и улыбнулся, когда Ортнар безуспешно попытался распилить прозрачный поводок острым краем наконечника копья.

— Он гладкий и гибкий, но я не могу разрезать его.

— Ийланы многое делают из того, что мы не умеем. Если я расскажу тебе, как это было сделано, ты не поверишь мне.

— Ты знаешь их секреты? Ну конечно, ты должен их знать. Расскажи мне о смертоносных палках. Мы захватили одну, но ничего не смогли с ней сделать. В конце концов она начала вонять, и когда мы разрезали ее, то оказалось, что это какое-то мертвое животное.

— Это существо называется хесотсан. Как и любое другое животное, его нужно кормить, чтобы оно не умерло. В определенном месте вставляешь в него дротик, и, когда нажимаешь соответствующим образом, тот с силой вылетает.

Челюсть Ортнара отвисла, когда он попытался осмыслить это.

— Как это? Где водятся такие животные?

— Нигде. Это секрет мургу. Я видел, что они делают, но не могу объяснить как. Они могут делать с животными странные вещи. Это трудно объяснить.

— И еще труднее понять. Однако нам пора идти. Теперь твоя очередь нести оленя.

— Херилак приказал нести оленя тебе.

— Да, но ведь ты будешь помогать есть его.

Ортнар улыбнулся, говоря это, и, несмотря на злость, Керрик ответил ему улыбкой.

— Хорошо, давай его сюда. Но потом ты возьмешь его обратно. Кажется, Херилак говорил, что у нас будет огонь?

При воспоминании об этом его рот наполнился вдруг слюной.

— Горячее мясо... Я совсем забыл, что это такое.

— Значит, мургу едят мясо сырым? — спросил Ортнар, когда они снова вышли на тропу.

— Нет. То есть, и да и нет. Они каким-то образом размягчают его.

— А почему они просто не поджарят его?

— Потому... — Керрик вдруг остановился. — Потому что у них нет огня. Я только сейчас понял это. Я всегда считал, что огонь им не нужен, потому что там, где они живут, всегда тепло. А по ночам, когда было холодно, или в сырые дни мы накидывали специальные теплые плащи.

— Шкуры? меховые накидки?

— Нет, живые существа, выделяющие тепло.

— Звучит отвратительно. Чем больше я слышу о мургу, тем больше ненавижу их. Не понимаю, как ты смог выжить среди них?

— У меня не было выбора, — мрачно ответил Керрик.

Херилак присоединился к ним вскоре после того, как они достигли места стоянки.

— За нами никого нет. Они повернули обратно.

— А сейчас мы будем готовить мясо, — сказал Ортнар и причмокнул губами. — Но я бы предпочел, чтобы мы принесли огонь с собой.

Эти слова заставили Керрика вспомнить давно забытое.

— Когда-то и я хранил огонь на носу лодки.

— Это занятие для мальчика, — сказал Херилак. — Как охотник, ты должен иметь свой собственный огонь. Ты знаешь, как это делается?

— Кажется, я видел, но все забыл. Это было слишком давно.

— Тогда смотри и учись. Теперь ты тану и должен уметь такие вещи, если хочешь быть охотником.

Это был медленный процесс. Херилак принес ветвь сухого дерева и отломил от нее часть. Пока он делал это, Ортнар углубился в лес и скоро вернулся с небольшим куском трухлявого дерева, которое размял и растолок в порошок.

Когда подготовка была закончена, Херилак сел на землю, установил плоский кусок дерева неподвижно, зажав его ногами, и захлестнул тетиву от лука Ортнара вокруг обструганной палки. Затем он вставил конец палки в отверстие и начал дергать лук взад-вперед, так что палка начала вращаться. Когда Херилак вертел палку, Ортнар постепенно подсыпал в отверстие древесный порошок. Показалась тонкая струйка дыма, потом исчезла.

Когда Херилак сделал вторую попытку, показался небольшой язычок пламени. Охотники тут же принялись подсыпать древесную пыль и осторожно дуть на огонек, закрывая его руками. Разведя большой костер, они дали дровам прогореть и разровняли еще пылающие угли. На эти угли охотники положили сырое мясо, и скоро Керрик вдохнул давно забытый запах.

Обжигая пальцы, они отрезали большие куски и ели, пока их лица не покрылись жиром и потом. Отдохнув, ели снова и снова. Керрик не помнил, чтобы он когда-нибудь так ел.

Этой ночью они спали, вытянув ноги к огню. Впервые с начала их бегства Керрик был спокоен и чувствовал себя в безопасности. Их никто не преследовал. Им не угрожали.

Не угрожали? Но возможно ли это? Ведь он знал, как безжалостны их враги и как они сильны. Репторы найдут каждого тану в любой долине. Они никогда не будут в безопасности. Вооруженные ийланы будут атаковать снова и снова, пока не погибнут все тану. Убежать от них невозможно.

Эти мысли мешали Керрику погрузиться в спасительную глубину сна. Он лежал и наблюдал, как на востоке светлеет небо.

Начинался новый день — первый день его новой жизни.

3

После долгой ходьбы накануне ноги Керрика опухли и болели. Сидя на большом валуне и жуя кусок мяса, он опустил их в прохладную воду ручья. Херилак заметил, что он делает, и указал на длинный порез, тянувшийся через всю правую ступню Керрика.

— Нужно с этим что-то сделать.

И он и Ортнар носили мягкие, но очень прочные мокасины, сшитые из специально выделанной кожи. Они не могли предложить такие же Керрику, однако Херилак кое-что придумал. Он нашел камни, которые можно расколоть, и отбил от них маленькие острые куски. Тем временем Ортнар снял с оленя шкуру. Раскроив ее с помощью острых камней и очистив от мяса, промыл в воде и обернул вокруг ног Керрика.

— Пока хватит и этого, — сказал он. — К тому времени как шкура затвердеет и начнет вонять, мы будем далеко отсюда.

Керрик подобрал остатки шкуры и обнаружил, что их хватит, чтобы обернуть вокруг талии. Он снял мягкую кожаную сумку, которую носил столько лет, и с отвращением швырнул ее в воду. Прошлое осталось позади. Теперь он был тану.

Но тут Керрик вспомнил, что на шее у него ийланский ошейник, который соединен с другим таким же, еще недавно принадлежавшим Инлену. С гневом он швырнул второе кольцо на торчащий из воды камень и принялся неистово молотить по

нему другим камнем. Когда гнев прошел, Керрик осмотрел ошейник. На нем не осталось даже царапины.

Ортнар, с интересом следивший за происходящим, протянул руку и потер гладкую поверхность кольца.

— Не режется и не царапается. Крепче, чем камень. Я никогда не видел ничего подобного. Вода не размягчает его?

— Нет.

— Даже кипяток?

— Я никогда не пробовал. Нельзя вскипятить воду без огня.

Произнеся эти слова, Керрик вдруг замер, глядя на кольцо и гибкий поводок. Затем он медленно перевел взгляд на дымящийся на берегу костер.

Огонь.

Это должно подействовать.

Ортнар проследил направление взгляда Керрика и радостно захлопал в ладоши.

— Почему бы и нет? Ты говорил, что у мургу нет огня. Давай попробуем.

Охотник взял свободный ошейник и положил его на дымящиеся угли.

Ничего не произошло. Ортнар поднял и очистил ошейник, гладкая поверхность которого была по-прежнему чиста. Тогда он зажег от углей палку и поднес к кольцу.

В следующее мгновение охотник пронзительно вскрикнул, потому что ошейник вспыхнул ослепительно ярким пламенем.

Керрик внезапно увидел перед собой быстро растущее облако черного дыма и горящий ошейник. Не раздумывая, он бросился вперед и погрузился в воду.

Выйдя из воды, он обнаружил красную полосу там, где горящий поводок касался тела. Керрик с удивлением потрогал остаток поводка.

Он стоял выпрямившись, не чувствуя ожогов, сознавая только, что огромный груз свалился с плеч. Последняя связь с ийланами была разорвана.

Когда охотники натирали оленьим жиром ожоги Керрика, Ортнар указал на кусок поводка, торчащий из оставшегося кольца.

— Мы можем сжечь и его. Ты ляжешь в воду так, чтобы торчал только этот кончик, а я принесу головешку.

— Я думаю, что на сегодня достаточно,— ответил Керрик.— Подождем, когда заживут ожоги.

Они были готовы идти дальше, но Херилак стоял, опершись на копье, и глядел туда, откуда они пришли.

— Если бы еще кто-нибудь спасся,— сказал он,— они уже пришли бы сюда. Да и мы достаточно набегались, как испуганные женщины. Сейчас нам пужно обдумать дальнейший путь. Расскажи мне о мургу, Керрик. Что они сейчас делают?

— Я не понимаю.

— Они еще преследуют нас? Может, ждут на берегу?

— Не думаю. Скорее всего, они уже ушли. У них с собой очень мало пищи, и им приходится постоянно охотиться. Целью экспедиции было добраться сюда и уничтожить саммад, а затем вернуться.

— Значит, ты полагаешь, они ушли?

— Почти наверняка.

— Это хорошо. Тогда мы вернемся на берег.

При этих словах Керрик содрогнулся от страха.

— Они могут поджидать нас там.

— Ты же уверял, что они ушли?

— Но ведь нам незачем...

— У нас всего два копыя и один лук без стрел, — резко прервал его Херилак. — Когда пойдет снег, мы погибнем. Все, что нам нужно, находится там. Мы возвращаемся.

Они шли быстро, слишком быстро для Керрика. Для него это было похоже на возвращение к верной смерти. К сумеркам они добрались до предгорий и увидели перед собой бескрайний океан.

— Ортнар, ты пойдешь вперед, — приказал Херилак. — Бесшумно и незаметно. Посмотришь, нет ли там мургу.

Ортнар повернулся и исчез среди деревьев. Херилак поудобнее устроился под деревом и вскоре заснул. Керрик был слишком расстроен, чтобы думать о чем-то другом, кроме подстерегавших их опасностей. Он смотрел на лес, и его воображение населяло округу подкрадывающимися ийланами.

Солнце висело над горизонтом, когда внизу прокричала птица. Херилак тут же проснулся и издал ответный крик. В кустах затрещало, и на поляну вышел Ортнар.

— Ушли, — выдохнул он.

— Ты не можешь быть уверен в этом, — возразил Керрик.

Ортнар презрительно взглянул на него.

— Я абсолютно уверен. Кругом были только пожиратели падали, а они очень пугливы. — Его лицо говорило красноречивее слов. Он указал на стрелы, заполнявшие его колчан. — Там есть все, что нам нужно.

— Мы идем, — решил Херилак.

Было уже совсем темно, когда они достигли места побоища. Запах падали был уже довольно сильным. Пока охотники искали то, что им было нужно, Керрик стоял на берегу и смотрел на море, до тех пор пока Херилак не окликнул его.

— Клади все сюда, — скомандовал саммадар. — Это принадлежало великим охотникам и должно принести тебе хорошее будущее.

Там были меховые ботинки с крепкими кожаными подошвами, накидка, пояс и другая теплая одежда. Длинное копьё, крепкий лук и стрелы.

Из большой волокуши Херилак сделал маленькую, которую они смогли бы тянуть вдвоем, и загрузил ее всем необходимым.

— Можно идти, — сказал он, и голос его был печален как смерть. — Мы никогда не забудем, что сделали здесь мургу.

Они шли всю ночь, таща волокуши до тех пор, пока от усталости не могли больше сделать ни шагу. Усталость была настолько велика, что Керрик упал, где стоял, и спал до рассвета.

Утром Херилак отвязал от волокуши мешок с экотазом, и они погрузили кисти рук в восхитительную смесь сушеных орехов и ягод. Керрик был еще мальчиком, когда в последний раз пробовал ее, и детские воспоминания захватили его, когда он принялся слизывать экотаз со своих пальцев. Все-таки хорошо быть тану. Но едва подумав это, он почувствовал жжение в области поясницы. Скинув меха, Керрик обнаружил, что храбрый охотник, носивший эту одежду до него, кишел блохами. Теперь жизнь тану не казалась юноше такой приятной. Его спина болела от жесткой земли, а мускулы ныли от непрерывных усилий. Кроме того, подгоревшее и жесткое мясо не годилось для его нежного желудка, и он заторопился к ближайшим кустам.

Измученный рвотой, он увидел блоху, ползающую по его сброшенной одежде, и раздавил ее между ногтями. Он был грязен, утомлен и кишел блохами. Что он делает здесь с этими грязными устоу? Почему он не в Альпесак? Почему он не может вернуться? Вайнти умерла от удара копья, но кто в городе знает, что нанес его он? Никто этого не видел. Почему бы ему не пойти обратно? На берегу двое охотников вновь привязывали груз к волокуше. Они могут идти и без него. Но действительно ли он хочет вернуться в Альпесак? Многие годы он мечтал о побеге из города — и вот он свободен. Было ли это то, к чему он стремился?

Керрик стоял по колено в холодной воде и сжимал кулаки. Заблудший, не принадлежавший ни к одному из миров, отверженный и одинокий.

Херилак окликнул его, и звук человеческого голоса разорвал цепочку мрачных мыслей Керрика. Он вышел на берег и медленно натянул свою одежду.

— Мы сейчас выходим, — предупредил Херилак.

— Куда мы направляемся? — спросил Керрик, все еще разрываемый противоречивыми чувствами.

— На запад. Найдем других охотников, вернемся и отомстим мургу.

— Они слишком сильны и многочисленны.

— Ну что ж, тогда я умру, но умру, отомстив этим тварям, уничтожившим мой народ. Это будет смерть, достойная самадара.

— Хороших смертей не бывает, — возразил Керрик.

Херилак молча взглянул на него, поняв, видимо, противоречивые чувства юноши. Годы плена не прошли бесследно для этого мальчика, который теперь стал мужчиной. Эти годы нельзя просто вычеркнуть из жизни.

Херилак медленно потянулся к своей шее, медленно снял ремешок с ножом из небесного металла и протянул его Керрику. — Это нож твоего отца. Ты его сын, и у тебя есть такой же, но поменьше. Возьми, пусть они висят на твоей шее рядом. Носи их и помни о смерти отца и всей твоей саммад. И о том, кто убил их. Храни ненависть в своем сердце и ищи способ отомстить.

Керрик заколебался, затем протянул руку, взял нож и крепко его сжал.

Он не вернется в Альпесак. Никогда. Он должен научиться ненависти к убийцам своего народа.

Однако сейчас он чувствовал только страшную пустоту внутри.

4

Охота была очень плохой. Ульфадан вышел еще на рассвете, но почти ничего не добыл: единственный кролик свисал с его пояса. Да и тот был молод и мал, его мяса едва хватило бы одному. А что будет есть вся его саммад? Он подошел к краю леса и остановился под большим дубом, глядя на луг перед собой. Дальше идти он не смел.

Там были мургу. Отсюда и до конца мира, если мир кончался где-то, были только эти отвратительные и ужасные существа. Некоторые из них годились в пищу, и он однажды пробовал мясо одного небольшого мургу с клювом. Но смерть подстерегала охотников, рисковавших выходить из леса. В траве скрывались ядовитые мургу, змеи всех размеров, многоцветные и смертельно опасные. Однако еще страшнее были гигантские существа, рев которых был подобен грому, поступь сотрясала землю. Как обычно, думая о мургу, он сжимал пальцами зуб одного из этих гигантов, который висел у него на груди. Единственный зуб был таким же большим, как его предплечье. Он был молод и глуп, когда рисковал жизнью, чтобы доказать свою храбрость. Из леса он увидел мертвого марага и отвратительных пожирателей падали, которые ссорились и рвали тело существа. Только когда наступила темнота, он осмелился покинуть убежище под деревьями, чтобы вырвать этот зуб из огромной челюсти. А потом вдруг появился ночной мараг, и только случай спас жизнь Ульфадана. Длинный белый шрам на бедре остался как напоминание об этой встрече. Нет, нахо-

даться вдали от спасительных деревьев было вовсе не без-
опасно.

Но саммад должна есть, а дичи вокруг становилось все меньше и меньше. Мир изменился, и Ульфадан не знал почему. Шаман говорил им, что с тех пор, как Эрманпадар создал тану из речного ила, мир оставался тем же самым. Зимой они уходили в горы, где лежал глубокий снег и оленей легко было убивать. Когда весной снег таял, они следовали за быстрыми потоками вниз, к реке, а иногда к морю, где в воде резвилась рыба, а на земле росли вкусные плоды. Правда, они никогда не уходили на юг слишком далеко, ибо там были только мургу и смерть, а горы и темные северные леса всегда поставляли им все необходимое.

Но с некоторых пор все это кончилось. Горы сейчас были в объятиях бесконечной зимы, стада истощились, снег лежал в лесах до поздней весны, а постоянные источники пищи исчезли. Сейчас у них было что есть — рыбы в реке хватало на этот сезон. Придя к реке, они соединились с саммад Келлиманса, как делали каждый год. Это было время встреч и разговоров, когда молодые мужчины искали женщин. Но хотя сейчас еды было достаточно, ее не хватит на всю зиму. А без запасов пищи очень немногие из них увидят весну.

Из этой западни не было выхода. К западу и востоку находились другие саммад, такие же голодные, как его и Келлиманса. Мургу на юге, лед на севере, а они в западне между ними. Выхода не было. Сколько ни ломал Ульфадан голову, решение не приходило. В отчаянии он громко закричал, как пойманный зверь, затем повернулся и пошел обратно к саммад.

С вершины покрытого травой склона, спускавшегося к реке, все выглядело нормально. Темные конусы кожаных палаток неровными рядами вытягивались вдоль речной отмели. Между палатками ходили люди, а от костров поднимался дым. Недалеко от них один из привязанных мастодонтов поднял хобот и заревел. Еще дальше на берегу виднелись женщины, которые разрывали землю палками в поисках съедобных корней. Корни сейчас были хорошей пищей. Но что будет, когда земля снова заморзнет? Он знал ответ на этот вопрос, но старался не думать о нем. Голые дети с визгом плескались в реке, старые женщины сидели на солнце перед своими палатками, плетя корзины из ивы и тростника. Когда Ульфадан подошел к палаткам, лицо его было сурово и непроницаемо. Один из маленьких сыновей бросился к нему, торопясь сообщить важное известие.

— У нас три охотника из другой саммад. Один из них очень смешной.

— Отнеси этого кролика своей матери. Беги.

Охотники сидели вокруг костра, выпуская клубы дыма из каменной трубки, передаваемой по кругу. Келлиманс был здесь,

и шаман Фракен тоже. Пришельцы поднялись, приветствуя Ульфада. Одного из них он хорошо знал.

— Приветствую тебя, Херилак.

— Приветствую тебя, Ульфада. Это Ортнар из моей саммад, а это — Керрик, сын Амахада и моей сестры.

— Ты хочешь есть?

— Мы уже поели и напились. Гостеприимство Ульфада хорошо известно.

Ульфада взял трубку и глубоко вдохнул едкий дым. Его удивлял странный охотник без волос, который должен был погибнуть со своей саммад, но остался жив. Он спросит его об этом в свое время.

— Зима длинная, а пищи все меньше и меньше, и мы знаем об этом. Вся моя саммад мертва, за исключением двух человек, — заговорил Херилак.

Охотники встретили эти страшные слова молча, но из толпы женщин послышались вопли ужаса, многие были связаны с саммад Херилака родственными узами, и сейчас они смотрели на небо на востоке, где начали появляться первые звезды. Когда Херилак заговорил снова, наступила тишина.

— Вы знаете, что я с моими охотниками ходил далеко на юг, где нет снега и зимы теплые и где живут только мургу. Я полагал, что мургу убили Амахада и всю его саммад. Так и оказалось: мы нашли мургу, которые ходили, как тану, и убивали смертоносными палками. Одну из этих палок я нашел среди костей саммад Амахада. Мы убили встреченных мургу и вернулись на север. Теперь мы знали, что на юге ждет смерть и какая это смерть. Но мы голодали последнюю долгую зиму, и многие из нас умерли. Летом охота была плохой, и вы это знаете. Тогда я повел саммад на юг вдоль берега, туда, где охота намного лучше. Мы знали об опасности и о том, что мургу могут атаковать нас, но без пищи мы все равно погибли бы. Мы выставили охрану, и нападений не было. Это случилось только тогда, когда мы повернули назад. И вот мы с Ортнаром здесь, а остальные мертвы. С нами пришел Керрик, сын Амахада, захваченный в плен мургу, а сейчас снова свободный. Он многое знает о них.

После этих слов по рядам слушателей прокатился ропот удивления, и все зашевелились, стараясь поближе взглянуть на Керрика. Их поразило отсутствие у него волос, сверкающее кольцо и ножи из небесного металла, висевшие у него на шее. Керрик смотрел прямо перед собой и не говорил ни слова. Когда все умолкло, заговорил Келлиманс:

— Для тану настали дни смерти. Зима убивает нас, мургу убивают нас, и другие тану убивают нас.

— Разве не достаточно того, что нас убивают мургу? Почему мы боимся друг друга? — спросил Керрик.

— Нас заставляет сражаться долгая зима и короткое лето, —

ответил Ульфадаан. — Мы пришли сюда потому, что олени ушли с гор. Но когда мы попробовали охотиться здесь, лучники многих здешних саммад прогнали нас прочь. Сейчас у нас мало пищи, и зимой мы умрем от голода.

Херилак печально покачал головой.

— Это не выход. Наши враги мургу, а не тану. Если мы будем сражаться друг с другом, конец неизбежен.

Келлиманс согласно кивнул, а Ульфадаан сказал:

— Я верю тебе, Херилак, но дело тут не только в нас. Тебе нужно говорить с другими саммад. Если они согласятся, мы сможем охотиться и не умрем с голоду. Они приходят с далеких гор, они многочисленны и голодны. Они гонят нас обратно, и мы не можем охотиться. Им хочется увидеть нашу смерть. Херилак отменил предложение Ульфадаана резким взмахом руки.

— Нет, это не то. Им дела нет до нашего горя. В их горах охота тоже может быть плоха, иначе они не пришли бы сюда. У тану есть два врага: бесконечная зима и мургу. Они объединились вместе, чтобы уничтожить нас. Мы не можем сражаться против зимы, но мы можем убивать мургу.

Тут заговорили сразу многие, но все замолчали, когда раздался голос Фракена. Старика уважали за его знания и надеялись, что он сможет найти верное решение.

— Мургу подобны листьям и так же многочисленны. Ты сказал нам, что у них есть смертоносные палки. Как можно бороться против таких существ? И почему это должны делать мы? Что мы выиграем, если рискнем схватиться с ними? Нам ведь нужна пища, а не война!

Когда он закончил, раздался одобрительный гомон. Только Херилак не согласился с ним.

— Нам нужно не только получить пищу, но и отомстить, — холодно сказал он. — Мы должны убить мургу, которые живут на юге. Когда все они будут мертвы, мы сможем спокойно охотиться там.

После этого было еще много обсуждений и разговоров, но никакого решения не приняли. В конце концов Херилак сделал знак Ортнару, они поднялись и ушли. Керрик смотрел, как они уходят, но не последовал за ними. Он гораздо меньше, чем они, стремился к отмщению. Если Херилак ничего не сказал ему, то, вероятно, он может остаться здесь, у огня, и включиться в разговор с другими охотниками. Возможно, ему даже лучше остаться здесь, с этой саммад, начать охотиться и забыть о мургу.

Но это был не выход. Он знал то, чего не знали другие. Он знал, что ийлань не забудут его и не оставят в покое тану. Их ненависть была слишком глубока. Они будут посылать репторов, найдут каждую саммад и не успокоятся до тех пор, пока не уничтожат всех. Ульфадаан и Келлиманс со своими людьми

боялись только зимы, голода и других тану, не зная, что настоящие убийцы уже близко.

Никто не заметил, как Керрик забрал копье и ушел. Он нашел своих товарищей у отдельного костра и присоединился к ним. Херилак тыкал в огонь палкой и внимательно вглядывался в него, будто ища ответа в языках пламени.

— Нас только трое,— сказал он.— Мы не можем сражаться с мургу в одиночку.— Он повернулся к Керрику.— Ты знаешь о мургу то, чего не знаем мы,— расскажи нам об этом. Расскажи нам, как они ведут войну.

Прежде чем заговорить, Керрик задумчиво потер подбородок. — Это непросто сделать. Для начала вы должны знать об их городе, и о том, как он управляется. Вы должны понять различия между фарги и ийланами, знать, как они думают и действуют.

— Так расскажи нам об этом,— сказал Херилак.

Сначала Керрику было трудно говорить на языке тану, потому что он никогда не думал на нем. Он искал новые слова для описания знакомых ему картин, новые способы описания понятий, совершенно чуждых этим охотникам. Они снова и снова спрашивали его о том, чего не могли понять. В конце концов они кое-что уяснили из общественной организации ийлан, но этого было слишком мало.

Херилак молча смотрел на свои сжатые кулаки, лежавшие на бедрах, и старался понять смысл того, что слышит. Наконец он встряхнул головой.

— Я никогда не пойму этих мургу, а потому не буду и пытаться. Мне достаточно знания о том, что они делают. Крупная птица летает по ночам и высматривает нас, затем возвращается и говорит им, где находится саммад. После этого они могут атаковать нас. Это верно?

Керрик хотел запротестовать, но передумал и согласно кивнул. Детали здесь были неважны.

— Узнав, где остановилась саммад, они готовят нападение. Вооруженные фарги плывут туда на лодках, потом выходят из моря и убивают все, что встретят.

— Но ты говорил и еще кое-что,— заметил Херилак.— В ночь перед нападением они устраивают лагерь на берегу.

— Да, они делают это. Они останавливаются как можно ближе, проводят ночь, а утром следующего дня нападают.

— Они всегда поступают так?

— Всегда? Я не знаю, я был с ними только два раза. Но сейчас это не имеет значения. Судя по тому, как они думают и действуют, они должны каждый раз поступать одинаково. До тех пор, пока что-то удастся, они ничего не меняют.

— Значит, мы должны найти способ использовать эти знания для уничтожения их.

— Но как мы сделаем это? — спросил Ортнар.

— Пока я этого не знаю. Нужно думать и искать. Мы охотники и знаем, как подкрадываться к добыче. Мы найдем способ и убьем мургу.

Керрик молчал, погруженный в свои мысли, представляя уничтожение саммад так, как никогда еще не представлял. Однажды он был на берегу, когда началась атака, и не забыл ужаса при виде темных фигур, появившихся из моря. Но он был также и с атакующими, пришедшими из Альпесака. Он наблюдал за подготовкой нападения, слышал все распоряжения и точно знал, как это делалось. Сейчас он пытался соединить две эти точки зрения и искал способ повернуть все вспять.

— Повернуть все вспять,— сказал он вслух, затем громко повторил, когда они посмотрели на него: — Повернуть все вспять! Но чтобы сделать это, нам будут нужны Ульфадаи и Келлиманс и их саммад. Мы должны объяснить им, заставить их понять нас и помочь. А потом мы сделаем вот что: отправимся на юг с саммад и охотниками. Охота будет хорошей, и пищи будет много. Но когда мы пойдем на юг, наше появление будет наверняка открыто мургу — об этом им расскажут большие птицы. Однако мы будем осторожны и, когда увидим большую птицу, будем знать, что должно произойти. Увидев птицу, мы вышлем охотников на берег. Так мы узнаем, когда начнется атака, и будем готовы к ней. Вместо того, чтобы бежать, мы будем сражаться и убьем их.

— Это опасно,— сказал Херилак. — Ведя с собой саммад, мы будем рисковать жизнями женщин, детей и тех, кто не сможет сражаться. Это должен быть хороший план, иначе саммад не рискнут пойти с нами. Думай еще. Разве ты не говорил мне что-то очень важное, что-то о ночи? Мургу могут ходить по ночам?

— Их тела отличаются от наших, и по ночам они должны спать. Так и происходит каждую ночь.

Удовлетворенно кивнув, Херилак вскочил.

— Мы тоже спим ночью, но не все время. Поэтому мы сделаем так: поговорим с охотниками и убедим их, что нужно идти на юг вдоль берега и охотиться, чтобы уйти от голода. Таким образом, саммад получают пищу на зиму. Но пока мы охотимся, мы будем следить за крупной птицей, которая говорит с мургу. Когда птица увидит нас, мы отправим охотников спрятаться там, откуда они смогут незаметно следить за берегом. Когда мургу остановятся на ночь, мы будем знать, где они. Затем подкрадемся к ним под покровом темноты. Только охотники. Мы будем идти тихо и тихо выйдем на берег. — Он сжал кулаки и свел их вместе. — Потом мы обрушимся на них. Мы будем колоть их копьями, пока они спят, и убьем их так, как они убивали нас. — Охваченный внезапным порывом, он поднялся и стремительно пошел обратно к кострам охотников. — Нужно сказать им... Они должны согласиться.

Но сделать это было нелегко. Ортнар и Керрик присоединились к нему и снова объясняли свою мысль. О том, как атакуют мургу и как их можно победить. О том, как они могут охотиться и добывать пищу на зиму. И как убить мургу. Ульфадан был крайне обеспокоен этим, и второй саммадар тоже. Это была слишком новая для них идея и слишком опасная.

— Ты предлагаешь мне рискнуть нашими жизнями ради твоего плана,— сказал Ульфадан.

— Ты предлагаешь нам подставить женщин и детей, сделать из них приманку. Тут возникает слишком много вопросов.

— И да и нет,— сказал Херилак. — Мне кажется, у нас и у вас нет выбора. Без пищи немногие из вас переживут зиму. И вы не можете охотиться здесь. Направляясь на юг, мы знаем, что там будет хорошая охота.

— Но там будут и мургу.

— Да, но на этот раз мы будем настороже. Если хочешь, мы не будем ждать, пока прилетит большая птица, и пошлем охотников, чтобы они проследили за берегом. Они предупредят любое нападение. Когда мургу достигнут берега, мы будем знать, что опасность близка. После этого палатки и весь груз погрузим на волокуши, и мальчики уведут мастодонтов подальше от берега, забрав женщин и маленьких детей с собой. Так они уйдут от опасности. Это риск, но риск, на который мы все должны пойти. Или это, или смерть в снегах зимы. Без пищи никто из вас не встретит весну.

— Ты жесток, Херилак,— гневно сказал Келлиманс.

— Я говорю только правду, саммадар, решение зависит от твоих людей, мы сказали то, что хотели сказать, и уходим.

Но решение не было принято ни этой ночью, ни следующей, ни в одну из ближайших ночей. А потом начались дожди, тяжелые долгие дожди, которые принес холодный ветер с севера. Осень, судя по всему, в этом году придет раньше, а запасы пищи были ничтожны, и все знали это. Трое пришельцев садились в стороне от остальных и чувствовали, что люди, проходящие мимо, смотрят на них злобно, многие даже с ненавистью, за то, что они заставляют их делать выбор.

Наконец они стали понимать, что выбора у них просто нет. Много было женских криков и причитаний, когда палатки были собраны и погружены на волокуши. Поход начался без обычного возбуждения, ведь он мог оказаться путем к смерти. Покорные и промокшие, они шли на восток, подгоняемые проливным дождем.

В суматохе снимающегося лагеря Керрик был слишком занят, чтобы думать о тех опасностях, которые ждали в будущем.

Воспоминания детства неожиданно нахлынули на него, когда благодушные мастодонты были запряжены в волокуши. Огромные животные налегли на упряжь и потащили скрипящие деревянные сооружения. Они были нагружены палатками и домашним скарбом, а сверху на всем этом сидели дети. Когда движение началось, охотники ушли вперед, расчищая путь. Саммад собирались вместе только по вечерам, в лагере: охотники тянулись к огню и вдыхали запах горячей пищи.

В первые дни все испытывали страх перед тем, что ждет впереди, перед страшными мургу, которые могут подстергать их. Но по мере того, как дни становились теплее, а охота лучше, их дух поднимался. Они всецело зависели от милости погоды, от пищи, которой могло не оказаться, от охоты, которая могла быть неудачной. Они наконец поняли, что оставляют позади голод и верную смерть, меняя ее на пищу и возможность продолжать жизнь.

Спустя несколько дней они уже не сторонились Керрика, хотя дети все еще смеялись над его безволосым лицом и железным ошейником. Правда, на голове у него волосы отрастали довольно быстро, однако борода была слишком редкой. Он был еще очень неловок в обращении с копьем и плохо стрелял из лука, но с каждым днем делал это все лучше. Керрик даже начал думать, что этот мир — неплохое место для жизни. Так продолжалось, пока они не дошли до океана.

Первый же взгляд на воду вернул Керрика к его прежним страхам, и он резко остановился. Хорошо еще, что в это время рядом с ним не было никого из охотников. Вместе со страхом пришло желание повернуться и убежать. Впереди была только смерть. Как может эта горстка охотников устоять против вооруженных фарги? Ему хотелось только бежать, найти убежище в горах. Идти вперед равносильно самоубийству.

Но он прекрасно понимал, что никуда уйти сейчас не может. После всего случившегося, после того, как он помог разработать план, у него нет выбора. Он должен пройти через это. Еще испытывая страх, Керрик крайне неохотно сделал шаг вперед. Затем еще и еще, пока снова не пошел нормально — несчастный и испуганный.

Этим вечером они остановились недалеко от берега. Еще до того как были разгружены волокуши, мальчики бросились ловить рыбу в солоноватой лагуне, приманивая ее земляными червями. Вода кишела хардальтом, нетерпеливо хватающим приманку. Было много крика и смеха, когда они пытались выдернуть свои пойманные щупальца. Их быстро выхватывали из раковин, потрошили и резали ломтиками, которые вскоре уже шипели на огне. Жесткие, с сильным привкусом, они все же были желанным дополнением к рациону.

Поев, Керрик вытер пальцы о траву, встал и потянулся. Потом

посмотрел на огонь и вдруг краем глаза заметил какое-то движение. Большая морская птица кружила над лагерем.

Он взглянул на машущие крылья, на белую грудь, которая сейчас была красной в лучах заходящего солнца, и замер. Она была уже здесь. Он не мог видеть черные шишки с никогда не закрывающимися глазами, глядящими с ног рептора, но знал, что они там. С трудом Керрик поборол охвативший его паралич и заторопился к Херилаку, сидевшему у костра.

— Она здесь, — сказал он. — Летает над нами. Теперь они узнают о нас...

Не обратив внимания на панические интонации в голосе Керрика, Херилак ответил холодно и спокойно.

— Очень хорошо. Все идет по плану.

Керрик не разделял его уверенности. Зная, что снимки, принесенные в город, будут внимательно изучены, он старался не смотреть на птицу, которая кружила над ними. Только когда она закончила последний ленивый круг и полетела прочь, он повернулся и проводил ее глазами. Не было никаких сомнений, что теперь нападение состоится.

Вечером, когда охотники собрались у костра, Керрик рассказал им о том, что видел и что это означает. Теперь это не вызвало у охотников недовольства. Они долго расспрашивали его, затем обсудили, что нужно делать.

Утром саммад отправились на юг. Херилак вел их все дальше от берега. Керрик знал местность и понимал, что они обходят то место, где была уничтожена саммад Херилака. Не было нужды напоминать тану, какая опасность может выйти из моря. Позднее, когда охотники собрались, было решено сделать Херилака сакрипексом — военным вождем. Он согласно кивнул и отдал свой первый приказ.

Керрик и Ортнар всю ночь будут ходить вдоль берега, охраняя его. Они видели мургу и знают, за чем нужно следить. С ними пойдут еще двое, которые вернутся с предупреждением, если это потребуется. Они будут делать это каждую ночь, начиная с сегодняшней. Остальные тоже будут по очереди дежурить ночью, следя за морем от палаток.

Они ходили вдоль берега в течение четырех ночей, а на рассвете пятого дня Керрик вернулся в лагерь. Услышав его бегущие шаги, охотники схватились за оружие.

— Это не тревога, мургу еще нет. Но я осмотрел берег и нашел там нечто такое, что можно использовать. — Он подождал, пока пришли оба саммадара и Херилак, и объяснял: — Охота сейчас хорошая, а в море много рыбы. Не снимайтесь с места, продолжайте ловить рыбу и коптить мясо. К югу отсюда есть скала, а за ней длинный отрезок берега с толстыми березами, которые спускаются почти до самой воды. Это очень хорошо. Мургу не смогут высадиться там, где скала, и наверняка выйдут на берег, поросший лесом.

Херилак согласно кивнул.

— Когда мы пойдем в атаку, то сможем подойти к ним незаметно, под прикрытием деревьев. Все согласны со мной?

Последовало небольшое обсуждение, но против не высказался никто. Керрик вернулся туда, где Ортнар и остальные два охотника лежали в укрытии, осматривая море.

Началось долгое ожидание. В следующие дни они заполняли свободное время сооружением убежища из бересты: ночи стали холоднее, и порой шел дождь. Однако в течение дня двое из них следили за океаном. После полудня к ним присоединились остальные, потому что это было время наибольшей опасности. Так продолжалось много дней от полнолуния до полнолуния, пока однажды к ним не пришел Херилак.

— Что видно? — спросил он, остановившись под деревьями рядом с ними.

— Ничего, море, как обычно, пусто, — ответил Керрик.

— Саммад решили, что теперь у них достаточно мяса. Они благодарны за то, что мы показали им охотничьи угодья. Теперь они собираются уходить.

— Это хорошее решение, — сказал один из охотников. — Никто из нас не хочет встречаться с мургу.

Керрик промолчал, но мысленно согласился с этим, и надежда на спасение затеплилась в его сердце.

— Ты высказал свое мнение, — резко ответил Херилак. — Да, переселение было удачным. Теперь пищи хватит на всю зиму, и я понимаю, почему они торопятся вернуться. Наполнив свои желудки, они не вспоминают о том, что случилось здесь с другими саммад. Сегодняшняя ночь будет последней. Завтра на рассвете саммад уходят, а мы остаемся и выйдем через день после них, на случай если мургу все-таки придут.

— Мы пойдем быстро, — воскликнул второй охотник, — и они не смогут догнать нас.

Херилак презрительно отвернулся от него.

— Мы останемся, потому что пришли сюда, чтобы убить мургу, — с горечью сказал Ортнар.

— Но мы не сможем сделать этого в одиночку, — напомним Херилак.

Керрик повернулся и стал смотреть на море, чтобы никто не видел выражения его лица. Они могут спорить сколько угодно, но саммад все равно уйдут. Ничто не может удержать их здесь, ибо они не хотят сражаться. Маленькие белые облака плыли по чистому небу над ними, отбрасывая темные тени на воду. Большие тени. Движущиеся...

Он продолжал стоять, глядя на тени, и ничего не говорил, пока не обрел полной уверенности. Когда он заговорил, голос его слегка дрожал:

— Они здесь. Мургу пришли.

Темные лодки, выйдя из тени облаков, были теперь отчетливо видны всем. Они медленно двигались к северу.

— Они не останавливаются! — воскликнул Херилак. — Может, сразу пойдут в атаку на саммад?

— Нужно предупредить их, времени осталось мало! — сказал Керрик.

Один из охотников хотел уже бежать с донесением, но Херилак остановил его:

— Подожди. Сначала нужно убедиться в этом.

— Они поворачивают к берегу! — заметил Ортнар. — К берегу под нами.

Охотники лежали молча, с ужасом глядя, как лодки подходят все ближе, покачиваясь на волнах прилива. Раздалась громкая команда, и вооруженные фарги прыгнули из лодок, направляясь к берегу. Когда они начали переносить на берег запасы пищи, сомнений больше не оставалось.

— Теперь идите оба, — прошептал Херилак. — Идите разными путями, чтобы один из вас наверняка донес сообщение. Когда станет темно и они не смогут видеть, волокуши должны быть загружены, и саммад должны уходить подальше от берега. Пусть идут до рассвета, а затем спрячутся в лесу. Как только волокуши будут готовы, все охотники должны покинуть лагерь и присоединиться к нам здесь. Бегите!

Сцена, разворачивавшаяся на берегу, была знакома Керрику, но оба охотника, наблюдая, как припасы выгружались из лодок и фарги, завернувшись в плащи, укладывались на ночь, замерли, потрясенные. Командиры собрались вместе у самой воды, но Керрик не пытался подкрасться к ним, чтобы увидеть, кто они. Командовать наверняка будет Сталлан, и, подумав об этом, он почувствовал жажду мести, которая сжигала его товарищей. Сталлан, которая избивала его, а потом неожиданным и грубым вниманием убила Алипола. Какое это будет мучительное наслаждение — проткнуть копьём ее тело!

Луны не было, но звезды ясно освещали белый песок на берегу и темные фигуры фарги, отдыхавших на нем. Много звезд поднялось из-за моря, прежде чем в лесу послышался шорох — это приближались первые охотники.

К рассвету все было готово.

6

Весь день Херилак думал только об этой атаке, планировал ее снова и снова, так что мысленно видел, как все должно произойти. Керрик и Ортнар были посвящены в его замысел. Херилак оставил их у края рощи наблюдать за берегом и направился через лес к поляне, где собрались охотники.

Они молча сидели на корточках, держа оружие наготове, и

ждали приказов Херилака. Только убедившись, что все здесь, Херилак рассказал им, что нужно делать.

— Мы должны ударить одновременно. Для этого мы вытягиваемся в одну линию, и каждая саммад берет на себя половину берега. Затем мы молча ползем вперед, до тех пор пока не достигнем травы, растущей над берегом. Ветер дует от воды, поэтому мургу не почувствуют, когда мы подойдем ближе. Но они могут услышать, и поэтому не должно быть ни звука. Вы должны ждать и не двигаться, пока не увидите меня, Ульфада и Келлиманса, пришедших на берег. Это будет сигналом к движению вперед. А потом своими копьями вы будете убивать мургу, сохраняя тишину, пока это будет возможно.

Херилак вытянул руку с копьем и коснулся его тупым концом чуть ниже подбородка ближайшего охотника, а все остальные подались вперед, чтобы увидеть, что он делает.

— Старайтесь, если возможно, колоть мургу в горло, это их самое уязвимое место. У них много ребер, и в отличие от животных, на которых мы охотимся, ребра закрывают переднюю часть тела, а не кончаются под грудью. Сильный удар пробивает их, но слабый будет отклонен ими в сторону. Поэтому — только в горло.

Херилак подождал, пока они осмысляют это, а потом продолжал:

— Едва ли мы сможем убить их всех в тишине. Когда поднимется тревога, вы будете кричать как можно громче, чтобы усилить замешательство. И продолжать убивать. Если они побегут, пользуйтесь луками: стрелы остановят их. Не допускайте колебаний и неустанно убивайте. Остановиться можно только тогда, когда все они будут мертвы.

Вопросов не было. Всем было ясно, что нужно делать. Даже если кто-нибудь из охотников испытывал страх, он не показывал этого.

Тихо, как тени, они двинулись через лес, потом покинули его темноту и так же тихо поползли. Керрик еще оставался на страже. Он отвернулся от спящих фарги и вздрогнул, увидев бесшумно движущиеся фигуры. Потом из темноты вынырнул Херилак. Керрик коснулся его плеча и прошептал ему на ухо:

— Их командиры должны умереть первыми. Я хочу сделать это.

Херилак кивнул и двинулся дальше. Керрик медленно направился к краю опушки, а потом к тому месту, которое наметил заранее.

Внезапно в ветвях дерева закричала ночная птица, и он, замерев на мгновение, пошел дальше. Единственным звуком сейчас был плеск волн о берег. Охотники двигались тихо, как смерть.

Ни один звук не выдал их присутствия, когда они заняли отведенные им места и стали терпеливо ждать сигнала.

От нервного напряжения Керрик почувствовал сильную боль в желудке. Ему казалось, что прошло уже много времени, и значит, что-то неладно. Херилак и саммадары уже должны быть на берегу. Если они помядут еще немного, начнет светать и охотники окажутся в ловушке...

Где же они? Что с ними случилось? Облака покрывали небо, скрывая звезды. Увидит ли он вождей, когда они появятся?

И вдруг они появились так тихо и внезапно, будто возникли из-под земли. Движущиеся тени следовали друг за другом, пока темная линия едва различимых фигур не окружила весь берег.

Они стояли впереди Керрика. Ему еще недоставало их умения незаметно подкрадываться к добыче, и он оказался далеко за ними, когда линия достигла первых спящих фарги. Оттуда донеслось глухое ворчание и больше ничего...

Наконец Керрик почувствовал под ногами мягкий песок и смог идти быстрее. Он бросился вперед, поднимая свое копьё, и почти достиг груды запасов, у которой лежали ийланы, когда ужасный крик боли прорезал молчание ночи.

За ним тут же послышались новые крики, и берег мгновенно заполнился движущимися фигурами. Керрик тоже закричал, промчался вдоль сваленных запасов и вонзил копьё в ту, которая только что поднялась.

Она пронзительно вскрикнула, когда наконецник пронзил ее тело, и упала навзничь, а он ударил еще раз, теперь в горло.

Это была настоящая бойня в ночи. Фарги просыпались быстро, но от страха ничего не могли понять и были в полном замешательстве. Если они и вспоминали о своем оружии, то не могли найти его в полной темноте. Они бежали и искали спасения в океане своей юности, однако и там было нелегко спастись, потому что всюду их ждали острые копыя, а стрелы летели вслед тем, кто достигал полосы прибоя. Это была резня без пощады. Тану были умелыми убийцами.

Однако фарги были так многочисленны, что некоторые из них ухитрялись удрать, достигали моря и, в панике натыкаясь на мертвые тела, ныряли и плыли к лодкам. Охотники пробирались за ними к набегаящим волнам, их луки сеяли смерть, пока не были исчерпаны запасы стрел.

Избиение прекратилось только тогда, когда стало некого убивать. Охотники пошли вдоль лежащих грудками тел, пиная их и коля кольями, если слышали хоть один звук или видели движение. Один за другим они останавливались, изумленные, и молчали, пока один из охотников не издал победного вопля. Другие последовали его примеру. Эти крики неслись над водой к уцелевшим фарги в лодках, которые тихо стонали и сжимались от страха.

Первые лучи зари открыли отвратительные подробности ночной резни. Керрик с ужасом хотел отвернуться, но трупы лежали со всех сторон, наваленные грудками. Однако это зрелище нисколько, казалось, не смущало охотников. Они кричали от счастья, хвастаясь своими подвигами, и бродили среди трупов, лежавших в воде, доставая из них стрелы. Когда стало светлее, Керрик заметил, что его руки измазаны кровью. Он отошел в сторону и вымыл их в море. Когда он вернулся, Херилак ждал его, бурно выражая свое ликование.

— Мы сделали это! Мы прогнали их прочь, отомстив за саммад, которые они уничтожили. Это была хорошая работа.

Далеко в море лодки спешили к югу. Большая часть их была пуста или же с одной или двумя фарги. Резня действительно удалась.

Керрик чувствовал, что устал от ненависти и страха, и тяжело сел на грудку контейнеров с консервированным мясом. Херилак погрозил копьем удирающим лодкам и закричал:

— Убирайтесь прочь и скажите остальным, что произошло этой ночью! Расскажите всем мургу, что это случится с каждым, кто рискнет явиться на север.

Керрик не разделял его слепой ненависти, потому что слишком долго жил среди ийлан. В свете наступающего дня он увидел лицо ближайшей мургу и узнал ее: это была охотница, которую он иногда видел вместе со Сталлан. Потрясенный, он отвел взгляд от растерзанного горла. Чувство огромной утраты охватило его, хотя он и не совсем понимал, в чем она заключается.

Когда Херилак повернулся к нему, Керрик взял себя в руки и сирсился:

— А сколько потеряли мы?

— Одного. Разве это не полная победа? Только одного, убитого отравленной стрелой дротика. Неожданность была полной. Мы сделали то, ради чего пришли сюда.

— Но мы еще не закончили,— сказал Керрик, стараясь отвлечься от своих чувств.— Он постучал по контейнеру, на котором сидел.— Они содержат мясо. До тех пор пока цела внешняя оболочка, мясо не испортится. Я ел такое. Вкус неважный, но жизнь поддержать можно.

Херилак задумался, опершись на копьё:

— Значит, этой победой мы выиграли жизнь. С этими запасами еще больше тану переживут будущую зиму. Нужно послать гонцов к саммад и позвать их сюда за этим сокровищем.— Он оглядел усеянный трупами берег.— Что еще мы можем сделать здесь?

Керрик наклонился, подобрал брошенный хесотсан и стряхнул песок с его темного тела. Когда он направил его в пустое море и определенным образом нажал, раздался резкий треск, и дротик исчез в прибое. Потом он ткнул животное пальцем, и кро-

щечный рот широко раскрылся. Закрыв его, Керрик протянул оружие Херилаку.

— Соберите смертоносные палки. И дровишки тоже. Я покажу вам, как с ними обращаться. Мы не можем разводить этих существ, но если их кормить, они проживут годы. Яд их дровиков убивает мургу так же легко, как и тану. Будь они у нас сегодня ночью, ни один мараг не ушел бы отсюда живым.

Херилак восторженно хлопнул его по плечу.

— Эта победа только первая из многих. А сейчас я пошлю за саммад.

Оставшись один, Керрик взял контейнер с водой и напился, а затем взглянул на возбужденных охотников. Это была победа, первая победа тану. Но у него было смутное предчувствие, что будущие победы не будут такими легкими. Он посмотрел на ближайший труп фарги, затем заставил себя начать поиски на берегу.

Прошло немало времени, прежде чем он осмотрел всех. Он даже прошел вдоль линии прибоя, осматривая тела и переворачивая их лицами вверх. Закончив, он устало опустился на песок.

Он узнал нескольких ийлан, в основном охотников. Керрик посмотрел на юг, туда, где уже давно исчезли лодки.

Сталлан наверняка была с ними, в этом он не сомневался. Она безусловно возглавляла эту экспедицию и сумела спасти свою жизнь, скрывшись в темноте.

Они встретятся, Керрик был в этом уверен. Это поражение не остановит ийлан, а сделает их более решительными. Это не конец войны, а только начало, и, чем она кончится, Керрик понятия не имел.

Но он знал, что однажды произойдет битва, которой этот мир никогда прежде не видел. Жестокая битва между двумя расами, у которых одинаковым было только одно: ненависть друг к другу.

7

Дождь хлестал по лодкам. Тяжелые капли барабанили по влажным шкурам и, шипя, скатывались в океан. Темный берег исчез из виду, признаков погони не было. Сталлан осмотрелась, затем приказала своей лодке остановиться и сделала знак другим сделать то же самое.

Они собрались вместе в сером свете зари. Даже пустые лодки протиснулись поближе, стоя вместе с занятыми, смущенные, потому что не получили инструкций. Сталлан смотрела на уцелевших фарги с растущим гневом.

Их было так мало! Охваченная паникой горстка — вот все, что

осталось от большой ударной силы, которую она привела на север. Что же было сделано плохо?

Она знала ответ, но когда думала об этом, гнев ее становился так страшен, что ей приходилось отгонять прочь мучительную мысль.

— Кто из вас ранен? — спросила она, встав так, чтобы все могли понять ее. — Поднимите руки.

Почти половина из них была ранена.

— У нас нет повязок, они остались на берегу вместе со всеми запасами. Если раны открытые, обмойте их морской водой и больше ничего не делайте. А сейчас посмотрите вокруг: видите ли вы незанятые лодки? Они скоро отделятся от нас, а мы не можем потерять хотя бы одну из них. Я хочу, чтобы по крайней мере одна фарги была в каждой лодке. Сделайте перемещение сейчас, пока мы все вместе.

Некоторые фарги были слишком потрясены и испуганы, чтобы думать самостоятельно. Сталлан направила свою лодку сквозь всю флотилию, толкая другие лодки и громко командуя, пока они не начали повиноваться.

— Эта лодка не пустая, — сказала одна из фарги. — В ней лежит мертвая фарги.

— Выбрось ее в океан, и если найдешь еще, сделай то же самое.

— Эта лодка ранена, стрелы устозоу вонзились в нее.

— Оставь их на месте: ты причинишь больше вреда, вытаскивая стрелы.

Наконец Сталлан удалось разместить в каждой лодке по фарги. Несколько раненых лодок пришлось оставить, бросив их на произвол судьбы. Как только все перемещения были закончены, она приказала потрепанной флотилии двигаться на юг.

Они плыли, не останавливаясь, весь остаток дня. Сталлан не хотела приближаться к берегу, пока темнота не заставила их сделать это. Там могли быть другие устозоу, прячущиеся в засаде и готовые напасть. Лодки двигались, неся испуганных и упавших духом фарги, пока солнце было над горизонтом. Только тогда Сталлан приказала приблизиться к берегу, к месту, где в море впадала река. Истомленные жаждой фарги засуетились, но Сталлан приказала им оставаться в лодках, пока она не обследует берег. Она стояла на страже и держала свой хесотсан наготове, пока они пили, поза ее выражала презрение к этим глупым существам. Единственное, что они имели, — это оружие, и вот в панике большинство из них совершенно забыли о нем.

— Ближайшая к высочайшей, — сказала одна из фарги, после того как напилась, — где взять пищу?

— Не здесь, малоговорящая и безмозглая. Может быть, завтра. Иди обратно к своей лодке. Мы не будем спать на берегу сегодня ночью.

Плащей, чтобы поддержать температуру их тел ночью, не было, поэтому все фарги стали медлительны и лежали неподвижно, пока утром их не согрели лучи солнца. Отступление продолжалось.

На третий день, когда по-прежнему не было никаких признаков погони, Сталлан решила пристать к берегу, чтобы поохотиться. Они нуждались в пище, если хотели вернуться живыми. Она внимательно изучила место, где дельта реки разбивалась на множество протоков, разделенных островками, и там выследила несколько животных, пасшихся в зарослях тростника. Внешне они напоминали урукуба, только гораздо более маленького, с такими же длинными шеями и маленькими головами. Она ухитрилась подстрелить двух из них, прежде чем стадо убежало. Фарги притащили добычу на берег. Все хорошо поели, разрывая мясо зубами, поскольку резать было нечем.

Двое раненых фарги умерли за время путешествия, кроме того, было потеряно несколько пустых и раненых лодок, которые одна за другой исчезали во мраке ночи. Только сила воли Сталлан и резкость приказов удерживали выживших вместе до тех пор, пока они не добрались до знакомых вод. Был полдень, когда они прошли мимо рыбацких лодок, а затем обогнули мыс, за которым открывался вход в гавань Альпесака. Их появление, конечно, было замечено, как и то, что вернулось гораздо меньше, чем отплывало. В силу этого в гавани не было ответственного комитета, когда они вошли туда. На берегу их ждала одна Этдирг, исполнявшая сейчас обязанности Эй-стай.

Когда Сталлан вышла из лодки, она шагнула вперед, но ничего не сказала. Первой заговорила Сталлан, представив короткий отчет о происшедшем.

— Когда наконец мы высадились на берег, ночью нас атаковали устозоу. Они хорошо двигаются в темноте. Мы ничего не смогли сделать, чтобы защитить себя.

Этдирг холодно взглянула на фарги, которые подгоняли лодки к причалу.

— Какое несчастье,— сказала она.— Это произошло до или после вашей атаки на устозоу?

— До. Мы ничего не добились, совсем ничего. Я не ожидала нападения и не выставила часовых. Это моя ошибка, и я умру сейчас, если ты прикажешь.

Ожидая ответа, Сталлан затаила дыхание и не шевелилась. Смерть ее зависела от одного только короткого слова. Она флегматично смотрела на море, но краем глаза следила за Этдирг.

— Ты будешь жить,— промолвила наконец Этдирг.— Хоть ты и совершила ошибку, но Альпесаку нужны твои услуги. Сталлан выразила свою благодарность.

— Как могло произойти такое несчастье? — спросила Этдирг. — Это выше моего понимания.

— А для меня все ясно, — сказала Сталлан, каждое движение ее тела выражало гнев и ненависть. — Я знаю, как это произошло.

Краем глаза она уловила какое-то движение, замолчала и повернулась лицом в ту сторону, откуда из-под деревьев выносили паланкин. Четыре сильных фарги шли, сгибаясь под тяжестью его, а следом, переваливаясь, двигалась толстая Акотолп. Фарги осторожно поставили паланкин на землю и отошли назад. Акотолп заторопилась к нему, широко открыв рот, затем наклонилась над фигурой, лежавшей в паланкине.

— Вам нельзя резко двигаться и много говорить, — сказала она. — Это еще опасно.

Вайнти согласно кивнула, затем повернулась к Сталлан. Она сильно потеряла в весе, так сильно, что кости ясно обозначились под ее кожей. Рана от копыа зажила, но внутренние повреждения оказались очень тяжелыми. Много дней она оставалась вялой и не проявляла никакого интереса к жизни. Акотолп залечила все повреждения, предупредила инфекцию, сделала переливание крови и многое другое, чтобы сохранить жизнь Эйстай. Это было трудной задачей, и только блестящие знания Акотолп, в соединении с силой воли Вайнти, позволили ей выжить. Этдирг занимала ее место в течение долгой болезни, но скоро Вайнти должна была вернуться к своим обязанностям. Вот и сейчас она заговорила, как Эйстай.

— Расскажи мне, что случилось, — приказала она.

Сталлан, ничего не упуская из виду и по возможности осторожно, сообщила обо всех деталях путешествия, высадки и боини, закончив своим возвращением. В заключение она повторила сказанное Этдирг:

— Это моя ошибка, и я умру сейчас, если ты прикажешь.

Резким жестом выразила Вайнти свой протест.

— Ошибка или нет, но ты нужна нам, Сталлан. Ты нужна нам, чтобы отомстить. Ты будешь моей правой рукой и убьешь того, кто сделал это. Это мог быть только он один.

— Эйстай права. На снимках рептора, которые мы изучали, не было второй группы устозоу. Все выглядело так, как должно выглядеть. Однако кто-то, знавший о репторе, приказал устозоу пойти ночью в атаку. Кто-то знал, что мы высаживаемся на берег в ночь перед нападением.

— Керрик!

Столько ненависти было в этом слове, что Акотолп запротестовала.

— Вы рискуете своей жизнью, Эйстай, реагируя так резко. Вы еще слишком больны для таких переживаний.

Вайнти откинулась на своем ложе, выражая согласие.

— Я должна обдумать услышанное. Пока что мне ясно, что необходимо разнообразить способы борьбы с устозоу. Наши знания уменьшились, потому что мы теперь можем верить снимкам рептора только наполовину. Оказывается, устозоу могут передвигаться под прикрытием темноты. — Она повернулась к Акотолп: — Ты знаешь эти тонкости. Скажи, можно сделать снимки ночью?

— Вообще-то да. Но для этого нужны птицы, которые летают ночью. Думаю, что-нибудь можно сделать.

— Ты займешься этим немедленно. И еще один вопрос. Есть ли способ увеличивать снимки рептора?

— С какой целью, Эйстан?

— Если Керрик руководил атакой, значит, он должен находиться в стае. Следовательно, он будет на одном из снимков. Можем ли мы обнаружить это?

— Теперь понятно. Мелкие детали снимков можно увеличить во много раз.

— Ты слышала, Этдирг. Иди и посмотри.

Этдирг поспешно повернулась и заторопилась прочь. Вайнти вновь переключила свое внимание на Сталлан.

— В будущем мы станем атаковать разными способами. Систему защиты ночью тоже нужно пересмотреть. Об этом следует подумать. Такое не должно повториться.

— Потребуется очень много фарги, — сказала Сталлан.

— Эта проблема уже решена. Пока тебя не было, мы получили известие о том, что вся подготовка завершена. Инегбан придет в Альпесак еще до конца лета. Два города снова станут одним — сильным и непобедимым. У нас будет все необходимое, чтобы смести устозоу с лица земли.

И Акотолп и Сталлан, следуя примеру Вайнти, выразили радость по поводу предстоящего события. Если бы это произошло до ранения Вайнти, ее реакция была бы иной. Тогда стремление править Альпесакom являлось движущей силой ее жизни, единственной и сильнейшей мечтой. Ее ненависть к Малсас была безгранична, потому что Эйстан Инегбана должна была стать Эйстан Альпесака, когда оба города соединятся.

Сейчас она приветствовала прибытие Малсас. Удар копыя, погруживший ее в темноту, болезнь и боль, изменил все. Когда сознание вернулось к ней, она вспомнила, что произошло, что сделал с ней устозоу, которому она спасла жизнь, а потом подняла из грязи и приблизила к себе. Устозоу, который отплатил за все внимание попыткой убить ее. Этот жестокий поступок нельзя было оставить безнаказанным. Мысли о Керрике только укрепили ее намерение очистить землю от вредных устозоу. Все ийланы будут чувствовать то же самое, когда узнают, что произошло с фарги, ушедшими на север. Когда Инегбан придет в Альпесак, ийланы поймут, что жизнь здесь резко отличается от той, которую они вели прежде в спокой-

ном и мирном городе. Когда их собственные жизни и будущее окажутся под угрозой, они приложат все усилия, чтобы разделиться с устоэоу.

Вся мощь ийлан, их знания и энергия объединятся для проведения кампании по искоренению устоэоу. Руководителем этой кампании могла быть только она, Вайнти.

8

Воздух под высокими деревьями был таким спокойным, что холодный туман висел неподвижно. Молчание нарушалось только каплями, падавшими с листьев, и далекими криками птиц. Из-под куста осторожно выскочил кролик и начал обкусывать сочную траву на поляне. Потом вдруг замер и сел, уши его повернулись, прислушиваясь, затем одним прыжком он скрылся в лесу.

Вдалеке послышались тяжелые медленные шаги. К ним присоединился скрип кожаных ремней и шуршание деревянных волокуш, которые тащились по земле. На краю поляны появились два охотника, в меховых накидках и мокасинах, но с обнаженными руками. Другие охотники, выйдя из-под деревьев, пошли через поляну. Затем появился первый мастодонт — огромный горбатый самец. Поднятым хоботом срывал он ветви с деревьев и запихивал в рот.

Один за другим мастодонты выходили из леса. Рамы волокуш, которые они тянули, прокладывали глубокие колеи в мягкой почве. Тану были в пути, который никогда не кончался.

Время перевалило далеко за полдень, когда они достигли удобного места для лагеря на берегу реки. В сгущающихся сумерках между деревьями уже кружился первый снег. Ульфадан взглянул на север и понюхал холодный воздух.

— Рано, — сказал он. — Раньше даже, чем в прошлом году. Здесь в долине снег будет таким же глубоким, как бывает в горах. Нужно обсудить это сегодня ночью.

Келлиманс неохотно кивнул, соглашаясь. После резни мургу решение о возвращении в старый лагерь было принято безо всяких обсуждений. Как только поставили палатки и поужинали, все собрались вокруг костра, и разговор начался.

В отличие от оседлых, живших в городах ийлан, тану были охотниками. Они вели кочевую жизнь без постоянного лагеря. Всегда в движении, идя туда, где была лучше охота или рыбалка и где можно было найти лучшие плоды. Для жизни им не требовалось определенное постоянное пространство — вся земля была их домом. И они не образовывали, подобно ийланам, большие сообщества. Их саммад были небольшими группами.

Саммадар был не столько вождем, который отдавал приказы, сколько охотником, который предлагал самые разумные планы, находил больше всех дичи и обеспечивал процветание саммада. Его решения обсуждались всеми, и он не мог отдать приказа, который не нравился бы остальным. Охотник и его семья могли просто исчезнуть в лесу и присоединиться к другой саммаду, если саммадар не нравился им.

Сейчас как раз нужно было принимать решение. Пламя костра, когда в него подбрасывали поленья, поднималось высоко к небу, а круг охотников тем временем становился все шире. Они смеялись и разговаривали друг с другом, стараясь занять лучшее место возле огня, где было тепло и не было дыма. Они были сыты, у них была пища на зиму, и этого пока им хватало. Когда Ульфадан встал и повернулся к ним лицом, разговоры стихли.

— Я слышал немало разговоров о том, что мы должны зимовать здесь, в этом месте, которое все вы знаете. Охота здесь плохая, но у нас хватит пищи, чтобы дотянуть до весны. Однако сейчас нужно думать не об этом. Если мы останемся здесь, выживут ли наши мастодонты? Хватит ли им травы и листьев на деревьях? Это важный вопрос, который мы должны обсудить. Если мы переживем зиму, а они погибнут, мы тоже умрем, когда придет время двигаться, а мы не сможем. Вот о чем сейчас нужно думать.

Судьба мастодонтов серьезно волновала всех охотников. Все, кто хотел быть услышанным, поднимались и говорили, обращаясь к остальным, и споров было очень много. Херилак и Керрик слушали, но сами ничего не говорили. Херилак был военным вождем, а сейчас, когда сражение закончилось, сидел вместе со всеми. Что касается Керрика, то он был доволен, что допущен в круг охотников, а не сидит вне его, вместе с женщинами и детьми.

Потом было много бессвязных речей о разных мелких вопросах, немного жалоб и гораздо больше хвастовства. Когда разговор угас, Ульфадан предложил обратиться к Фракену, и другие поддержали его. Старика очень уважали за его память и знание медицины, он был шаманом, который знал тайны жизни и смерти. Возможно, он мог указать им выход. Фракен подошел ближе к огню, сопровождаемый мальчиком без имени. Когда мальчик вырастет, а Фракен умрет, он должен будет принять имя старика. Сейчас у него имени не было, и он был просто учеником шамана. Склонившись перед Фракеном, он порывался в кожаной сумке и достал темный шар, который осторожно положил на землю у огня. Фракен принялся тыкать в него двумя палочками, и вскоре обнаружились крохотные мышьи кости.

— Зима будет холодной,— сказал он.— Я вижу долгое путеше-

ствие. — Это было похоже на то, что происходило в действительности, и произвело на слушателей большое впечатление.

Керрик не обратил на его слова внимания. Кто угодно мог сказать то же самое и без мышинных костей. Он вдруг понял, что они не решат вопрос о зимнем лагере, если ничего не изменится в их представлениях о внешнем мире. И тогда он поднялся и заговорил.

— Я молчал и внимательно слушал. Одна и та же мысль повторялась снова и снова: зима-у-которой-нет-конца пришла в горы, и олени покинут их, потому что снег лежит там большую часть года и им негде пастись. Если здесь есть кто-нибудь, не верящий этому, я хотел бы послушать, что скажет этот охотник.

Никто не возразил Керрику, кроме охотника по имени Илгет, известного своим скверным характером.

— Сядь на место, — сказал он. — Мы знаем это, Маловолосый. Дай говорить охотникам.

Керрик слишком хорошо помнил о своей редкой бороде и о волосах, которые не доставали даже до ушей, поэтому, устыдившись, хотел сесть, но тут поднялся Херилак. Он коснулся руки юноши, и тот остался стоять.

— Этого охотника зовут Керрик, а не Маловолосый. Впрочем, Илгет должен хорошо знать о маловолосых, ведь на его голове гораздо больше кожи, чем волос.

Большинство охотников расхохоталось, хлопая себя по бедрам, а Илгет нахмурился и замолчал. Когда Херилак был самодаром, он часто пользовался шуткой, чтобы убедить других. Но сейчас он еще не все сказал и потому терпеливо ждал, когда все успокоится.

— Волосы Керрика должны напоминать нам о том, что он был у мургу в плену. Мы не должны забывать, что он может говорить с ними и понимать их. Мы сыты потому, что он научил нас, как можно убить мургу. Мы охотились там, где они могли напасть на нас, а он объяснил, что делать, чтобы напасть первыми, и мы убили многих. Когда Керрик говорит, мы должны слушать.

Со всех сторон послышалось одобрительное ворчание, и Керрик почувствовал, что уверенность вернулась к нему.

— Значит, все мы понимаем, что не можем идти на север. На востоке земля бесплодна так же, как здесь, и там нет места для зимовки. Нет его и на западе, где земли лучше, но дороги туда заняты тану, которые не позволят нам пройти. Поэтому я спрашиваю вас: почему бы нам не пойти на юг?

Послышались удивленные возгласы, а потом смех, который стих, когда Керрик нахмурился. В тишине раздался голос Ульфада.

— Я ходил к краю леса на юге, а когда был молод, даже выходил на южные луга и едва не остался там навсегда. Это я

нашел там. — Он коснулся длинного зуба, висевшего на его шее. — Я был молод и достаточно глуп, чтобы рискнуть ради этого жизнью. Там нет оленей и бродят только мургу, которые убивают. Мургу высокие, как деревья. На юге нас ждет только смерть. Мы не должны идти туда.

Охотники согласно закричали, и Керрику пришлось ждать, пока все замолчат.

Я много лет жил далеко на юге, где никогда не падал снег и всегда было тепло. В этой теплой земле живут мургу, которые едят траву и пасутся в лесах и на болотах. Хотя они не похожи на оленей или других животных, на которых мы охотимся, их можно есть, и мясо их вкусное. Я знаю это, потому что именно их я и ел все эти годы.

Теперь кругом царил полная тишина. Даже женщины перестали болтать друг с другом, дети прекратили свои игры, и все слушали удивительный и пугающий рассказ Керрика.

— То, что сказал Ульфадан, — правда. Там есть огромные мургу, которые едят более мелких. Я видел их и даже еще более удивительных животных. Но не это важно сейчас, а то, что там живут мургу-ходящие-как-тану. Они едят мясо животных так же, как это делаем мы. Почему их не убивают мургу высотой с деревья?

Было много причин, которые Керрик мог назвать, но он решил сосредоточить внимание только на одной.

— Их не убивают потому, что мургу-ходящие-как-тану сами убивают всех, кто угрожает им. Они убивают их вот этим.

Он наклонился, схватил хесотсан, лежавший на земле возле него, и высоко поднял его вверх. Никто не издал ни звука, и все глаза смотрели на него.

— Неважно, насколько крупно животное, — это убьет его. Мургу, против которых обращены все ваши луки и копья, упадут мертвыми, когда дротик, вылетевший отсюда, кольнет их шкуру.

— Я видел это, — с горечью произнес Херилак. — Я видел мургу, вышедших из моря с этими смертоносными палками, видел, как падала моя саммад. Я видел огромных мастодонтов, падавших после щелчка этих штук. Керрик говорит правду.

— Но сейчас у нас тоже есть много палок и дротиков, — сказал Керрик. — Я знаю, как ухаживать за этими смертоносными существами, и могу показать вам, как они действуют. Я знаю, как заправлять в них дротики смерти, и научу вас этому. Если мы пойдем на юг, там будет хорошая охота и много пищи для мастодонтов. А с этими, — он поднял оружие над головой, чтобы все могли его видеть, — мы победим.

После этого было много разговоров, высказывали разные предложения, но решения так и не приняли. Керрик мало ел днем и, увидев, что Херилак уходит, последовал за ним. Они подо-

шли к костру, где женщины жарили мясо и заваривали чай из коры. Одна из них, Меррит, предложила им чаю.

— Надеюсь, смертоносные палки будут слушаться нас так же, как и тебя, иначе наши кости останутся далеко на юге,— обратилась она к Керрику. Голос у нее был хриплый, почти мужской, но мысли свои она излагала свободно.

— Значит, ты думаешь, что мы пойдем на юг? — спросил Хериллак.

— Они будут говорить всю ночь, но в конце концов решат именно это. Мы пойдем на юг, потому что нам некуда больше идти. — Она с нескрываемым любопытством посмотрела на Керрика. — Какие они, эти мургу, у которых ты был в плену? Большие у них палатки?

Керрик улыбнулся при мысли об этом, затем попробовал объяснить.

— Они не живут в палатках, а выращивают специальные деревья и спят в них.

Меррит громко рассмеялась.

— Ты рассказываешь глупые истории. Как они могут погрузить на мастодонтов свои деревья, когда им нужно переезжать на новое место?

Женщины вокруг костра прислушивались к их разговору и теперь, представив себе эту картину, захихикали.

— Это правда, потому что они стоят все время на одном месте и им не нужно перевозить свои спальные деревья.

— Сейчас я точно знаю, что ты рассказываешь мне сказки. Они соберут все плоды, убьют всех животных, а потом умрут от голода. Отличная сказка.

— Это правда,— сказал Хериллак. — Именно так они и живут. Я был там и видел это, но тогда не понял. Им не нужно охотиться, потому что они держат всех своих животных в местах, откуда те не могут убежать, и убивают их, когда это нужно. Верно я говорю? — обратился он к Керрику.

Меррит пожала плечами, слыша такие бессмысленные слова, и вернулась к своему костру, но другие женщины остались; глаза их были широко открыты, когда они слушали сумасбродный разговор.

Правда или нет, но это стоило послушать.

— Это только часть их жизни,— сказал Керрик. — Там происходит много удивительных вещей. Одни мургу расчищают землю и возводят изгороди, чтобы животные были в безопасности, другие заботятся о самцах во время сезона рождений, чтобы молодежь росла в море. Одни выращивают животных, другие убивают их, когда приходит время. Третьи ловят рыбу. Все это очень сложно.

— Самцы заботятся о детенышах? — тихим грудным голосом спросила одна из женщин. Старуха, рядом с ней, прикрикнула на нее:

— Сиди тихо, Армун.

— Это хороший вопрос,— заметил Керрик, пытаясь разглядеть говорившую, но она отвернулась и волосы закрыли ее лицо. — Мургу откладывают яйца, и самцы высиживают их. Затем, когда детеныши выходят из яиц, они отправляются жить в океан. Они не заботятся о них, как это делаем мы.

— Они мерзкие твари и все должны быть убиты! — крикнула Меррит, которая все слышала. — Не годится женщинам слушать такие речи.

По ее приказу слушательницы разбежались, и двое мужчин доедали мясо в молчании. Херилак отправил в рот последний кусок, затем мягко коснулся руки Керрика.

— Прошу тебя, рассказывай мне об этих существах как можно больше. Я не женщина и верю каждому твоему слову. Как и ты, я был их пленником, правда недолго, но мне этого хватило. Если ты поведешь, я пойду за тобой, Керрик. Сильные руки и быстрый лук — вот что нужно охотнику, но тану нужны и знания. Мы — тану, потому что можем обрабатывать камни и дерево, и ты единственный среди нас, кто обладает большими знаниями. Только ты можешь указать нам дорогу.

Керрик согласно кивнул. Знание могло быть силой и оружием. Он имел знания, и Херилак уважал его. Это была большая честь — заслужить похвалу такого мудрого и сильного охотника, как Херилак. Керрик почувствовал гордость. Он начинал верить, что не чужой в этом мире.

6

Меррит оказалась права: после затянувшегося далеко за полночь обсуждения охотники решили, что придется идти на юг. С принятием этого решения они оказались перед очередной проблемой: как идти?

Когда рассвело, Херилак вышел из палатки. Он разводил огонь, когда к нему подошли Ульфадан и Келлиманс. Саммадары официально приветствовали его, затем сели рядом с ним у огня. Херилак протянул им деревянные кружки с чаем и стал ждать, когда они скажут, с чем пришли. За его спиной Ортнар выглянул из палатки и быстро втянул голову обратно.

— Ты думал, что этой ночью они наговорятся досыта, но они уже снова здесь,— сказал он Керрику. — Лично я не вижу в этом никаких сложностей. Убивать мургу — вот все, что нам нужно делать.

Керрик сел в спальном мешке и вздрогнул, почувствовав холодный воздух. Он быстро натянул через голову свою теплую куртку, затем провел рукой по коротким волосам, зевая и почесываясь. Клапан палатки был откинут, и было видно, что

трое охотников еще говорят. Ортнар был прав: Керрик считал, что они удовлетворятся ночными разговорами.

Но судя по всему, он ошибся. Херилак поднялся с земли, подошел к палатке и окликнул его:

— Ты нам нужен, Керрик.

Керрик вышел, сел у костра и стал маленькими глотками пить горячий чай, пока Херилак рассказывал, что они решили.

— Саммад пойдут на юг, потому что у них нет другого выбора. Однако они не знают, что будут делать, когда достигнут земли мургу. Впрочем, одно несомненно — мургу должны быть убиты и потому нужен военный вождь. Они предложили эту должность мне.

Керрик согласно кивнул.

— Так и должно быть. Ты вел нас к победе, когда мы уничтожили мургу на берегу.

— Я действительно знаю, как нужно атаковать, но сейчас мы планируем покинуть леса и идти на юг, в поросшие травой земли, где живут только мургу, мургу всех видов. Значит, мы должны убить их смертоносными палками, в которых я мало что понимаю. Но ты, Керрик, знаешь это отлично. Поэтому я предлагаю, чтобы сакрипексом был ты.

Керрик не думал о такой возможности. Это было слишком неожиданно. Он неуверенно покачал головой, потом неохотно заговорил:

— Это огромное доверие, но мне не хватит знаний, чтобы быть сакрипексом. Да, я знаю много о мургу, но слишком мало об охоте и других делах племени. Херилак же уже испытанный вождь.

Все молчали, ожидая, что он скажет дальше. Саммад видели в нем вождя, и он не мог отказать им. Ортнар, слышавший разговор, вышел из палатки и присоединился к ожидающим охотникам. Они хотели, чтобы Керрик вел их, но он сомневался в своих силах. Что же делать? Что бы сделали на его месте ийланы? Едва он задал себе этот вопрос, как тут же пришел ответ.

— Я расскажу вам, как мургу решают эту проблему, — сказал он. — В их городах есть саммадар, который является первым во всем. Ему подчиняются другие саммадары, отвечающие за различные работы в городе. Почему бы нам не решить вопрос таким образом — Херилак будет сакрипексом, как вы и предлагаете, а я буду помогать ему и давать советы относительно мургу. Однако он будет единственным, кто станет решать, что делать.

— Мы должны подумать об этом, — сказал Ульфадан. — Это ново для нас.

— Сейчас другие времена, — сказал Келлиманс. — Мы сделаем так, как ты сказал, Керрик.

— Мы сделаем так,— согласился Херилак.— Керрик расскажет нам о привычках мургу и о том, как нужно охотиться на них. Он будет маргалусом.

Ульфадан согласно кивнул и встал.

— Да будет так,— сказал он.

— Я согласен,— добавил Келлиманс.— Мы расскажем всем охотникам, и если они нас поддержат, мы пойдем на юг, когда скажет маргалус.

После того как саммадары ушли, Херилак повернулся к Керрику.

— Что нужно делать сначала, маргалус? — спросил он.

Керрик потрогал свою жидкую бороду. Ответить на это было легко, и ему хотелось надеяться, что все другие вопросы он тоже сможет решить.

— Чтобы бороться с мургу, нужно научиться обращаться со смертоносными палками. Этим мы сейчас и займемся.

Херилак и Ортнар были, как всегда, вооружены копьями и луками, Керрик же вместо них взял хесотсан и запас дротиков. Он повел охотников вверх по течению, подальше от палаток, к открытому месту возле реки. Среди валунов лежал ствол высохшего дерева, занесенного сюда половодьем.

— Мы будем учиться стрелять здесь,— сказал Керрик.— Если кто-то подойдет к нам, мы увидим его. В этих дротиках таится смерть, а я не хочу никого убивать.

Охотники положили свои луки и копья и неохотно подошли ближе, когда Керрик взял хесотсан.

— Сейчас он не опасен, потому что в нем нет дротиков. Сначала я покажу вам, как надо кормить его и заботиться о нем. Потом мы вставим дротик и используем этот пень в качестве мишени.

Охотники постоянно имели дело с инструментами и оружием и потому вскоре перестали думать о хесотсане как о живом существе. Когда Керрик выстрелил первым дротиком, они вздрогнули от резкого щелчка, а затем бросились к дереву взглянуть на торчащий шип.

— Это стреляет так же далеко, как лук? — спросил Херилак.

Керрик задумался, затем отрицательно покачал головой.

— Не думаю, но дело не в этом. Нам не нужно будет убивать на расстоянии, если мургу бросятся на нас. Когда дротик поражает какое-либо существо, его яд действует почти мгновенно. А теперь вы попробуйте стрелять из смертоносных палок.

Он уже передавал оружие Херилаку, когда заметил движение в небе над собой. Это была большая птица.

— Скорее берите свои луки,— приказал он.— Над нами рептор, один из тех, кто говорит с мургу. Он не должен вернуться, его нужно убить.

Не задавая вопросов, охотники схватили луки и натянули тетиву, ожидая, когда птица спустится пониже. Когда она пролетала над ними, паря на широко раскинутых крыльях, обе тетивы почти одновременно щелкнули. Две стрелы взвились в воздух и вонзились в рептора.

Пронзительно закричав, птица упала в воду.

— Не дайте ей уплыть! — закричал Керрик.

Он осторожно положил хеотсан на землю, но прежде чем успел выпрямиться, охотники уже прыгнули в воду. Ортнар был лучшим пловцом и первым достиг цели. Схватив птицу за крыло, он потащил ее за собой. Однако она была слишком большой, и ему пришлось подождать Херилака. Когда они вышли на берег, с их одежды стекали потоки воды; за собой они тащили огромную птицу, которую бросили на песок.

— Смотрите сюда, — сказала Керрик, — на ее ногу, на это черное существо.

Птица была мертва, но это животное — нет. Его когти плотно обхватывали ногу рептора. Существо было ничем не примечательно, за исключением выпуклости на теле. Херилак присел на корточки, чтобы взглянуть на него поближе, но тут же отпрыгнул назад: вдруг открылся огромный глаз, взглянул на него и медленно закрылся снова. Он потянулся за своим копьем, но Керрик остановил его.

— Подожди. Мы должны показать это охотникам, показать им глаз, который следит за нами, и птицу, которая носит его. Это животные, которые рассказывают мургу, где мы находимся. Где бы охотники ни увидели этих существ, они должны их убить. Если мургу не будут знать, где мы, они не смогут напасть на нас.

— Ты прав, маргалус, — уважительно сказал Херилак. — Мы единственные, кто знает об этих существах.

Херилак так просто и естественно пользовался знаниями Керрика, которые совсем недавно ошеломили его своей новизной, что Керрик вдруг почувствовал прилив гордости. Возможно, он не умеет охотиться так хорошо, как они, и его стрелы часто летят мимо цели, но он знает о мургу, а они нет. Пусть его нельзя уважать за охотничью доблесть, он может быть первым в другой области. Они подхватили птицу и потащили в лагерь.

Рептор сам по себе был достаточно интересен, никто из охотников не видел до сих пор такой большой птицы. Они раскинули его крылья во всю длину, затем измерили их шагами. Охотники были изумлены точностью выстрелов: обе стрелы попали птице прямо в грудь. Дети подбирались поближе и пытались потрогать ее, но их гнали прочь. Одна женщина наклонилась и ткнула черное существо на ногу рептора, а затем, когда глаз открылся и взглянул на нее, завизжала. Увидев это, все стол-

пились вокруг. Херилак наклонился, вырезал стрелы, и они с Ортнаром ушли к себе.

— Теперь ты должен научиться стрелять из смертоносных палок так же хорошо, как из лука,— сказал Херилак.

К вечеру оба охотника обращались с оружием не хуже Керрика. Ортнар накормил существо кусочками сушеного мяса из своей сумки, затем закрыл его рот.

— Этим нельзя убить оленя на охоте,— сказал он,— им трудно прицелиться, да и дротики летят недалеко.

— Оленя мы можем убить копьем или стрелой,— ответил Херилак,— это будет нужно нам для мургу, когда мы пойдем на юг.

— Прежде чем отправиться в путешествие, я хочу, чтобы все охотники знали, как этим пользоваться,— сказал Керрик. — Только тогда мы пойдем.

Они искупались в реке и вернулись к палаткам. Ночь была ясной, и в небе мерцали звезды. Меррит подала им мясо, а потом к костру подошел шаман. Каждую ночь он ходил от одного костра к другому, и люди говорили с ним о вещах, которые знал только он. Сейчас он подозрительно поглядывал на Керрика, который обладал знанием, недоступным Фракену. Херилак заметил это и ловко переключил на другое внимание старика.

— Прошлой ночью мне приснилось, будто вместе с другими я охотился на мастодонта,— сказал он. Фракен кивнул и почмокал губами, потягивая горячий чай. — Как это могло быть? Я только однажды охотился на мастодонта, когда был совсем молодым.

— На этот раз охотился не ты,— сказал старик. — Это был твой дух.

Вокруг костра стало тихо. Все внимательно слушали.

— Дух покидает тело, когда мы умираем, но иногда он делает это, когда мы спим. Твой дух покинул тебя и присоединился к охотникам. Именно поэтому охотника нельзя будить, если он крепко спит, его духа может не быть на месте, и тогда охотник умрет. Если умерший охотник был искусен в охоте, его дух присоединится к другим среди звезд.

Его голос понизился и стал похож на скрежет.

— Но остерегайтесь охотника, который причиняет неприятности и ведет плохую жизнь. Когда он умирает, его дух остается поблизости и причиняет неприятности другим. Совсем по-другому с искусным охотником. Его дух будет среди звезд, и все могут его увидеть. Он будет приходить во сне и помогать другим, предупреждая их об опасности.

Керрик слушал, но ничего не говорил. Сейчас он вспомнил, как старый Огатир рассказывал истории вроде этой, вспомнил дрожь страха, когда он пытался заснуть, боясь, что чей-то дух может бродить рядом. Теперь все это было только сказками.

Ийланы рассмеялись бы, услышав разговоры о духах и звездах. Для них смерть была просто концом существования и не содержала никакой тайны. Они знали, что звезды находятся далеко и их существование не может влиять на земные события. Он вспомнил Зхекак, рассказывавшую ему о звездах, о том, насколько они горячи и как холодна Луна — планета, весьма похожая на Землю. Когда Керрик взглянул на лица сидевших вокруг костра, он увидел уважение и веру и решил, что сейчас не время и не место затевать спор с шаманом.

Когда Фракен ушел к другому костру, многие последовали за ним. Осталось только несколько охотников, сидевших у огня и разговаривавших. Никто из них, казалось, не обратил внимания на то, что девушка, принесящая горсть перьев, присоединилась к ним. Керрик вспомнил, что это старшая дочь Келлиманса Фарлан. Она была высокой и сильной, с волосами, заплетенными в длинную косу. Когда она случайно коснулась его, Керрик испытал чувство, которое не мог понять, и нетерпеливо зашевелился. Она обошла вокруг костра и села возле Ортнара.

— Это перья большой птицы, которую вы убили, — сказала она. Ортнар согласно кивнул, едва взглянув на нее. — Если ими украсить твою одежду, все будут знать, как хорошо владеешь ты луком. — Она на мгновение заколебалась. — Я могу сделать это.

Ортнар долго молчал, но потом все-таки согласился.

— Я покажу тебе свою одежду. — Он направился в темноту, а она последовала за ним.

Охотники как будто не заметили этого, но один из них улыбнулся и подмигнул Керрику. Только когда пара исчезла из виду, охотники зашептались друг с другом, а один громко рассмеялся.

Что-то случилось, что-то важное, но никто ничего не объяснил Керрику, он тоже молчал, боясь задать глупый вопрос.

Ортнара не было в их палатке, когда Керрик вернулся, и только утром он заметил, что исчезли и все его вещи.

— Где Ортнар? — спросил он.

— Спит в другой палатке, — коротко ответил Херилак, всем видом показывая нежелание продолжать разговор.

Керрик начал понимать, что в жизни тану есть вещи, о которых предпочитают не говорить. Но он тоже тану и хотел бы знать, в чем тут дело. Однако он не представлял, с кем можно поговорить о заинтересовавших его странностях.

Впрочем, таинственное поведение Ортнара забылось в суматохе сборов.

Они отправлялись на юг, в неизвестность.

Ульфадан, хорошо знавший эти места, вел их через леса прямо на юг. Когда деревья начали редеть и впереди показалась поросшая травой равнина, он приказал остановиться и отправился назад к Керрику.

— Впереди открытое пространство. Мы остановились, как ты и говорил, маргалус.

— Хорошо, — сказал Керрик. — Мы с Херилаком обсудили, что нужно делать, когда мы войдем на равнину и окажемся среди мургу. Если мы пойдем, как обычно, одной колонной, то будем открыты для нападения в любое время и с любой стороны. В лесу мастодонты должны идти друг за другом, потому что проходы между деревьями узки, но здесь нет деревьев, и мы можем двигаться иначе. Вот что мы решили.

Охотники подошли ближе и смотрели, что Керрик чертит палочкой на земле.

Мастодонтов мы соберем в одну группу, — сказал он. — Херилак с отрядом охотников пойдет вперед, потому что он сакрипекс и будет руководить сражением, если оно начнется. Но мургу могут атаковать нас с фланга или сзади, поэтому мы должны быть защищены отовсюду. Ты, Келлиманс, с охотниками своей саммад будешь слева, а ты, Ульфадан, справа. Я пойду вместе с оставшимися охотниками сзади. Все мы будем вооружены смертоносными палками, а также копьями и луками. Таким образом, охотники со всех сторон смогут защитить саммад в центре...

В этот момент его прервал тревожный крик одного из мальчиков, который следил за лесом. Охотники повернулись, держа оружие наготове. Станный охотник вышел из-за деревьев и стоял неподвижно, глядя на них. Судя по крагам из березовой коры у него на ногах, он был из саммад, пришедших из-за гор. Херилак направился ему навстречу. Когда он подошел ближе, охотник наклонился и положил свое копье на землю. Херилак сделал то же самое, и тогда охотник заговорил с ним. Херилак покачал головой, затем повернулся и сказал, обращаясь к остальным:

— Я ничего не понимаю.

— Пусть с ним поговорит Невасфар, — сказал Ульфадан. — Он охотился по ту сторону гор и знает, как они говорят.

Невасфар отложил копье и пошел к странному охотнику, а все молча смотрели ему вслед. Последовал быстрый обмен фразами, потом Невасфар перевел:

— Он саммадар по имени Хар-Хавола. Он говорит, что их мастодонты умерли зимой от холода и они съели их, чтобы остаться в живых. Сейчас все запасы пищи кончились, и они умрут, когда выпадет снег. Он слышал, что у нас много пищи, и просит одолжить им.

— Нет,— тут же ответил Херилак, и другие охотники закивали, согласившись.

Хар-Хавола отступил назад— видимо, это слово он знал. Посмотрев на бесстрастные лица, он попытался заговорить, но тут же понял, что это бесполезно. Он наклонился, поднял копье и повернулся, чтобы уйти. И в этот момент его окликнул Керрик:

— Подожди! Невасфар, скажи, чтобы он не уходил. Спроси его, сколько охотников в его саммад.

— У нас нет лишней пищи,— сказал Херилак.— Он должен уйти.

— Я говорю сейчас как маргалус. Слушайте, что я хочу сказать.

Херилак признал это и замолчал.

— У нас сейчас больше мяса, чем мы можем съесть... Мясо, добытое охотой, такое же хорошее, как мясо, захваченное у мургу. Когда мы выйдем на равнину, охота станет отличной, и мяса будет еще больше. Но там будут и мургу, от которых нам придется защищаться. Когда они нападут, то, чем больше будет у нас людей, тем увереннее мы будем себя чувствовать. По-моему, мы должны позволить им присоединиться к нам, чтобы использовать их копья.

Херилак немного подумал, потом кивнул.

— Маргалус говорит правду. Нам нужны сейчас охотники, потому что нужно выставить охрану на ночь. Я тоже говорю: позволим им идти с нами. Поговори с ним, Невасфар, и объясни положение. Скажешь ему, что, если его охотники будут сражаться на нашей стороне, вся его саммад получит пищу.

Услышав это, Хар-Хавола выпрямился и ударил себя в грудь. Невасфару не нужно было переводить его слова, все поняли их и так: тану из-за гор— великие охотники и воины. Они пойдут.

Затем саммадар повернулся к деревьям и выкрикнул приказ. Цепочка испуганных женщин появилась оттуда, ведя за собой детей. Охотники шли следом. Все они были истощены и с благодарностью приняли предложенную им пищу. Когда все поели, колонна двинулась вперед, выходя на равнину.

Пока мастодонтов собирали в одну группу, Херилак поговорил с саммадарами.

— Сейчас у нас стало больше охотников, и значит, опасность уменьшилась. Керрик как маргалус может идти впереди, вместе со мной. Хар-Хавола будет со своими охотниками там, где опасность невелика, потому что у них нет смертоносных палок. Когда все займут свои места, мы двинемся.

Травянистая равнина тянулась перед ними до самого горизонта и выглядела обманчиво мирной. Ульфадап знал это по собственному опыту; глядя вокруг, он поглаживал пальцами большой зуб, висевший у него на шее. Все охотники крепко жи-

мали свое оружие, хорошо понимая, что они чужие здесь. Даже мастодонтам передалось общее напряжение, и они то и дело трубили, высоко задирая головы.

Из небольшой долины появилось стадо животных, быстро приближавшееся к тану. По сигналу Херилака мастодонты остановились, охотники быстро вышли вперед и стали в линию между неизвестной угрозой и саммад. Это были незнакомые охотникам существа с длинными шеями и ногами. Передние повернули прочь, увидев тану, и умчались, поднимая тучи пыли.

После этого маневра обнаружилось несколько крупных, странных существ, которые преследовали убегавшее стадо. Одно из них, увидев мастодонтов, громко закричало и бросилось в атаку.

Керрик поднял свое ружье и выстрелил в приближающееся животное. Существо подпрыгнуло, заверещало, а затем, когда яд начал действовать, тяжело рухнуло в траву. В предсмертных судорогах оно задергалось, потом широко раскрыло рот и хрипло закричало. До охотников донеслось отвратительное дыхание.

Мастодонты испуганно затрубили, становясь на дыбы, давя свои и соседние волокуши. Одни охотники бросились успокаивать их, другие продолжали держать оружие наготове, глядя вперед. Но опасность миновала. Стадо исчезло вдалеке, по-прежнему преследуемое огромными хищниками. Керрик осторожно подошел к убитому животному. Оно лежало неподвижно, горой мертвой плоти, его задние ноги были длинными и мускулистыми, а челюсти усеяны рядами острых зубов.

— Можно ли есть мясо этого существа? — спросил один из охотников, обращаясь к Керрику.

— Не знаю. Я никогда не видел их прежде. Но оно питается мясом, а мургу употребляют в пищу только тех животных, которые кормятся травой и листьями.

— И мы поступим так же, — сказал Херилак.

Тану ели мясо хищников, жесткое и невкусное, только в случае сильного голода. Сейчас у них было достаточно пищи, и никто не хотел возиться с этим отвратительным существом.

На равнине кипела жизнь. Высоко в небе летали темные существа, отнюдь не похожие на птиц. В мелком озере, которое они обошли по широкой дуге, плескались огромные животные. Маленькие мургу разбегались в разные стороны, едва видимые в высокой траве. Охотники не теряли бдительности и держали оружие наготове, но никаких нападений больше не было. Тени начали удлиняться, когда они остановились у ручья, чтобы напоить своих животных. Херилак указал на невысокий холм с поросшей лесом вершиной.

— Мы остановимся там на ночь. Деревья защитят нас, и вода будет рядом.

Керрик взглянул на рощу с беспокойством.

— Мы не знаем, что может скрываться там,— сказал он. — Не лучше ли остановиться здесь, где мы можем видеть всех приближающихся к нам?

— Мы знаем сейчас, что днем равнина кишит мургу, но нам ничего не известно о ее ночных обитателях. Деревья дадут нам убежище.

— Тогда нужно убедиться, что мы будем единственными, кто прячется там. Отправь лучших охотников, чтобы они осмотрели холм, пока не стемнело.

Очень скоро выяснилось, что среди деревьев не скрывалось ничего опасного. Маленькие мургу, задрав хвосты, бросились наутек от охотников. Несколько птиц, кормившихся плодами деревьев, подняли громкий крик и захлопали крыльями. Больше в роще никого не оказалось. Это было хорошее место для остановки.

Мастодонты, едва их освободили от груза, успокоились и стали обрывать с деревьев листья. Мальчики развели огонь, принесли в глиняных горшках угли, и вскоре среди деревьев уже стояли палатки. Когда стало темнеть, вокруг лагеря выставили охрану, которая должна была меняться в течение ночи.

— Мы сделали все, что могли,— сказал Херилак. — Мы прожили здесь наш первый день.

— Надеюсь, проживем и ночь,— отозвался Керрик, поглядывая по сторонам. — Хочется верить, что мы не сделали ошибки, придя сюда.

— Ты слишком много думаешь о том, чего нельзя изменить. Решение принято, и у нас нет иного пути.

«Херилак прав,— подумал Керрик,— я слишком много тревожусь. Но он и раньше был саммадаром и знает, как руководить другими, а для меня все это ново».

Поев, он быстро заснул и проснулся только, когда Херилак слегка потряс его за плечо. Ночь была темной, но звезды Охотника вышли из-за горизонта, и скоро должен был появиться Мастодонт: рассвет был близок.

— Никто не подходил к нам этой ночью,— сказал Херилак,— хотя вокруг полно животных. Может, им не нравится наш запах?

Керрик стоял на вершине склона и смотрел вниз, на темную линию ручья.

Оба они молча ждали, пока приближающийся рассвет не осветил небо на востоке.

— День и ночь, а мы все еще живы,— сказал Херилак. — Говорят, что хорошо начатый путь так же хорошо закончится.

11

Медленное движение на юг продолжалось уже несколько дней. Охотники по-прежнему соблюдали осторожность, но шли со все меньшими опасениями и спали без страха. Равнина изобиловала животными, но в основном это были травоядные мургу,

которые разбегались перед саммад и их мастодонтами. Были там и хищники, самые крупные из которых иногда нападали на колонну. Охотники убивали тех, кто подходил слишком близко, а остальные, видя это, стали держаться поодаль.

Путь их пролегал вдали от болот, вдоль реки, куда сходились на водопой самые разные животные. По возможности они старались избегать густых лесов, потому что там приходилось идти цепочкой и охранять саммад было труднее.

Вопреки постоянной опасности, охотники с надеждой встречали каждый новый день и каждую ночь. Разговаривали у костров о том, что им удалось увидеть. Окружающий мир был для них существенной частью жизни. Обычно они знали каждое животное в лесу, каждую птицу на деревьях, знали их повадки и как на них охотиться.

Но сейчас они открывали для себя совершенно новый мир. В начале пути они прошли через пограничные земли, где можно было встретить оленей и других знакомых животных, а также мургу самых различных видов, но потом все это вдруг изменилось, и животные, которых они знали и на которых охотились всю жизнь, исчезли. Только некоторые из птиц выглядели знакомыми, да рыба в реке вроде бы не изменилась, все же остальные были мургу, мургу настолько разные, что их нельзя было назвать одним этим именем. Под ногами в траве кишели маленькие ящерицы и змеи, а в травяном море паслись животные всех размеров и цветов. Довольно часто попадались небольшие стаи прожорливых хищников.

Однажды они увидели стервятников, разрывавших гниющий труп крупного животного. Они были так же огромны, как рептор, когда-то выследивший их. Когда охотники проходили мимо, они отпрыгивали в сторону на своих длинных ногах и, открывая клювы, полные острых зубов, гневно шипели.

Земля была богатой, а дичи так много, что стрелы охотников всегда находили цель. Когда они отправились в путешествие, листья начинали опадать с деревьев, а по ночам приходили первые заморозки — предвестники скорой зимы. Но сейчас время как будто повернуло вспять, и они вновь оказались в теплом лете. Даже по ночам не было холодов, а днем они снимали одежду и ходили обнаженными.

Наконец они пришли туда, где большая река, вдоль которой они двигались, сливалась с другой, более широкой и полноводной. Хотя едва миновал полдень, Херилак остановил движение и послал за Керриком и саммадарами.

— Здесь хорошее место для лагеря. У реки всегда можно напоить животных, кроме того, ночью ее проще охранять. Вокруг отличные пастбища для мастодонтов и много дров для наших костров.

— Еще слишком рано, — сказал Ульфадан. — Почему мы остановились сейчас?

— Это я вам и хочу объяснить. Когда мы отправились в путь, то решили только, что пойдем на юг. И вот мы здесь. Сейчас пришло время решать, где будет наш зимний лагерь. Нужно подумать об этом.

— Сегодня мы прошли мимо утиноклювых мургу, мимо большого стада,— сказал Келлиманс. — Мне нравится их мясо.

— Мое копьё дрожит в моей руке,— добавил Херилак, поглядывая вдаль за реку. — Мы не охотились уже много дней. — Потому я и предлагаю остановиться здесь.

Охотники согласно закивали.

— А я думаю о мургу-ходящих-как-тану,— сказал Керрик. — О них никогда нельзя забывать.

Ульфадан фыркнул.

— Мы не видели ни одной из их больших птиц. Они не могут знать, что мы здесь.

— Никогда нельзя быть уверенным, что они знают, а что нет. Они выследили саммад Амахаста, а тогда у них не было птиц. Где бы мы ни были и что бы ни делали, мы не должны забывать о них.

— Тогда что ты предлагаешь, маргалус? — спросил Херилак.

— Вы охотники. Мы остановимся здесь, если это вам нравится, но лагерь нужно охранять и днем и ночью, следя за рекой на случай нападения. Видите, какая она широкая здесь? Дальше к югу она наверняка впадает в океан. Океан и река могут стать дорогой для мургу, если они узнают о месте нашего лагеря.

— Малгалус прав,— сказал Херилак,— мы должны соблюдать осторожность, пока будем находиться здесь.

Ульфадан взглянул на реку и нахмурился.

— До сих пор мы всегда ставили лагерь среди деревьев. Здесь слишком открытое место.

Керрик вспомнил Альпесак, который тоже стоял у реки, но был хорошо защищен.

— Мургу в этом случае делают так: выращивают крепкие деревья и защищают свой лагерь колючими кустами. Мы не умеем выращивать деревья, но можем нарезать колючих кустов и выложить из них защитную линию. Это задержит снаружи маленьких животных, а больших мы сможем убить.

— Мы никогда прежде не делали так,— запротестовал Келлиманс.

— Но мы никогда прежде не находились так далеко на юге,— заметил Херилак. — Мы сделаем так, как сказал маргалус.

Хотя они предполагали провести здесь всего одну-две ночи, но прошло много дней, а они еще не двинулись с места. В реке водилось много рыбы, и охота была очень хороша, даже лучше, чем они могли себе представить. Утиноклювые мургу были так многочисленны, что дальнюю границу их стад не всегда можно

было увидеть. Они были столь же быстрыми, сколь и глупыми. Если группа охотников внезапно возникала перед ними, они бросались наутек. В это время другие охотники, сидя в засаде, ждали их, держа копья и луки наготове. Существа эти оказались не только быстрыми и глупыми, но и очень вкусными.

Постепенно стало ясно, что они нашли хорошее место для зимовки, если эту теплую погоду можно было назвать зимой. Однако времена года явно менялись и здесь: дни становились короткими, и созвездия ночного неба перемещались.

И женщины, и охотники были рады, что кончилось их долгое путешествие. Переходы, погрузки и разгрузки не оставляли им времени ни для каких других занятий. Теперь, когда палатки прочно заняли свои места, все изменилось к лучшему. В земле здесь росли съедобные растения с коричнево-желтыми клубнями, которых они никогда прежде не видели.

Испеченные на углях, они приобретали восхитительный сладковатый вкус.

Было много работы и разговоров обо всем. Поначалу саммад Хар-Хаволы держалась отдельно от других, ведь они говорили на другом языке и знали, что являются чужаками. Но женщины всех саммад, встречаясь за готовкой пищи, обнаружили, что понимают друг друга. Дети первое время дрались между собой, но, когда пришельцы выучили марбак, все различия были забыты. Даже одинокие женщины были довольны, ведь теперь на них посматривало больше молодых охотников. Никогда прежде не бывало такого большого зимнего лагеря. Три саммад, собравшиеся в одном месте, сделали жизнь полной и интересной.

Даже Армун получила передышку, затерявшись среди женщин. Она была в саммад Ульфадана всего три зимы, и все они были горестными для нее. В саммад, которую они покинули, был такой голод, что мать девушки, Шесил, оказалась слишком слабой, чтобы выжить в первую зиму в новой саммад. Это означало, что, когда отец Армун уходил на охоту, она оставалась без всякой защиты. Мальчики смеялись над ней, и из самолюбия она старалась молчать в их присутствии. Когда Бронт, ее отец, не вернулся с охоты во вторую зиму, ей пришлось нарушить свое затворничество. С тех пор она стала работать на Меррит, женщину саммадара, позволявшую ей есть у ее костра, но не пытавшуюся защитить девушку от постоянных насмешек. Меррит даже сама присоединялась к ним, когда сердилась, и вместе со всеми называла ее «беличье лицо».

Армун была такой с рождения, об этом ей рассказывала мать. Шесил всегда винила себя в том, что однажды, во время большого голода, убила и съела белку, хотя все знают, что женщинам запрещено охотиться. Из-за этого ее дочь родилась с передними зубами, расставленными широко, как у белки, и с раз-

деленной верхней губой. Но не только губа была разделена надвое — у нее было еще обверстие в нёбе.

Из-за этого отверстия ее невозможно было как следует накормить, когда она была младенцем, потому что она громко кричала и кашляла. Потом, когда она стала говорить, все слова звучали очень забавно. Неудивительно, что другие дети смеялись над ней.

Они смеялись еще и сейчас, правда когда она не могла до них дотянуться. Теперь она была молодой женщиной, быстроногой и сильной, и кроме того, имела характер, бывший единственной ее защитой в детстве. Даже старшие мальчики не осмеливались смеяться над ней, держась поодаль, ибо кулаки ее всегда были наготове и она умела ими пользоваться. В конце концов дети стали избегать этого демона с беличьим лицом.

Она росла без друзей, в стороне от всех. Когда ей нужно было пройти по лагерю, она расстегивала верх своей кожаной одежды и прятала в нее нижнюю часть своего лица. С помощью своих длинных волос она пыталась сделать то же самое.

До тех пор пока Армун молчала, остальные женщины терпели ее присутствие. Она же внимательно вслушивалась в их возбужденную болтовню. Фарлан была самой старшей в этой группе, и когда Ортнар присоединился к саммад, она быстро сошлась с ним, несмотря на то, что знала его слишком мало. Обычно девушка знакомилась с юношей из другой саммад на ежегодных встречах, но теперь все изменилось, и Фарлан первой извлекла выгоду из этой перемены. Хотя остальные молодые женщины говорили скверные слова о ее смелости, она одна имела свою палатку и своего охотника, а у них ничего не было. Армун не завидовала другим, но ей было обидно. Она знала равнины и леса лучше других: мать хорошо научила ее. Со сбора корней она возвращалась с полной корзиной, тогда как другие женщины постоянно жаловались на бесплодие земли. Она много работала, хорошо готовила и вообще умела все, что могло сделать ее желанной для любого молодого охотника. И все же она держалась вдали от них. Когда они видели ее лицо, они смеялись, когда она говорила — тоже, поэтому она предпочитала молчать и оставаться в стороне. Точнее, пыталась это делать. Но с тех пор как она ела у костра Меррит, ей приходилось выполнять все, что приказывала старая женщина. Она носила дрова и резала мясо, обжигая руки об угли. Меррит смотрела, как она готовит, и каждый вечер ждала возвращения усталых и голодных охотников. Но Армун не хотела их насмешек и поэтому всегда находила себе другие занятия, когда они собирались вокруг костра.

Хотя здесь не было снега, большую часть зимы шли дожди. Это было неприятно, но не в такой степени, как морозы и глубокий снег. Изменились способы охоты, ибо большие стада утиноклювых ходили по равнине, а мургу обитали в холмистой

части. Охотники уходили все дальше и дальше в холмы, а это было довольно опасно.

Уже стемнело, когда отряд охотников вернулся в лагерь. Дни теперь стали очень короткими, и иногда охотники преследовали добычу целыми ночами. Но на этот раз что-то было неладно, потому что охотники громко закричали, оказавшись в виду лагеря. Мужчины, находившиеся в лагере, бросились к ним на помощь. Когда они подошли ближе к кострам, стало видно, что охотники несут две пары носилок, сделанных из веток. Херилак шел впереди, хмурый и усталый.

— Среди деревьев прятался мараг, — сказал он, — он напал на нас, и все произошло прежде, чем мы смогли убить его. — Первые носилки тяжело поставили на землю. — Это Ульфадан. Он мертв.

Услышав это, Меррит громко завывала и бросилась вперед. Откинув меха, закрывавшие лицо Ульфадана, она пронзительно вскрикнула и стала рвать волосы на голове.

Херилак нашел взглядом Фракена и позвал его.

— Нам нужно твое умение залечивать раны. Мараг упал на Керрика и сломал ему ногу.

— Мне понадобится крепкая палка и кожаные ремни. Ты можешь мне.

— Я принесу палку. — Херилак огляделся и увидел Армун, стоящую рядом. — Принеси мягкой кожи, — приказал он. — Быстрее.

Керрик закусил губу, но не смог сдержать стона, когда они взяли его с носилок и положили на землю у костра. Сломанные концы кости разошлись, и резкая боль пронзила его, когда Фракен коснулся ноги.

— Держи его за плечи, Херилак, а я дерну ногу, — приказал Фракен, затем наклонился и схватил ногу Керрика. Он дергал и поворачивал ее до тех пор, пока сломанные концы не встретились. От боли Керрик потерял сознание.

— Палки сохранят кости на месте, — сказал Фракен, крепко связывая их ремнями из мягкой кожи.

Все было сделано очень быстро.

— Отнесем его в палатку и накроем шкурами. Ему нужно тепло. Ты, девушка, поможешь нам.

Керрик пришел в себя от резкой, пульсирующей боли в ноге. Однако она была намного слабее, чем раньше. Он приподнялся на локтях и в мерцающем свете огня увидел кожаные ремни, закрепившие его ногу. Кожа не была разорвана, и все должно было хорошо зажить. Кто-то шевельнулся в темноте перед ним.

— Кто здесь? — воскликнул он.

— Армун, — неохотно ответила она.

Он откинулся на спину.

— Принеси мне немного воды, Армун.

Темная фигура быстро исчезла. Армун? Он не знал этого име-

ни. Встречал ли он ее прежде? Это было возможно. Его нога пульсировала ровной болью, как гнилой зуб, а горло настолько пересохло, что он закашлялся. Вода, вот что было ему нужно, глоток холодной воды.

12

Керрик проснулся перед рассветом все от той же пульсирующей боли и, повернув голову, увидел рядом чашку с водой. Высунув руку из-под шкуры, он взял ее и сделал глоток, потом еще и еще, пока не выпил все. Девушка подошла к нему и забрала чашку. Волосы закрывали ее лицо. Как же ее зовут? Ведь она говорила свое имя...

— Армун?

— Да, ты хочешь еще воды?

— Хочу. И чего-нибудь поесть.

Он не ел прошлой ночью, потому что не хотел, но сейчас испытывал голод. Девушка повернулась и вышла. Он никак не мог разглядеть ее лицо, но голос был приятным. Она говорила в нос, и это почему-то было ему знакомо. Вдруг он сообразил — носовыми звуками пользовались ийланы. АРМУН. Он произнес это вслух, тоже в нос, потом повторил еще раз.

Вернувшись, девушка поставила перед ним плетеный поднос с копченым мясом и воду. Пока руки у нее были заняты, она не могла закрывать лицо, и он увидел ее вблизи. Она ждала смеха, но его не было. Ничего не понимая, Армун смотрела, как он молча жует мясо. Если бы она могла сейчас прочесть его мысли, то была бы ошеломлена.

«Нет, — думал Керрик, — я никогда не видел ее раньше. Может, сказать, о чем напомнил мне ее голос? Впрочем, лучше не надо, она может разозлиться за сравнение с мургу. Но она произносит звуки похоже на ийлан, и ее рот устроен так же, как у них. Возможно, это из-за раздвоенной верхней губы. Ийлену была немного похожа на нее лицом, но, конечно, пошире и потолще».

Армун сидела перед Керриком и недоумевала. Наверное, его мучает боль, иначе бы он уже рассмеялся или задал вопрос о ее лице. Мальчики никогда не оставляли ее в покое. Однажды пятеро из них схватили ее среди деревьев, когда она была одна. Она сопротивлялась, но они крепко держали ее и, смеясь, тыкали в губу и нос, пока она не расплакалась. Это было не больно, но очень обидно. Она так отличалась от других девушек, что они даже не пытались сорвать с нее одежду, как делали с другими, когда заставляли их одних, а только тыкали в ее лицо. Она была для них всего лишь забавным животным. Эти мысли так захватили Армун, что она не сразу заметила, что

Керрик повернулся и смотрит на нее. Она быстро закрыла лицо волосами.

— Так вот почему я не узнал тебя, — удовлетворенно сказал он, — ты всегда закрываешь лицо волосами.

Она напряглась, ожидая смеха. Вместо этого он с трудом сел, затем повернулся к ней, завернувшись в шкуры, потому что утро было сырое и туманное.

— Ты дочь Ульфадана? Я видел тебя у его костра.

— Нет. Мои отец и мать умерли. Меррит заставляет меня помогать ей.

— Мараг набросился на Ульфадана и ударил его о землю. Мы закололи его, но было слишком поздно: он сломал Ульфадану шею. Это был сильный зверь: один удар его хвоста переломил мне ногу. Нам нужно было брать больше смертоносных палок с собой. Это единственное, что остановило безобразную тварь.

Он не мог винить себя. Действительно, это было его распоряжение, чтобы каждый отряд охотников имел с собой смертоносные палки для предотвращения подобных случаев. Но в лесу одной было мало. Теперь охотники будут носить в собой по крайней мере два хесотсана.

Но все мысли об охоте и мургу тут же исчезли, когда Армун подошла к нему поближе. Ее волосы коснулись его плеча, когда она наклонилась, чтобы забрать чашку из-под воды, при этом он почувствовал сладковатый запах женского тела. Никогда прежде он не был рядом с девушкой, и возбуждение охватило его. В воображении возникла картина: Вайнти над ним, рядом... Это было неприятно, и он постарался отогнать воспоминания.

Однако они не уходили, мучая его. Когда Армун снова наклонилась, чтобы взять поднос, он коснулся ее обнаженной руки. Она была теплой, а не холодной. И мягкой. Армун замерла, вся дрожа, не зная, что делать. Потом повернулась к нему. Их лица оказались совсем рядом, а он не засмеялся и не отпрянул. И в это мгновение голоса снаружи нарушили молчание.

— Как там Керрик? — спросил Херилак.

— Я как раз иду к нему, — ответил Фракен.

Керрик убрал руку, а Армун заторопилась прочь, унося поднос. Фракен и следовавший за ним Херилак вошли в палатку. Шаман дернул кожаный ремень, крепивший на ноге Керрика деревянное сооружение, и счастливо улыбнулся.

— Все как должно быть. Скоро нога будет здорова. Если эти ремни жмут, подложи под них сухой травы. А я пойду петь об Ульфадане.

Керрику хотелось быть там, когда старик будет петь. Большинство охотников пойдет туда. Когда отпевание закончится, тело Ульфадана завернут в мягкую траву и повесят высоко на де-

реве, высыхать на ветру. Тело уже не нуждается ни в чем, если дух покинул его. Кроме того, это делалось, чтобы пожиратели падали не нашли его.

— Я хотел бы пойти с тобой, — сказал Керрик.

— Это понятно, — ответил Херилак, — но невозможно из-за твоей больной ноги.

После их ухода Армун вышла из задней части палатки и нерешительно остановилась. Когда он повернулся к ней, она быстро потянулась за волосами, но затем опустила руку, потому что на его лице не было смеха.

— Я слушала тебя, когда ты рассказывал о жизни мургу. — Она говорила быстро, стараясь скрыть свое смущение. — Тебе было страшно там, в плену, одному среди них?

— Страшно? Сначала да. Но я не был один, со мной вместе захватили девушку, я забыл ее имя. Правда, потом они убили ее.

Воспоминание об этом было еще достаточно ярким и сильным... Мургу с окровавленным лицом, склонившаяся к нему... Вайнти...

— Да, я был испуган, очень испуган. Мне нужно было молчать, но я заговорил с мургу. Меня убили бы, не начни я разговаривать с ними, и я сделал это, потому что очень испугался. Но мне не следовало говорить.

— Почему, если разговор спас твою жизнь?

И в самом деле, почему? Сейчас он понял, что в его поступке не было ничего постыдного. Это спасло ему жизнь и привело сюда, к Армун, которая понимала его.

— Я думаю, что ты вел себя храбро, как охотник, хотя и был только мальчиком.

Неизвестно почему, эти слова потрясли его. Он вдруг почувствовал, что глаза его наполнились слезами, и отвернулся от девушки. Слезы сейчас, у охотника? Без причины? Впрочем, причина была — он не пролил их тогда, когда был маленьким мальчиком, попавшим к мургу. Однако это все в прошлом, а он уже не маленький мальчик. Он взглянул на Армун и неожиданно для себя взял ее за руки. Она не вырывалась.

Керрика смущало то, что он чувствовал сейчас. Правда; это напоминало ему происходившее, когда он оставался наедине с Вайнти и та хватала его... Ему не хотелось думать сейчас о Вайнти и вообще об ийланах. Не сознавая того, он все сильнее сжимал руку девушке, делая ей больно, но она не вырывалась. Что-то важное происходило с ним, но он не очень понимал что.

Зато Армун, часто слушавшая разговоры молодых женщин, знала, что происходит сейчас, и хотела этого, отдаваясь во власть переполнявших ее чувств. Может, это было потому, что она почти не надеялась на мужское внимание? Если бы только сейчас была ночь и они были одни! Женщины предельно откро-

венно описывали то, что происходило, когда они оставались наедине с охотниками, но сейчас был день, а не ночь. И все же вокруг было так тихо, а она была так близко к нему сейчас... Когда она мягко отстранилась, Керрик разжал руку. Она отодвинулась от него, встала и, провожаемая его взглядом, направилась к выходу.

Армун вышла из палатки и огляделась вокруг. Рядом никого не было, даже дети молчали. Что все это значит?

Ну конечно, отпевание! Поняв это, она вдруг подумала о том, что Ульфадан был саммадаром и все должны быть на его отпевании, все до единого человека. Они с Керриком были сейчас одни.

Двигаясь осторожно и неторопливо, она повернулась и вошла в палатку, уверенно зашнуровав за собой клапаны. Потом так же уверенно расшнуровала шнурки своей одежды, встала на колени, откинула в сторону шкуры и опустилась на Керрика.

Когда он обнял девушку, тепло ее плоти зажгло его. Воспоминания о холодном теле начали ускользать прочь, У Армун не было твердых ребер, а только теплое тело, округлое и крепкое. Он стиснул руки, прижимая ее к себе, а она, прикасаясь губами к его уху, что-то говорила без слов.

Снаружи утреннее солнце светило сквозь туман и поднималось все выше, а в палатке жар их тел растопил воспоминания Керрика о прошлом.

13

Альпесак буквально кипел от рассвета до заката. По широким улицам города, где совсем недавно за целый день можно было встретить только несколько фарги, теперь маршировали и двигались в паланкинах ийланы, фарги в одиночку и группами тащили какие-то грузы, и даже встречались хорошо охраняемые группы самцов, смотревших на непрерывное движение. Гавань была значительно расширена, и все же не вмещала всех прибывающих, поэтому темные тела урукето, приходивших из океана, останавливались в реке, прижимаясь к берегу, и ждали своего часа. Когда их ставили в док, толпы фарги бросались разгружать их, и пассажирам, стремившимся ступить на твердую землю после долгого путешествия, приходилось расталкивать их.

Вайнти смотрела на всю эту суматоху с гордостью, выражавшейся в каждой линии ее напрягшегося тела. Ее желание исполнилось: Инегбан наконец-то пришел в Альпесак. Союз этих двух городов приводил ее в возбуждение, которому невозможно было сопротивляться. Молодость и неопытность Альпесака были смягчены зрелостью и мудростью Инегбана. Этот союз образо-

вал соединение, которое казалось более жизнеспособным, чем каждый из них в отдельности. Мир рождался заново, и все в нем было возможно.

Только одна тень лежала на этом солнечном настоящем и будущем, но пока Вайнти гнала мысли об этом прочь: этим можно было заняться попозже. Сейчас она хотела греться под солнцем в свое удовольствие на этом берегу успехов. Ее большие пальцы крепко сжимали твердую ветвь балюстрады, причем возбуждение было так велико, что она, не замечая того, переступала с ноги на ногу в своем одиноком марше победы.

Издали кто-то окликнул ее, и, неохотно повернувшись, Вайнти увидела, что это Малсас зовет ее к себе на верхнюю платформу.

— Да, Эйстан, — сказала Вайнти, выражая гордость каждым движением своего тела. — Зима не придет в Инегбан, а сам он явится сюда, в бесконечное лето, царящее в сердце Энтобана. Отныне наш город будет расти и процветать.

— Ты права, Вайнти. Когда мы были разделены, наши сердца бились в разноряд, а наши города жили каждый по-своему. Сейчас мы объединились. Я, как и ты, чувствую, что наша мощь безгранична, что мы можем сделать все. И мы сделаем. Ты еще не надумала сестр рядом со мной и помогать мне? Я уверена, что Сталлан может повести фарги и очистить от проклятых устоэу северные земли.

— Да, наверное. Но делать это буду я. — Вайнти быстро провела большими пальцами между глаз. — Сейчас, когда здоровье вернулось, ненависть переполняет меня. Сталлан, конечно, может уничтожить устоэу, но мне нужно разбить камень, который лежит у меня на сердце. Когда все они умрут, когда существо, которое я приблизила к себе и воспитала, будет мертвым, только тогда этот камень исчезнет. После этого я буду рада сестр рядом с тобой и делать все, что прикажешь. Но сначала я должна отомстить.

Малсас охотно согласилась.

— Ты нужна мне, но не такая, как сейчас. Уничтожь устоэу и этот камень в своем сердце. У Альпесака впереди большое будущее.

Вайнти жестом выразила свою благодарность.

— Сейчас мы собираем все наши силы и будем готовы к удару, когда на севере станет тепло. Холод, который держит нас в Альпесаке, гонит их на юг. Но здесь зимний холод будет нашим союзником. Устоэу охотятся сейчас в местах, куда мы можем легко добраться: они уже выслежены. Когда придет подходящее время, все они умрут. Мы сметем их с лица земли, а потом пойдем на север и обрушим удар на остальных. Мы будем делать это снова и снова, пока не перебьем их всех.

— Вы не воспользуетесь лодками? Нанесете удар с суши?

— Они ждут нас из воды и не знают, что сейчас у нас есть

уруктопы и таракасты. Ваналпи были хорошо известны эти существа, доставленные в Энтобан из далекого города Месескей. Она забрала их для наших нужд, для борьбы с угрозой устозоу и вывела более крепкие виды. Уруктоп достигает зрелости раньше чем за год — молодежь сейчас подрастает и скоро будет готова. Таракасты требуют больше времени для достижения зрелости, поэтому их доставлено всего несколько, но даже они окажут нам большую помощь. Мы пойдем в наступление по суше. Устозоу, удравший от меня, сейчас руководит ими и вместе с большой группой находится на юге. Я видела его на снимках. Он умрет первым. Когда это произойдет, остальные не доставят нам больших хлопот.

Вайнти смотрела вдаль, планировала свою месть и видела только мучительную смерть для того, кого ненавидела. Тем временем плотные облака заволокли небо, солнце скрылось, и тень наполнила на собеседниц. Когда она коснулась их, еще более темная тень окутала их мысли о том, что беспокоило их больше, чем устозоу. Так было всегда: свет дня сменялся темнотой ночи. Их город света всегда скрывала тьма, когда они думали о том, что видели сейчас внизу.

Цепочка ийлан, связанных за руки, медленно двигалась по улице. Первая из них посмотрела вокруг, потом вперед, и вдруг ее взгляд обратился к двум фигурам наверху. Ее рука быстро шевельнулась в жесте узнавания, и она прошла мимо.

— Она из моей эфенбуру, — горько сказала Вайнти. — Это тяжесть, которую я никогда не смогу сбросить.

— Это не твоя вина, — сказала Малсас. — Дочери Смерти есть и в моей эфенбуру. Эта болезнь подтачивает всех нас.

— Но болезнь эту можно лечить. Я не хочу говорить об этом сейчас: нас могут подслушать. Но я не теряю надежды на выздоровление.

— Ты для меня первая во всех делах, — сказала Малсас. — Сделай это, вылечи болезнь, и не будет никого выше тебя.

Энги не собиралась напоминать эфензеле об их отношениях, жест получился у нее сам собой, и, уже делая его, она поняла свою ошибку. Вайнти и в другое время не была бы довольна этим, но сейчас, в присутствии Эйстай, могла воспринять ее жест как оскорбление, а Энги совсем не хотела этого.

Цепочка остановилась перед запертыми воротами, ожидая, когда их откроют и впустят. Впустят в тюрьму, но для всех них это было свободой. Потому что здесь они могли верить в правду и, что гораздо важнее, говорить о ней.

Находясь среди других Дочерей Жизни, Энги не чувствовала себя связанной обещанием не говорить с ийланами о своей вере — все они имели одни убеждения. Когда Инегбан пришел в Альпесак, вместе с ним пришли и верующие. Их было так много, что пришлось устроить эту тюрьму, обнести ее стенами и снабдить охраной, чтобы помешать распространению интел-

лектуального яда. Правителей не интересовало, о чем они говорили между собой, но только до тех пор, пока эти разговоры оставались внутри тюрем.

К Энги, дрожа от принесенных новостей, подошла Эфенейт.

— Там Пелейн, — сказала она. — Она говорит с нами, отвечает на наши вопросы.

— Я сейчас приду, — пообещала Энги, неподвижностью тела сдерживая беспокойные мысли. Учение Угуненапсы всегда было ясно, как сияние солнца в темноте джунглей, но не все и не всегда понимали его и потому интерпретировали по-своему. Единственная же правда была в том, что Угуненапса учила о свободе от власти, что означало понимание всего, а не только силы жизни и смерти. Хотя Энги была согласна с этим пониманием свободы, ее беспокоили некоторые толкования слов Угуненапсы, и особенно толкования Пелейн.

Пелейн стояла на высоком корне высокого дерева, так, чтобы все собравшиеся могли слышать, о чем она говорит. Подойдя к толпе, Энги остановилась, уселась, подобно другим, на свой хвост и стала слушать. Пелейн говорила о новом предмете дискуссии, который был весьма популярным, пользуясь методом вопросов и ответов.

— Фарги, только что вышедшая из моря, спросила Угуненапсу: «Что делает меня отличной от скvida, плавающего в море?» Угуненапса ответила: «Различие, дочь моя, в том, что ты знаешь о смерти, тогда как сквид знает только о жизни». — «Но зная о смерти, как я могу знать о жизни?» Ответ Угуненапсы был так прост и понятен, что, хотя она и сказала это на заре времен, он будет звучать и завтра, и всегда. Ответ этот поддерживает нас: мы знаем об ограничении жизни и потому живем тогда, когда другие умирают. Это мощь нашей веры, и эта вера является нашей мощью. Тогда фарги, едва вышедшая из моря, спросила в своей простоте: «Разве, поедая скvida, я не приношу ему смерть?» И Угуненапса ответила: «Нет, сквид приносит тебе жизнь своей плотью и, не зная о смерти, не может умереть».

Среди слушателей послышался ропот одобрения. Энги тоже была очарована ясностью и красотой этой мысли и на мгновение забыла все свои возражения, которые могла сделать оратору. Нетерпеливая в своем желании узнать, одна из ийлан крикнула из толпы слушателей:

— Мудрая Пелейн, а что если сквид будет таким большим, что станет угрожать твоей жизни, а его вкус будет таким отвратительным, что его нельзя будет есть? Что нужно будет делать в этом случае? Позволить себя съесть или же убить скvida, даже зная, что не сможешь его съесть?

Пелейн признала трудности проблемы.

— Тут мы должны поближе познакомиться с мыслями Угуненапсы. Она говорила о вещи внутри нас, которую нельзя уви-

деть, хотя нам она дает возможность говорить и выделяться среди бездушных животных. Она должна быть сохранена и, следовательно, убивая сквида для сохранения ее, мы поступим правильно. Мы Дочери Жизни и должны сохранять жизнь.

— А что если сквид может говорить? — спросил кто-то, и этот близкий всем вопрос заставил слушателей напряженно замолчать.

Пелейн заговорила:

— Угуненапса не дает ответа, ибо не знала говорящего сквида. — Она помолчала и продолжила: — Не знала она и говорящих устозоу. Следовательно, мы должны искать в словах Угуненапсы истинное содержание. Разве только речь выражает знание жизни и смерти? Если это правда, то, спасая свои жизни, мы должны убить устозоу, которые умеют говорить. Вот решение, которое мы должны принять.

— Нет, мы не можем решить так! — воскликнула Энги. — Не можем, потому что не знаем наверняка и тем самым оскверним все, чему учила Угуненапса.

Пелейн повернулась к ней и знаком выразила согласие с ее тревогой.

— Энги говорит правду и одновременно задает новый вопрос. Мы должны считаться с возможностью того, что устозоу могут знать о жизни и смерти. Это должно быть уравновешено фактом, что мы-то наверняка знаем об этом. С одной стороны сомнения, с другой — уверенность. Поскольку мы ценим жизнь превыше всего, то должны выбрать уверенность и отбросить сомнения. Другого пути нет.

Посыпались новые вопросы, но Энги не слушала их. Она чувствовала, что Пелейн неправда, но не могла найти веских аргументов. Нужно подумать над этим. Она нашла укромное место вдали от других и сосредоточилась на этом вопросе.

Захваченная своими мыслями, она не заметила охранников, которые прошли сквозь толпу, набирая рабочий отряд. Пелейн стала одной из отобранных, хотя ничем не отличалась от других. Попавших в отряд связали вместе и увели.

Небольшая группа, куда попала Пелейн, предназначалась для особой работы, поэтому ее участники не были связаны между собой. Никто из них не заметил, что постепенно Пелейн осталась одна. Охранников тоже отослал какой-то властный ийлан, который повел ее длинным путем вокруг города, к двери, открывшейся перед ней. Она неохотно вошла, и дверь закрылась за ее спиной. В комнате был только один ийлан.

— Вот теперь поговорим, — сказала Вайнти.

Пелейн стояла, склонив голову, глядя невидящими глазами на свои руки и нервно сплетая и расплетая пальцы.

— Я чувствую, что все это не к добру, — сказала она наконец. — Я не должна быть здесь и говорить с тобой.

— У тебя нет причин для таких чувств. Я просто хочу услы-

шать, что ты можешь сказать. Разве не долг Дочери Жизни говорить с другими о своей вере и нести им просвещение?

— Это правда. Значит, ты хочешь просвещения, Вайнти? Ты сейчас назвала меня Дочерью Жизни, а не Дочерью Смерти. Ты уже веришь мне?

— Пока нет. Тебе придется привести много убедительных аргументов, прежде чем я стану в ваши ряды.

Пелейн выпрямилась, каждым движением своего тела выражая подозрение.

— Но если ты не веришь, как это делаем мы, то что тебе нужно от меня? Может быть, посеять разногласия в рядах Дочерей Жизни?

— Я хочу убедить тебя, что устозоу, которые убивают нас, сами должны быть убиты. Так будет справедливо. Мы защищаем наши берега и убиваем этих существ, которые угрожают нашему существованию. Я не прошу тебя изменять свои убеждения. Мне только нужна твоя помощь в этой войне. Если ты сделаешь это, польза для всех нас будет огромной. Нужно спасти наш город. Эйстай изменит свое решение, и вы все снова станете гражданами. Ваша вера будет узаконена, ибо тогда вы уже не будете представлять опасность для существования Альпесака. Ты станешь настоящим лидером Дочерей Жизни и будешь во всем следовать учению Угуненапсы.

Пелейн выразила смущение и тревогу.

— Я все еще сомневаюсь. Если устозоу могут говорить, они могут осознавать существование смерти и понимать жизнь. Если это так, я не могу помогать в их уничтожении.

Вайнти подошла к ней так близко, что их руки почти соприкоснулись, и с жаром сказала:

— Они — животные. Один из них научился говорить, как лодки учатся выполнять команды, только один из них. Остальные хрюкают, как животные в джунглях. И этот единственный, который может говорить, как ийлан, теперь убивает нас. Этим они разрушают все наши планы, и их нужно вышвырнуть отсюда — всех до единого! И ты поможешь этому. Ты выведешь Дочерей Смерти из мрака смерти, и они станут настоящими Дочерьями Жизни. Ты сделаешь это. Должна сделать.

Говоря это, она мягко касалась больших пальцев Пелейн жестом, которым пользовались только эфензеле. Пелейн приняла этот знак внимания.

— Ты права, Вайнти. Совершенно права. Все должно быть так, как ты говоришь. Дочери Жизни слишком долго жили в стороне от своего города. Мы должны вернуться и снова стать его частью. Но мы не свернем с пути истины.

— Этого и не требуется. Вы будете верить, как верили, и никто не будет запрещать вам этого. Дорога вперед ясна и понятна и ведет к триумфальному будущему.

Это был первый лук Харла, и он страшно гордился им. Вместе со своим дядей, Надрисом, он ходил в лес, чтобы найти нужное дерево, покрытое тонкой корой, с плотной и упругой древесиной.

Надрис выбрал тонкий побег, и Харл с беспокойством смотрел на пружинящий зеленый ствол, пока тот не был перепилен. Затем под руководством Надриса он соскоблил кору, покрывавшую его, пока не показалась белая сердцевина дерева. Потом пришлось довольно долго ждать. Надрис повесил кусок дерева в палатке, чтобы он высох до нужного состояния. Когда пришло время, Харл внимательно смотрел, как Надрис методично скоблит его каменным скребком, осторожно заостряет концы лука и делает на них зарубки для тетивы, сплетенной из длинных, крепких волос с хвоста мастодонта. Даже поставив тетиву на место, Надрис не был доволен и для пробы дернул ее, после чего снял тетиву и вновь занялся деревом. Но наконец и это было закончено. Поскольку лук предназначался для Харла, он и должен был первым выпустить из него стрелу.

Это был самый длинный и счастливый день в жизни Харла. Получив лук, он должен был научиться хорошо стрелять из него, чтобы поскорее отправиться на охоту. Это был первый и самый важный шаг, который выводил его из детства на ту дорогу, которая однажды введет его в мир охотников.

Хотя руки у него болели, а кончики пальцев покрылись волдырями, он продолжал тренироваться. Это был его лук и его день. Он хотел быть наедине с ним и ускользнул от других мальчиков, забравшись в маленькую рощу рядом с лагерем. Весь день он лазал по деревьям, прятался по кустам, пуская свои стрелы в одному ему видимые пучки травы, как будто это были настоящие олени.

Когда стемнело, он неохотно отложил лук и направился к палаткам. Он был голоден и мечтал о мясе, которое должно было ждать его. Придет день, когда он станет охотником и принесет свою первую добычу. Наложив стрелу, натянет тетиву и убьет... Однажды...

Что-то зашуршало на дереве над ним, и он остановился, молчаливый и насторожившийся. Там что-то было, какой-то темный силуэт на фоне серого неба. Он шевельнулся, и снова послышался шорох. Птица.

Это была слишком соблазнительная мишень, чтобы отказаться от нее. В темноте он мог потерять стрелу, но он делал их сам и мог сделать еще. Если же он попадет в птицу, это будет его первая добыча. Первый день с луком — и уже добыча. Мальчики будут по-другому на него смотреть, когда он пройдет со своим трофеем между палатками.

Медленно и тихо он наложил стрелу на тетиву и натянул ее, глядя на темный силуэт наверху. Затем выстрелил.

Послышался пронзительный крик боли, и птица свалилась с ветки вниз. Она упала на сук над головой Харла и повисла на нем, неподвижная. Он встал на цыпочки, с трудом достал ее концом своего лука и тыкал до тех пор, пока она не упала на землю у его ног. Стрела пронзила тело птицы. Харл отступил назад, испуганно глядя на нее.

Сова. Он убил сову...

Почему, ну почему он не остановился, чтобы подумать?! Испуганный своим поступком, он громко застонал. Он должен был знать, что никакой другой птицы не может быть в темноте. Это была запрещенная птица, и он убил ее. Только прошлой ночью старый Фракен развешивал меховой комок, извергнутый совой, и тыкал своими пальцами в маленькие кости внутри, предсказывая будущее и результат охоты по тому, как они там лежат. Делая это, Фракен рассказывал о совах, о единственных птицах, которые летают ночью, о птицах, которые ведут души умерших охотников сквозь темноту на небо.

Сов нельзя убивать никому. И все же Харл убил.

Может, если закопать ее, никто ничего не узнает? Он начал торопливо рыть землю руками, потом остановился. Это было плохо. Сова знала, и, значит, будут знать другие совы. Они все запомнят, и однажды для его духа не найдется проводника, потому что животные ничего не забывают. Никогда. На его глазах были слезы, когда он склонился над мертвой птицей и выдернул стрелу. Потом наклонился еще ниже и в сгущающейся темноте взглянул на нее в упор...

Армун сидела у огня, когда мальчик подбежал к ней. Он стоял, ожидая, когда она обратит на него внимание, но женщина не торопилась это делать, а сначала поворошила палкой огонь. Теперь она была женщиной Керрика и чувствовала тепло удовлетворенности, разливающееся по всему телу. Женщина Керрика... Теперь мальчики не смели смеяться над ней, и ей больше не требовалось закрывать лицо волосами.

— В чем дело? — спросила она, стараясь быть строгой, но счастье переполняло ее, и она улыбнулась.

— Это палатка маргалуса? — спросил Харл дрожащим голосом. — Может он поговорить со мной?

Керрик услышал их голоса и медленно поднялся. Хотя сломанная нога срасталась хорошо, было больно, когда он наступал на нее. Выйдя из палатки, он увидел Харла. Мальчик был бледен и чем-то расстроен.

— Ты — маргалус и знаешь о мургу все.

— Чего ты хочешь?

— Пойдем со мной, пожалуйста, это очень важно. Я должен что-то показать тебе.

Керрик знал всех здешних странных животных. Вероятно,

мальчик нашел что-то, чего не мог определить. Керрик хотел отправить его обратно, но передумал. Это могло быть что-то опасное, лучше взглянуть. Кивнув, он последовал за мальчиком. Как только они отошли достаточно далеко, чтобы Армун не могла их подслушать, Харл остановился.

— Я убил сову, — сказал он дрожащим голосом.

Керрик сначала удивился, затем вспомнил истории, которые рассказывали о совах, и понял, почему мальчик так испугался. Нужно постараться успокоить его, но так, чтобы не опорочить учения Фракена.

— Это плохо — убивать сову, — сказал он. — Но ты не должен так сильно беспокоиться...

— Дело не в сове. Там есть еще что-то.

Харл наклонился, и за конец длинного крыла вытащил сову из-под куста, затем поднял ее так, чтобы свет ближайшего костра осветил птицу.

— Вот из-за чего я пришел за тобой, — ответил Харл, указывая на черную шишку на лапе совы.

Керрик наклонился ближе. Свет костра быстрой вспышкой отразился в открывшемся глазе существа, который тут же снова закрылся.

Керрик медленно выпрямился, затем взял птицу из рук мальчика.

— Ты все сделал правильно, — сказал он. — Стрелять в сов плохо, но это не та сова, которых мы знаем. Это сова мургу, ты правильно поступил, убив ее и придя ко мне. А сейчас беги быстро и найди охотника Херилака, скажи ему, чтобы пришел в мою палатку. Расскажи ему, что мы видели на лапе совы.

Услышав, что нашел мальчик, пришли и Хар-Хавола, и Сорли, занявший место Ульфадана. Они взглянули на мертвую птицу и живого марага, обхватившего когтями лапу совы. Сорли содрогнулся, когда большой глаз открылся, уставившись на них, а потом снова закрылся.

— Что это значит? — спросил Херилак.

— Это значит, что мургу знают, где мы, — сказал Керрик. — Они больше не посылают шпионить за нами репторов, потому что слишком многие из них не возвращаются. А сова может летать ночью и видеть в темноте. — Он ткнул черное существо пальцем, и оно дернулось. — Этот мараг тоже видит в темноте и рассказывает о нас мургу. И это могло быть уже много раз.

— Это значит, что мургу уже готовят атаку на нас, — сказал Херилак, и голос его был холоден, как смерть. Керрик кивнул.

— Да, так оно и есть. Здесь, на юге, для них достаточно тепло даже в это время года. Это существо рассказало им, где наш лагерь. Они жаждут мести, это несомненно.

— Что же делать? — спросил Хар-Хавола, глядя на звездное небо. — Может, уйти на север? Но весна еще не пришла туда. — Мы должны идти, весна там или нет, — заметил Керрик. — Пока же нужно узнать все о возможном нападении. Нужно выбрать лучших бегунов, которые пойдут на юг, вдоль реки. Они должны идти от лагеря один или даже два дня, все время смотреть за рекой, и, если увидят лодки мургу, немедленно предупредить нас.

— Сигурнат и Переманду, — сказал Хар-Хавола. — Они самые быстроногие в моей саммад. Они бегали за оленями по горам, и бегали так же быстро, как олени.

— Пусть выходят на рассвете, — оказал Херилак.

— Некоторые из моих охотников еще не вернулись, — вставил Сорли. — Они ушли далеко и ночуют вне лагеря. Мы не можем покинуть это место, прежде чем они вернутся.

Керрик взглянул на огонь, как бы надеясь найти там ответ.

— Я чувствую, что нам нельзя терять времени. Как только вернутся охотники, нужно уходить на север.

— Но там еще морозы и нельзя охотиться, — запротестовал Хар-Хавола.

— У нас еще много пищи, — ответил Керрик. — Свое мясо и мясо, захваченное у мургу. Его можно есть. Если мы останемся здесь, мургу обрушатся на нас, я чувствую это. Более того, я это знаю. — Он указал на мертвую сову и живое существо, плотно обхватившее ее лапу. — Они знают, где мы, и придут убить нас. Я жил у них и знаю их повадки. Если мы останемся, то умрем.

Они мало спали этой ночью. Керрик поднялся с первыми лучами солнца, когда Сигурнат и Переманду отправились в путь. Оба были высокими и крепкими, краги из березовой коры защищали их ноги от подлеска.

— Возьмите сухого мяса и экотазы, — сказал Керрик, — но только на три дня. Оставьте копыта: вы не будете охотиться. Вы будете только смотреть. Возьмите с собой ваши луки и хесотсаны, чтобы защищаться. Все время двигайтесь вдоль реки, даже если от этого ваш путь станет длиннее. Идите до темноты и оставайтесь у реки на ночь. Возвращайтесь на третий день, если никого не встретите, и не вздумайте оставаться там дольше. Внимательно следите за рекой и немедленно возвращайтесь, если увидите мургу. Заметив их, вы должны как можно быстрее вернуться назад.

Двое охотников бежали легко и свободно, их ноги буквально пожирали расстояние. Небо закрывали облака, день был прохладный, бежать вдоль широкой реки было приятно. Ближе к полудню они остановились, мокрые от пота, напились из чистого ручья, который падал каскадом с каменного обнажения, затем, обмывшись в нем, пожевали немного сухого мяса и продолжали путь.

Вскоре они добрались до места, где река делала большую петлю. Они были на возвышении и видели, как она извивается сначала в одну, а потом в другую сторону.

— Можно пересечь ее здесь — это короче, — сказал Сигурнат. Переманду взглянул вперед, затем тыльной стороной ладони вытер пот с лица.

— Да, короче, но тогда мы не будем видеть реки. Они могут пройти, и мы ничего не будем знать. Нужно идти вдоль реки.

Посмотрев на юг, он вдруг увидел облако, которое приближалось к ним. Оно все росло на глазах.

— Что это? — спросил Сигурнат.

— Пыль, — ответил Переманду, известный остроумием своего зрения. — Облако пыли. Возможно, большое стадо утиноклювых.

— Сколько охочусь, никогда не видел ничего подобного. Оно слишком большое и широкое и продолжает расти.

Они подождали, когда облако пыли приблизилось и стали видны животные, поднимавшие его. Часть из них бежала вперед отдельной группой, и Переманду, прикрыв глаза от солнца рукой, попытался разглядеть их.

— Это мургу! — крикнул он вдруг с ужасом. — Мургу со смертоносными палками. Бежим!

Они пробежали обратно вдоль берега реки, хорошо заметные в траве, едва достигавшей их колен. Позади раздался громкий крик, топот тяжелых ног и резкие щелкающие звуки.

Сигурнат вскрикнул и упал. Быстро взглянув на него, Переманду увидел дротик, торчащий из его затылка.

На равнине спасения не было. Переманду свернул влево, почва осыпалась под его ногами, и он упал с высокого берега, рухнув в воду далеко вниз.

Два крупных животных затормозили и остановились у края обрыва. Двое всадников-ийлан спустились на землю с высоких седел и взглянули на мутную реку. Там ничего не было видно. Довольно долго они стояли неподвижно, затем один из них повернулся и направился к таракасту.

— Доложи Вайнти, — сказала она. — Скажи, что мы встретили двух устозоу. Оба они мертвы, а остальные ничего не знают о нашем присутствии. Мы обрушимся на них неожиданно, как она и планировала.

Керрика разбудили далекие крики, доносившиеся из темноты. Армун тоже забеспокоилась и что-то пробормотала во сне, когда он отодвинулся от ее теплого тела. Крики стали еще

громче, и Керрик заторопился, зашарил в темноте, ища меховую одежду.

Когда он откинул клапан палатки, то увидел группу охотников, бегущих к нему. Они несли факелы, а двое из них тащили, поддерживая под руки, какую-то темную фигуру. Это был еще один охотник, едва переставлявший ноги. Херилак бежал впереди всех.

— Они идут! — крикнул он, и Керрик почувствовал, что волосы зашевелились у него на голове.

— Это Переманду, — сказал Херилак, — он бежал весь день и большую часть ночи.

Переманду был в сознании, но крайне истощен. Охотники осторожно усадили его на землю поближе к Керрику. В мерцающем свете факелов его кожа была бледной, под глазами темные круги.

— Идут.. — хрипло сказал он. — За мной... Сигурнат мертв.

— Есть охрана у реки? — спросил Керрик, и Переманду, услышав эти слова, покачал головой.

— Они идут не по реке. По суше.

— Бегите, — приказал Херилак охотникам, которые принесли Переманду. — Будите остальных и вызовите сюда саммадаров.

Армун высунулась из палатки и наклонилась над Переманду, поднеся чашку с водой к его губам. Он жадно осушил ее, задыхаясь от усилий. Теперь он мог говорить.

— Мы следили за рекой, но они идут по суше. Сначала мы заметили облако пыли, которое было больше, чем все, что мы когда-либо видели. Там были мургу, их невозможно сосчитать, они бежали быстро, тяжело топали и несли на своих спинах мургу со смертоносными палками. Впереди двигались разведчики на других мургу, более быстрых и крупных. Когда мы побежали, они увидели нас и убили Сигурната. Я бросился в реку и задержал дыхание так долго, как мог. Потом поплыл вниз по течению. Когда я вынужден был вынырнуть, они уже ушли.

Пока он говорил, к ним подошли саммадары и стали собираться охотники. Мерцающий свет факелов освещал их мрачные лица.

— Когда я вышел из воды, они ушли, но вдалеке видна была пыль, оставшаяся после них. Они шли быстро. Я последовал за ними по широкому, как река, следу, вытоптанному в траве и усеянному навозом мургу. Когда солнце опустилось низко, я увидел, что они остановились у реки. Тогда я остановился тоже, не подходя ближе. Маргалус говорил, что они не любят ночь, и не движутся, когда она приходит. Помня об этом, я подождал, пока солнце село, и, когда стало темно, обошел их с востока, чтобы не проходить рядом с ними. Больше я их не видел. Я бежал не останавливаясь, и вот я здесь. А Сигурнат умер...

Он откинулся назад, утомленный своей речью. Слова его наполнили сердца слушателей страхом: они поняли, что смерть под-
ходит все ближе.

— Они будут атаковать, — сказал Керрик, — вскоре после рас-
света. Им точно известно, где мы находимся. Они остановились
на ночь достаточно далеко, чтобы их нельзя было заметить, и
достаточно близко, чтобы обрушиться утром.

— Мы должны защищать себя, — сказал Херилак.

— Нет! Мы не должны оставаться здесь, — быстро, почти не
задумываясь, ответил Керрик.

— Если мы уйдем, они нападут на нас на марше, — сказал Хе-
рилак. — Мы будем беззащитны, и они нас уничтожат. Лучше
уж оставаться здесь.

— Выслушайте меня, — сказал Керрик. — Если мы останемся
здесь, это будет именно то, что им нужно. Они и планировали
напасть на нас в этом месте. Можно не сомневаться, атака раз-
работана во всех деталях, и это будет означать наше уничто-
жение. Нам нужно подумать о возможности спасения. Они едут
на животных, которых я никогда не видел и о которых не слы-
шал. Однако это ничего не значит. Мы даже представить не мо-
жем всех странных существ, которые есть у мургу. Но сейчас
мы знаем о них, сейчас мы предупреждены. — Он посмотрел
вокруг. — Мы выбрали это место для лагеря, потому что здесь
была вода и мы могли защищаться от нападения с реки. Но
идут ли они по реке? Ты видел хоть одну лодку?

— Нет, — ответил Переманду. — Река была пуста. Их было так
много, что им не нужна помощь. Их было как птиц в стаях,
когда они собираются лететь на юг осенью, как листьев, кото-
рые нельзя сосчитать.

— Наша колючая изгородь будет просто растоптана, — сказал
Керрик. — Нет, мы должны немедленно уходить на север. Нам
нельзя оставаться здесь.

Ропот стих. Охотники смотрели на своих вожakov, а те на Хери-
лака. Решать должен был он. Херилак мрачно посмотрел во-
круг, затем выпрямился и стукнул концом колья.

— Мы уходим. Маргалус прав: оставаться здесь — значит на-
верняка погибнуть. Если нам нужна позиция для сражения, это
должно быть место по нашему выбору. Прошла только поло-
вина ночи, и мы должны использовать оставшееся темное вре-
мя. Снимайте палатки...

— Нет, — вмешался Керрик. — Это займет время, а его нам и
так не хватает. Если мы соберем палатки, волокуши будут тя-
жело нагружены, и это задержит нас. Нужно взять только ору-
жие, пищу и одежду — больше ничего.

Одна из женщин, слушавших его, жалобно запричитала.

— Мы можем сделать новые палатки, но не новые жизни, —
сказал Керрик. — Грузите на волокуши только то, о чем я гово-
рил, и можете посадить на них маленьких детей. Палатки пусть

стоят. Мургу не будут знать, что палатки пусты, начнут атаку, используют дротики, а это займет время, очень нужное нам.

— Делайте, как приказал маргалус, — сказал Херилак. — Идите. Мастодонты громко трубили, выражая свое недовольство, но сильные удары по нижним губам заставили их повиноваться. Перед палатками развели костры, и волокуши быстро занимали свои места. Керрик оставил Армун, грузившую все необходимое, и пошел к голове формирующейся колонны, где ждал Херилак.

Тот указал на север.

— Если помнишь, местность там повышается. Холмы поросли деревьями, и кое-где из земли торчат скалы. Мы должны добраться туда, прежде чем они настигнут нас. Там можно найти место для обороны.

Луна поднялась прежде, чем они собрались, и рассвет был совсем близко. Колонна двинулась вперед и пошла на север самой легкой дорогой.

Прошло довольно много времени, прежде чем Херилак объявил остановку.

— Напиться и отдохнуть, — приказал он, глядя назад, откуда они пришли, и ожидая, пока растянувшаяся колонна соберется. Потом подозвал к себе Переманду.

— Ты знаешь, на каком расстоянии от лагеря были мургу. Дошли они уже до него?

Переманду посмотрел на юг, и глаза его сузились. Он неохотно кивнул.

— Я бежал долго, но они гораздо быстрее меня. Сейчас они должны быть там.

— И скоро отправятся следом за нами, — мрачно заметил Херилак. Он повернулся, взглянул на восток, затем указал на предгорье: — Туда. Мы должны найти место, которое можно защищать. Идем.

Местность вскоре начала подниматься, и уставшие мастодонты пошли медленнее, как их ни подгоняли. Один из охотников, разведывавших дорогу, подбежал к Херилаку.

— Долина становится круче, и вскоре идти будет очень тяжело.

Когда они поднялись наконец наверх, Херилак указал на крутой, покрытый камнями склон, который уходил к поросшим лесом возвышенностям вдаль.

— Это то, что нам нужно. Они не смогут атаковать нас сзади. Им придется идти по этому склону, и они будут на виду, а мы под защитой деревьев. Занимаем позицию здесь.

Керрик облегченно вздохнул, услышав эти слова: после долгого пути его нога пульсировала болью, и каждый шаг был мучением. Но сейчас не было времени думать о себе.

— Это хороший план. — сказал он. — Животные устали и не могут идти дальше. Их нужно увести глубже в лес, покормить

и дать им передохнуть. Женщины пусть идут с ними. Нам всем нужно немного отдохнуть, потому что, когда стемнеет, придется снова идти. Если мургу так много, как говорит Переманду, мы не сможем убить их всех. Нам удастся только остановить их. Что ты скажешь на это, Херилак?

— Я скажу, что эта мысль жестка, как камень, и в то же время справедлива. Мы встретим мургу у опушки леса. Хар-Хавала, пока светло, пусть лучшие бегуны из твоей саммад поищут дорогу через лес и дальше. Мы будем сражаться и, когда стемнеет, пойдем дальше.

Отставшие еще с трудом поднимались по склону, когда охотники предупреждающе закричали, указывая на запад, на растущую тучу пыли, появившуюся у первых предгорий. Зрелище это заставило последних поторопиться.

Подул свежий ветер, качая голые ветки над их головами. Керрик сел на мягкую траву рядом с Херилаком и принялся осторожно вставлять дротики в хесотсан. Облако приближалось. Херилак поднялся и сделал охотникам знак укрыться.

— Всем в укрытие, — приказал он. — И не сжимать смертоносные палки, пока я не скажу, как бы близко они ни подошли. А потом убивать их. Никому не отступать, пока я не прикажу. Потом отходить, но не всем сразу, и прятаться за деревьями.

— Помните, что все мы стоим между мургу и саммадами. Они не должны пройти.

Мургу были все ближе, пыль клубилась уже в последней долине, из которой поднялись люди. Керрик лежал за стволом большого дерева, пристроив хесотсан на одной из его веток. Травы на склоне колыхались под ветром, стаи птиц поднимались из нее и разлетались в стороны. Рокот, похожий на далекий гром, становился все отчетливее.

Линия темных фигур появилась на вершине гребня, двигаясь медленно, но неумолимо. Керрик лежал неподвижно, прижавшись к земле, прислушиваясь к торопливым ударам своего сердца.

Верховые животные были крупными, немного похожими на эретрука, двигались широким шагом на своих мощных задних ногах, таща по земле тяжелые хвосты. На спине у каждого сидел ийлан. Вот они остановились, оглядывая склон и деревья за ним и ожидая остальных.

Керрик задохнулся, когда гребень хребта потемнел от движущихся фигур, у которых было слишком много ног. Они тоже остановились и закрутились на одном месте. На их спинах сидели вооруженные фарги, специально выведенные для перевозки, эти существа доставили фарги сюда и теперь накапливались у подножья склона. Наконец армада двинулась вперед.

Ветер дул от них, донося крики ийлан, глухой топот ног, пронзительные вопли животных и их тяжелый запах.

Выше и выше поднимались они, приближаясь к горстке охот-

ников, спрятавшихся за деревьями. Каждая деталь их внешнего облика была сейчас отчетливо видна. Фарги сжимали свое оружие и всматривались сквозь пыль, а ийланы на своих крупных скакунах постепенно пропускали их вперед.

Почти неслышный в громком топоте атакующих, прозвучал крик Херилака, и тут же шелкнули первые смертоносные палки.

16

Керрик выстрелил в ближайшего ийлана, промахнулся, но попал в его животного. Существо заревело, затем тяжело упало. Всадник, целый и невредимый, рухнул на землю и прицелился из своего хесотсана. Следующий дротик Керрика поразил его в шею, и он исчез в траве.

Это было избиение. Первые ряды атакующих полегли под массивным огнем из-под деревьев. Многие из неуклюжих восьминогих существ были поражены и тоже упали, сбрасывая фарги со своих спи. Те немногие, что продолжали движение, были убиты перед линией деревьев. Уцелевшие бросились обратно, налетая на всадников, еще стремившихся вперед. Дротики летели в эту смешанную толпу, и трупы громоздились все выше. Атака захлебнулась, воздух наполнился криками раненых фарги, придавленных упавшими животными.

Ийланы, находившиеся в рядах атакующих, стали отдавать приказания, и под их руководством фарги бросились искать убежище, стреляя при этом назад. Керрик опустил оружие и прислушался, стараясь понять смысл распоряжений. Один из всадников привлек его внимание. Керрик поднял хесотсан, но, приглядевшись, понял, что не видит ее. Однако голос, наводивший порядок среди этого хаоса, был слышен отчетливо.

Керрик замер от неожиданности, широко раскрыв глаза. Этот голос... Он знал его.

Но ведь Вайнти была мертва, он сам убил ее. Заколол копьем. Она должна быть мертва.

И все же это был точно ее голос: громкий и повелительный. Керрик вскочил на ноги, пытаясь увидеть ее, но она стояла к нему спиной. Потом, когда она повернулась, кто-то сильно толкнул его в спину и, повалив на землю, потащил в укрытие. Дротики зашелестели по листьям над его головой. Херилак отпустил его и укрылся сам.

— Это она, — с трудом сказал Керрик. — Та, которую я убил, саммадар всех мургу. Но ведь я убил ее, ты сам видел это. — Я видел только, как ты пронзил марага копьем. Их очень трудно убить.

Вайнти была жива, в этом не было сомнения. Все еще жива... Керрик покачал головой и поднял хесотсан. Сейчас было не

время думать об этом, и он заставил себя думать о сражении.

Потери атакующих были огромны, но они нашли укрытие за телами погибших и начали отвечать на огонь: ветви шелестели и колыхались от ударов бесчисленных дротиков.

— Никому не высываться! — крикнул Херилак. — Сидите внизу. Подождем, пока они пойдут в атаку.

Ийланы, уцелевшие в первой атаке, держали теперь своих таркастов в безопасности за массой уруктопов и фарги. Они громко кричали, заставляя фарги идти вперед. Те неохотно поднимались, бежали вперед и умирали. Атака захлебывалась, даже не успев как следует начаться.

— Мы остановили их, — удовлетворенно сказал Херилак, глядя на заваленный трупами склон. — Мы можем держать их здесь. — Но не очень долго, — сказал Керрик, указывая вниз. — Атакуя из моря, они заходят с двух сторон, а потом идут навстречу друг другу. Думаю, они сделают так и сейчас.

— Мы можем остановить это?

— Ненадолго — да. Но я знаю их стратегию. Они будут атаковать все более широким фронтом, пока не обойдут нас с флангов. Нужно быть готовым к этому.

Керрик был прав. Фарги слезли с неуклюжих уруктопов и начали подниматься по склону холма, медленно двигаясь вперед. Они умирали, но приказ бросал вперед других. Резня была страшная, но командиров ийлан это не беспокоило. Новые и новые фарги поднимались из-за трупов, и некоторым даже удавалось достичь края леса, прежде чем их убивали.

Только далеко за полдень первые фарги нашли защиту среди деревьев. Другие присоединились к ним, и тану пришлось отступить.

Началось новое, хотя и не менее убийственное сражение... Очень немногие из фарги знали лес, поэтому, когда они покидали свои укрытия, смерть обычно находила их. И все же они поднимались.

Керрик отходил вместе со всеми. Нога его почти не болела, и он старался, чтобы между ним и фарги всегда были деревья. И все же однажды дротик вонзился в кору дерева совсем рядом с ним. Керрик резко повернулся, держа копье наготове, вонзил его в подкравшуюся фарги, затем вырвал и заторопился быстрее в лес.

Отступление продолжалось. Издалека донеслись резкие приказы, и Керрик остановился, приложив руку к уху. Он внимательно прислушался, потом повернулся и побежал обратно, ища Херилака.

— Они отходят назад, — сказал Керрик. — Не видя их, я не могу быть уверен в том, что они говорят, но по обрывкам приказов можно догадаться.

— Они сдались и отступили?

— Нет. — Керрик взглянул в темнеющее небо над деревьями. — Скоро ночь, и они хотят перегруппироваться. Утром они снова пойдут в атаку.

— К этому времени нам нужно уйти подальше. Сейчас пора идти к саммад.

— Сначала нужно еще кое-что сделать. Мы должны осмотреть лес и собрать все смертоносные палки, которые найдем. Потом можно уходить.

— Ты прав. Смертоносные палки и дротики. Мы слишком много стреляли.

До наступления ночи они подобрали оружие и вернулись к саммад. Керрик шел последним. Он стоял, глядя вниз, на склон, пока Херилак не окликнул его. Керрик знаком подозвал охотника к себе.

— Пусть остальные возвращаются, а мы с тобой подберемся ближе к лагерю мургу. Они не любят ночи, и, возможно, мы сумеем что-нибудь сделать.

— Ночное нападение?

— Это мы и должны узнать.

Они медленно двинулись вперед, держа оружие наготове, но враги ушли вниз. Однако ушли недалеко: их лагерь был хорошо виден на поросшем травой склоне — множество темных тел, молчаливых и неподвижных.

Двое охотников соблюдали все предосторожности. Сначала они шли по траве, потом поползли вперед, держа оружие наготове. Когда они оказались на расстоянии полета стрелы от лагеря ийлан, Херилак легко тронул Керрика за плечо.

— Это слишком просто, — прошептал он ему на ухо. — Нет ли у них какой-нибудь охраны?

— Я не знаю. Они все спят по ночам. Нам нужно все разузнать.

Они проползли вперед еще немного, и тут пальцы Керрика коснулись чего-то, похожего на виноградную лозу, спрятанную в траве. Она медленно двигалась между его пальцами.

— Уходим! — приказал он Херилаку, когда пылающая пружина поднялась из темноты. Сначала слабый, свет ее становился все ярче и ярче, и скоро они все отлично видели. И были видны сами. Послышались щелчки хесотсанов, дротики зашуршали в траве вокруг них. Они поползли как могли быстро, потом встали и побежали в спасительную темноту. Спотыкаясь и падая, едва дыша от усталости, они не останавливались, пока не достигли гребня горы.

Позади них свет потускнел и снова стало темно. Ийланы извлекли урок из бойни на берегу — теперь атаковать их ночью было невозможно.

Когда Херилак и Керрик добрались до саммад, дротики и хесотсаны были уже собраны и погружены на волокуши. Отступ-

ление продолжалось, Херилак на ходу поговорил с саммадрами.

Четверо охотников не вернулись из сражения в лесу.

Они шли медленно, слишком медленно, чтобы избежать атаки, которая наверняка начнется утром. Все были утомлены двумя ночными переходами, отсутствием сна. Мастодонты протестующе кричали, когда их пытались подгонять.

Но все-таки саммад двигались вперед, потому что выбора у них не было; остановка означала смерть.

Однако продвижение становилось все медленнее. Задолго до рассвета Сорли принес Херилаку сообщение:

— Животные не хотят идти, даже если их подгонять копытами.

— Значит, мы остановимся здесь, — устало сказал Херилак.

— Отдыхать и спать. На рассвете пойдем дальше.

На рассвете подул северный ветер, и, выбравшись из своих спальных мешков, все дрожали от холода. Настроение было унылым. Только сознание, что враг приближается, заставило их снова двинуться вперед. Армун шла рядом с Керриком молча — говорить сейчас не хотелось. Все ее силы уходили на то, чтобы двигаться самой и подгонять протестующих мастодонтов.

Охотник, стоявший у дороги, опершись на копые, подождал, пока Керрик подойдет поближе.

— Сакрипекс хочет, чтобы ты пришел к нему, — сказал он.

Стараясь не обращать внимания на пульсирующую боль в ноге, Керрик направился в голову колонны, мимо волокуш и движущихся саммад. Маленькие дети шли сами, младенцев несли матери и старшие дети, но, даже освобожденные от части груза, мастодонты двигались с трудом, и ясно было, что надолго их не хватит.

Когда Керрик добрался до Херилака, тот указал на горы впереди.

— Они нашли там лесистый гребень, — сказал он, — очень похожий на тот, где мы остановили мургу.

— Нет... хорошего понемножку, — ответил Керрик, борясь с кашлем. — Врагов слишком много, они обойдут нас и нападут с тыла.

— Они умеют учиться на ошибках. Эти мургу не такие уж глупые и должны повернуть обратно. Они знают, что будут убиты, если начнут атаку.

Керрик задумчиво покачал головой.

— Так сделали бы тану. Видя, как умирают другие, они боятся умереть сами, но мургу совсем не похожи на тану. Я знаю их, знаю слишком хорошо. Йиланы, которые едут на крупных животных, действительно будут держаться сзади, в безопасности, но они прикажут фарги атаковать, как сделали это вчера.

— А если те откажутся?

— Это невозможно. Если они поняли приказ, то должны его выполнять. Иначе им нельзя. Они будут атаковать.

— Мургу... — сказал Херилак, невесело усмехаясь. — Что же нам тогда делать?

— Что еще мы можем сделать, кроме как продолжать уходить? — беспомощно спросил Керрик, дыша широко открытым ртом. Кожа его была серой от усталости. — Если мы остановимся здесь, на открытом месте, нас перебьют. Мы должны найти какой-нибудь холм, который сможем защитить.

— Холм можно окружить, и тогда нам всем конец.

Дорога, по которой они шли, резко пошла вверх, и им пришлось напрячь все силы. Достигнув гребня, они были вынуждены остановиться. Керрик согнулся вдвое, страдая от судорог. Задыхаясь, он выпрямился и посмотрел в ту сторону, куда им предстояло идти. Затем замер неподвижно, с открытым ртом и широко распахнутыми глазами.

— Херилак! — крикнул он. — Смотри туда, вперед, на эти высокие горы. Ты видишь?

Херилак прикрыл глаза рукой и посмотрел, потом пожал плечами и отвернулся.

— Снег. Зима еще не ушла оттуда.

— Неужели ты не понимаешь? Мургу не могут жить в холоде. Эти существа, на которых они едут, не смогут пройти по снегу. Они не пойдут за нами туда!

Херилак снова поднял взгляд, но теперь в его глазах была надежда.

— Снег не так далеко от нас. Мы можем дойти до него даже сегодня, если продолжим движение. — Он окликнул охотников, выбиравших дорогу, подозвал их к себе и дал новые указания. Затем уселся, что-то довольнo ворча.

— Саммад уйдут, но некоторые из нас должны остаться и остановить мургу.

Теперь у них появилась надежда. Даже мастодонты, почувствовав возбуждение людей, подняли хоботы и затрубили. Охотники завернули колонну, направляя ее к высоким горам.

Сейчас им предстояло охотиться на мургу, как они охотились на других опасных животных. Саммад уже скрылись из виду, когда Херилак остановил охотников в самом верху долины. Здесь, среди осыпей, было разбросано множество крупных валунов.

— Мы остановимся здесь, в этом месте. Позволим им зайти между нами, а затем начнем стрелять. В первую очередь в тех, кто командует. Погоним их обратно и захватим оружие и дротики. Что они сделают после этого, маргалус?

— То же самое, что делали вчера, — ответил Керрик. — Они будут атаковать нас в этом месте и одновременно пошлют фарги через гребень, чтобы они обошли нас с флангов и с тыла.

— Это то, что нам нужно. Прежде, чем ловушка захлопнется, мы отойдем назад...

— И будем устраивать ловушки! — воскликнул Сорли. — Будем делать это снова и снова.

— Верно, — сказал Херилак и холодно улыбнулся.

Они нашли места среди валунов по обе стороны долины, где можно было спрятаться. Многие из них, включая Керрика, уснули, как только легли на землю, но Херилак, как сакрипекс, не спал и был настороже, глядя на дорогу сквозь щель между двумя каменными щитами, которые сдвинул с места.

Когда показались первые всадники, он разбудил спящих. Скоро долина наполнилась тяжелым гулом уруктопов. Ийланы на таракастах двигались впереди отдельной группой, возглавляя движение. Они прошли мимо, не заметив тану, и уже достигли гребня, когда более медлительные уруктопы вошли в западню.

Херилак командовал, и началась стрельба.

Бойня была чудовищной, гораздо более страшной, чем накануне. Охотники стреляли непрерывно и кричали от радости, делая это. Ийланы падали сверху вниз, их трупы громоздились один на другой и скользили вниз в смертоносный хаос. Уруктопы погибли, фарги, сидевшие на них, тоже, те, что пытались спастись, скатывались вниз. Первые ряды атакующих были смяты, и враги отошли назад, чтобы перегруппироваться. Охотники преследовали их, используя оружие мертвых против живых. Только когда часовой на гребне горы закричал, они отступили. Следуя вдоль колеи, оставленной волокушами, они поднимались все выше и выше в горы.

Еще дважды они устраивали мургу западни, дважды нападали, убивали и разоружали их, а потом уходили.

— Мы больше не можем действовать так, — сказал Керрик, шатаясь от усталости и боли.

— Мы должны делать это. У нас нет выбора, — мрачно ответил Херилак, равномерно передвигая ноги. Даже его неистощимые силы были на исходе. Он еще мог идти, но знал, что другие скоро не смогут. Холодный ветер дул ему в лицо. Он поскользнулся, но устоял на ногах и взглянул вниз.

Победный крик Херилака прорвался сквозь усталость, навалившуюся на Керрика. Он огляделся, ничего не понимая, затем его взгляд, следуя за указательным пальцем Херилака, устремился к земле. Дорога была грязной, перепаханной, с большими кучами навоза мастодонтов, лежавшего в глубоких отпечатках их ног. Керрик никак не мог понять, чему так радуется Херилак, но затем увидел белые пятна среди грязи на земле вокруг.

Это был снег.

Он тянулся по склону перед ними, пересекая грязный след, оставленный саммад. Снег... Спотыкаясь, Керрик побежал к сугробу у дороги, выхватил из него полные пригоршни холодного

белого снега и подбросил в воздух, пока остальные кричали и смеялись.

На вершине гребня они остановились по колено в снегу и посмотрели вниз на верховых ийлан. Достигнув белого снега, те поворачивали своих скакунов обратно.

Следующие за ними орды тоже остановились. Они кружили на месте, пока верховые ийланы о чем-то совещались, потом снова двинулись. Однако не вперед, а назад, вниз по склону. Они спускались медленно, но неуклонно и скоро скрылись из виду.

17

Покрывавший реку лед тронулся, образовав большие заторы. Они останутся до тех пор пока вода не унесет льдины к морю. В укромных местах, куда солнце почти не попадало, еще оставался лед, и снег заполнял ямы на берегу. Но на лугу, там, где река делала широкую петлю, небольшое стадо оленей уже щипало тонкие стрелки молодой желто-зеленой травы. Они то и дело оглядывались по сторонам, шевеля ушами и принюхиваясь. Потом что-то встревожило их, и они грациозными прыжками умчались в лес.

Херилак стоял в тени высоких вечнозеленых деревьев, вдыхая их резкий запах, смотрел на лагерь, который они покинули осенью. Объятия зимы ослабли, весна в этом году была ранняя. Возможно, зимние льды уйдут. Возможно... За его спиной послышался скрип кожаных ремней и рев мастодонтов. Животные знали это место и поняли, что путешествие окончилось.

Охотники тихо выходили из-за деревьев, и Керрик шел вместе с ними. Теперь можно было остановиться, разбить лагерь в этом знакомом месте и построить шалаши из веток кустарника. Но остановка здесь будет недолгой. Только что кончилась зима, и люди могли пока не думать о следующей. Керрик взглянул на белых птиц, пролетавших высоко над ними. Это были другие птицы.

Возможно, другие... Мрачные воспоминания нахлынули на него, и солнечный день померк. Ийлан здесь не было, но они представлялись ему ураганом, который всегда может налететь. Чтобы ни делали сейчас тану, чтобы они ни собирались делать, их жизни всегда будет угрожать смертельная опасность. Хватит. Для размышлений будет время потом, а сейчас нужно ставить лагерь, разводить костры и жарить свежее мясо.

В ту же ночь они собрались вместе вокруг костра: Керрик, Херилак, старый Фракен, саммадары. Желудки их были полны, а сами они были довольны. Сорли поворошил костер так, что искры полетели вверх, теряясь в темноте. Из-за деревьев поднялась полная луна, ночь была тихой. Сорли вытащил обуглен-

ную ветку, помахал ею, пока она не вспыхнула ярким пламенем, и зажег трубку. Он глубоко затянулся, выпустил облако дыма, затем передал трубку Хар-Хаволу, который тоже глубоко вдохнул дым. Они были сейчас одной саммад, составленной из нескольких, и больше никто не смеялся над теми, кто пришел из-за гор. Это было немыслимо из-за зимы, проведенной вместе, и сражения с мургу. Трое из его молодых охотников уже нашли себе женщин в других саммад. Это был путь к миру.

— Фракен,— окликнул Херилак,— Расскажи нам о битве и об убитых мургу.

Фракен покачал головой, притворяясь усталым, но когда все стали упрощать его, а за спинами сидевших появились другие охотники, он позволил уговорить себя. Некоторое время он гнусаво напевал что-то, раскачиваясь из стороны в сторону, потом начал петь историю прошедшей зимы.

Хотя все они были там и участвовали в событиях, интереснее было, когда он рассказывал о прошедшем. В его историях жизнь преображалась. Бегство становилось драматичнее, женщины сильнее, охотники храбрее, а битва невероятнее.

— ...Снова и снова подходили они к холму, снова и снова охотники вставали на их пути. Скоро вокруг каждого охотника высились такие груды тел, что за ними их самих не было видно. Каждый охотник убил столько мургу, сколько стеблей травы растет на склоне горы. Каждый охотник снова и снова ударял копьем, и каждый удар пронзал пятерых мургу. В тот день охотники были сильны, а горы мертвых поднялись выше их голов.

Они слушали его, кивали и испытывали все большую гордость от того, что сделали. Трубка переходила из рук в руки, а Фракен пел историю их победы. Голос его поднимался до крика и опускался до шепота, и все, даже женщины и маленькие дети, внимательно слушали. Когда он закончил, все продолжали молчать, вспоминая. Им было что вспомнить...

Огонь почти погас, и Керрик привстал, подбросил в него веток и тут же сел, потому что у него закружилась голова. Дым из трубки был крепок, он еще не привык к нему. Фракен устал отправился в свою палатку. Остальные тоже начали расходиться, и скоро у костра осталось только несколько охотников. Херилак смотрел в огонь. Хар-Хавола покачивал головой в полусне. Херилак взглянул на Керрика.

— Они счастливы сейчас,— сказал он.— Мир... Хорошо, что сейчас они испытывают это. Зима была долгой и горькой, и им нужно забыть ее, прежде чем они начнут думать о следующей. Да и мургу со смертоносными палками тоже нужно забыть.

Он помолчал, потом произнес:

— Мы убили многих из них. Может, теперь они забудут о нас и оставят в покое.

Керрик не хотел отвечать отрицательно, но понял, что не сможет сделать этого. Он покачал головой, и Херилак вздохнул.

— Они придут снова,— сказал Керрик.— Я знаю этих мургу. Они ненавидят нас так же, как мы ненавидим их. Скажи, ты убил бы их всех, если бы мог?

— Тотчас же и с большим удовольствием.

— И они чувствуют то же самое.

— Так что же нам делать? Лето будет коротким, и мы не знаем, будет ли хорошая охота. Но что мы будем делать, когда на нас навалится будущая зима? Если мы пойдем на восток к следующему берегу, где можно охотиться, мургу найдут нас там. На юге тоже. А на севере царствуют морозы.

— Есть еще горы,— сказал Хар-Хавола, которого разбудили голоса.— Нам нужно уходить в горы.

— Но твоя саммад пришла именно из-за гор,— сказал Херилак,— вы пришли, потому что там не было охоты.

Хар-Хавола покачал головой.

— Это ты называл мою саммад пришедшей из-за гор. Но то, что ты называешь горами, на самом деле всего лишь холмы. За ними находятся настоящие горы. Они достают небо, и снег на их вершинах никогда не тает. Вот это горы!

— Я слышал об этом,— сказал Херилак.— Я слышал, что их невозможно пересечь, и смерть ждет смельчаков.

— Это может случиться, если ты не знаешь перевалов, зима может поймать тебя в ловушку, и ты умрешь. Но Мунан, охотник из моей саммад, пересекал горы.

— Мургу ничего не знают об этих горах,— сказал Керрик с надеждой в голосе.— Они никогда не говорили о них. Что лежит за ними?

— Мунан говорил, что там пустыня. Очень мало травы, очень мало дождей. Он говорил, что шел по ней два дня, а потом, когда кончилась вода, вернулся.

— Мы можем пойти туда,— сказал Керрик, думая вслух.

Херилак фыркнул.

— Через ледяные горы в безводную пустыню? Мургу и то лучше. По крайней мере мы можем убивать их.

— Мургу убьют нас,— гневно сказал Керрик.— Мы убьем некоторых из них, но придет еще больше, потому что их много, как капель в океане. В конце концов все мы умрем. Но в пустыню не обязательно уходить навсегда. Мы можем взять с собой воды и найти дорогу через нее. Стоит подумать об этом.

— Да,— согласился Херилак.— Нам действительно нужно побольше узнать об этом. Хар-Хавола, позови охотника Мунана. Пусть он расскажет нам о горах.

Мунан был высоким охотником с длинными шрамами, пересе-

кавшими его щеки, как у всех охотников из племени, которое пришло из-за гор. Он пыхнул трубкой, когда та дошла до него, и выслушал их вопрос.

— Там были трое из нас, — сказал он. — Все очень молодые. Это был один из тех поступков, которые совершают юноши, чтобы доказать, что из них получатся хорошие охотники. Они должны сделать что-нибудь очень трудное. — Он коснулся шрамов на своих щеках. — Только доказав свою отвагу, они носят эти знаки.

Хар-Хавола согласно кивнул. Его собственные шрамы белели в свете костра.

— Трое ушли, двое вернулись. Мы отправились в начале лета и поднялись на перевалы. В нашей саммад был старый охотник, который знал о них и рассказал нам, как найти дорогу. Он научил нас, на что обращать внимание и на какой перевал подниматься. Это было нелегко, и на самом высоком перевале был глубокий снег, но мы все же прошли его. Все это время мы шли на заходящее солнце. За горами оказались холмы, где была хорошая охота, но за ними начиналась пустыня. Мы пошли через нее, но там не было воды. Выпив все, что мы несли в мешках, мы повернули обратно.

— Но там можно было охотиться? — спросил Херилак.

Мунан кивнул.

— Да, в горах, где шли дожди, а зимой падал снег. Ближние к горам холмы были зелеными, и только за ними начиналась пустыня.

— Ты можешь снова найти эти перевалы? — спросил Керрик.

Мунан кивнул.

— Тогда нам нужно послать туда небольшой отряд. Они найдут дорогу и холмы за горами. Сделав это, они вернутся и поведут туда саммад.

— Лето сейчас очень короткое, — сказал Херилак, — и мургу слишком близко. Если уж идти, то всем вместе.

Они проговорили всю ночь, и потом еще несколько почей. Никому не хотелось подниматься на ледяные горы летом: зима и так скоро придет и незачем добровольно приближать ее. Однако все знали: нужно что-то делать. Они немного охотились здесь, поэтому питались свежим мясом. Были здесь и съедобные корни, растения и зерна, но этого было мало для зимы. Их палатки пропали и вместе с ними многие вещи, которыми они дорожили. Единственное, что они еще имели, это мясо, захваченное у мургу и заключенное в контейнеры. Правда, вкус его никому не нравился. Но им можно было поддерживать жизнь, и его не выбрасывали.

Херилак смотрел и терпеливо ждал, пока они охотились и ели все, что только хотели. Женщины выделывали шкуры оленей, когда их наберется достаточно, чтобы сделать из них палатки.

Мастодонты паслись на лугах, и от этого снова стали гладкими. Херилак ждал. Каждую ночь он смотрел на небо, где луна то становилась полной, то вновь убывала, и вот однажды, когда она исчезла в очередной раз, он наполнил каменную трубку корой и созвал всех охотников к своему костру.

После того как все покурили, он рассказал им, о чем думал все время после возвращения в старый лагерь.

— Зима приближается. Нам нельзя оставаться здесь и встречать ее, мы должны уйти туда, где хорошая охота и нет мургу. Я предлагаю пересечь высокие горы и дойти до зеленых холмов за ними. Если мы выйдем сейчас, пока еще не кончилось лето, мы сможем пройти через перевалы. Мунан говорил, что они проходимы только в это время. У нас не будет забот о пище, потому что мы сможем есть мясо, взятое у мургу, и придем к зеленому холмам до наступления зимы. Я думаю, сейчас самое время грузить волокуши и отправляться в путь.

Никому не хотелось уходить отсюда. Но ни один не нашел достаточных аргументов против решения Херилака. Выбор был невелик: льды или мургу.

Утром волокуши были собраны и старые постройки починены новой кожей. Маленькие мальчики разворачивали комки меха, извергнутые совами, и по костям, которые были в них, Фракен прочел будущее.

— Не сегодня, но завтра,— сказал он. — Мы выходим на рассвете, поэтому, когда солнце выглянет из-за холмов и засияет на небе, оно не увидит здесь никого. Мы должны уходить.

В ту ночь, после того как они поели, Керрик сидел у огня, связывая травинками длинные шипы с ягодных кустов. Запасы дротиков для хесотсанов значительно уменьшились, а здесь не было деревьев, на которых они росли. Впрочем, они и не требовались. Хесотсан мог выстрелить любую щепку того же размера. Керрик затягивал узел, когда мимо него прошла Армун и подбросила остатки дров в огонь, а затем принялась увязывать свое имущество в узел. Она делала это молча, и Керрик вдруг заметил, что она вернулась к своей старой привычке закрывать лицо волосами.

Когда Армун подошла ближе, он взял ее за руки и привлек к себе, но она отвернулась от него. Он взял ее за подбородок и заглянул в лицо: в глазах Армун стояли слезы.

— У тебя что-то болит? — участливо спросил он. — В чем дело?

Она покачала головой и продолжала молчать, но он был встревожен и заставил ее говорить. В конце концов, отвернувшись от него, закрывая лицо волосами, она прошептала:

— У нас будет ребенок. Весной...

От возбуждения Керрик забыл о ее слезах, привлек Армун к себе и громко засмеялся. Он знал теперь о детях, видел их

рождение и гордость родителей, и никак не мог понять, почему она плачет, вместо того чтобы радоваться.

— Ребенок будет девочкой, и лицо ее будет похоже на мое, — сказала она, касаясь своей раздвоенной губы.

— Это будет хорошо, ведь ты прекрасна.

Она слабо улыбнулась и ответила:

— Только для тебя. Когда я была маленькой, все указывали на меня и смеялись, и я никогда не была счастлива, как другие дети.

— Но теперь над тобой никто не смеется.

— Это потому, что ты здесь. Но дети будут смеяться над нашей дочерью.

— Не будут. Вместо дочери может быть сын, и он может быть похож на меня. У твоей матери или отца губа была такой же, как у тебя?

— Нет.

— Тогда почему это должно повториться у нашего ребенка? Значит, ты одна имеешь это, и я счастлив, что у меня женщина с таким лицом. Тебе незачем плакать.

— Я не буду. — Она вытерла слезы. — Я больше не буду беспокоить тебя своими слезами. Ты должен быть сильным и крепким, когда завтра мы отправимся в горы. На той стороне действительно будет хорошая охота?

— Конечно. Мунан говорил об этом, а он там был.

— А будут там... мургу? Мургу со смертоносными палками?

— Нет. Мы оставим их здесь и уйдем туда, где они никогда не появятся.

Он не заикнулся о своих тяжелых мыслях. Вайнти была жива, а она ничего не забудет и не успокоится до тех пор, пока все тану не будут мертвы.

Они могут уйти, но так же, как ночь следует за днем, она последует за ними.

18

На пятый день местность начала подниматься. Западный ветер стал холодным и сухим. Охотники Хар-Хаволы нюхали воздух и радостно смеялись, ведь они хорошо знали эту часть мира. Они возбужденно переговаривались между собой, указывая на знакомые ориентиры, и торопились вперед, подгоняя медленно тащившихся мастодонтов. Херилак не разделял их радости, потому что понимал, что охота здесь плохая. Несколько раз он видел, что этой дорогой проходили другие тану, а однажды нашел остатки костра с еще теплым пеплом. Правда, самих охотников он ни разу не видел: видимо, они избегали приближаться к этой большой и хорошо вооруженной саммад.

Дорога, которой они шли, уходила все дальше и дальше в холмы, каждый из которых был выше предыдущего.

Однажды утром Хар-Хавола радостно закричал и указал туда, где поднимающееся солнце касалось высоких белых пиков. Это были горы, которые им предстояло пересечь.

Пейзаж постепенно менялся: деревьев стало меньше и большинство из них были вечнозелеными.

Однажды на склоне горы над ними появились белые рогатые животные, прыгавшие по камням. Одно из них остановилось у края, и тут же стрела, выпущенная Херилаком, сбросила существо вниз. Его мех был курчавым и мягким, а мясо, поджаренное тем же вечером, восхитительно жирным. Хар-Хавола облизал со своих пальцев жир и удовлетворенно хмыкнул.

— До сих пор я только один раз ел мясо горного козла. Их очень тяжело добыть — они живут высоко в горах. Кстати, теперь нам нужно подумать о корме для мастодонтов и дровах для наших костров.

— А это зачем? — спросил Херилак.

— Мы идем выше. Скоро не будет деревьев, и даже трава станет чахлой и скудной.

— Значит, нам нужно взять все необходимое, — сказал Херилак. Без палаток волокуши нагружены легко. Мы сложим на них бревна, а для животных возьмем молодые побеги с листьями. А как там с водой?

— Ее нет, но это неважно, мы можем растапливать снег.

Хотя дни были еще теплыми, по утрам начались заморозки, и мастодонты недовольно ревели, выдыхая облачка пара. Многим не нравилось здесь, потому что стало труднее дышать, но Керрик радовался всему, что было для него новым. Прозрачность воздуха доставляла ему удовольствие, так же как и тишина гор. Все это здорово отличалось от влажной жары, и надоедливых насекомых юга. У ийлан были болота и бесконечное лето, что вполне подходило для них. Ийланы сочли бы жизнь здесь невозможной. Здесь был не их мир, так почему бы им не оставить его тану?

Хотя Керрик то и дело поглядывал на небо, он не видел больше репторов или других птиц, которые могли бы следить за их передвижениями. Возможно, ийланы больше не преследовали их, и люди наконец-то избавились от своих врагов.

Прошел еще один нелегкий день, прежде чем они наконец достигли перевала. Все очень устали и с трудом передвигали ноги. Когда стемнело, саммад были еще на склоне, и им пришлось провести там бессонную ночь рядом с животными, которые по временам ревели от холода. Не имея возможности развести огонь, люди кутались в меховые шкуры и дрожали до рассвета. С первыми лучами солнца они двинулись дальше, зная, что если не сделают этого, то рискуют замерзнуть. Когда они перевалили через гребень и стали спускаться, оказалось, что это

труднее, чем идти вверх. Но они не останавливались. Пища кончилась, и мастодонты наверняка не пережили бы еще одну ночь на снегу. Саммад шли сквозь облака и к полудню достигли каменной осыпи. Идти по ней было еще труднее, чем по снегу. Уже вечерело, когда они вышли из облаков и почувствовали на своих лицах тепло заходящего солнца. Далеко внизу виднелись зеленые долины.

Стало темно, но люди остановились только для того, чтобы зажечь факелы. В их мерцающем свете утомленные саммад двинулись дальше. Они шли до тех пор, пока не почувствовали, что почва под ногами стала мягче. Люди поняли, что тяжелое испытание кончилось. Все устало повалились на землю. Мастодонты щипали траву. В ту ночь даже консервированное мясо мургу показалось всем довольно приличным.

Худшее было позади. Очень скоро саммад вновь оказались среди деревьев, где мастодонты жадно набросились на зеленые листья. Охотники были счастливы. В тот день они нашли свежий помет горных козлов и поклялись, что скоро у них будет свежее мясо. Но козлы были слишком осторожны и исчезали до того, как охотники могли приблизиться к ним на расстояние выстрела из лука. На следующий день охотники выследили стадо небольших оленей и убили двух, прежде чем остальные удрали. Впрочем, здесь были не только олени, сосновые шишки здесь оказались со сладкими ядрами.

Вскоре ручей, по которому они шли, закончился небольшим водоемом, на берегах которого было множество следов различных животных. Выхода водоем не имел, видимо, вода уходила из него под землю.

— Здесь мы и остановимся,— сказал Херилак.— Здесь есть вода, пастбища для животных и хорошая охота, если мы правильно читаем следы. Саммад расположатся на этом месте, и охотники будут приносить свежее мясо. Кроме того, здесь есть ягоды, съедобные грибы и корни. Нам не придется голодать. А мы с Мунаном, который бывал здесь и раньше, посмотрим, что лежит впереди. Керрик пойдет с нами.

— Дальше воды станет меньше, а в пустыне она вообще исчезнет,— сказал Мунан.— Нам придется нести воду в шкурах.

— Так мы и сделаем,— согласился Херилак.

Перемены начались сразу же, как только трое охотников спустились с холмов. Чем ближе подходили они к предгорьям, тем меньше становилось травы, и скоро они уже шли по камням и кучам песка. Растения теперь попадались редко, были колючими и казались безжизненными. Воздух сделался сухим и неподвижным.

— У нас был долгий и трудный день,— сказал Херилак.— Остановимся здесь. Это и есть пустыня, о которой ты говорил?

Мунан кивнул.

— Она вся похожа на это место, хотя где-то может быть побольше песка, а где-то камней. Здесь нет воды и ничего не растет, кроме этих колючек.

— Утром мы пойдем дальше. У пустыни должен быть конец.

Пустыня была горячей, сухой и, вопреки утверждению Херилака, казалась бесконечной. Четыре дня они шли от рассвета до заката, отдыхая в те часы, когда становилось слишком жарко. На закате Херилак остановился на небольшой возвышенности, прикрыл глаза рукой и посмотрел на запад.

— То же самое,— сказал он. — Ни холмов или гор и ничего зеленого. Только пустыня.

Керрик коснулся шкуры с водой.

— Эта — последняя.

— Знаю. Утром мы возвращаемся.

— А что мы будем делать, когда вернемся? — спросил Керрик, подбрасывая в костер сухие колючки.

— Нужно подумать. Если охота будет хорошей, возможно, мы останемся здесь. Посмотрим.

Ночью Керрик был разбужен внезапным близким криком совы. Это была всего лишь сова. Они живут здесь, в пустыне, питаясь ящерицами. Всего лишь сова...

Ийланы могут знать, что они здесь, но не смогут преследовать их через покрытые снегом горные перевалы.

В ту же ночь ему приснился Альпесак. Он снова был один среди суесящихся фарги, и на другом конце поводка находилась Инлену.

Когда на рассвете Керрик проснулся, настроение его было тяжелым. Как ни убеждал он себя, что это всего лишь сон, предчувствие несчастья не покидало его, когда они шли назад.

Вечером, поднявшись на последний гребень, они наконец увидели воду. Путь их пролегал через густой перелесок. Дорогу прокладывал Херилак. Заметив, что оторвался от остальных, он остановился.

Едва он сделал это, как мимо него просвистела стрела. Херилак мгновенно бросился на землю, предупреждая остальных криком. Лежа за деревом, он вытащил стрелу из колчана и наложил ее на тетиву. Вдруг сверху раздался голос:

— Херилак, это ты?

— А ты кто?

— Сорли.

— Что ты здесь делаешь?

— Стою на посту. В лесу опасно.

Херилак осторожно осмотрелся, но ничего не заметил. Какая опасность может быть здесь? Но кричать еще раз все-таки не стал. Среди деревьев появился Керрик. Херилак сделал ему знак идти мимо, держась того же направления. Когда прошел

и Мунан, он последовал за ними, соблюдая тишину и держась на некотором расстоянии.

Сорли ждал их, укрывшись за большим валуном. Он был не один: другие охотники прятались поблизости. Сорли повел путешественников в лагерь.

— Простите, что стрелял в вас. Я принял вас за других. Они напали на нас утром, сразу после рассвета. Охотники, стоявшие на страже, были убиты, но успели предупредить остальных. Пришельцы убили одного мастодонта, вероятно ради мяса, но мы отогнали их раньше, чем они смогли что-либо сделать с ним.

— Кто они?

— Не тану.

— Мургу! — В голосе Керрика звучал ужас, когда он произнес это слово. — Не здесь, только не здесь!

— Не мургу, но и не тану. Мы убили одного из них, вы можете посмотреть на него. У них есть копыта, но нет луков. Стоило нам пустить несколько стрел, как они тут же бросились наутек.

Сорли остановился и указал на мертвое тело.

Убитый лежал лицом вниз. На спине у него была кровавая рана. Кожа мертвеца была темнее, чем у тану, волосы — длинные и черные. Херилак перевернул его.

— Охотник, только с другим цветом волос и кожи.

Подошедший Мунан посмотрел на труп и с отвращением плюнул.

— Харван, — сказал он. — Когда я был маленьким, меня пугали черными людьми из-за гор, которые приходят в темноте, крадут и едят детей. Их называли харванами. Одни верили в эти истории, другие смеялись.

— Сейчас мы знаем, что это правда, — сказал Сорли. — Но есть и еще кое-что. Взгляните на это.

Он подвел их к темной туше, лежавшей под деревьями. Херилак взглянул на нее и удивленно воскликнул:

— Длиннозубый! Один из самых крупных, каких я видел.

Длиннозубый был огромен, в полтора раза больше, чем человек. В момент смерти пасть существа открылась, и два длинных зуба торчали вперед: острые, огромные, смертоносные.

— Он пришел с темными тану. Причем он был не единственный. Они шли с ними, как мастодонты с нами, и атаквали, когда те им приказывали.

— Это опасно: вооруженные тану и длиннозубые. Откуда они пришли? — спросил нахмурившийся Херилак.

— С севера. И ушли туда же.

Херилак взглянул на север и покачал головой.

— Значит, и этот путь для нас закрыт. Мы не знаем, насколько многочисленны эти темные тану и сколько длиннозубых идет с ними. Мы не будем сражаться с ними. У нас остается только один путь.

— На юг,— сказал Керрик. — На юг, через эти холмы. Но там могут быть мургу.

— Они могут быть где угодно,— ответил Херилак, и лицо его окаменело. — Это не имеет значения — мы должны идти. Пустыня должна иметь конец. Мы уходим завтра, на рассвете. А сейчас дайте нам напиться.

19

Даже ребенок мог прочесть следы, оставленные прошедшими саммад, настолько ясно они отпечатались на мягкой глине. Глубокие колеи, прорезанные полозьями волокуш, огромные следы мастодонтов, кучи навоза. Херилак даже не пытался скрыть эти следы, но охотники постоянно были наготове, хотя некоторые из них полагали, что это излишняя предосторожность. Проходили дни, и не было оснований считать, что темные тапу и их длиннозубые компаньоны идут следом. Но, несмотря на это, Херилак требовал, чтобы охрана была наготове в любое время дня и ночи.

Поскольку все долины вели вниз с высоких гор, исчезая на сухой равнине, саммад тоже спустились туда. Вместо того чтобы идти через гребни гор, они шли сейчас вдоль края пустыни. Охотники уходили вперед, осматривая долины в поисках воды. Когда по вечерам саммад останавливались и разбивали лагерь, мастодонтов отводили в долину, напоить и накормить.

Марш продолжался. В предгорьях и на равнине охота была плохой. Поросшие травой подножия склонов постепенно превращались в пустыню, пересекаемую сухими руслами ручьев. Но воды там не было, значит, не было и жизни. Люди могли только идти дальше.

Луна дважды вырастала и исчезала, прежде чем они достигли реки. Вода стекала с высоких гор, течение ее было быстрым, а русло очень глубоким. Они остановились у края, глядя вниз на воду, бурлящую среди камней.

— Здесь мы не сможем перейти реку,— сказал Керрик.

Херилак кивнул и взглянул по течению вниз.

— Разумнее будет не переходить реку, а пойти вдоль ее течения. Так мы сможем дойти до конца пустыни и там, где она кончится, может быть дичь. Мы должны сделать это, потому что у нас кончается даже мясо, взятое у мургу. Нам нужно найти место, где есть съедобные растения и животные, на которых можно охотиться.

Помолчав, он высказал вслух мысль, которая появилась у него давно:

— Нужно найти это, прежде чем придет зима.

Они шли вдоль реки, пока не добрались до ряда холмов. Здесь были удобные для мастодонтов водопой. У некоторых из них

встречались следы оленей. Но было и что-то еще. Первым об этом заговорил Мунан. Однажды вечером он подошел к костру Херилака и Керрика и сел возле них, спиной к холмам.

— Я охотился много лет,— сказал он.— И только однажды охотился за мной. Сейчас я расскажу вам об этом. В высоких холмах, которые вы называете горами, я выслеживал гигантского оленя. Это было ранним утром, и след был совсем свежим. Я шел тихо и вдруг почувствовал, что что-то не так. Вскоре я понял, что это такое: кто-то преследовал меня, и я чувствовал на себе его взгляд. Поняв это, я резко прыгнул в сторону и повернулся. Он был на гребне надо мной— длиннозубый. Правда, еще слишком далеко, чтобы прыгнуть. Видимо, он преследовал меня с тех пор, как я выслеживал оленя. Он взглянул мне в глаза и тут же скрылся.

Херилак кивнул, соглашаясь.

— Животные знают, когда за ними наблюдают. Однажды я следил за несколькими длиннозубыми, и они повернулись, почувствовав мой взгляд. Охотник тоже может почувствовать это.

— Так вот,— тихо сказал Мунан, вороша угли костра,— сейчас за нами следят. Не поворачивайтесь, а сделайте вид, что собираете дрова, и при этом взгляните на холм за моей спиной. Там есть кто-то следящий за нами, я в этом уверен. — Сделай это, Керрик,— сказал Херилак,— у тебя глаза лучше моих.

Керрик медленно поднялся, сделал несколько шагов и вернулся с сучьями, которые подбросил в костер.

— Я не уверен,— сказал он.— На гребне у вершины холма есть какая-то тень под камнем. Это может быть охотник.

— Сегодня ночью охрана будет усилена,— сказал Херилак.— Это новая страна, и в холмах здесь может быть все что угодно. Даже мургу.

Однако ночью тревоги не было. Перед рассветом Херилак разбудил Керрика, и они отправились к Мунану, решив воспользоваться военной хитростью. Двигаясь разными путями, тихо, как тени, они подошли к скальному гребню с разных сторон. Когда солнце поднялось, они уже были на своих позициях.

Херилак крикнул, как птица, и они направились к краю, держа оружие наготове. Однако сейчас там никого не было.

Керрик указал копьем.

— В этом месте трава была примята, а потом выпрямилась. Кто-то был здесь, следя за нами.

— Разойдемся и поищем следы,— сказал Херилак.

Нашел их Мунан.

— Здесь отпечаток ноги.

Они склонились, разглядывая его. Не было никаких сомнений относительно существа, оставившего его.

— Тану,— сказал Херилак, глядя на север. — Неужели темные тану последовали за нами сюда?

— Вряд ли,— возразил Керрик. — Чтобы сделать это, им пришлось бы обойти нас по холмам и зайти вперед. Нет, пожалуй, это отпечаток других тану. Я уверен в этом.

— Тану позади, тану впереди,— нахмурился Херилак. — Не придется ли нам сражаться, чтобы иметь возможность охотиться?

— Эти тану не хотят сражения, они только наблюдают,— сказал Керрик,— тану не всегда убивают тану. Это начинается только тогда, когда приходит холодная зима. А сейчас мы находимся далеко на юге, где зимы не такие плохие.

— Что же нам делать? — спросил Мунан.

— Следить за ними самим и попытаться договориться,— ответил Керрик. — Может, они боятся нас.

— А я боюсь их,— сказал Мунан,— боюсь копья в спину.

— Значит, мы боимся друг друга,— заключил Керрик. — До тех пор, пока мы идем все вместе, со множеством копий и луков, эти новые тану будут слишком бояться нас, чтобы подойти поближе. Если я пойду один, взявши с собой только копье, возможно, я встречусь с ними.

— Это опасно,— сказал Херилак.

— Вся жизнь опасна. Здесь есть тану, и вы видели их следы. Если нам не удастся установить с ними мирные отношения, нам останется только одно. Ты хочешь этого?

— Нет,— ответил Херилак,— смертей и так хватает. Сегодня мы останемся в этом лагере. Дай мне свои стрелы и лук, не заходи слишком далеко в холмы. Если до полудня ничего не произойдет, возвращайся. Ты все понял?

Керрик кивнул и молча отдал свое оружие. Затем подождал, пока двое охотников вернутся в лагерь тем путем, которым пришли, и медленно пошел по склону.

Вокруг был камень и твердая почва, поэтому, кто бы ни оставил первый след, обнаружить его было нелегко. Керрик дошел до следующего гребня и остановился, оглянувшись назад, на палатки, которые были сейчас далеко внизу. Пожалуй, здесь было хорошее место для ожидания. Оно было открыто со всех сторон, и никто не смог бы подобраться к нему незамеченным. К тому же в случае бегства путь был ясен. Керрик сел лицом к долине, и, постукивая копьем, стал ждать.

Холмы были тихие, голые и лишены какого-либо движения. Только муравьи суетились в песке перед ним. Они облепили мертвого жука, который был во много раз больше их, и пытались утащить его в муравейник. Керрик смотрел на муравьев и одновременно краем глаза поглядывал по сторонам.

Что-то пощекотало ему шею сзади, он потер ее, но там ничего не было. Ощущение не исчезало, и вскоре Керрик понял: за ним следили.

Он медленно встал и повернулся, взглянув на травянистый склон холма и стоявшие вдаль деревья. Никого не было. На склоне росли и кусты, но они были так редки, что не могли служить убежищем. Если за ним следили, то только из-за деревьев. Керрик смотрел на них и ждал, но ничего не двигалось. Если прячущийся наблюдатель боится, значит, нужно брать инициативу в свои руки. Только положив копьё на землю, он осознал, как сильно его пальцы сжимали древко. Ему не хотелось расставаться со своей единственной защитой. Но это было необходимо, чтобы наблюдатель — или наблюдатели — поверил, что он пришел с миром.

Керрик нерешительно сделал один шаг вперед, другой. Горло его пересохло, а удары сердца громом отдавались в ушах, пока он медленно шел к деревьям. Оказавшись на расстоянии броска копья от их убежища, Керрик остановился, не в силах заставить себя идти дальше. Хватит. Пусть теперь идут те, кто прячется. Он медленно поднял руки с открытыми ладонями и громко крикнул:

— У меня нет оружия. Я пришел с миром.

Никакого ответа. Было ли движение в тени под деревьями? У него не было уверенности. Отступив на шаг, он снова крикнул.

В темноте что-то шевельнулось, там явно кто-то стоял. Керрик сделал еще шаг назад, и фигура двинулась вперед, выйдя на солнце.

Первой реакцией Керрика был страх. Он отшатнулся, но сумел взять себя в руки и остаться на месте, а не броситься бежать.

Охотник оказался черноволосым и темнокожим. Он не носил меховой одежды, как это делали охотники из предгорий. Голова его была обмотана чем-то белым, и вокруг бедер была обернута белая кожа. Не серо-белая, а белая, как снег. Руки его были пусты, как у Керрика.

— Мы будем говорить! — крикнул Керрик, делая шаг вперед.

В ту же секунду черный охотник повернулся и чуть не бегом бросился под защиту деревьев. Увидев это, Керрик остановился. Охотник обернулся, и даже на этом расстоянии Керрик заметил, что мужчина дрожит от страха. Поняв это, он медленно сел на траву, подняв руки в жесте миролюбия.

— Я не причиню тебе вреда, — сказал он, — подходи, садись, поговорим.

После этих слов он больше не двигался. Когда его поднятые руки устали, он опустил их и положил ладони на бедра, начав что-то напевать вполголоса. Потом взглянул на небо, на пустой склон вокруг себя, стараясь не делать резких движений, которые могли бы испугать незнакомца.

Охотник сделал один нерешительный шаг, потом другой. Керрик улыбнулся и кивнул ему, не шевеля своими руками. Шаг за шагом охотник продвигался вперед, пока не оказался шагах в десяти от Керрика. Там он опустился на землю, скрестив ноги, как это сделал Керрик, и уставился на него широко открытыми испуганными глазами. Сейчас было хорошо видно, что он немолод: Кожа его была морщинистой, а в черных волосах много седины. Керрик улыбнулся, не делая никаких других движений. Челюсти мужчины шевельнулись, и кадык дернулся, но он не произнес ни одного звука. Прошло еще немного времени. Пожевав губами, он наконец заговорил. Слова буквально хлынули потоком.

Однако Керрик ничего не понял. Он улыбнулся и кивнул, давая собеседнику возможность выговориться. Наконец тот замолчал, наклонился вперед и опустил голову.

Керрик терялся в догадках. Он подождал, пока охотник взглянул на него, затем сказал:

— Я не понимаю тебя. Ты знаешь, о чем я говорю? Хочешь узнать мое имя?

Он коснулся груди.

— Керрик. Керрик.

Ответа не было. Незнакомец сидел молча с открытым ртом, глаза его были круглыми, и белки ярко выделялись на темной коже. Когда Керрик замолчал, он снова наклонил голову, что-то сказал, затем встал и направился обратно к деревьям. Другой охотник шагнул из тени, что-то подал первому. Увидев, что за ним есть еще и другие, Керрик подобрал ноги под себя, готовый вскочить и убежать, однако, когда никто не вышел вперед, он немного расслабился. Он продолжал следить за деревьями и приближающимися охотниками.

На этот раз охотник подошел ближе. Керрик увидел, что он принес темную чашу, наполненную водой. Подняв ее обеими руками, он отхлебнул, затем протянул далеко вперед и поставил перед ним на землю.

Охотники, пившие из одной чаши, делятся между собой, подумал Керрик. Ему хотелось верить, что это акт миролюбия. Подняв чашу, он отпил из нее и вернул обратно.

Охотник снова взял чашу и вылил оставшуюся воду на землю, рядом с собой. Затем постучал по чашке и произнес одно слово:

— Валискис.

После этого передал чашу обратно Керрику, удивленному этим поступком. Однако он улыбнулся, пытаясь казаться уверенным. Он поднес чашу к глазам и увидел, что она сделана из какой-то темно-коричневой массы, которую он не мог определить. Она была шершавой и имела черный узор вдоль верхнего края. Керрик повертел ее в руках и обнаружил на другой стороне крупный черный рисунок. Это был хорошо сделанный черный си-

лует. Не случайное пятно или повторяющийся простой узор, а фигура животного, у которого отчетливо виднелись бивни и хобот.

Это был мастодонт.

— Валискис,— сказал охотник. — Валискис.

20

Керрик повертел чашу в руках, затем коснулся изображения мастодонта. Охотник кивнул и улыбнулся, снова и снова повторяя слово «Валискис». Но что это означало? Были ли у этих тану мастодонты? Они не понимали друг друга, и потому выяснить это было невозможно. Охотник осторожно взял чашу из рук Керрика, и пошел с ней к зарослям.

Когда он вернулся, чаша была полна жареными растениями какого-то вида, белыми и шишковатыми. Охотник пальцами зачерпнул из чаши немного пищи и съел ее, затем поставил чашу на землю. Керрик сделал то же самое: вкус был довольно приятный. Как только он сделал это, незнакомец повернулся и снова заторопился к деревьям. Керрик подождал, но он не показывался.

Похоже, их встреча закончилась. Никто не появился, когда Керрик крикнул, а когда он медленно дошел через поле до рощи, она оказалась пустой. Встреча была непонятной, но многообещающей. Темный охотник не показал оружия, а принес пищу. Керрик подобрал чашу, забрал свое копье и вернулся к палаткам. Охотники, стоявшие на страже, узнали его и окликнули, когда он приблизился. Херилак приветствовал его. Он попробовал пищу, одобрил ее, но, как и Керрик, не смог определить тайного смысла, заключенного в чаше с изображением мастодонта.

Саммад собрались послушать Керрика, и ему пришлось рассказывать о происшедшем снова и снова. Всем хотелось попробовать новую пищу и выразить удовлетворение ею. Вскоре чаша опустела. Сама по себе она вызвала большой интерес. Херилак повертел ее в руках и постучал по ней костяшками пальцев.

— Это твердое, как камень, но слишком легкое, чтобы быть камнем. И потом этот мастодонт... Я ничего не понимаю.

Даже Фракен не рискнул высказать свое мнение. Для него это было новым. В конце концов Керрик решил все сам.

— Завтра я пойду обратно и отнесу им в чаше мяса. Может, они хотят поделиться с нами пищей?

— А, может, они хотели, чтобы мы накормили этим мастодонтов? — предположил Сорли.

— Мы не можем это узнать,— сказал Керрик. — Я отнесу им

немного нашего мяса, но не в их чаше. Дайте мне один из плетеных подносов с рисунком.

Под вечер Армун взяла лучший поднос, который плела сама, и дочиста вымыла его в реке.

— Идти туда опасно,— сказала она.— Пусть с тобой пойдет еще кто-нибудь.

— Нет, теперь эти охотники знают меня. Я чувствую, что опасности нет, самое страшное было вначале. Эти новые тану охотятся в здешних местах, и мы должны жить с ними в мире, если хотим остаться тут. К тому же нам просто некуда идти. А сейчас давай поедим, но лучшие куски мяса положим на поднос, и завтра я отнесу его.

Когда на следующее утро он пришел на луг перед рощей, там никого не было, но после того как он отбросил свое копьё в сторуку и пошел через траву, держа в руках поднос, под деревьями появилась знакомая фигура. Керрик сел на землю и положил поднос на траву. На этот раз незнакомец подошел к нему без страха и тоже сел на траву. Керрик съел кусок мяса, затем отодвинул поднос и смотрел, как охотник берет кусок и ест его, показывая свое удовольствие. Затем он повернулся и громко крикнул. Пятеро черноволосых и безбородых охотников, одетых так же, как первый, появились из рощи и направились к ним.

Сейчас уже Керрик испугался. Вскочив на ноги, он бросился обратно, потому что двое незнакомцев несли копьё. Когда он побежал, они остановились, глядя на него с явным любопытством. Керрик указал на них и сделал движение, как будто отбрасывает копьё. Первый охотник понял значение этого жеста и крикнул товарищам. Видимо, это было равносильно приказу, потому что они положили копьё на траву и снова двинулись вперед.

Керрик ждал, согнув руки и стараясь не показывать своего интереса. Все это выглядело достаточно мирно, но под белой кожей на бедрах они могли скрывать ножи. Впрочем, им даже не нужны были ножи: пятером просто-напросто они задавили бы его. Теперь нужно было решать: бежать или оставаться на месте.

Когда они подошли ближе, Керрик увидел, что двое из них несут короткие дубинки. Он указал на них и сделал движение, как будто взмахнул дубинкой. Остановившись, они поговорили между собой, и прошло некоторое время, прежде чем они поняли, в чем дело. Вероятно, куски дерева вовсе не были дубинками. Один из охотников вернулся к копьям, и Керрик замер, готовый броситься наутек. Однако тот хотел просто продемонстрировать, как используется это деревянное оружие. Он поднял одно из копий и вложил его толстый конец в выемку на конце этой якобы дубины. Затем, прижав копьё к своей руке и придерживая его пальцами, он отвел его далеко назад и по-

слал высоко в воздух. Оно помчалось вверх, затем упало обратно, глубоко вонзавшись в землю. Керрик не смог объяснить, как это действует, но копьё летело намного дальше, чем пущенное рукой. Он больше не пытался убежать, когда охотник положил деревяшку рядом с копьём и присоединился к остальным.

Они собрались вокруг него, возбужденно переговариваясь. Они осторожно касались пальцами двух ножей из небесного металла, которые свисали с кольца на его шее, трогали само кольцо и удивленно бормотали. Керрик, взглянув вблизи на их белые уборы на голове, понял, что это вовсе не было кожей. Когда он провел пальцем по одному из них, охотник снял его и передал Керрику. Это было что-то мягкое, как мех, оно было сплетено, как корзина, хотя вещество, из которого его сделали, оказалось тонким, как волос. Он хотел отдать убор обратно, но охотник не взял его и показал на голову Керрика. Когда тот покрыл им свои волосы, все окружающие улыбнулись и восхищенно зацокали языком.

Все они оказались довольными началом знакомства и, переговорив между собой, приняли какое-то решение. Повернувшись, пришельцы направились к роще. Первый тану взял Керрика за руку и показал на остальных. Их намерение было ясно: они хотели, чтобы он присоединился к ним. Пойти с ними? Возможно, все это было только уловкой, чтобы захватить его в плен и убить. Но они казались такими естественными, а двое копьеносцев даже не подобрали свои копыя, проходя мимо них.

Это заставило Керрика решиться. Будь это ловушкой, им вовсе не нужно было бы проходить мимо копий: другие вооруженные охотники могли ждать его между деревьев. Он должен действовать так, словно верит в их миролюбие, и не должен показывать им своего страха. Однако Керрик не мог оставить здесь свое собственное копьё. Он указал на него и направился обратно. Первый охотник бросился бежать и подобрал копьё. Керрик не на шутку испугался, когда тот побежал обратно, держа копьё наперевес, но он просто передал его Керрику, а затем повернулся и последовал за остальными. Напряжение слегка ослабло: возможно, они действительно были такими миролюбивыми, как хотели казаться. Керрик глубоко вздохнул: был только один способ узнать это. Охотники остановились у края рощи и оглянулись.

Керрик медленно выдохнул, двинулся за ними.

Тропа привела их к вершине холма, затем вниз по его другому склону. Там было ущелье, и Керрик понял, что это работа реки, вдоль которой он следовал. Река делала здесь петлю и поворачивала обратно. Теперь они шли к реке по ясно видимой тропе, пока не достигли берега.

С каждым поворотом каменные стены поднимались все выше и выше, а река между ними бежала все быстрее. Они шли вдоль

узкого берега из камня и песка, который весной наверняка вода затапливала. Местами каменные стены были частично разрушены, и вода рассыпалась брызгами на огромных валунах, свалившихся в поток. Люди поднимались все выше, карабкаясь по камням, которые когда-то заполняли глубокое русло реки. Подъем был труден. Керрик обернулся и остановился как вкопанный.

Темноволосые, вооруженные копьями охотники смотрели на них снизу. Он окликнул тех, которые ушли вперед, и указал рукой вниз. Они поняли и крикнули, заставив нижних вновь спрятаться среди камней. Поднявшись на вершину, Керрик, тяжело дыша, остановился, глядя на пройденный путь.

Наваленные груды валунов остались далеко внизу, в темных водах реки. Высокие утесы поднимались из реки по обе стороны. Этот естественный барьер легко могли защищать охотники, которые сейчас отошли в сторону, чтобы пропустить их. Это была идеальная защитная позиция, но была ли она охраняема? Страх Керрика сменялся любопытством, по мере того как они спускались вниз по ту сторону барьера.

Пока они шли, пейзаж изменился. Каменные стены отступили, а песчаные дюны приблизились к реке. Тут и там на них росли чахлые деревья. Через некоторое время земля стала ровнее.

Керрика удивили две вещи: ряды растений и охотники, работающие среди них, выполняющие работу женщин. Это было достаточно необычно. Но ийланс сажали поля вокруг своего города, так почему бы тану не делать этого, почему мужчинам не делать работу, которую выполняют женщины? Керрик повел взглядом вдоль зеленых рядов растений к каменным стенам вдали и темным отверстиям среди камней.

Они миновали группу женщин, завернутых в мягкое белое вещество, которые указывали на небо и щебетали своими высокими голосами. Керрик подумал, что должен испытывать страх в этой долине среди темных незнакомцев, но его не было. Если бы они хотели убить его, то уже давно могли бы это сделать. Его страх отступил перед все возрастающим любопытством. Впереди поднимались трубы костров, бегали дети, а утесы все приближались, и вдруг Керрик остановился, пораженный внезапной мыслью.

— Город! — произнес он вслух. — Город тану, а не ийланс.

Охотник, за которым он шел, остановился и ждал, пока Керрик осмотрится. Деревянные балки с зарубками, вероятно сделанные из целых стволов деревьев, поднимались к отверстиям в стенах утесов. В них он видел лица, смотревшие вниз, на него: как в городе ийланс, всюду было движение и суматоха, и люди занимались делами, которых он не мог понять. Затем он заметил, что охотник, первым встретившийся с ним, подзывает его к себе, к длинному темному отверстию у подножия утеса. Керрик подошел к нему и взглянул на каменную стену, немного

отклоненную назад. Оказавшись в темноте, он заморгал, не в силах разобрать какие-либо внутренние детали. Охотник указал на каменную стену наверху.

— Валискис,— сказал он, повторяя то же слово, которое употреблял, когда показывал на рисунок на чаше с водой.

Керрик поглядел туда внимательно и постепенно начал понимать, что сказал ему охотник.

Там были цветные изображения различных животных. Многих из них Керрик узнал. На почетном месте, почти в натуральную величину, красовался мастодонт.

— Валискис,— снова сказал охотник и наклонил голову к изображению огромного животного. — Валискис.

Керрик согласно кивнул, хотя и не понимал значения этой живописи. Это был точный портрет, так же как и черный мастодонт на чаше. Керрик вытянул руку и коснулся оленя, говоря одновременно: «Олень». Однако темноволосого это никак не заинтересовало. Он шагнул назад, на солнце, и сделал Керрику знак следовать за ним.

Керрику хотелось остаться и неторопливо осмотреть все это, но охотник уже вел его к одному из бревен с зарубками, которое доставало до склона утеса. Вскрабавшись по нему, он подождал Керрика. Подъем оказался довольно легким. За краем открылось темное отверстие, приведшее их в комнату, и, чтобы войти в нее, пришлось согнуться. На каменном полу там стояли горшки и другие предметы, а в углу были свалены шкуры. Одетый в белое охотник заговорил, и из кучи мехов ему ответил тонкий голос.

Взглянув на кучу вблизи, Керрик заметил там какую-то фигуру, лежавшую так, что была видна только голова. Губы на морщинистом лице шевельнулись, и беззубый рот прошептал:

— Откуда ты пришел? Как твое имя?

21

Когда глаза его привыкли к темноте комнаты, Керрик увидел, что кожа существа, хотя и темная от возраста, была подобна его коже, а глаза голубые. Волосы, которые когда-то были светлыми, стали сейчас седыми и редкими. Когда тонкий голос вновь раздался, он услышал и понял большинство слов. Это был не марбак, родной язык Керрика, больше это походило на язык Хар-Хаволы, который пришел из-за гор.

— Твое имя, твое имя! — снова спросил голос.

— Керрик. Я пришел из-за гор.

— Я знаю это, да, знаю... твои волосы такие светлые. Подойди ближе, чтобы Хаунита могла увидеть тебя. Да, ты — тану.

Смотри, Саноне, разве я не говорила, что еще могу говорить, как они?

Слабый голос сухо рассмеялся.

Керрик и Хаунита начали разговор, а Саноне — так звали темнокожего охотника — слушал и довольно кивал, хотя и не понимал слов. Керрик не удивился, обнаружив, что Хаунита была женщиной, захваченной в плен еще в молодости. Все, что она говорила, было довольно бессвязно. Несколько раз за время разговора она засыпала, а проснувшись, начинала говорить с ним на языке саску, как называли себя темнокожие охотники, и очень злилась, когда он ничего не понимал. Затем она захотела поест и накормить Керрика. Был уже вечер, когда Керрик опомнился.

— Скажи Саноне, что я должен вернуться в свою саммад, но я приду сюда утром. Скажи ему это.

Однако Хаунита как раз заснула, храпя и что-то говоря, и разбудить ее было непросто. Правда, Саноне, казалось, понял, что хотел сказать Керрик, потому что вывел его обратно к каменному барьеру, а затем окликнул двух мужчин с копьями, стоявших на посту.

Едва миновав барьер, Керрик бросился бежать в лагерь у реки, стараясь добраться туда до темноты. Херилака беспокоило долгое отсутствие Керрика, и он задал много нетерпеливых вопросов. Однако Керрик молчал, пока не добрался до палатки и не напился холодной воды. Херилак, Фракен и саммадары сели рядом с ним, остальные окружили их тесным кольцом.

— Сначала вы должны знать вот что, — сказал Керрик. — Эти темнокожие тану называют себя саску и не собираются сражаться с нами или прогонять нас отсюда. Они хотят помочь и даже дадут нам пищу, и мне кажется, что это из-за мастодонтов.

Послышались удивленные возгласы, и он подождал, пока все успокоится, прежде чем заговорить снова.

— Я был так же изумлен, как вы, тем более что совершенно не понимаю их языка. Но у них есть старая женщина, которая говорит так, что ее можно понять, хотя слова ее не всегда ясны для меня. У саску нет мастодонтов, но они знают о них, вы видели мастодонта на их чаше, а в пещере на каменной стене у них есть большие рисунки мастодонта и других животных. Значение этого не совсем ясно, но что-то в мастодонтах очень важно для них, хотя они и не имеют ни одного. Увидев наших животных, увидев то, что они слушаются нас, саску решили помогать нам всем, чем могут. Они не хотят причинять нам вреда. У них есть множество других вещей, вроде этой чаши, но я не могу вспомнить все их сразу. Завтра утром я вернусь к ним с Херилаком, и мы поговорим с ними и с их саммадарами. Я не знаю точно, что будет дальше, но в одном я уверен: мы нашли безопасное место для зимовки.

Это было больше, чем просто убежище для зимовки: это обещало безопасность от неприятностей мира, которые одолевали их. Выяснилось, что ийланы никогда не были здесь, саску даже не слышали о них, и поэтому они плохо понимали, что произошло с охотниками по ту сторону гор. Но это было не столь важно, главное — они хотели, чтобы незнакомцы оставались рядом с ними. Это было как-то связано с харванами, с темнокожими охотниками с севера, которые постоянно беспокоили их своими набегами. Барьер на реке возник сначала как естественный оползень, но саску поднимали рычагами валуны, передвигая их, и за годы создали стену, которая теперь закрывала доступ в долину с севера. И все же, несмотря на эту преграду, харваны продолжали их беспокоить, проникая в долину там, где обрывы были ниже. Все это окажется в прошлом, если саммад станет лагерем где-нибудь поблизости: харваны будут держаться на расстоянии от них. Саску были счастливы поделиться с ними своими запасами пищи. Такой порядок вещей устраивал всех.

Саммад поставили свой лагерь у реки, где были хорошие пастбища и поросшие лесом холмы. Охота здесь была плохой, и им угрожал бы голод, если бы не саску. Они ничего не просили взамен, хотя после удачной охоты с благодарностью принимали мясо. Единственно, о чем просили, это посмотреть на мастодонтов, подойти к ним ближе, и как высшую милость принимали разрешение коснуться их морщинистой кожи, поросшей шерстью.

Керрик был доволен не меньше их, находя каждую деталь жизни саску крайне увлекательной. Другие охотники совсем не проявляли к саску интереса и даже смеялись над мужчинами, которые, как женщины, копались в грязи. Керрик лучше понимал саску, видя связь между их работой на полях и выпасом животных ийланами, отлично сознавая, что они обезопасили себя от голода, поскольку создали гарантированные запасы пищи.

Для некоторых охотников общение с саску выглядело очень привлекательно. Многие ночи проводили они в высеченных среди камней комнатах. В конце концов Керрик вместе с Армун и всеми своими вещами перебрался в одну из них. Встретили их приветливо, женщины и дети собрались вокруг них, восхищенно глядя на нее и неуверенно касаясь рассыпавшихся по плечам волос.

Армун оказалась весьма прилежной в изучении языка, на котором говорили саску. Керрик часто уходил к старой Хауните, стремясь узнать от нее как можно больше слов из языка племени. Армун тоже не терпелось выучить это, и она стала практиковаться с другими женщинами, когда Керрик уходил. Они смеялись, когда она начинала говорить, и Армун улыбалась в ответ, потому что в смехе их не было злобы. Когда им наконец становилось понятно, что она пыталась сказать, они учили

ее правильно произносить слова. Вскоре она уже сама начала учить Керрика, и он перестал зависеть от Хауниты и ее старческих капризов.

Когда Армун всерьез занялась изучением языка, Керрик смог посвятить все свое время исследованию удивительных ремесел саску. Он обнаружил, что твердые чаши в действительности сделаны из мягкой глины, залегающей тонкими пластами в некоторых холмах. Глина эта хорошо мялась, пока была влажной, а затем помещалась в печь для сушки, сделанную из камней и той же глины. День и ночь в ней горели дрова, и жара превращала глину в камень.

Еще интереснее были волокна, из которых делались веревки, которые потом сплетались в одежду. Их получали из небольших зеленых растений, называвшихся харадис. Семья их годились в пищу, а когда их давили и мяли, получалось масло. Однако самым ценным были стебли растений.

Стебли харадиса помещали в мелкий пруд и придавливали тяжелыми камнями, чтобы они оказались под водой. Через некоторое время серые стебли извлекали и сушили на солнце, а затем разбивали на каменных плитах. Специальные деревянные инструменты с зубьями использовались, чтобы разравнивать их и отделять волокна, которые женщины потом скручивали и пряли крепкие нити. Множество таких нитей, соединенных вместе, образовывали веревки, из которых потом вязались сети для рыбалки и ловли животных. Лучшие из нитей, самые тонкие, натягивались на деревянные рамы. Затем женщины переплетали их другими нитями, и в результате получалась ткань, так восхитившая Армун. Вскоре она отказалась от своих мехов и, как другие женщины, переделалась в мягкую одежду из волокон харадиса. Армун была счастлива среди саску, счастливее, чем когда-либо прежде. Ее ребенок должен был вскоре родиться, и она радовалась, что живет в тепле и удобстве, а не встречает зиму в холодной палатке. Ей вовсе не хотелось в своем теперешнем состоянии подниматься на завал и возвращаться к саммад у реки. Но это была не главная причина. Она считала началом своей настоящей жизни тот момент, когда Керрик впервые взглянул на нее и не рассмеялся. Саску тоже не смеялись над ней, не замечая ее раздвоенной губы, а лишь восхищались ее кожей и светлыми, как харадис, волосами. Они говорили, что ее волосы почти так же белы, как и ее одежды. Она чувствовала себя среди них дома, с легкостью говорила на их языке, научилась пряхть и готовить еду из растений, которые они выращивали. Да, ребенок должен родиться здесь.

Керрик был доволен тем, как складывались обстоятельства. Чистота каменных пещер, мягкость тканой одежды устраивали его гораздо больше, чем продуваемые ветром палатки и кишевшие паразитами меха. Жизнь среди саску была немного схожа с деятельной жизнью ийлан, хотя он не проводил таких парал-

ледей сознательно. Он не хотел думать об ийланах и гнал эти мысли прочь, когда бы они ни появились. Горы и пустыни были преградой — ийланы не смогут найти их здесь. Рождение будущего ребенка сейчас было самым важным событием.

Саску же больше интересовало другое рождение, все они только и говорили об этом. Мастодонтиха Духа тоже готовилась рожать. Это был ее четвертый теленок, поэтому и она и саммад воспринимали предстоящее как вполне обычное событие.

Совсем иначе думали саску. Керрик начал понимать причину почтения, которое они испытывали к мастодонтам. Они знали о мире многое, чего не знали тану, особенно о духах животных и камней, о том, что находится за небом, как возник мир и каково его будущее. У них были специальные люди, называемые мандуктос, которые ничего не делали и только думали над этими вопросами. Саноне был первым среди них и управлял ими, как мандуктос управляли остальными саску. Его власть немного напоминала власть эйстан у ийлан, поэтому когда он послал за Керриком, тот сразу пришел к нему в пещеру. Саноне сел на землю под изображением мастодонта и сделал Керрику знак сесть рядом.

— Вы прошли большое расстояние, чтобы прийти в эту долину, — сказал он. — И вы сражались с мургу, которые ходят, как люди. Мы никогда не видели этих мургу, и ты должен рассказать нам о них.

Керрик часто рассказывал им об ийланах и сразу понял, что это только предлог, чтобы вызвать его к себе. Саноне содрогался, думая о зле, которое причиняли ийланы.

— Они убивают не только тану, но и мастодонтов? — в голосе его звучал нескрываемый ужас.

— Да, они делают это.

— Ты уже знаешь немного о нашем почтении к мастодонтам. Взгляни на картину передо мной. Сейчас я расскажу тебе, почему эти существа пользуются таким уважением. Для этого ты должен знать, как образовался мир. Некогда Кадайр сотворил мир, который ты видишь сейчас. Он заставил реки течь, дожди падать, а урожай расти. Он создал все это, но когда он задумал создать мир, была пустыня. Тогда Кадайр превратился в мастодонта, и там, где мастодонт-который-был-Кадайром ставил свою ногу, камни расступались и появлялись долины. Хобот мастодонта разбрызгивал воду, и реки побежали по земле, из его пазова выросли травы, и мир стал плодородным. Когда Кадайр ушел, мастодонт остался, чтобы всегда напоминать нам, что он сделал. Теперь ты понимаешь, почему мы поклоняемся мастодонту?

— Да, понимаю. Я рад слышать это.

— А мы рады, что вы пришли сюда. Ты привел сюда людей, которые охраняют мастодонтов, и за это мы благодарны тебе. Прошлой ночью все мандуктос собрались и долго говорили об

этом, а потом смотрели на звезды. На небе вспыхнул огонь, и это предзнаменование указало нам путь.

Во всем этом было свое скрытое значение. Мы давно знали, что Кадайр привел сюда саммад с какой-то целью, и прошлой ночью эта цель открылась нам. Мы должны стать свидетелями рождения теленка мастодонта.

Саноне наклонился вперед и с большим интересом спросил: — Можно ли привести сюда корову? Очень важно, чтобы теленок родился здесь, в присутствии мандуктос, но я не могу сказать зачем, это тайна, о которой мы не должны говорить. Но клянусь, что, разрешив это, ты получишь богатый дар. Можешь ты сделать это?

— Я могу сейчас сказать «да», но решение зависит не от меня. Решать будет саммадар, которому принадлежит корова Духа. Я поговорю с ним и скажу о важности этого.

— Тогда иди к этому саммадару. Я пошлю с тобой мандуктоса с дарами, чтобы наша искренность не вызывала сомнения.

Армун спала, когда он вернулся, и Керрик двигался тихо, чтобы не разбудить ее. Он надел на ноги мокасины с толстыми подошвами и вышел. Саноне ждал внизу. С ним были двое мандуктос, сгибавшихся под тяжестью плетеных корзин.

— Они пойдут с тобой, — сказал Саноне. — Поговорив с саммадаром, ты скажешь им, если нашу просьбу удовлетворят, и они побегут сюда с известием.

Керрик был рад случаю поразмяться: он уже давно не был в лагере. У каменного барьера он заметил, что вода поднялась высоко: в далеких долинах таяли снега. Миновав залив, он пошел ровным шагом, но потом остановился подождать тяжело нагруженных мандуктос. Солнце пригрело, и весенние дожди вернули траве зеленый цвет. Голубые цветы покрывали склоны холмов. Керрик сорвал длинный стебель травы и стал жевать его, поджидая мандуктос.

Потом они пошли дальше, через небольшую рощу и луг, где он впервые встретился с Саноне. Оттуда уже было видно реку и лагерь рядом с ней.

Он был пуст.

Саммад ушли.

22

Керрик был удивлен и даже немного обеспокоен отсутствием саммад, но на мандуктос это произвело ошеломляющее впечатление. Упав на колени, они жалобно запричитали. Их несчастье было так велико, что они не обратили внимания на Керрика, когда он заговорил, и ему пришлось толкнуть их.

— Мы найдем их. Они не могли уйти далеко.

— Может, они вообще исчезли с этой земли, а мастодонты умерли, — простонал один из мандуктос.

— Ничего подобного. Саммад тану не привязаны к одному месту, как саску. У них нет полей и каменных жилищ, они должны двигаться в поисках пищи, искать места с хорошей охотой. В этом лагере они провели всю зиму и не могли уйти далеко, иначе нашли бы меня и предупредили.

Как всегда, путь, каким шли саммад, был хорошо виден. Сначала глубокие колен вели к северу, затем поворачивали на запад к низким холмам. Они прошли по ним совсем немного, и Керрик увидел тонкие струйки дыма, поднимавшиеся впереди. Следы поворачивали обратно к реке, к месту, где высокий берег был разрушен и рухнул, позволяя спускаться к воде. Мандуктос, недавний страх которых смешался с возбуждением при виде мастодонтов, заторопился вперед. Заметив их приближение, дети громко закричали. Широко шагая, Херилак вышел приветствовать гостей и улыбнулся белой одежде Керрика.

— Может, это лучше меха, но зимой ты замерзнешь. Пойдем с нами, закурим трубку, и ты расскажешь мне, что происходит в долине.

— Хорошо, но сначала пошли за Сорли. Эти саску принесли ему подарок и просьбу.

Сорли позвали, и он довольно улыбнулся, увидев печеные лепешки из молотого зерна, свежие сладкие корни и такое редкое лакомство, как мед. Мандуктос, озабоченно наблюдавшие, как он рассматривал содержимое корзины, облегченно вздохнули.

— Это хорошая еда после зимы. Но почему они принесли эти подарки моей саммад?

— Я объясню тебе, — сказал Керрик. — Но ты не должен даже улыбаться тому, что я скажу, ведь для них это очень серьезный вопрос. Ты знаешь, как они уважают мастодонтов?

— Да. Я не понимаю почему, вероятно, у них есть для этого серьезные основания.

— Это крайне важно. Думаю, не будь мастодонтов, они не стали бы нам помогать. А сейчас у них есть просьба. Они просят твоего разрешения привести корову Духу в долину, чтобы теленок родился там. Они обещают кормить ее и стричь, пока она не родит. Ты согласен?

— Они хотят оставить ее? Я не позволю им этого.

— Да нет, не оставить ее, а дожидаться рождения теленка.

— Тогда я согласен. Независимо, где родится теленок.

Сорли медленно повернулся к мандуктос и поднял руки ладонями вверх.

— Все будет, как вы просите. Я сам приведу туда Духу. Сегодня же.

Керрик перевел его слова на саску, и мандуктос низко поклонился ему.

— Поблагодари этого саммадара, — сказал старший из них. — Скажи ему, что наша благодарность безгранична. А сейчас мы должны передать его слова нашим.

Сорли взглянул на их удаляющиеся спины и покачал головой. — Я не понимаю этого и даже не пытаюсь. Будем есть их пищу и не будем задавать вопросов.

Потом был пир, и все саммад разделили свежую пищу. Керрик, который ел это всю зиму, сейчас не притронулся к ней, но выбрал большой кусок жесткого копченого мяса. После окончания пира охотники закурили трубку, пустили ее по кругу, и Керрик, когда она дошла до него, с удовольствием затянулся.

— Это место лучше, чем было прежде? — спросил он.

— Сейчас — да, — сказал Херилак. — Пастбища для животных здесь лучше, но охота такая же плохая. Чтобы найти дичь, нужно идти далеко в горы, а это опасно, ведь там охотятся темные тану.

— Что поделаешь. Охота может быть плохой, но здесь всю нужную пищу мы получим от саску.

— Это хорошо одну зиму, но не всю жизнь. Тану живут охотой, а не подаванием. Хорошая охота может быть на юге, но на пути туда мы встретили голые и безводные холмы, которые трудно преодолеть, и все же мы попытаемся.

— Я говорил с саску об этих холмах. Там есть долины, где охота хороша, но каргу — так они называют темнокожих — уже там. Значит, этот путь для нас закрыт. А на запад вы заглядывали?

— Однажды мы шли пять дней по пескам, а потом повернули обратно. Пустыня продолжалась и дальше, и в ней ничего не росло, кроме колючих растений.

— Об этом я тоже посоветуюсь с саску. Они говорят, что по ту сторону, если до нее добраться, есть леса. Я думаю, они могут знать дорогу через пустыню.

— Спроси их об этом. Если мы сможем пересечь пустыню и найти место с хорошей охотой и без мургу, мир снова станет таким, каким был до прихода холода и мургу. — Херилак невидящим взглядом уставился на затухающий огонь.

— Не думай о них, — сказал Керрик. — Они не найдут нас здесь.

— Я не могу забыть того, что было. Мне снится, что я иду вместе со своей саммад, вижу их, слышу голоса охотников, женщин, детей и рев огромных мастодонтов, тянущих волокуши. Мы смеемся с одним свежее мясо. Потом я просыпаюсь, и вспоминаю, что все они мертвы, их голые кости заносит на далеком берегу пыль. После этих снов саммад, в которых мы живем, кажутся мне чужими, и я хочу уйти от них подальше. Мне хочется вернуться на восток, пересечь горы, найти мургу и убить, сколько смогу, прежде чем погибну сам. Может, после этого

мой дух обретет покой среди звезд и боль воспоминаний кончится.

Кулаки охотника сжались. Керрик понимал его ненависть к ийланам, но сейчас с Армун и ребенком, который должен был родиться, жизнь среди саску была пределом его мечтаний. Он не забыл ийлан, но они были в прошлом, а ему хотелось жить настоящим.

— Пойдем вместе с саску, — сказал Керрик. — Поговорим с мандуктос. Они наверняка знают, есть ли дорога через пустыню. Если саммад уйдут туда, мы будем иметь за собой двойную защиту — из пустыни и гор. Мургу никогда не преодолеют его, о них можно будет забыть.

— Хорошо бы. Ничего другого я не хочу так сильно, как выбросить их из своей памяти. Да, нам нужно пойти и поговорить с ними.

Херилак не одобрял тех охотников, которые смеялись над саску, сильными мужчинами, работавшими на своих полях и копавшимися в грязи, подобно женщинам, вместо того чтобы выслеживать дичь, как пристало настоящим охотникам. Благодаря пище, поставляемой саску, все саммад прожили зиму хорошо. Когда Керрик рассказал Херилаку, как выращивают и собирают растения, он выслушал его с большим вниманием.

Он увидел, как сушат тагасо с кистеобразными желтыми колосьями на длинных стеблях, а затем развешивают на деревянных рамах. Крысы и мыши жирели на этих запасах, и чтобы избавиться от них, саску использовали бансемнилл, уменьшавших их количество. Эти гадкие длиннополосые существа, многие с детенышами, сидящими на материнских спинах, обхватив тонкими хвостиками материнские хвосты, выслеживали в темноте грызунов, убивали и поедали их.

Они остановились посмотреть на женщин, которые извлекали сухие зерна из колосьев, а затем размалывали их между двумя камнями. Муку смешивали с водой, потом нагревали на огне. Херилак съел несколько лепешек, которые еще обжигали ему пальцы, макая их в мед и острый перец, вызывавший слезы удовольствия на его глазах.

— Это хорошая еда, — сказал он.

— И всегда обильная. Они высаживают растения, собирают и запасают.

— Да, но при этом они зависят от своих зеленых полей так же, как поля зависят от них. Они должны постоянно оставаться на одном месте, а это не каждому по душе. Если я не могу свернуть свою палатку и уйти отсюда, жизнь ничего не будет стоить для меня.

— Они, должно быть, думают о тебе так же. Они скучали бы, возвращаясь по вечерам к одному и тому же костру и не видя по утрам своих полей.

Херилак задумался и согласно кивнул.

— Да. Это возможно. Ты, Керрик, единственный, кто может взглянуть на это с разных точек зрения. Это потому, что все эти годы ты жил среди мургу.

В этот момент кто-то позвал Керрика по имени, и Херилак замолчал. Одна из женщин саску торопилась к ним, пронзительно крича. Керрик с беспокойством посмотрел на нее.

— Ребенок родился, — догадался он и побежал, а Херилак неторопливо отправился за ним.

Последнее время Армун каждый день плакала и все ее прежние страхи вернулись. Ребенок будет девочкой и будет походить на нее, значит, все будут смеяться и презирать его, как когда-то ее. Керрик никак не мог успокоить Армун и чувствовал, что эти черные мысли исчезнут только с рождением ребенка. Женщины здесь были искусны в этих делах, и он искренне надеялся на них, поднимаясь по бревну в комнату.

Один ее взгляд сказал ему, что все хорошо.

— Смотри, — сказала она, разворачивая белую ткань, — мальчик во всем похож на своего отца. Такой же красивый и сильный.

Глядя на сморщенного, лысого и красного младенца, Керрик не заметил никакого сходства с собой, но был достаточно умен, чтобы оставить это мнение при себе.

— Как мы назовем его? — спросила Армун.

— Сейчас можно как угодно. Мы дадим ему имя охотника, когда он вырастет.

— Тогда назовем его Арнвит. Я хочу, чтобы он был силен, как эта птица, так же красив и свободен.

— Хорошее имя, — согласился Керрик. — Арнвит еще и отличный охотник с прекрасным зрением. Только он может парить в воздухе, а потом упасть вниз и схватить свою добычу. Арнвит станет великим охотником, если начнет жить с таким именем.

Когда Керрик окликнул Херилака, тот легко поднялся по бревну в комнату. Войдя внутрь, он увидел, что Армун возится с ребенком, окруженная группой восхищенных женщин, которые принесли ей поесть, кувшин воды и вообще все, что требовалось. Херилак одобрительно кивнул.

— Это будет великий охотник, — сказал он. — Смотри, какие у него крепкие руки.

Херилаку все вокруг очень понравилось. В глиняных горшках хранились пища и вода, на полу лежали плетеные маты и мягкая ткань. Под конец Керрик снял с уступа резной деревянный ящичек и передал его Херилаку.

— Здесь саску хранят один из своих секретов. Сейчас я покажу тебе его. С этим тебе не нужно будет сверлить дерево или носить огонь с собой.

Херилак удивленно смотрел, как Керрик взял из ящичка кусок темного камня, затем достал другой, полированный, с царапи-

нами на его поверхности. Насыпав перед собой щепотку истертого дерева, он быстро ударил одним камнем по другому. Посыпались искры. Теперь оставалось только подуть, чтобы вспыхнуло пламя. Херилак взял камни из рук Керрика и удивленно осматрел их.

— В этом камне заперт огонь, — сказал он, — а второй камень освобождает его. У саску действительно есть странные и могущественные секреты.

Керрик осторожно поставил ящичек на место, а Херилак подошел к краю и стал смотреть на суету внизу. Потом попросил Керрика рассказать о том, что там происходило. Внимательно выслушав рассказ о прядении и ткачестве, он указал на дымящиеся печи, в которых обжигались горшки. Керрик объяснил Херилаку, что такое глина и какие вещи можно из нее делать. Херилак заметил его увлеченность и счастье.

— Ты остаешься здесь? — спросил он.

Керрик пожал плечами.

— Этого я еще не знаю. Для меня привычно жить в подобном месте, ведь я многие годы провел в городе ийлан. Здесь нет голода и зимы теплые.

— Твой сын будет копать в земле, как женщина, вместо того, чтобы преследовать оленей.

— Это совсем не обязательно. Саску охотятся на оленей и со своим копьеметателем делают это очень хорошо.

Херилак больше не говорил об этом, но о его внутреннем состоянии можно было догадаться по выражению лица. Все это было очень интересно и достаточно хорошо для родившихся здесь, но не шло ни в какое сравнение с жизнью охотника. Керрик не стал спорить с ним. Он смотрел на Херилака и на саску, роющихся в земле, и понимал всех — как когда-то понимал ийлан. Не впервые чувствовал он себя выброшенным из жизни — не охотник и не земледelec, не человек и не мараг. Они вернулись обратно. Керрик взглянул на Армун, державшую их сына, и понял, что его дом здесь, в этой маленькой саммад из трех человек. Одна из женщин подошла к нему и зашептала:

— Пришел мандуктос и хочет говорить с тобой.

Мандуктос стоял у края и дрожал от возбуждения.

— Все было, как сказал Саноне. Мастоdont родился — как и твой сын. Саноне хочет поговорить с тобой.

— Иди к нему. Скажи, что я приду с Херилаком. — Он повернулся к охотнику. — Сейчас мы узнаем, чего хочет Саноне, потом поговорим с мандуктос, и, если действительно есть дорога через пустыню на запад, они расскажут нам о ней.

Керрик знал, где искать Саноне в это время дня. Лучи утреннего солнца попадали в пещеру в основании утеса, освещая картины на каменной стене. Подобно Фракену, Саноне знал множество вещей и мог говорить о них с восхода солнца до

ночной темноты. Но Саноне делился своими знаниями с другими мандуктос, как правило более молодыми. Он пел, а они повторяли, что он говорил, и заучивали его слова. Керрику было разрешено слушать, и это было весьма почетно, ведь обычно только другие мандуктос могли находиться в пещере. Когда они подошли ближе, Керрик увидел, что Саноне сидит, скрестив ноги под изображением огромного мастодонта и, глядя на него, что-то говорит, а трое молодых мандуктос внимательно слушают его.

— Подождем, пока он кончит, — сказал Керрик. — Он говорит им о Кадайре.

— А что это такое?

— Не что, а кто. Они не знают, что тану создал Эрманпадар из речного ила. Вместо этого они верят в Кадайра, который в образе мастодонта ходит по земле. Он был так одинок, что начал топтать ногами, отчего раскололись черные камни и появился первый саску.

— Они верят в это?

— Да, и очень сильно. Это имеет для них большое значение. Они знают многих других духов, например камней и воды, но все они были созданы Кадайром. Все до одного.

— Теперь я понимаю, почему они приветствовали нас здесь и дали нам пищу. — Мы привели сюда мастодонтов. Есть у них хоть один свой?

— Нет, они знали о них только из картин и верят, что мы привели их сюда по какой-то важной причине. Сейчас, когда теленок родился, они могут понять это. Ну вот, молодые уходят, и мы можем поговорить с Саноне.

Саноне вышел вперед, приветствуя их и довольно улыбаясь.

— Теленок мастодонта родился, ты уже знаешь это? И мне сказали, что родился твой сын. Это очень важно. — Он заколебался. — Вы уж назвали его?

— Да. Мы назвали его Аривит, что на нашем языке значит ястреб.

Саноне помолчал, потом склонил голову набок и сказал:

— Есть причина, почему они родились в один и тот же день, как есть причины у всего происходящего в этом мире. Ты привел сюда мастодонта, и у этого была причина. Твой сын родился в тот же день, что и теленок, и у этого тоже была причина. Ты назвал его Аривит, и хорошо знаешь причину этого. Это наша просьба. Мы хотим, чтобы имя твоего сына было дано и теленку. Это очень важно для нас. Разрешит ли саммадар сделать это?

Керрик без улыбки встретил эту просьбу, он знал, как серьезно Саноне и все остальные относятся к своей вере.

— Я уверен, что саммадар согласится на это.

— Мы пошлем ему как можно больше подарков, чтобы убедить выполнить нашу просьбу.

— Он согласится. А сейчас я тоже хочу попросить тебя. Это Херилак, военный вождь людей валисписа.

— Скажи, что мы приветствуем его здесь и славим победу, приведшую нам мастодонтов. Мы знали о его приходе. Скоро соберутся мандуктос, и мы выпьем порро, сделанного специально для этого события.

Херилак удивился, когда Керрик перевел ему слова старика.

— Они знали, что я приду? Как это может быть?

— Не знаю, как они делают это, но знаю, что они предсказывают будущее гораздо лучше Фракена. Я еще многого не понимаю в их поступках.

Мандуктос собирались молча, принося с собой большие закрытые горшки. Они были искусно сделаны, и на поверхности каждого был выжжен черный мастодонт. Питьевые чаши были украшены точно так же. Саноне лично наполнил каждую чашу пенистой коричневой жидкостью, передав первую из них Херилаку. Керрик сделал маленький глоток и нашел, что порро горчит, но в то же время удивительно приятен. Он жадно проглотил остаток, как это сделали другие, и чаши тут же наполнили снова.

Очень скоро голова его начала кружиться и стала странно легкой. По возбуждению Херилака Керрик понял, что тот испытывает то же самое.

— Это вода Кадайра, — сказал Саноне. — Кадайр приходит к нам через нее, а изображения его следят и слушают.

Керрик постепенно начинал понимать, что Кадайр могуч, более могуч, чем он предполагал.

— Кадайр привел сюда людей валисписа, что всем нам известно. Одновременно с теленком родился ребенок Керрика. Сейчас вождь людей валисписа пришел к нам в поисках путей на запад через пустыню.

Когда Керрик перевел это Херилаку, глаза того расширились от страха. Эти люди могли читать будущее. Подождав, когда Керрик переведет все Херилаку, Саноне продолжал:

— Люди валисписа покинут нас, ибо их дело сделано: воплощение Кадайра на земле здесь. Теленок Арнвит здесь и останется с нами. Так будет.

Херилак принял это без вопросов. Теперь он верил, что Саноне может видеть будущее и то, что он говорит, должно произойти. Головокружение Керрика прошло, и он надеялся, что Сорли отнесется к потере теленка так же спокойно. Это была хорошая сделка за пищу на всю зиму.

Саноне указал на молодого мандуктос и подозвал его.

— Это Маскавино, который поможет вам найти дорогу через пустыню. Я открою ему секрет водных бассейнов в пустыне, и он запомнит это. Я расскажу ему о знаках, на которые нужно обращать внимание, и он запомнит это. Никто еще не пересекал пустыню, но дорога туда есть.

Саммад уйдут, понял Керрик, но должен ли он идти с ними? Для них решение было легким, для него — нет. Каким будет его будущее?

Его чашу снова наполнили порро, он схватил ее и жадно осушил.

23

Это была долина саску. Широкая и богатая долина, которая тянулась между защитными каменными стенами, высокими и непреодолимыми. Сначала здесь был только камень, который потом по воле Кадайра расступился в разные стороны. Ненни верил в это, ведь доказательства были у него перед глазами. Кто, кроме Кадайра, мог иметь такую силу, чтобы разрезать камень, как мягкий ил? Разорвав камни, Кадайр проложил по дну долины русло реки и наполнил его свежей водой. Все это было ясно. Ненни сидел в тени у края и думал о том, что услышал от Саноне. Мысли, подобные этим, приходили ему в голову каждый раз, когда он охранял долину.

Только Кадайр мог разрезать камни одним махом, но правдой было и то, что даже крепчайшие камни разрушает время. В этом месте стены долины расходились в стороны, образуя откосы с осыпями, по которым можно было подняться. Саску проходили здесь, когда покидали долину для охоты. Потому-то Ненни и сидел здесь сейчас: могли пройти не только саску, но и другие, а в дальних холмах охотились каргу.

Ненни уловил какое-то движение среди камней. Может, животное или птица, а может, и нет. Саску не обращали внимания на каргу до тех пор, пока те держались на расстоянии. Им даже иногда позволяли подходить ближе, чтобы обменять мясо на ткани или горшки, но за ними постоянно следили, ибо каргу предпочитали действовать исподтишка. Подобно животным, они жили под открытым небом и, безусловно, были ближе к животным, чем к саску, хотя и умели говорить. Правда, говорили они плохо, а их меховая одежда мерзко пахла, как и они сами. Движение повторилось, и Ненни вскочил на ноги, держа в руке копье.

Там что-то было, что-то большое,двигающееся между двумя большими валунами. Ненни вставил копье в копьемератель. По склону карабкался каргу. Он, должно быть, устал, потому что часто останавливался отдохнуть. Ненни не двигался и следил за ним, пока не убедился, что он один. Место, которое он охранял, господствовало над дорогой, и каждый, кто хотел попасть в долину, должен был миновать его. Убедившись, что за первым каргу не идут другие, Ненни тихо спрятался за выступом.

До него доносился звук катящихся камней, потом послышался топот бегущих ног. Охотник бежал между высокими каменными столбами, которые стояли на вершине, как часовые. Когда он миновал Ненни, тот прыгнул и тупым концом ударил в спину неожиданного гостя. Каргу хрипло вскрикнул и упал. Ненни наступил на его запястье, затем отбросил копье незнакомца в сторону и ткнул острием своего копья в грязный мех, закрывавший желудок каргу.

— Твоему племени запрещено ходить в долину.

Острие наконечника сделало его слова более понятными. Каргу свирепо взглянул на него темными глазами.

— Я хотел пересечь... выйти к холмам за ней... — сказал он.

— Уходи обратно или останешься здесь навсегда.

— Нужно быстрее идти дальше... к другим саммад...

— Ты пришел сюда тайком. Твоему племени запрещено пересекать долину, и ты знаешь это. Почему же ты пытался проскользнуть?

Неохотно и бессвязно каргу объяснил, почему.

Порро кончился, и Керрик обрадовался этому. Напиток ударял в голову, погружая в непривычное и странное состояние. Он встал, потянулся, а затем вышел из пещеры с картинками, и Херилак присоединился к нему. Они смотрели, как Саноне ведет торжественную процессию мандуктос к новорожденному теленку, лежавшему на подстилке из соломы. Потом все они запели хором, а Саноне натер красной краской хобот существа. Его мать стояла всеми забытая и спокойно жевала зеленые ветки. Керрик заговорил было об этом, но тут он заметил двух идущих по берегу мужчин. Один из них, с темными волосами и одетый в меха, был каргу, и Керрика удивило его присутствие здесь. Он знал, что иногда охотники приходят для торговли, но этот шел с пустыми руками, а шедший за ним саску нес два копья. Покалывая каргу одним из них, он подталкивал его в направлении Саноне.

— Что это? — спросил Херилак. — Что случилось?

— Не знаю. Давай послушаем.

— Он пришел в долину, — сказал Ненни. — Я привел его к тебе, Саноне, чтобы ты услышал его рассказ. — Он снова подтолкнул каргу копьём. — Говори, что ты рассказал мне.

Каргу посмотрел по сторонам, нахмурился и вытер пот с лица грязной рукой.

— Я был в холмах, охотился, — неохотно сказал он. — Всю ночь прождал у водяной ямы, но олени не пришли. Утром я вернулся к своим, но все они были мертвы.

Дурное предчувствие холодом кольнуло Керрика.

— Мертвы? — спросил Саноне. — Твоя саммад? Что с ними случилось?

— Не знаю. У саммадара не было головы. Он провел пальцем

поперек шеи. — Ни копья, ни стрелы, а все мертвы. Там было только это.

Он порывлся под своими мехами, достал мятый кусок кожи и медленно развернул его. Керрик знал, что там лежит и что он сейчас увидит.

Небольшие острые предметы.

Дротики от хесотсана.

— Они пришли сюда!

Херилак громко выкрикнул эти слова. Его кулак ударил каргу по руке так сильно, что тот застонал. Дротик упал на землю, и Херилак принялся топтать его ногами.

Саску удивленно смотрели на него, ничего не понимая, а Саноне повернулся к Керрику, ожидая объяснений. Но Керрик испытывал то же чувство, что Херилак, — ненависть и ужас. Наконец, пересилив себя, он сказал:

— Это те... с юга. Мургу... мургу, которые ходят, как тану. Они снова пришли.

— Те мургу, о которых ты рассказывал мне? От которых вы бежали?

— Те самые. Мургу, которых мы никогда прежде не видели и даже не представляли. Они ходят, говорят, строят города и убивают тану. Они убили мою саммад и саммад Херилака. Охотников, женщин, детей, даже мастодонтов...

При этих последних словах Саноне кивнул с почтительным пониманием. С тех пор как Керрик впервые рассказал ему о мургу, он много думал об этом, но ничего не говорил, потому что не был уверен в своей правоте. Теперь же уверенность пришла к нему, ибо он знал учение и знал, что есть только одно существо, которое осмеливается убивать мастодонтов.

— Карогнис... — сказал он, и в голосе его звучала такая ненависть, что ближайшие к нему содрогнулись, отступив назад. — Карогнис ходит по земле, и теперь пришел к нам.

Керрик почти не слышал, что говорил Саноне, занятый собственными мыслями.

— Что же нам делать? Снова бежать? — спросил он Херилака.

— Если мы побежим, они последуют за нами. Теперь я понял значение моих снов. День, о котором я говорил, пришел. Я встречу с ними и буду сражаться, а потом умру. Но это будет смерть воина, потому что многие мургу умрут вместе со мной.

— Нет, — сказал Керрик, и слово это прозвучало резко, как пощечина. — Это было бы хорошо, будь ты одиноким человеком, который хочет умереть. Но ты сакрипекс. Может, ты хочешь, чтобы охотники и саммад умерли вместе с тобой? Может, ты забыл, что мургу бесчисленны, как песчинки на берегу? В открытом бою мы можем проиграть. Сейчас я хочу, чтобы ты ответил мне, кто ты — сакрипекс, который поведет нас в бой,

или охотник Херилак, который хочет в одиночку выйти против мургу и умереть?

Херилак был на голову выше Керрика, и теперь он смотрел на него сверху вниз, а кулаки его сжимались и разжимались от гнева. Однако Керрик был зол не менее, чем он, и холодно смотрел на него, ожидая ответа.

— Ты груб, Керрик. Никто никогда не позволял себе так говорить с Херилаком.

— Я говорю с сакрипексом как маргалус. С охотником Херилаком я буду говорить по-другому, потому что его боль — это и моя боль. — Его голос смягчился. — Это твой выбор, великий Херилак, и никто не сделает его за тебя.

Херилак молча смотрел вниз, сжав кулаки с такой силой, что побелели костяшки. Потом он медленно кивнул, а когда заговорил, в словах его звучало понимание и уважение.

— Вот так сын учит отца. Ты напомнил мне, что однажды я заставил тебя выбирать. Тогда ты послушал меня, покинул мургу и снова стал охотником тану. Если ты смог сделать это, то я должен выполнить свой долг сакрипекса и забыть о том, что видел во сне. Но ты маргалус и должен рассказать мне, что будут делать мургу.

Столкновение осталось в прошлом. Сейчас нужно было принимать решение. Глубоко задумавшись, Керрик смотрел на охотника каргу, видя вместо него ийлан и фарги, пришедших сюда, и пытаясь представить, что и как они будут делать. Каргу тревожно задвигался под его пристальным взглядом. Наконец Керрик заговорил:

— Ты нашел свою саммад мертвой. Какие следы ты обнаружил там, какие знаки?

— Там было много следов животных, которых я никогда прежде не видел. Они пришли с юга и ушли на юг.

Керрик почувствовал внезапную надежду. Повернувшись к Херилаку, он перевел ему слова каргу. Кажется, он понял характер действий ийлан.

— Если они вернулись, то это должна быть часть большого отряда. Маленькая группа фарги не зашла бы так далеко, это просто невозможно. Их существа летают, и поэтому они знают, где мы находимся, перед тем как напасть. Они узнали, что в этом месте находится лагерь тану, напали и вырезали его. Это значит, что они знают и о саммад, и о саску в этой долине.

Слова Саноне нарушили ход его мыслей и вернули Керрика к действительности.

— Что произошло? Я ничего не понимаю.

— Я говорю о мургу, которые ходят, как тану, — сказал Керрик. — Они пришли с юга и пришли в большом количестве. Единственное, чего они хотят, — это убить нас, и у них есть способы узнать, где мы находимся, перед тем как напасть.

— Значит, они атакуют и нас? — спросил Саноне.

— Они узнают об этой долине и будут убивать здесь всех, потому что это тану.

«Действительно ли они сделают это? — подумал Керрик. — Да, конечно. Сначала они, несомненно, пойдут на лагерь саммад, потом придут сюда. Но когда? Они, конечно, окружат долину, и, может, делают это уже сейчас. Но могут ли они ударить сейчас, в это время? Нет, ийланы делали иначе. Выследить добычу, залечь на ночь, напасть на рассвете. Они всегда действовали по этому плану, и всегда удачно, не будут и сейчас менять его». Он быстро повернулся к Херилаку.

— Мургу атакуют саммад в лагере утром, я уверен в этом. Завтра утром или в один из следующих дней.

— Я пойду предупрежу их, чтобы немедленно уходили.

Он повернулся и побежал, но Керрик окликнул его.

— Куда вы пойдете? Куда вы можете уйти, чтобы они не пошли за вами?

Херилак повернулся, глядя на Керрика.

— Куда? Лучше всего на север, к снегам. Они не смогут пойти туда.

— Они слишком близко и настигнут вас в холмах.

— Тогда куда же?

В тот миг, когда Херилак выкрикнул свой вопрос, Керрика осенило. Он указал на землю.

— Сюда. За каменный барьер, в эту долину без выхода. Пусть мургу приходят за нами, их встретят смертоносные палки, копы и луки. Пусть их дротики бьют в камни вместо нас, а мы будем лежать и ждать их. Они не уйдут, думая, что мы в ловушке, но в ловушке окажутся они, а не мы. У нас здесь есть пища и вода, а крепкие копы помогут нам. Пусть они атакуют и умрут. Думаю, что время нашего бегства прошло. — Он повернулся к Саноне. — Решение зависит от себя, Саноне. Саммад могут уйти на север или в эту долину, где будут ждать нападения. Впрочем, они могут и не напасть...

— Они нападут, — сказал Саноне со спокойной уверенностью.

— Будущее так же ясно сейчас, как и прошлое. Мы жили в этой долине, копили свою силу и ждали возвращения мастодонтов, Вы сделали это, привели их сюда, и теперь мы должны защищать их. В мастодонтах сила Кадайра, а вне их — Карогнис, стремящийся уничтожить эту силу. Вы не знаете о нем, но мы знаем. Если Кадайр — это солнце и свет, то Карогнис — ночь и темнота. Кадайр поселил нас на этой земле, а Карогнис хочет уничтожить, мы знали о существовании Карогниса, знали, что однажды он придет, а теперь мы знаем его облик и знаем, что он пришел. Мургу эти страшнее, чем ты о них думаешь, и в то же время ничтожнее. Они сильны, ведь это Карогнис, пришедший на землю и воюющий против Кадайра и его людей. Вот почему вы пришли к нам, вот почему был рожден детеныш мастодонта Арнвит. Он — воплощение Кадайра, и мы скоро

увидим, как будет остановлен Карогнис. Быстрее зови сюда всех остальных, сражение начинается.

— До чего же безобразны эти существа! — сказала Вайнти. — А этот самый безобразный среди них.

Она тронула ногой отделенную от тела голову, перепачканную в пыли и измазанную засохшей кровью.

— Этот несколько иной, — сказала Сталлан, тыкая в голову своим хесотсаном. — Смотри, какой темный у него мех. Это новый вид устозоу. У всех других были белая кожа и мех, и только у этих они темные. Но эти существа тоже имеют палки с острыми камнями на конце, и носят куски грязных шкур на своих телах.

— Устозоу, — резко сказала Вайнти. — Их нужно убить.

Движением руки она отпустила Сталлан и посмотрела вокруг на организованную суматоху фарги. Пока одни разгружали и кормили уруктопов, другие расстилали чувствительные лозы кольцом вокруг всего лагеря. Теперь никто не мог приблизиться в темноте к лагерю незамеченным. Выведенные световые существа стали сейчас более яркими и более чувствительными, к тому же они указывали на потревоженное место, заливая его потоком света из своих глаз. Впрочем, гораздо интереснее были маликкасен, которых фарги осторожно разматывали вдаль от лоз. Это было новое открытие — животные, жившие фотосинтезом в течение дня и безопасные в это время, но в темноте из потайных мест они выпускали отравленные шипы, несущие смерть любому дотронувшемуся до них существу.

К Вайнти приблизилась Окотсеи, старая и обезображенная возрастом, но обладающая столь мощным интеллектом, что равного ей не было у ийлан. Именно она вывела существо, которое могло видеть и записывать изображение при свете звезд. Разведчики находились в воздухе день и ночь и снимки, которые они приносили, были доступны почти тотчас после их возвращения. Она протянула Вайнти пачку пластинок.

— Что это? — спросила Вайнти.

— То, что ты просила, Эйстан. Они сделаны сегодня утром, вскоре после рассвета.

Вайнти взяла снимки и внимательно просмотрела их. Все они были одинаковы. Длинные тени вытянулись от пасшихся на лугах мастодонтов. Никаких изменений. Слезы, душившие ее три дня назад, когда они нашли пустой лагерь, оказались беспочвенными. Животные не ушли, а просто переместились с одного места на другое. Они не были встревожены, присутствие ее ударной силы не заметили.

— Покажи мне это место на большом снимке, — сказала она. Птицы летали ночью и днем, то близко к земле, то высоко в небе. Эти новые снимки были взяты у высоко летающего рептора, охватывали большие участки реки, речную долину и большой участок прилегающей территории. Окотсеи постучала по нему пальцем.

— Вот место, где мы провели прошлую ночь. Там было логово устозоу, которых мы уничтожили, и откуда принесли эту годову. — Ее палец передвинулся. — Сейчас мы находимся в этом месте, а устозоу обнаружены здесь, у реки.

— Ты уверена, что это именно те, которых мы ищем?

— Я уверена только в том, что это единственная группа по эту сторону снежных гор, которая имеет мастодонтов. Другие устозоу находятся здесь, здесь и здесь. Самая крупная из этих групп — в этой речной долине. Дальше к северу. За пределами этого снимка есть еще больше этих существ, но нигде, за исключением этого места, нет ни одного мастодонта. На восточной стороне гор есть много групп, подобных этой, но на этой стороне — только одна.

— Хорошо, отдай это Сталлан, она планирует утреннюю атаку. Фарги принесла Вайнти вечернее мясо, но та была настолько захвачена своим планом, что съела его, почти ничего не почувствовав. Снова и снова она прокручивала в памяти все приготовления, чтобы убедиться, что ничего не забыто. Все было так, как должно быть. Они атакуют утром, и, прежде чем солнце сядет, Керрик будет мертв или в ее руках. Лучше в ее руках. Гораздо лучше. При этой мысли пальцы ее судорожно сжались.

Она пыталась думать об этом логически, без всяких эмоций, но ненависть душила ее, и ничего не вышло. Сколько снимков она уже просмотрела? Невозможно сосчитать. Одна группа устозоу походила на другую, и все же она была уверена, что того, кого она искала, не было ни на одном из предыдущих снимков, сделанных к востоку от гор. Только увидев снимок с изображением мастодонтов к западу от гор, она почувствовала, что наконец-то нашла его. Завтра она будет знать об этом наверняка.

С приходом темноты она уснула, как делали все ийланы, под охраной осторожно уложенных лоз. Тревог ночью не было, и ничто не нарушило их сон. С первыми лучами солнца фарги засуетились, и подготовка к маршу и сражению началась. Было еще холодно, и Вайнти не снимала с плеч плаща. Сталлан присоединилась к ней, когда она следила за погрузкой. Все шло спокойно, с настоящей ийланской организованностью группы, возглавляемые начальниками, умело выполняли свои задачи. Вода, мясо и другие запасы были уложены на специально выведенные крупные уруктопы. Впрочем, удовольствие, вызванное оперативностью подчиненных, было испорчено, когда Вайнти заметила Пелейн, пытавшуюся привлечь ее внимание.

— Вайнти, я должна поговорить с тобой.

— Вечером, когда дневная работа будет сделана. Сейчас я занята.

— Вечером может быть слишком поздно, и твой план сорвется. Вайнти не шевельнулась и не сказала ни слова, но один глаз ее холодно взглянул на Пелейн, которая была слишком взволнована, чтобы заметить неудовольствие начальника.

— Я хотела, чтобы все было иначе, но Дочери много говорят между собой и очень беспокоятся. Они начинают чувствовать, что совершили ошибку.

— Ошибку? Ты уверяла меня, что отныне вы перестанете быть Дочерьми Смерти и будете Дочерьми Жизни во всем. Настоящими гражданами Альпесака, понявшими свои ошибки и готовыми помогать нам во всем.

— Выслушай меня, могущественная Вайнти. — Пелейн сжала руки в невыразимом страдании, ладони выражали ее переживания. — Говорить о чем-то и принимать решения — это одно дело, а принести его другим — совсем иное. Мы пошли с тобой по своей воле, пошли через море, землю и реки, ибо считали, что твои поступки правильны. Мы согласились, что устозоу — хищные животные, которых нужно убивать, как мы убиваем мясных животных.

— Да, с этим вы были согласны.

— Да, до тех пор, пока не увидели этих животных. Двое из Дочерей были с отрядом, который нашел вчера устозоу.

— Я знаю об этом, потому что сама посылала их.

«Испытание кровью, — подумала она, — как это называет Сталлан. Она всегда делает так с фарги, которые должны стать охотниками. Было немало таких, которым не хотелось убивать, потому что они слишком долго жили в городах, слишком давно вышли из моря и забыли, что значит убивать быстро и эффективно. Убийца должен не думать, а действовать. Эти Дочери Смерти слишком много думают, думают все время и не делают больше ничего. Испытание кровью должно излечить их от этого».

Пелейн было трудно говорить, и Вайнти терпеливо ждала, когда та возьмет себя в руки.

— Они могли не вернуться, — сказала наконец Пелейн.

— Ты смеешь обсуждать мои приказы? — Вайнти выпрямилась, дрожа от гнева.

— Они мертвы, Вайнти. Мертвы обе.

— Этого не может быть. Соппротивление было слабым, и никто не пострадал.

— Они обе вернулись, рассказали о лагере устозоу и сказали, что он походил на маленький город. У устозоу было много странных вещей, и они кричали от боли, умирая. Когда они рассказали нам обо всем, кто-то заметил, что теперь они стали Дочерьми Смерти, а не Жизни, они согласились с этим. Потом

они воспользовались своими хесотсанами и умерли. Умерли так, будто Эйстан лишила их имен и выгнала из города. Теперь мы знаем, что заблуждались и, убивая устозоу, несли смерть, а не жизнь. Мы не можем больше помогать тебе, Вайнти, не можем убивать для тебя.

Пелейн перестала стискивать руки — то, что она хотела сказать, было сказано. Решение было навязано им. Дальше все зависело только от Вайнти.

Вайнти задумалась, и Пелейн замерла, ожидая; они неподвижно смотрели друг на друга, широко раскрыв глаза и расставив ноги. Вокруг было тихо.

«Это бунт, — думала Вайнти, — и его нужно немедленно прекратить». Но в то же время она понимала невозможность этого, понимала, что эти существа наверняка откажутся брать оружие в будущем. Смерть теперь была ее врагом. Эти неуправляемые самки видели смерть двух из своего сообщества и верят, что это случится и с ними. Что ж, ведь они правы. Они не могут сражаться, но зато могут умереть.

— Можешь идти, — сказала она. — Иди к своим Дочерям Смерти и скажи им, что они позор нашего города. Хесотсаны будут у них отобраны. Они будут работать, и никто не будет требовать, чтобы они убивали.

Пелейн знаком выразила свое согласие, повернулась и заторопилась прочь. Если бы она осталась еще ненадолго, то услышала бы, как Вайнти закончила высказывание:

— Им прикажут не убивать, а умирать...

Она подозвала к себе таракаста. Доверенная фарги подбежала к ней и наклонилась, прижавшись к боку животного так, что Вайнти по ее плечам поднялась на спину своего скакуна. Развернув его, она направилась в голову колонны и возглавила марш.

Вооруженные ийланы на таракастах ехали впереди армии и по сторонам колонны, охраняя ее фланги. Сталлан, как всегда, детально изучила снимки и теперь показывала дорогу. Спуск к месту будущей стоянки у реки был легким, и Вайнти приказала остановиться, только когда одна из разведчиц примчалась назад.

— Идут, — сказала она, подразумевая большую группу устозоу.

— Они идут к месту своей прежней стоянки, — сказала Вайнти, выражая движением тела свою надежду.

— Возможно, — сказала разведчица. — Я видела по следам, что они повернули к месту, где стояли раньше. Следы ведут вдоль реки в речную долину. Поняв это, я вернулась доложить вам.

— Могут они повернуть назад или уйти другим путем? — спросила Сталлан.

— Это невозможно. Я следовала за ними, пока по сторонам не поднялись высокие стены. Там была только одна дорога.

— Ловушка! — ликующе воскликнула Сталлан, подтолкнув своего животного ближе к Вайнти и показывая ей снимок. — Смотри сюда, сарн-эното, смотри на ловушку, в которую они вошли. Речная долина широка, но у нее высокие стены, и единственный путь идет вдоль реки, которая усыпана камнями и очень быстра. Здесь для них выхода нет.

Сарн-эното, древнее название из полузабытого прошлого, означало командира в вооруженном конфликте, которому все повиноуются. Вайнти взяла снимок и коснулась его пальцами.

— Здесь, на этой стороне, ты сама показала мне дорогу вниз, в долину.

— Эту дорогу можно блокировать. Отправим отряд закрыть этот выход, а главные силы останутся здесь, для атаки.

— Что ж, пусть будет так. Это мой приказ. Кстати, на других снимках я видела в долине больше устоуоу.

— Значит, больше устоуоу умрет в ней, — тут же ответила Сталлан, так ухватив когтями таракаста, что тот заревел от боли. Она легко справилась с ним, повернулась и ускакала.

Солнце едва миновало зенит, когда Окотсеи передала Вайнти самые свежие снимки, еще влажные. Та внимательно просмотрела их один за другим, передавая стоящей рядом Сталлан.

— Все готово, — сказала Сталлан, взглянув на последний из них. — Отсюда они не убегут. — Ее пальцы сжали снимок, он хрустнул и сломался. — Дорога закрыта и охраняется. Мы ждем твоих приказаний, сарн-эното.

25

— Атаковать вдоль реки, — сказала Вайнти. — Сначала резким броском занять каменный барьер и убить всех устоуоу, которые могут прятаться там, затем ворваться в долину. Пусть впереди идут фарги, а вы не высовывайтесь. Возможно, устоуоу знают о наших передвижениях, в этом случае первые атакующие погибнут. Начинайте.

Толпы фарги двинулись вдоль берега реки. Их было так много, что, пытаясь прорваться через узкую брешь, некоторые из них прыгали в воду. Вайнти проследила за тем, как они уходили, потом села на хвост и, замерев, стала ждать результата. Позади нее остальные фарги спешивались и разгружали запасы. Они как раз закончили, когда из долины вернулась усталая Сталлан и медленно подошла к молчащей Вайнти.

— Они лежат в укрытии, — сказала она. — Мы стреляем, но невозможно определить, есть ли попадания. Первые атакующие мертвы, как ты и предполагала, но прежде чем выйти из боя, мы подобрали все хесотсаны, какие смогли. Я подготовила защитную линию за пределами дальности их оружия и пришла сюда.

Вайнти вовсе не казалась удивленной этим неприятным событием.

— Они знали, что мы здесь, и потому пришли в долину. А сейчас я хочу видеть все сама.

Сталлан провела ее сквозь толпу фарги, приказав им расступиться. Воды реки стремительно неслись в каменистых берегах, и именно здесь Сталлан создала линию обороны. Одни фарги прятались за камнями, другие рыли защитные траншеи в мягком песке. Сталлан подняла свой хесотсан и указала на изгиб реки.

— Сейчас нужно быть осторожными, я пойду первой.

Они осторожно двинулись вперед и вскоре увидели первые тела.

Большинство из них лежали у подножия скалы, и только некоторые успели немного подняться, прежде чем упасть. Река омывала барьер и бурлила в узком проходе. Здесь тоже лежали трупы фарги, наполовину в воде, наполовину на суше. Вайнти взглянула на них, на солнце, стоявшее еще довольно высоко, и заговорила:

— Мы будем атаковать снова. Если не ошибаюсь, хесотсаны могут жить и под водой.

— Да. Их псовые клапаны при этом закрываются.

— Очень хорошо. Вот что мы сделаем. Атака барьера будет продолжаться, я не могу прекращать попыток из-за смерти нескольких фарги.

— Это будет нелегко, и многие погибнут.

— В мире нет ничего легкого, Сталлан. Ты знаешь, что Дочери Смерти отказались сражаться?

— Я забрала у них хесотсаны.

— Хорошо. Но они могут еще послужить нам. Пусть возглавят атаку на барьер.

Когда Сталлан поняла смысл этих слов, на ее лице появилась улыбка.

— Ты первая и мудрейшая из всех, великая Вайнти. Их тела примут множество смертоносных дротиков, а вооруженные фарги пойдут дальше. Ты единственная, кто смог извлечь пользу из этих обременительных существ. Все будет сделано, как ты приказала. Устозоу и Дочери Смерти умрут вместе. Это подходящая компания для них!

— Но это еще не все. Таким образом мы можем подавить их, но наши потери будут слишком велики. Поэтому я хочу, чтобы одновременно с атакой по фронту вооруженные фарги спустились вниз по течению реки и ударили защитникам в тыл, отвлекая их. Потом мы сметем их с барьера и уничтожим остальных.

Мухи уже роились над телами, лежавшими на камнях внизу. Кроме них, ничего не двигалось, и жужжание было хорошо

слышно в тишине. Керрик взял пригоршню дротиков и один за другим стал вставлять их в хесотсан.

— Они отошли назад, — сказал Саноне, осторожно выглядывая из укрытия.

— Настоящее сражение еще не началось, — ответил Керрик. — Они только проверили нашу силу. Скоро они вернутся. — Он посмотрел на Саноне и замер. — Не двигайся! Стой как стоишь. Осторожно протянув руку, он вытащил из головного платка Саноне дротик.

— Если бы он прошел насквозь, ты был бы уже мертв.

Саноне спокойно взглянул на смертоносный кусок шипа.

— Наша ткань гораздо ценнее, чем я думал. Она не остановит копья, но достаточно прочна, чтобы защитить от яда мургу. Если мы полностью завернемся в нее, то можем стать неуязвимыми.

Керрик отбросил дротик в сторону.

— Потому-то мы и прячемся за этими валунами. Но когда дротики полетят, как листья осенью, мы окажемся в опасности. Он повернулся и посмотрел на охотников, лежавших на вершине барьера. Все они были вооружены хесотсанами и умело пользовались ими, сохраняя свои стрелы и копья. Вооруженные копьями саску ждали на другой стороне стены и на земле, готовые, если понадобится, помочь. Сейчас все они могли только ждать.

Херилак, стоявший на вершине каменной стены, первым увидел атакующих.

— Они снова идут! — крикнул он, затем скрылся в убежище.

— Не тратьте дротиков зря, — приказал Керрик. — Подпустите их поближе.

Он знал, что этот приказ правильный. Когда атакующие приблизились в первый раз, некоторые выстрелили из своих хесотсанов задолго до того, как они оказались в пределах досягаемости, и, глядя на них, начали стрелять другие. Это было бесполезно: запасы дротиков были велики, но хесотсаны уставали и реагировали недостаточно быстро, если из них стреляли слишком много. На сей раз защитники подождут, пока фарги поднимутся за камни.

Они приближались, и Керрик вдруг заметил, что идущие впереди безоружны. Что бы это значило? Какая-то уловка? Впрочем, это было к лучшему — тем проще будет их убивать.

— Стреляйте! — закричал он. — Стреляйте! — И сжав свой хесотсан, послал смертоносный дротик в ближайшую фигуру. Тану тоже закричали и начали стрелять, но враги все наступали. Некоторые из них пронзительно вскрикивали, большинство же умирали молча. Защитники барьера создавали такой шум, что Керрик не сразу услышал слова, обращенные к нему. — Река! Смотрите на реку!

Керрик повернулся, взглянул и содрогнулся. Среди бурлящей воды двигались какие-то темные пятна, которых становилось все больше. Некоторые из них направлялись к берегу. Ийланы, плывущие по течению с хесотсанами в руках, выходили на берег.

— Убивайте их в воде, копьями и стрелами!

Херилак бросился со стены вниз, его могучий голос перекрыл другие шумы сражения.

— Керрик, оставайся здесь со смертоносными палками. Сейчас они пойдут в лоб, их нужно остановить...

Заставив себя повернуться, Керрик увидел, что Херилак верно угадал намерение врага. За безоружными атакующими, лежавшими сейчас грудой тел, появились толпы фарги, стрелявших на ходу.

— Не давайте им пройти! — закричал Керрик. — Стойте на месте и продолжайте стрелять. — Он выстрелил раз, другой... Фарги была так близко, что он ясно увидел дротик, вонзившийся ей в горло, увидел широко раскрытые глаза, когда она падала.

Теперь живые поднимались по мертвым, используя их как укрытие. Сражение перестало быть односторонним. Упал один охотник, за ним второй... Хесотсан Керрика закрожал в его руке, и прошло несколько секунд, прежде чем он понял, что тот пуст. Времени на перезарядку не было. Схватив копьё, он ударил фарги, карабкавшуюся к вершине, и та, вереща от боли, полетела вниз.

Атака захлебнулась. Тяжело дыша, Керрик прижался спиной к камню, и, заставляя себя действовать спокойно и осторожно, вставлял дротики в хесотсан. Другие охотники тоже прекратили стрельбу. Керрик быстро взглянул на реку.

Довольно много фарги достигли берега, но все они были уже мертвы. Правда, и защитники понесли потери. На мелководе темные фигуры саску лежали вперемежку с трупами ийлан. Другие трупы, утыканные стрелами,плыли вниз по течению. Саноне окликнул Керрика, и, повернувшись, он увидел, что саску стоит на вершине барьера и прикрывает глаза от заходящего солнца.

— Они ушли обратно, — крикнул он. — Прервали атаку. Мы победили!

«Победили, — подумал Керрик, глядя на мертвых тану. — И это называется победой? Мы уничтожили не так мало фарги, но мир кишит ими. Часть из них погибла, и они будут атаковать до тех пор, пока мы не умрем все. Мы отбросили их, но не выиграли ничего. Если даже на этот раз мы заставим их уйти, они все равно вернуться. Их ненависть так же сильна, как наша, и они найдут нас, где бы мы ни спрятались, поэтому бесполезно прятаться. Они пойдут за нами, куда бы мы ни пошли, поэтому нам бесполезно уходить».

И вдруг он осознал, что охота идет только за ним. Если бы они хотели просто убивать тану, то по другую сторону гор их было предостаточно. Репторы и ночные птицы могли выследить всех до единого. Но нет, эта огромная сила пришла сюда и ударила прямо в эту долину. Почему? Да потому, что здесь был он. Вайнти, оставшаяся в живых, по-прежнему жаждала мести. Что же делать? Куда бежать? И можно ли защититься от них? Гнев охватил его, сотряс его тело, заставил поднять над головой хесотсан и закричать:

— Тебе это не удастся, Вайнти, ты не сможешь убить нас всех! Ты будешь пытаться, но не сможешь. Эта земля наша, на ней мы живем, и ты со своими холодными тварями больше никогда не пересечешь океан, чтобы изгнать нас отсюда. Тебе не одолеть нас, и, поняв это, ты уведешь уцелевших фарги домой. Потом ты придешь сюда...

Керрик вдруг заметил, что Саноне удивленно смотрит на него, не понимая ни слова из того, что он говорит. Его запал прошел, но холодный гнев остался. Криво улыбнувшись мандуктос, он заговорил на саску:

— Ты видел их сегодня в первый раз. Нравятся ли тебе эти мургу, убивающие твоих людей? Мы должны покончить с ними — раз и навсегда!

Керрик замолчал, тяжело дыша, и оглядел горы трупов и многих оставшихся в живых. Смогут ли они остановить ийлан? И если да, то как?

Выбора у них не оставалось, они не могли больше ни отступать, ни прятаться.

Нужно переносить сражения на земли врага. Это был четкий и решительный ответ. Неизбежный ответ.

Саноне изумленно уставился на Керрика, когда тот снова заговорил. Нет, он не говорил, потому что звуки, которые он издавал, Саноне никогда прежде не слышал. Говоря, он двигал всем телом, откидывая голову назад, а руки его дрожали, как будто удерживая что-то.

Керрик заметил удивление Саноне и понял, что говорит на языке ийлан. Холодно проанализировав, что нужно делать, и изучив все факты, он принял решение. Четко и твердо он сообщил об этом Саноне:

— Мы объявим войну мургу и пойдем к их городу, далеко на юге. Мы убьем их всех, сожжем это место, которое они называют Альпесак. Я знаю этот город и знаю, как его уничтожить. Этим мы и займемся.

Он повернулся и крикнул Херилаку, стоявшему у воды:

— Ты получишь то, что видел в своих снах, Херилак. Мы уйдем отсюда на юг, и ты будешь сакрилексом всех тану, которые пойдут с нами. Мургу умрут, я знаю теперь, что нужно делать, чтобы уничтожить их. Что ты скажешь на это, великий охотник? Поведешь ли ты нас?

Херилак, услышав в голосе Керрика властные нотки, понял, что тот не говорил бы так, не зная, что нужно делать. Надежда ожила в его душе, и торжествующий вопль был исчерпывающим ответом на вопрос маргалуса.

— Они опять идут, — сказал Саноне.

Битва возобновилась, и мысли о будущем были забыты перед лицом сегодняшней угрозы.

26

Ийланы вновь штурмовали каменную стену, но дух их был, похоже, сломлен, и атака не достигла цели. Это была последняя атака в тот день, потому что солнце висело низко над горизонтом, прячась в облаках. Немногие уцелевшие фарги отошли назад.

Керрик не думал о будущих боях до тех пор, пока не закончился этот. Стоя на вершине каменного барьера, он смотрел на поле боя. Скоро стемнеет, и сегодня атак больше не будет, потому что ийланам нужно разбить свой ночной лагерь и обеспечить его защиту. Керрик чувствовал, что нельзя позволить им мирно провести ночь и подготовиться к утру. Сегодня они все-таки были близки к успеху, но больше этого допускать нельзя. Добыча должна сейчас стать охотником.

— Нужно что-то делать, а не просто лежать и ждать нападения, — сказал он Херилаку, когда охотник поднялся наверх и присоединился к нему. Херилак согласно кивнул.

— Я пойду по их следам, — сказал Керрик.

— Значит, мы пойдем вместе.

— Хорошо, но нам нужно остаться живыми. Сегодня кое-что произошло — дротик ударил в головной платок Саноне, но не пробил его. Дротики не похожи на стрелы и копья. Они легки и летят не очень далеко.

— Но они тоже убивают. Достаточно простой царапины.

— Это верно, — Керрик указал на валяющиеся трупы и собравшихся стервятников. — Я не хочу, чтобы, отправившись к мургу, мы присоединились к ним. Может быть, нам стоит обернуть свои тела материей, достаточно плотной, чтобы останавливать дротики? Если мы сделаем это, то охрана, которую они, конечно, оставили здесь, начнет стрелять и выдаст себя. Они умрут, а мы будем живы. Я не собираюсь выходить против всех врагов, нам нужно только подойти поближе, чтобы понаблюдать за ними.

Керрик переговорил с Саноне, тот быстро понял его мысль и отправил двух мандуктос за тканью. Он обмотал ее вокруг Керрика, сложив в несколько слоев, чтобы задерживать дротики. Затем, сложив ткань в узкую ленту, обмотал ею голову, закрыв лицо и оставив только узкую щель для глаз. Херилак взял дро-

тик и воткнул его в покрытие, но кожа на теле Керрика осталась невредимой.

— Удивительно! — воскликнул он. — Скажи им, пусть обмотают так и меня. А потом мы пойдем и глянем на мургу вблизи.

Хотя ткань была теплой, это было вполне терпимо при стоявшем низко солнце. Керрик чувствовал, что лоб его покрывается потом, но материя поглощала его, и он не попадал в глаза. Осторожно они начали спускаться по внешней стороне баррикады.

Чтобы достичь свободного пространства, пришлось идти по грудам тел, которые как бы шевелились под их ногами. Керрик старался не смотреть на широко открытые зубастые пасти и продолжал осторожно спускаться, пока не ступил на землю. Повернувшись, он окликнул наблюдателей на стене.

— Все мургу здесь мертвы. Подождите, пока мы не пройдем вперед, а потом спускайтесь и соберите смертоносные палки, которые они оставили. Они забрали те, что смогли, но здесь их еще много.

Ийлань действительно оставили охрану. Когда одетые в белое охотники осторожно подошли к изгибу каменной стены, раздались три резких щелчка. Они бросились вперед, а затем сами выстрелили в фарги, притаившихся среди камней. Две из них упали, а третья вскочила и бросилась бежать, но дротик Херилака, вонзившийся в спину, свалил ее на землю. Расправившись с охраной, Херилак осторожно выдернул дротик из ткани, покрывавшей Керрика, и отбросил его в сторону.

— В этом покрывале жарко, но зато мы живы.

Прежде чем идти дальше, Керрик выдернул два дротика из защитной оболочки Херилака.

— Я знаю ее, — сказал он, указывая на третий труп. — Она охотник из окружения Сталлан. Значит, Сталлан здесь и Вайнти тоже. — Его руки сжали хесотсан, когда он представил, что целится в этих двоих.

— Мы заберем их смертоносные палки, когда пойдем обратно, — сказал Херилак, глядя вперед и держа палки наготове.

Поднявшись по берегу реки, они вышли на равнину и увидели лагерь ийлап, расположенный на открытом месте. Там было великое множество верховых животных, горы запасов и, конечно, фарги — гораздо больше, чем ходили сегодня в атаку. Керрик почувствовал, как его сердце сжалось от страха при виде этой картины, и заставил себя вспомнить, что атака все же была отбита. Когда они пойдут снова, их опять остановят. Если Вайнти хочет потерять всех своих фарги, тану охотно помогут ей.

Множество постов стояло вокруг лагеря, но солнце уже скрылось за горизонтом, и, когда в сгущающихся сумерках появились две одетые в белое фигуры, они отступили за линию защиты, через проход, оставленный для работающих фарги.

— Смотри под ноги,—предупредил Керрик,—и ищи в траве их ловушки. Эти существа могут излучать свет.

— Они все внутри сейчас и закрыли последний проход.

— Хорошо. Тогда посмотрим, насколько близко они подпустят нас. Пока темно, они на нас не бросятся, а я хочу проверить, как они защищены.

Херилак заколебался, не решаясь выходить против этой огромной армии мургу и быстроногих верховых животных, которые бежали гораздо быстрее охотников, но Керрик хорошо знал ийлан и пошел вперед широкими шагами. Было еще достаточно светло, когда они достигли внешнего круга лоз и увидели колючки, медленно выдвигающиеся на них.

— Можно не сомневаться, что они отравлены,—шепнул Керрик.

— Почему они не стреляют?—спросил Херилак, указывая на мургу со смертоносными палками, стоявшими по другую сторону барьера. Они стояли неподвижно, флегматично глядя на двух охотников. За их спинами другие фарги расхаживали, ели, укладывались спать, как будто не замечая своих врагов.

— Им никто не приказывал стрелять,—сказал Керрик.— Фарги никогда не думают сами и потому ничего не делают без приказа. Я думаю, им приказали стрелять, если вспыхнет свет. И они повинуются.— Он указал на небольшой пригорок поблизости.— Сейчас мы проверим, какой прием они нам приготовили. Даже если дротики долетят сюда, пригорок защитит нас от них.

Керрик подобрал большой комок земли и обвязал вокруг него длинный гибкий стебель травы. Потом раскрутил его над головой, крикнул Херилаку:

— Ложись!—И отпустил стебель.

Тот взлетел высоко в воздух и упал среди защитников. В ту же секунду сумерки разорвала вспышка света и послышались щелкающие выстрелы из хесотсанов. Воздух вокруг охотников наполнился бесчисленными дротиками. Они прижимались к земле, пока стрельба продолжалась и раздавались громкие крики.

Однако после того, как свет потускнел и погас, все стихло. Охотники поднялись, осмотрелись, и едва сдержали удивленные возгласы. Было еще достаточно светло, чтобы они разглядели большой дротик, вонзившийся в землю.

— Это что-то новое,—сказал Керрик.— Он больше, чем все те, которые я видел до сих пор, и летит гораздо дальше. В два раза дальше, чем из наших смертоносных палок. Наверное, они вывели более мощную смертоносную палку и научили ее стрелять, когда кто-нибудь касается охранных лоз. Достаточно беспокоить их, как вспыхивает свет и эти штуки начинают стрелять. Думаю, что, даже имея защиту, нам лучше отойти подальше.

Они быстро пошли обратно и, оказавшись за пределами досягаемости дротиков, повернулись и взглянули на темную молчаливую массу вражеского лагеря.

— Херилак, ты лучший лучник. Скажи мне, можешь ты достать отсюда до лагеря?

Херилак снял ткань с головы, вытер разгоряченное лицо и взглянул на пригорок, от которого они ушли, и дальше — на лозы и линию световых животных.

— Думаю, можно послать стрелу так далеко, но попасть в мишень на таком расстоянии очень трудно.

— Цель не имеет значения до тех пор, пока стрелы падают за линией защиты. И мне кажется, что саску с их копьеметателями тоже могут бросать так далеко.

— Твой план хорош, маргалус, — сказал Херилак и засмеялся. — Мургу лежат там, как семена в стручке. В них просто невозможно промахнуться.

— Спокойного сна сегодня ночью у мургу не будет. Нужно пометить это место, чтобы мы нашли его, когда вернемся.

— С копьями и луками!

Херилак оказался прав. Стрела взвилась высоко вверх, далеко перелетела линию защиты и нашла себе мишень в лагере. Оттуда донесся пронзительный крик боли, и охотники громко засмеялись, хлопая себя по бедрам. Они утихли только тогда, когда Саноне вставил свое копьё в копьеметатель, потом отвел его назад и резким движением послал в темноту. В лагере завизжало раненое животное, и все поняли, что и копьё нашло свою цель. Яркий свет вдруг ослепил их, и они отпрянули от тучи дротиков, но все они не долетали до цели. Одностороннее ночное сражение разыгрывалось дальше.

Несмотря на объяснения Керрика, не все охотники верили, что враги будут молча лежать и умирать, не пытаясь атаковать своих мучителей, и потому стояли наготове — броситься в темноту, если это произойдет. Однако атаки не последовало. Единственным ответом были вспыхивающие огни да движение в лагере, когда фарги подались назад, чтобы скрыться от стрел и копий.

Запасы стрел у охотников были ограничены, поэтому Херилак вскоре приказал им прекратить стрельбу. Свет погас, мургу погрузились в сон — и тут стрелы полетели вновь.

Это продолжалось всю ночь: отдохнувшие охотники занимали место уставших. Керрик и Херилак немного поспали, затем, когда уже рассветало, проснулись и приказали охотникам вернуться к каменной баррикаде.

Весь день они стояли наготове, ожидая атаки, и по очереди спали. Но прошло утро, а ничего не происходило. После полудня, когда все было по-прежнему тихо, Херилака окружили добровольцы, желавшие разведать позиции врага. Он отказал всем им. Когда начали сгущаться сумерки, все еще без малейших

признаков атаки, они вместе с Керриком вновь обмотались материей. Они осторожно двигались, держа оружие наготове, но на этот раз не обнаружили охраны. Все еще осторожно они поднялись на речной берег и высунули замотанные головы за его край, следя сквозь щели для глаз.

Равнина была пуста.

Быстро, как только мог, враг исчез, и следы его уходили к горизонту.

— Они ушли! Мы разбили их! — громко закричал Херилак, восторженно размахивая руками.

— Нет, не разбили, — ответил Керрик, у которого вдруг закружилась от усталости голова. Он сел на землю, сорвав с лица душившую его ткань и глядя на уходящие вдаль следы. — Они потерпели поражение и отброшены назад, но они подобны отравленным шипам. Мы срезали их в одном месте, а они вырастут в другом и крепче, чем были.

— Тогда мы вырвем эти шипы с корнем, раз и навсегда. Уничтожим их, чтобы они не могли вырасти и вернуться.

Керрик согласно кивнул.

— Да, это нужно сделать, и я знаю, как этого достичь. Нужно поговорить с саммад и мандуктос саску. Пришло время вышвырнуть ийлан прочь, как они пытались сделать с нами.

— Теперь мы сами придем к ним сражаться.

27

Двое мальчиков, истекая потом от близости к огню, подбросили в костер сухих веток. Те ярко вспыхнули, заливая внутренность пещеры волнами золотого света, и нарисованные на стенах животные, казалось, задвигались. Саноне еще не было, но остальные мандуктос уже сидели под изображением мастодонта, как того требовали правила. Керрик, Херилак и саммадары сидели с той же стороны костра.

На свободном пространстве вокруг костра располагались охотники, а за ними все остальные члены саммад. Саноне пошел на это с большой неохотой, ибо по обычаям саску все решения принимали мандуктос, и ему было трудно понять, что у тану саммадары не имеют такой же власти. Однако в конце концов компромисс был достигнут, и вожди сели по одну сторону, а саммадары — по другую. Саску это необычное положение было в диковинку, и только немногие из них подошли ближе, слушая из темноты и выжидающе глядя из-за плеч сидящих перед ними. Когда из темноты, тяжело ступая, вышел мастодонт, они зашевелились со смешанными чувствами удовольствия и страха. Сначала были слышны только шаги тяжелых ног, потом вспыхнули факелы и осветили темные фигуры. Наконец мастодонты вошли в круг света. Корова Духу вел Саноне, а один из

мальчиков тану сидел у нее на шее. Однако саску смотрели не на нее, а на новорожденного малыша, шедшего рядом с ней. Когда Саноне вытянул руку и коснулся маленького хобота, из темноты донесся одобрителный ропот. Только после этого мандуктос занял свое место у костра.

Армун сидела позади охотников, спящий ребенок удобно висел в кожаной сумке у нее на спине. Когда Керрик поднялся, чтобы говорить, и все разговоры стихли, она закрыла лицо руками, чтобы другие не видели ее гордой улыбки. Освещенный пламенем костра, он казался таким прямым и сильным, его длинные волосы были перевязаны лентой из харадиса, а борода спускалась на грудь. Когда все замолчали, он повернулся так, чтобы все могли слышать его.

— Вчера мы убивали мургу, а сегодня хоронили их, поэтому вы все знаете, как много их погибло во время атаки. Мы убили огромное количество, и только немногие оставшиеся в живых бежали от нас. Теперь они не скоро вернутся обратно.

После его слов из темноты раздались одобрителные крики, а когда он перевел их на саску, загремели барабаны, сделанные из тыкв. Керрик подождал, когда все стихнет, и продолжал:

— Они вернутся не скоро, но все же вернутся. Вернутся более сильными, с лучшим оружием. Они всегда возвращаются, и будут приходить снова и снова, и не успокоятся, пока все мы не умрем. Это правда, и мы должны всегда помнить об этом. Об этом и о тех, что уже погибли.

Мрачную тишину нарушил Херилак, и в голосе его звучала горечь:

— Это действительно так. Керрик знает об этом, потому что его саммад была первой уничтожена мургу. Он один выжил, был захвачен мургу в плен и научился говорить с ними. Он знает их обычаи, и поэтому вы должны слушать, когда он говорит о мургу. Вы должны слушать меня и сидящего здесь Ортнара, ибо мы одни уцелели из нашей саммад. Все охотники, все женщины, все дети и все мастодонты были убиты мургу. Слушатели горько застонали при этих словах, а Саноне взглянул на мастодонта, возвышающегося над ним, и зашептал слова поминальной молитвы, одновременно слушая перевод Керрика.

— Нет места, куда мы могли бы уйти от них, где они не сумели бы нас найти,— сказал Керрик. — Саммад, сидящие здесь, сражались с ними на берегу великого океана, на равнине утиноклювых и, наконец, в этой долине, перевалив через высокие горы перед этим. Сейчас пришло время прервать наше бегство. Теперь мы знаем, что они всегда найдут нас, и поэтому я скажу вам, что нужно делать.

Керрик сделал паузу, чтобы набрать воздуха, обвел взглядом ожидающие лица и продолжал:

— Мы должны перенести войну к ним, прийти в их город и уничтожить его.

Послышались недоверчивые возгласы и одобрительные крики. Саску вопросительно смотрели на него, и Керрик перевел им свои слова. Затем все голоса перекрыл голос Хар-Хаволы, и охотники замолчали, готовые выслушать его.

— Как мы можем это сделать? Как можно сражаться с этими вооруженными мургу? И уничтожить целый город? Я не понимаю этого.

— Тогда послушайте,— сказал Керрик. — Вот что нужно сделать. Херилак знает все пути к городу Альпесак: однажды он водил туда своих охотников, убил несколько мургу и вернулся живым. Он сможет сделать это еще раз. Только теперь он поведет не горстку охотников, а всех, кого мы соберем. Он тайком проведет их сквозь джунгли, и мургу не найдут их, как бы ни искали. Он приведет охотников в Альпесак, а я скажу им способ, как уничтожить этот город и всех живущих в нем. Сейчас я расскажу вам, как это можно сделать. — Он повернулся к мандуктос и перевел им все это, чтобы они тоже знали, о чем идет речь.

Воцарилась полная тишина, никто из слушателей не шевелился. Все глаза следили за ним, когда он шагнул вперед. Где-то в стороне закричал ребенок, но его тут же успокоили. Один шаг — и вот уже Керрик у огня. Схватив сухую ветку, он сунул ее в пламя и постучал по головешкам, так что в воздух взвился сноп искр. Затем он вытащил ее из костра, пылавшую и потрескивавшую, и поднял высоко над головой.

— Вот что мы сделаем — принесем огонь в их город деревьев, туда, где его никогда не было. Мургу не пользуются огнем и не знают о его разрушительном действии. Что ж, мы покажем им его. Мы пустим огонь в Альпесак, разрушим его до основания, сожжем всех мургу и не оставим там ничего, кроме углей!

Последнее его слово утонуло в диком восторженном реве.

Херилак встал рядом с ним, тоже держа зажженную ветвь и что-то крича, но голоса его не было слышно из-за криков охотников. Остальные саммадары сделали то же самое, пока Керрик переводил для мандуктос. Поняв, в чем дело, Саноне подождал, пока стихнет шум, и подошел к огню. Выхватив из него пылающую головню, он поднял ее над головой.

— Кадайр создал для нас эту долину и привел нас сюда, когда вокруг была темнота. Затем он создал звезды, чтобы небо не было пустым, и луну, чтобы она освещала нам путь. Но вокруг было слишком темно, чтобы могли расти растения, и тогда он поместил на небе солнце. Так был создан мир. Мы живем в этой долине, ибо мы дети Кадайра. — Он медленно обвел взглядом аудиторию, глубоко вздохнул и громко произнес одно единственное слово: — Карогнис!

Женщины саску закрыли свои лица, а мужчины громко застонали, как от боли. Тану с интересом смотрели на них, хотя и не поняли слов. Говоря, Саноне расхаживал возле костра, голос его был громок и требователен.

— Карогнис скрывался в существах, называемых мургу, и они были разбиты, а те, что не умерли,— бежали. Но это еще не все. Пока они живы, живет Карогнис, и значит, мы не можем чувствовать себя в безопасности. Для того, может быть, Кадайр и пришел к нам в этом новорожденном мастодонте, чтобы показать путь к победе над Карогнисом. Люди мастодонтов будут нападать на мургу и убивать их. — Он вдруг остановился, схватил другую горящую ветку и закрутил ее над головой. — Мы пойдем с вами, и Карогнис будет уничтожен! Мы будем сражаться рядом с вами, и убийц святых животных поглотит пламя.

Его жесты были вполне ясны, и слушатели разразились одобрительным ревом. Будущее было предreshено. Каждому хотелось высказаться, и было много криков, которые постепенно стихли, когда Херилак потребовал тишины.

— Хватит! Мы знаем, к чему стремимся, но я хочу услышать от Керрика, как это будет сделано. Я знаю, что он много думал об этом. Пусть говорит.

— Когда на горных перевалах растает снег,— начал Керрик,— все мы снова пойдем в горы. Скорее всего на той стороне нас сразу же заметят мургу, они должны видеть движущиеся вместе с женщинами и детьми саммад, а не вооруженную армию тану. Нужно их обмануть. Идя на запад, мы будем встречаться с другими саммад, разделяться и соединяться вновь, путая свои дороги. Для мургу все мы выглядим одинаково. Поэтому они наверняка потеряют наш след. Только после этого мы выйдем на берег океана. Мы будем охотиться и ловить рыбу, как делали это раньше, когда убили мургу, пришедших убить нас. Они заметят это, задумаются и решат, что это очередная ловушка.

Керрик потратил много времени, пытаясь представить себя на месте ийлан и думать, как думают они. Как думала Вайнти, которая— он не сомневался в этом— пока жива, будем возглавлять фарги. Она могла, конечно, заподозрить ловушку и попытаться обратить ее против тану. Было много вариантов ее поведения, но Керрика это не беспокоило. Саммад не будет там, когда она ударит.

— Для нас не важно, что об этом думают мургу,— сказал он. — Саммад уйдут с берега прежде, чем враг успеет его достичь... Они простоят там столько, сколько нужно для заготовки запасов на зиму. Это будет легко, ведь там будет много охотников и мало едоков. Когда мы повернем обратно и пройдем через холмы, мы разделимся и саммад уйдут в горы, к снегам и безопасности.

— А охотники пойдут на юг. Мы возьмем с собой кое-какие запасы, а остальное пропитание придется добыть охотой. Херилак знает дорогу через холмы, потому что уже дважды проходил по ним. Мы пойдем, как могут ходить по лесу только охотники, и, может быть, нас не заметят. Однако у мургу много глаз, и трудно надеяться скрыться от них. Но это не важно — они не смогут остановить нас. У них всего несколько охотников знают лес, а у нас множество. Если они найдут нас, то умрут. Исчезнув в лесах, мы будем ждать, когда придет время, а перед зимними дождями, когда подуют сухие ветры, нападём на них, сожжем город и уничтожим его жителей. Вот как мы достигнем своей цели.

Решение было принято, и даже если кто-то был не согласен, он ничего не сказал вслух, все выступавшие поддержали — им хотелось сразиться с врагом на его земле.

Когда костер погас и разговоры стихли, собрание закончилось и все разошлись по своим палаткам и пещерам. Армун шла рядом с Керриком.

— Должен ли ты делать это? — спросила она, хотя и знала его ответ заранее. — Будь осторожен, Керрик. Я не хочу жить на свете без тебя...

— Как и я без тебя. Но это нужно сделать. Вайнти будет приходить до тех пор, пока один из нас не умрет. Я принесу войну в Альпесак, чтобы остаться в живых. С ее смертью город сгорит, ийлань будут уничтожены, а мы сможем жить спокойно. Но не раньше, и ты должна понимать это. Больше я ничего не могу сделать.

28

Вернувшись в Альпесак, Вайнти поняла, что потеряла расположение Малсас. Причины этого были вполне понятны.

Когда устозоу были найдены на западе, куда они пробрались, перейдя через горы, Вайнти сразу решила, что их нужно уничтожить. Расстояние было большим, но жажда мести еще больше. Урукето перевезли огромное количество фарги, и на берегу выросли груды снаряжения. Малсас одобряла все приготовления Вайнти. Когда зима кончилась, Вайнти двинулась вперед во главе армады, какой мир еще не видел. Они шли вдаль от моря, хорошо вооруженные, с большим количеством запасов продовольствия и прочной защитой. Местоположение всех устозоу было известно, и их стали одна за другой окружать и уничтожаться. Это должно было стать концом всех устозоу.

А потом разбитая армия вернулась домой.

Известие о происшедшем достигло города задолго до того, как первая фарги ступила на берег. Когда Вайнти докладывала

совету, Малсас на берегу не было. Отсутствие Эйстай было весьма многозначительно. Совет холодно выслушал объяснение Вайнти, подсчитал потери, а затем отпустил ее. Точнее, отправил прочь, как обычную фарги.

После такого падения Вайнти перестала приходить на амбесед, где ийлань собирались каждый день, где сидела Эйстай и находился центр города. Она оставалась в стороне, одинокая и, видимо, забытая, и ждала сообщения, которое все не приходило. Она лишилась расположения, и никто не приближался к ней, как бы ни сочувствовал изгнаннице.

Прошло много дней, прежде чем к ней явился посетитель, которого она вовсе не желала видеть. Но встреч с эфензеле никогда не следовало избегать.

— Это могла быть только ты, — мрачно заметила Вайнти, — Дочь Смерти — единственная, кто рискует видаться со мной.

— Я хочу поговорить, эфензеле, — сказала Энги. — Я слышала много рассказов о последнем походе, и все они огорчают меня.

— Мне они тоже не доставляют удовольствия. Когда я уходила отсюда, то была сарн-эното, а сейчас сижу одна и жду вызова, который все не приходит, и даже не знаю, кто я — по-прежнему сарн-эното, которая может командовать, или же упала ниже фарги.

— Я здесь не для того, чтобы умножать твои страдания. Правда, те, что плавают на гребнях высоких волн...

— Могут только погрузиться в пучину. Оставив подобные рассуждения для своих подруг. Я знаю эти глупости, сказанные вашей основоположницей Фарпекши, и полностью не согласна с ними.

— Не будем ссориться. Я пришла потому, что хочу услышать от тебя правду.

Вайнти резко оборвала ее, щелкнув при этом пальцами.

— Меня не волнует, что говорят друг другу глупые фарги, я не собираюсь обсуждать их бессмысленные рассказы.

— Значит, будем говорить только о фактах. — Энги была мрачна и неумолима. — Эти факты известны нам обоим. Пелейн убедила многих из нас поддержать тебя, и эти введенные в заблуждения существа пополнили твою армию. Они ушли с тобой на эту убийственную кампанию и не вернулись.

— Разумеется. — Разговаривая, Вайнти делала телом как можно меньше движений, сообщая лишь минимум информации, и тут же замирала, когда все было сказано. — Они умерли.

— Ты убила их.

— Их убили устозоу.

— Ты послала их против устозоу без оружия, они могли только умереть.

— Я послала их против устозоу, как делала это со всеми другими. Они сами отказались нести оружие.

— Почему они сделали это? Ты должна объяснить мне. — Энги наклонилась вперед, и Вайнти отпрянула от нее.

— Я не хочу говорить с тобой, — сказала она, по-прежнему делая минимум движений. — Оставь меня.

— Только после того, как ты ответишь на мой вопрос. Я долго думала над этим и пришла к неизбежному выводу, что причина их действий жизненно важна для самого нашего существования. Пелейн и я по-разному объясняли учение Угуненапсы. Пелейн и ее последователи решили, что твое дело правое, и пошли за тобой. Теперь они мертвы. Почему?

— Ты не получишь от меня ответа. Ни одного слова в поддержку вашей разрушительной философии. Уходи.

Казалось, стену мрачной неподвижности Вайнти нельзя было разрушить, но Энги оказалась решительна и тверда в своем намерении.

— Они несли оружие, когда уходили отсюда, и были с пустыми руками, когда умерли. Ты утверждаешь, что по своему выбору, но их выбор не зависел от мясника, пославшего их на бойню.

Вайнти с трудом вынесла это рассчитанное оскорбление. Губы ее задрожали, но она по-прежнему молчала. Энги безжалостно продолжала:

— Я снова спрашиваю тебя, почему ты сделала это? Что могло изменить их взгляды на ношение оружия? Что-то явно случилось. Ты знаешь это и скажешь мне.

— Никогда!

— Скажешь!

Энги качнулась вперед и сжала руки Вайнти своими мощными пальцами, ее рот широко раскрылся в гнев. В то же мгновение она заметила слабые движения радости и выпустила Вайнти, оттолкнув ее от себя.

— Тебе нравится, что я использую насилие, не так ли? — сказала Энги, тяжело дыша. — Ты хочешь увидеть меня опустившейся до насилия. Но я не унижу себя, как бы меня ни провоцировали. Я не присоединюсь к тебе в твоей подлой животной испорченности.

Терпение Вайнти кончилось, и весь гнев, сдерживаемый со дня возвращения, вырвался наружу.

— Ты не присоединишься ко мне — да ведь ты уже присоединилась! Ты, как и я, поддалась гневу, значит, как и я, будешь убивать.

— Нет, — сказала Энги, снова спокойная. — Этого я никогда не сделаю, так низко я никогда не опущусь.

— Никогда? Ты будешь делать это... все вы будете. Те, что присоединились к Пелейн, уже делали. Они стреляли из своих хесотсанов и убивали устозоу. В эти минуты они были настоящими ийланами, а не жалобно ноющими, презренными изгнанниками.

— Они убивали — и умерли, — мягко сказала Энги.

— Да, они умерли. Подобно тебе, они не смогли перенести того, что оказались не лучше всех остальных...

Тут Вайнти остановилась, поняв, что в гневе ответила на вопрос Энги, укрепив тем самым ее веру.

Когда Энги узнала правду, весь ее гнев испарился.

— Спасибо тебе, эфензеле, спасибо. Сегодня ты оказала мне и Дочерям Жизни огромную услугу. Ты сказала, что мы на правильном пути и должны идти по нему, не сворачивая. Только на этом пути можем мы достичь правды, о которой говорила Угуненапса. Те, что убивали, умерли сами после этого убийства, а другие, видя это, решили поступить иначе. Так и было, верно?

Вайнти ответила холодным гневом:

— Да, так было, но по другим причинам. Они умерли не потому, что были лучше, а для того, чтобы позволить выжить другим ийланам, потому что были точно такими, как те, первые. Они думали, что могут избежать смерти изгнанных из рода, но они ошибались, и умерли точно так же. Вы не лучше всех прочих, а кое в чем гораздо хуже.

Молча, погрузившись в свои мысли, Энги повернулась и пошла, но у входа остановилась и оглянулась.

— Спасибо тебе, эфензеле,— сказала она,— спасибо за правду. Жаль, что так много погибло, чтобы открыть ее, но, возможно, это был единственный путь. Может, даже ты в своем стремлении к смерти приносишь нам жизнь. Спасибо.

Вайнти зашипела от гнева и желания вцепиться Энги в горло, но быстро взяла себя в руки. Сейчас, в ее неопределенном положении, ей приходилось многое сносить. С этим нужно было что-то делать. Может, пойти на амбесед к Эйстай и поговорить с ней? Нет, это может ничего не дать, а после такого публичного унижения ей уже не подняться. Но что тогда? Есть ли кто-нибудь, кого она может вызвать? Да, есть одна, которая, как и она, верит, что нет ничего важнее уничтожения устою. Она вышла, подождала проходившую мимо фарги и проинструктировала ее.

Большая часть дня прошла, но никто не появился, и постепенно гнев Вайнти сменился полной опустошенностью. Она молча сидела, ни о чем не думая. Настолько темным и мрачным было ее настроение, что она с трудом пришла в себя и поднялась, когда наконец заметила, что рядом кто-то стоит.

— Это ты, Сталлан?

— Ты посылала за мной?

— Да. Ты не пришла навестить меня по своей воле.

— Это могли заметить и передать Малсас, а мне не нужно подобное внимание со стороны Эйстай.

— Я верила, что ты поможешь мне, но ты, видимо, больше ценишь свою шкуру.

Сталлан стояла широко расставив ноги и уходить не собиралась.

— Нет, Вайнти, я не ценю свою шкуру. Мое дело убивать устозоу, и когда ты вела, я шла следом. Сейчас ты в стороне, и я жду.

Плохое настроение Вайнти немного улучшилось.

— Я не ошиблась, приняв это за намек, Сталлан? За легчайший намек, что моя энергия нашла бы лучшее применение, устрой я резню ближайших устозоу? Что мне не стоило затевать большую кампанию, чтобы убить одного жалкого устозоу?

— Это твои слова, Вайнти, а не мои. Но знай, что я разделяю твоё желание разорвать горло этому устозоу.

— Но преследовать его, куда бы он ни побежал, слишком мало?

Вайнти ходила по комнате взад и вперед, извиваясь от гнева, ее когти рвали плетеное покрытие пола.

— Я говорю это тебе, Сталлан. Возможно, наша последняя атака была ошибкой, но, начиная ее, никто из нас не знал, чем она закончится, а у всех были честолобивые стремления. Даже у той, что сейчас не хочет говорить со мной. — Она повернулась и ткнула пальцем в Сталлан. — Скажи мне, верная Сталлан, почему ты, все время избегавшая меня, пришла сегодня?

— Потери забыты. Кроме того, большинство убитых просто фарги. Сейчас здесь говорят только о тех ийланах, которых устозоу убили в лесу, и о мертвых самцах на берегу. На многих снимках, которые приносят птицы, изображены устозоу. Ийланы смотрят на них, и гнев их растет. Они удивляются, почему прекратилось их уничтожение.

Вайнти от удовольствия запела.

— Верная Сталлан, я ошибалась в тебе. Пока я оставалась в мрачном одиночестве, ты сделала то, что приведет к концу моей ссылки. Ты напомнила им об устозоу, показала, что они делали и делают вновь. Скоро за мной придут, Сталлан, потому что вспомнят: уничтожение устозоу — одна из вещей, которые я делаю хорошо. Мы совершили ошибки — и кое-чему научились. Теперь это будет спокойная, умелая резня устозоу. Как срывают с дерева плоды, чтобы накормить животных, так мы будем срывать этих животных, и будем делать это до тех пор, пока дерево не опустеет и Гендаши не станет только ийланским.

— Я с тобой, Вайнти. Увидев первого устозоу, я сразу поняла, что кто-то из нас должен умереть. Или они — или мы...

— Это правда. Придет день, когда череп последнего устозоу повесят на шипы Стены Истории.

Сталлан ответила тихо, но с большой искренностью:

— Его повесят туда твои руки, Вайнти. Только твои.

У Вайнти вошло в привычку каждый вечер перед заходом солнца приходить к макету Гендаши. Его создатели, закончив работу, уходили, и все это широкое, слабо освещенное пространство переходило в ее распоряжение. Здесь она могла изучать изменения, происшедшие за день, если птицы приносили интересные снимки. Сейчас было лето, животные передвигались с места на место, и стаи устозоу делали то же самое. Она видела, как они сходились вместе, затем расходились, и так до тех пор, пока их невозможно было отличить одну от другой. У нее не было власти, и она не могла распоряжаться полетами птиц, поэтому без всяких вопросов принимала любую информацию, запечатленную на снимках.

Однажды, когда она была здесь, пришла Сталлан и принесла только что поступившие снимки, которые хотела сравнить с другими. Вайнти нетерпеливо схватила их и просмотрела в слабом свете уходящего дня. Хотя между ними не было никакого договора, только Сталлан знала, что Вайнти бывает здесь в это время дня, и в последние дни приходила сама, принося все новые данные о движении устозоу. Таким образом, Вайнти больше, чем кто-либо в городе, знала о тех, кого она поклялась уничтожить.

Когда появились новые снимки долины устозоу на юге, она изучила их особенно внимательно, и ее не удивило, когда однажды кожаные укрытия и большие животные исчезли. Керрик не хотел ждать ее возвращения и ушел. Но он появится снова, она была в этом уверена.

Все это долгое лето она изучала макет и ждала. Она следила за передвижениями различных стай устозоу и видела, как одна из особо крупных движется на восток. Когда наконец эта стая вышла из-под защиты гор и достигла океана, она еще молчала и продолжала ждать. Ждала она и тогда, когда они остановились так, что их легко можно было атаковать с моря. Ее терпение было безгранично. Сталлан передавала ей разговоры ийлан, встревоженных приближением этой стаи и тем, что против нее ничего не предпринимается. Малсас тоже слышала эти разговоры, видела снимки и должна была что-то делать. Теперь давление оказывалось на нее, а не на Вайнти, и этот факт позволял Вайнти надеяться на скорый вызов к Эйстай. Когда наконец пришла фарги, Вайнти постаралась скрыть свое торжество.

— Сообщение Вайнти от Эйстай.

— Говори.

— Требуется твое присутствие на амбесед.

— Возвращайся. Я иду.

Вайнти много думала об этом моменте, рассчитывая, какой интервал стоит ей выдержать, прежде чем она появится в ам-

бесед. Не очень большой: не стоило злить Малсас без причины. Сначала она хотела обратиться к ней формально, но потом отказалась от этого. Вайнти капнула несколько капель душистого масла на ладони и натерла свой гребень, так что тот слабо зашипел, а остатками смазала руки. Теперь можно было идти. Она пошла не торопясь, но выбрала кратчайшую дорогу к амбесед. Там, в середине города, она когда-то сидела как Эйстайн. Теперь она возвращалась туда, но в каком качестве? Кающимся просителем? Нет, только не это, она скорее умрет, чем попросит о милости. Она готова подчиниться приказу о служении Альпесаку, но не больше. Это решение было в каждом движении ее тела, когда она шла по улицам.

Альбесед теперь стала больше, приняв всех прибывших из Инегбана. Появление Вайнти было замечено, и все расступились, позволяя ей пройти, но никто не взглянул на нее и не поприветствовал. Она была здесь и вроде бы ее не было до тех пор, пока она не поговорит с Малсас.

Группа вокруг Эйстайн освободила для Вайнти проход, когда она приблизилась, но никто не поднял на нее глаза. Не обращая внимания на эти полуоскорбления, она уверенно прошла вперед и, остановившись перед Малсас, молча ждала, когда та взглянет на нее.

— Я здесь, Эйстайн.

— Да, ты здесь, Вайнти. — Это была просто констатация факта, а не приветствие или отталкивание. Когда Вайнти замерла и выжидательно замолчала, Малсас продолжила:

— Самые смелые из северных устоэу вышли к берегу океана, где их можно выследить и уничтожить.

— Я знаю об этом, Эйстайн.

— А знаешь ли ты, что я приказала Сталлан пойти туда и убить их?

— Это мне неизвестно. Но я знаю, что Сталлан первая и лучшая в уничтожении устоэу.

— Мне приятно слышать это от тебя. Но Сталлан не согласна с тобой. Она считает, что знает слишком мало, чтобы стать сарн-эното в погоне за устоэу. Ты согласна с этим?

Вопрос был задан прямо, и отвечать на него надо было без ошибок. Когда Вайнти заговорила, в ее движениях была искренность и твердость намерений.

— Сталлан — великий охотник и истребитель устоэу, и все мы учились у нее. Что же касается ее способностей как сарн-эното, это решать не мне. Только Эйстайн может назначить сарн-эното, и Эйстайн снимает его.

Ну вот, главное было сказано. Не возмущение, не попытка нажима или лести, а простая констатация фактов. Как всегда, право решения принадлежит Эйстайн. Другие могут советовать, но решает только она.

Малсас обвела взглядом молча стоявших вокруг ийлан. Сталлан стояла крепко, как дерево, как всегда готовая выполнить полученный приказ. Никто из видевших ее не сказал бы, что она может не согласиться с Эйстай. Если та скажет, что у нее мало знаний, чтобы стать сарн-эното, это будет принято без возражений.

Малсас оглядела обеих и приняла решение.

— Устозоу должны быть уничтожены. Я — Эйстай, и назначаю Вайнти сарн-эното, которая займется этим. Как ты хочешь достичь этого, сарн-эното?

Вайнти отогнала от себя все мысли о победе и постаралась скрыть свое ликование. Вместо этого она знаком выразила готовность повиноваться и заговорила:

— Все устозоу избегают сейчас берега, где были уничтожены их сородичи. Но одна стая пришла и расположилась рядом с нами. Я сразу поняла, что это новая ловушка, и значит, нужно сделать две вещи: избежать западни, и устроить западню устозоу.

— Как ты достигнешь этого?

— Мы выйдем из города двумя группами. Сталлан поведет первую, которая двинется на север на лодках, чтобы напасть на устозоу так же, как это делалось в прошлом. Ее группа проведет ночь на берегу перед утренней атакой. Я поведу вторую группу на быстротечных урукето так, чтобы с берега нас не было видно. Мы высадимся севернее устозоу и внезапно ударим по ним, прежде чем они обнаружат наше присутствие.

Малсас сделала знак понимания и в то же время удивления.

— Это избавит нас от стаи устозоу, но как защищаться от тех, которые спрячутся и ночью перебьют группу Сталлан, когда та будет спать на берегу?

— Эйстай обнаружила мудрость в подходе к этому вопросу. Когда устозоу заметят высаживающихся на берег фарги, они увидят только выгружаемые мясо и воду. После наступления темноты эти запасы перенесут обратно, а вокруг поставят наше новое ночное оружие. Когда это будет сделано, ийланы перейдут на ночные лодки, и, если начнется атака, лодки уйдут, а на берегу останется только смерть.

Малсас задумалась, потом выразила свое согласие.

— Делай так, это хорошо разработанный план. Я вижу, ты много думала над этим, Вайнти.

В этом был слабый намек на то, что Вайнти еще не может быть уверена в своем положении, хотя ее план и принят. Но это было очень слабое замечание, к тому же заслуженное, и Вайнти не обратила на него внимания. Она снова сарн-эното — и это самое главное. Стараясь быть сдержанной, она заговорила так спокойно, как только могла.

— Есть еще кое-что, о чем я хотела сказать тебе. Когда мы разрабатывали ночное оружие, выяснилось, что только немно-

гие ийланы могут работать в ночной темноте, даже со светом. Это те специалисты, которые освободят оружие, а затем сядут в лодки. Остальные фарги останутся на берегу, и, если начнется атака, весьма вероятно, что все они будут убиты.

— Это плохо,— сказала Малсас.— Уже и так убито слишком много фарги.

— Я знаю это, Эйстан, да и все знают. Поэтому я хочу, чтобы фарги не подвергались больше опасности, и предлагаю заманить их Дочерями Смерти. Пусть эти паразиты, пожирающие запасы нашего города, принесут ему какую-то пользу.

Малсас высоко оценила это предложение, и на ее ладонях выступили пятна удовольствия.

— Ты — настоящая сарн-эното, Вайнти. Сделай так, сделай немедленно.

— Подготовка и погрузка запасов займет весь день. Обе группы выступают на рассвете.

Времени было мало, но Вайнти планировала этот штурм не один день. Торопливые приготовления были проведены со свойственным ийланам размахом, и только Энги восприняла это не так, как все. Она настаивала на разговоре с Вайнти и была очень удивлена, когда просьбу ее тут же удовлетворили.

— Что значат отданные тобой приказы, Вайнти? Что ты хочешь сделать с Дочерями Жизни?

— Я — сарн-эното, и поэтому обращайтесь ко мне как положено.

Энги отпрянула, но тут же поняла, что личная гордость сейчас не главное.

— От нижайшей к высочайшей,— поспешила она.— Пожалуйста, скажи мне о сущности твоих приказов.

— Ты и твои подруги отправляетесь на север на лодках. От вас не требуется носить оружие или убивать, нам нужна только ваша работа на благо города.

— Тут кроется больше, чем ты говоришь. Ты не раскрываешь мне всех своих планов.

— Нет, не раскрываю. И не буду. Вы едите запасы Альпесака и живете под защитой тех, кто готов умереть за него. Когда ваша помощь понадобится, вы сделаете так, как вам прикажут.

— Тут кроется что-то плохое, и мне это не нравится. А если мы откажемся?

— Вы все равно отправитесь туда. Если потребуется, вас свяжут, но вы пойдете. А сейчас оставь меня. Уходи, мне нужно многое сделать.

Холодность Вайнти и равнодушие к их решению убедили Энги, что Дочерей действительно свяжут и погрузят на лодки, если они не сделают, как им прикажут. С первыми лучами зари Дочери Жизни уже работали на загрузке лодок, а затем без сопротивления сели в них.

Вайнти проверяла, все ли ночные защитники на месте, когда ее заставило отвлечься появление Сталлан, принесшей пачку снимков.

— Это увеличенные снимки, которые ты просила, сарн-эното.

— Ты уже просмотрела их? Он с этой стаей?

Движения Сталлан выражали сомнение.

— Здесь есть одно существо, которое может быть им, но они все с мехом на голове, и все кажутся мне одинаковыми. Вайнти взяла снимки и начала быстро просматривать их, бросая один за другим на землю, пока не нашла то, что искала. Она с торжеством подняла снимок.

— Это несомненно Керрик! Как ты и говорила, у него вырос мех, но в этом лице ошибиться невозможно. Он там, на берегу, и он не уйдет. Ты знаешь, что нужно делать?

— Да. Это хороший план. — Сказав это, Сталлан позволила себе одну из редких демонстраций хорошего настроения. — Очень удачно разработанный план. Впервые я приветствую атаку устозоу.

Закончив погрузку, Сталлан повела лодки на север. Хотя они сделали все, как наметили — весь день плыли на север, достигли берега, выгрузили и подготовили ловушку, все это не потребовалось. В последнем свете дня среди бурунов показался урукето, сопровождаемый энтисенатами, и какой-то ийлан с вершины плавника принялся передавать сигналы. Сталлан приказала одной из ночных лодок доставить себя туда. Когда они подплыли ближе, ийлан сказал:

— Я говорю от имени Вайнти. Она приказывает тебе утром возвращаться в Альпесак, забрав все с собой. Атака не состоится.

Этого Сталлан никак не ожидала. Приняв вопросительную позу, она с тревогой смотрела на посланца.

— Дело в том, — сказала ийлан, — что устозоу ушли в глубь суши так быстро, как только могли. Здесь нет никого, кого мы могли бы уничтожить.

30

Только после полудня рептор улетел на юг. Огромная птица убила утром кролика, а затем, держа добычу в когтях, поднялась на вершину высокого мертвого дерева. Усевшись там, она разорвала зверька и съела его. Темная шишка на ее ноге была ясно видна тем, кто следил за ней из палаток внизу. Рептор посидел, почистил изогнутым клювом перья и наконец взлетел. Набрав все расширяющимися кругами высоту, он повернулся и улетел на юг.

Один из мальчиков, которому приказали следить за птицей,

тут же побежал известить Керрика, который, прикрыв глаза, взглянул на небо и увидел белое пятно, исчезающее вдаль.

— Херилак, она улетела, — сказал он.

Большой охотник с руками по локоть в крови повернулся от туши оленя, которую разделывал.

— Там могут быть другие.

— Да, могут, в этом никогда нельзя быть уверенным до конца. Но эта стая морских птиц улетела, и мальчишки говорили, что других крупных птиц не видно.

— Что же нам делать, маргалус?

— Уходить сейчас же и не ждать темноты. Мы уже запаслись пищей и ничего не выиграем, оставшись здесь на ночь.

— Согласен. Мы уходим.

Внутри палаток все их содержимое было уже увязано и подготовлено к отходу. Когда сняли палатки, мастодонтов запрягли в волокуши и быстро загрузили их. Всем не терпелось покинуть опасный берег и вернуться в спокойные горы. Уходя, охотники оглядывались назад, но берег был пуст, как и небо. Костры еще дымились на берегу, и полуразделанная туша оленя висела на ремне, но саммад ушли.

Они шли до темноты, потом остановились поесть холодного мяса и двинулись дальше. Марш продолжался всю ночь с короткими остановками для отдыха животных. На рассвете они были среди поросших лесом холмов, далеко от пути, которым шли на восток, к берегу. Мастодонтов освободили от груза и пустили пастишь, пока усталые охотники спали под деревьями.

Когда Армун открыла глаза, лучи света, пробивающиеся между деревьями, подсказали ей, что полдень уже прошел. Голодный младенец кричал. Она села, прижавшись спиной к стволу дерева, и дала ему грудь. Керрик недолго спал рядом с ними: она увидела, что он разговаривает на поляне с саммадарами. Лицо его было серьезно, когда он устало шел обратно, но, взглянув на Армун, улыбнулся. Она улыбнулась в ответ и взяла его за руку.

— Мы скоро уйдем, — сказал Керрик и отвернулся, увидев, как изменилось ее лицо. Рука Армун сильно сжала его руку.

— Это обязательно?! — спросила она, хотя заранее знала ответ.

— Я должен так поступить. Это мой план, и я не могу позволить, чтобы другие штурмовали город, а я стоял в стороне.

— Ты покидаешь меня... — хрипло сказала она, и в словах ее звучала вся боль одинокой жизни. — Ты — все, что у меня есть.

— Ты ошибаешься, сейчас у тебя есть еще и Аривит, и ты будешь беречь его, пока я не вернусь. Мы делаем это только ради безопасности саммад, которая невозможна, пока мургу будут охотиться на нас. Только после их смерти мы можем жить в ми-

ре, как прежде. Отправляйся вместе с саммад на дуга у изгиба реки, прежде чем придет зима, мы присоединимся к вам.

— Скажи, что ты вернешься ко мне...

Она опустила голову, и густые волосы закрыли ее лицо, как тогда, когда он впервые увидел ее. Ребенок сосал и почмокивал, глядя на него круглыми голубыми глазами. Керрик протянул руку, мягко взял Армун за подбородок и поднял ее голову. Отбросив в сторону волосы, он ласково провел по ее лицу пальцами, задержавшись на раздвоенных губах.

— Как и ты, я жил одиноко,—сказал он так тихо, что слышала только она,—все это в прошлом. Когда я вернусь, мы больше не будем разлучаться. Это я тебе обещаю.

Ласка Керрика обезоружила Армун, она знала, что он действительно испытывает то, о чем говорит, и может смотреть на ее лицо без смеха. Слезы хлынули из ее глаз, и она смогла только согласно кивнуть, когда он поднялся, чтобы уйти. Взглянув на ребенка, она отняла его от груди и уложила спать, стараясь не поднимать глаз, потому что знала—охотники уходят.

Херилак вел их через холмы, все время держась в тени деревьев. Он шел быстро и ровно, и остальные следовали за ним.

Они шли без остановок, пока не стемнело настолько, что невозможно стало различать дорогу. К тому же все уже шаталось от усталости. Херилак объявил остановку и положил свой ранец на землю. Остальные, радуясь передышке, сделали то же самое. Керрик подошел и сел рядом с Херилаком. Они ели молча. Тем временем сумерки сгустились и на небе появились звезды. На дереве закричала сова.

— Неужели они уже высладили нас? Может, эта сова говорит другим птицам, что мы здесь?—с интересом спросил Херилак.

— Нет. Это просто сова. Птицы, которые выслеживают нас, говорят только с мургу, а не друг с другом. Рептор, который видел нас вчера, еще не вернулся в Альпесак, поэтому мургу еще верят, что мы стоим лагерем на берегу. Когда они обнаружат, что мы ушли, и пошлют других птиц искать нас, мы должны быть далеко. Они будут искать саммад и их путь, но не додумаются заглянуть сюда. Опасность будет поджидать нас, только когда мы подойдем к городу.

— Значит, это произойдет не так скоро.

— Да, когда будет слишком поздно для них.

«Смелые слова,—подумал Керрик и криво улыбнулся в темноте.—Сможет ли маленькая группа охотников уничтожить могучий город? Это казалось невозможным. Сколько их тут? Не больше трех дюжин. Правда, они вооружены хесотсанами, но то же самое есть и у ийлан. Хесотсаны, копья и стрелы против

могущественной расы, населяющей мир с начала времен. Не безумие ли это?»

Пальцы Керрика сами собой нащупали деревянный ящичек, который он принес из долины. Внутри лежали камни, в которых был заключен огонь. С огнем задуманное можно осуществить. И они сделают это. Избавившись от черных мыслей, Керрик лег и уснул.

— Вернулись первые птицы, которых мы отправляли, — сказала Вайнти. — Снимки изучены, и мы думаем, что стая устозоу ушла к тем горам, которые находятся на севере.

— Ты уверена? — спросила Малсас.

— С этим устозоу никогда нельзя быть твердо уверенным, потому что все они похожи друг на друга. Но мы знаем, что на берегу их больше нет и ни одна из этих стай не идет на юг. Сталлан молча стояла позади Вайнти и слушала разговор.

Действительно, на берегу не было найдено ни одной стаи, но это еще ничего не значило. Во всем происходящем было что-то зловещее. Охотничий инстинкт предупреждал ее об опасности, но она не знала, чем вызвано чувство тревоги. Малсас, хоть и не была охотницей, неосознанно разделила ее беспокойство.

— Я не понимаю. Зачем эти животные совершили такой долгий марш на берег и почти сразу же ушли обратно?

Вайнти неуверенно шевельнулась.

— Они запасали пищу на зиму и ловили рыбу.

— У них было мало времени для охоты, — сказала Сталлан.

— Вот именно, — согласилась Малсас. — Что же тогда двигало ими? Ты, Вайнти, долго держала у себя одного из них и должна знать это.

— Они хитры и могут быть очень опасны. Мы не должны забывать, как они убили самцов на берегу.

— Твой устозоу сбежал, не так ли? — спросила Малсас. — Он с этой стаей на берегу?

Вайнти ответила спокойно, как только могла:

— Я верю в это. Он один из опаснейших, потому что кое-чему научился у ийлан.

Видимо, Малсас следила за ней и знала о ее интересе к увеличенным снимкам. Этого и следовало ожидать: она сама поступила бы так же.

— Это существо должно быть уничтожено, а его шкура должна быть повешена на Стене Истории.

— Мы хотим того же, Эйстан.

— Что же ты планируешь делать?

— Я думаю, что гораздо важнее убить всех устозоу: тогда цель будет достигнута сама собой. Когда умрут все, будет мертв и он.

— Это мудрый план. Как ты его собираешься выполнить?

— С разрешения Эйстан я начну трумал, который полностью покончит с устозоу.

Малсас одним движением выразила одобрение и сомнение. Как и все ийланы, в годы своей юности она принимала участие в трумал в океане, когда различные эфенбуру объединялись вместе и сообща нападали на какой-нибудь один объект.

— Я понимаю твои сомнения, Эйстан, но это необходимо. Нужно будет доставить из городов Энтобана новых фарги, урукето и оружие, а когда кончится весна, мы двинемся на север и убьем их всех. Прежде чем кончится лето, мы достигнем гор и повернем к теплому морю. Запасов, которые мы возьмем с собой, хватит на всю зиму. Когда же придет следующая весна, мы ударим к западу от гор, и к зиме этот вид устозоу перестанет существовать. Не останется ни одной пары, которая могла бы размножиться где-нибудь в укромном месте. Вот что должно быть сделано.

Малсас выслушала ее, но все еще сомневалась в целесообразности такого великолепного плана. Реально ли все это? Можно ли истребить всех?

— Они все должны быть убиты, — сказала она наконец, отвечая на собственный вопрос. — Но можно ли достичь этого уже следующим летом? Не лучше ли посылать небольшие отряды для уничтожения обнаруженных стай?

— Они будут прятаться и уходить на север в холодные зимы, куда мы не можем за ними последовать. Думаю, нужно делать так, как я сказала. Вооруженные фарги пройдут по всей стране, и угроза с севера исчезнет.

— Что скажешь ты, Сталлан? — обратилась Малсас к молчаливой охотнице. — Ты наш лучший истребитель устозоу. Принимаешь ли ты план Вайнти?

Сталлан взглянула на огромный макет и сосредоточилась, чтобы ответить четко и ясно.

— Если здесь будет трумал — устозоу умрут.

Все молча ждали, пока Малсас взвешивала сказанное. Когда она наконец заговорила, это был приказ:

— Начинай трумал, сарн-эното, и уничтожь устозоу.

31

— О, снова работающая, прости вмешательство малозначащей, — сказала Крунат, неуверенно приближаясь к Вайнти.

Вайнти стояла перед макетом Гендаши, глубоко задумавшись. Все ее мысли занимала будущая кампания. Мельком взглянув на подошедшую, она автоматически ответила на приветствие. Они встречались и прежде, когда Крунат работала над проектом расширения города. Она была в числе помощников планирования. Сейчас она стояла перед Вайнти покорная, как ли-

жайшая фарги. Вайнти с трудом оторвалась от плана кампании и заставила себя говорить приветливо, хотя и была раздражена вторжением.

— Для меня честь говорить с Крунат. Чем я могу помочь тебе? Крунат перебирала в руках снимки, каждым движением тела выражая смирение.

— Прежде всего спасибо за наведенный порядок, Вайнти, и за развитие технологии снимков. Это было очень важно для планирования и расширения города. Моя благодарность безгранична.

Вайнти сделала легкое движение, принимая благодарность и не желая показывать растущее нетерпение. Тем временем Крунат продолжала:

— К северу от Альпесака растут сосновые леса, но почва там бедная и песчаная. Я изучаю возможность расширения каналов, несущих туда воду, и создания озер для некоторых крупных мясных животных. Поэтому у меня есть много снимков, сделанных на этой территории, но все они, за исключением одного, не представляют для тебя интереса. Возможно, он тоже немного стоит, но мы интересовались местными жизненными формами и возможностями их использования, поэтому я сделала увеличение...

Раздражение Вайнти было так велико, что она старалась не говорить, но отчасти ее чувства прорвались наружу, когда она грубо вырвала снимки из пальцев Крунат. Та раболопно отступила назад.

Одного взгляда хватило, чтобы полностью изменилось поведение Вайнти.

— Хорошо, Крунат, — тепло сказала она, — ты правильно поступила, принесла их мне. Ты можешь показать на макете место, где были сделаны эти снимки?

Когда Крунат повернулась к макету, Вайнти еще раз изучила снимки. Несомненно, на нем был устозоу, несущий в лапах палку с каменным наконечником. Эта идиотка наткнулась на что-то важное.

— Вот здесь, Вайнти, недалеко от этого места.

Так близко? Это были всего лишь устозоу, животные, но их присутствие так близко настораживало. Даже тревожило. Где есть один, могут быть и другие. Когда-то эти существа убили ийлан возле города. Вайнти подозвала фарги.

— Позови сюда Сталлан. А теперь, мудрая Крунат, я благодарю тебя от имени Альпесака.

Сталлан не меньше Вайнти заинтересовалась снимком.

— Он один?

— Да. Я просмотрела все, прежде чем Крунат забрала их.

— Снимок по крайней мере двухнедельной давности, — сказала Сталлан и указала на макет. — Если устозоу еще движется на

юг, он должен быть сейчас в этом месте. Что прикажешь, сарнэното?

— Удвоить охрану вокруг города и проверить все системы тревоги. А сейчас скажи, на что похожа эта территория?

Сталлан показала на макете участок, поросший кустами.

— В этом месте очень колючие кусты и они непроходимы, если не двигаться по звериным тропам. Я хорошо знаю эти тропы. Прикажи отправить в полет лучших сов, и пусть они найдут устозоу. Когда они определяют их положение, я возьму лучших охотников и устрою ловушку.

— Хорошо, — гребень Вайнти распрямился и дрожал. — Думаю, что Керрик с ними. Только он мог отважиться так близко подойти к Альпесаку и привести с собой других устозоу. Убей его для меня, Сталлан, и принеси сюда его шкуру. Мы приколем ее колючками на Стену Истории.

— Твои желания — это мои желания, Вайнти. Я хочу его смерти, так же как и ты.

— Это последнее копченое мясо, — сказал Керрик, веточкой очищая с него личинок. — У некоторых охотников есть еще экотаз, правда немного.

— Мы уходим, — сказал Херилак, поднимаясь на ноги и забрасывая лук через плечо.

Керрик сделал знак ближайшему охотнику, и тот передал приказ дальше. Марш возобновился, как обычно, с Херилаком во главе. Они шли за ним по покрытой кустами равнине, а затем вдоль края болота, где летали тучи насекомых. Впереди между низкими холмами лежала долина. Херилак замедлил шаг, раздувая ноздри, потом скомандовал остановку. Когда приказ был выполнен, он подошел к Керрику и сел рядом с ним в тени ивы у кромки воды.

— Ты видел птиц впереди? Они кружатся над деревьями и улетают, так и не сев на них.

— Нет, Херилак, я ничего не заметил.

— В лесу ты должен замечать все, если хочешь остаться в живых. А что ты чувствуешь?

— Болото. — Керрик улыбнулся, но лицо Херилака оставалось мрачным.

— А я чую мургу. Не оборачивайся и не смотри.

Керрик почувствовал, как его сердце неистово заколотилось, и с трудом сдержался, чтобы не повернуть голову.

— Ты уверен?

— Никаких сомнений.

— Что будем делать?

— Убьем их прежде, чем они убьют нас. Оставайся здесь, пока я не пришлю гонца, потом медленно иди к долине. И держи наготове смертоносную палку.

— Я пойду туда один?

— Нет. С тобой пойдут саску. Все охотники пойдут со мной: они знают, как подкрадываться к добыче.

Херилак тихо скользнул обратно вдоль тропы, быстро перекинулся несколькими словами с сидящими охотниками, и они исчезли среди деревьев. Вскоре появился Саноне, ведя своих вооруженных копиями саску.

— Что случилось? — спросил он. — Херилак сделал нам знак идти вперед и назвал твоё имя.

— Мы идем дальше по тропе, — ответил Керрик и, понизив голос, объяснил Саноне, что произошло. Мандуктос это не обрадовало.

— Значит, мы будем приманкой в западне? И когда нас убьют, их смерть будет мстью за нас?

— Думаю, мы вполне можем доверять Херилаку. Он не впервые подкрадывается к добыче.

Они молча ждали, поглядывая на темную стену джунглей, скрывавшую неведомую опасность. Вот там что-то шевельнулось. Керрик вскинул хесотсан, но тут же узнал одного из охотников Херилака. Охотник махнул им рукой и снова исчез среди деревьев.

Керрик двинулся к долине, стараясь подавить в себе страх, охвативший их всех. Темная долина выглядела угрожающе, там могла скрываться целая армия ийлан. Оружие поднято, вот они целятся, готовятся стрелять... Он медленно делал шаг за шагом, так сильно сжимая хесотсан, что тот извивался в его руках.

А потом впереди раздался пронзительный крик боли, чуть спустя еще один, и тут же послышались резкие щелчки хесотсанов. Керрик заколебался: идти ли им вперед? Что происходит в долине? Он знаком приказал саску залечь в укрытии и держать оружие наготове. Вскоре они слышали треск ломающихся кустов и приближающиеся шаги. Керрик поднял оружие, и тут из-за кустов выскочила темная фигура. Ийлан.

Керрик прицелился и выстрелил, но кусты отклонили дротик, и он пролетел мимо. Ийлан повернулся и посмотрел на него. Время остановилось. Взглянув на лицо, Керрик узнал его, а по глазам понял, что и она узнала его.

Мгновение неподвижности кончилось, когда копьё одного из саску ударило в дерево рядом с марагом. Он бросился в сторону и исчез среди деревьев, прежде чем Керрик успел прицелиться и выстрелить.

— Сталлан! — закричал он. — Это Сталлан!

Он бросился было за ней, слыша, как саску бегут следом, но скоро остановился, увидев впереди сплошную стену густых кустов. Керрик вернулся обратно на тропу и увидел бегущего Херилака. Тот был мокрым от пота, но улыбался и победно потрясал копьем.

— Глупые мургу! Мы подобралась к ним сзади. Они лежали в укрытии и ничего не замечали, пока мы не бросились на них. Мы убили их всех.

— Кроме одной. Главной охотницы Сталлан.

— Это неважно. Они знают, что мы здесь, но мало что могут сделать, а мы предупреждены и в другой раз не подойдем к ним так близко.

— Что же теперь делать?

— Собрать их смертоносные палки и идти вперед. Битва за город началась.

32

Вайнти обсуждала с Малсас детали будущего трумала, когда послышались резкие звуки тревоги. Ийланы, повернувшись, чтобы посмотреть, что случилось, были грубо отброшены в сторону Сталлан, которая стремительно приближалась к Эйстайн. Оказавшись перед Малсас, она резко упала на колени, что было удивительно само по себе: до сих пор ее видели только прямой и гордой. Ее кожа была поцарапана и измазана грязью, из некоторых царапин еще сочилась кровь. Все молча ждали, что она скажет.

— Несчастье, Эйстайн. Все погибли. Я единственная вернулась.

— Я не понимаю. Как погибли?

Сталлан подняла голову, и от гнева спина ее распрямилась. — Я сидела в засаде. Мы должны были убить устозоу, когда они подойдут поближе. Но они — животные, и мне следовало бы помнить об этом. Они подкрались сзади, и мы даже не почувствовали этого. Все охотники и фарги убиты, а я бежала. Останься я там — погибла бы тоже, и вы не знали бы, что случилось. Я рассказала об этом, а теперь готова умереть. Достаточно одного твоего слова, Эйстайн...

— Нет! — гневно и требовательно крикнула Вайнти, отменяя эту возможность. Сталлан тревожно уставилась на нее, просьба о смерти была на мгновение забыта. Даже Малсас была просто удивлена этим вмешательством. Вайнти быстро заговорила, не дожидаясь, пока удивление перейдет в гнев.

— Я не хотела оскорбить тебя, Эйстайн, и сказала это, только чтобы сохранить жизнь Сталлан. Не приказывай ей умереть. Она верна городу, и город должен быть верен ей... Я приказала ей взять охотниц и устроить устозоу западню. Если в этом кто-то и повинен, то только я. Нам нужен храбрый боец, а смерть охотниц не ее вина. Мы воюем с устозоу... Я знаю, что говорю бессвязно, и жду твоего решения.

Вайнти стояла, опустив голову. Она пошла на огромный риск, говоря так, и за свою дерзость могла поплатиться жизнью. Но Сталлан была слишком ценна, чтобы терять ее сейчас. Она ока-

залась единственным ийланом, приветствовавшим одинокого изгнанника, каким еще недавно была Вайнти.

Малсас смотрела на две фигуры, склонившиеся перед ней, и думала о том, что они сказали. В наступившей тишине был слышен только шорох ног ийлан, которые пытались протиснуться поближе. Пора было принимать решение.

— Ты вела себя грубо, Вайнти, и в любое другое время я наказала бы тебя смертью. Но я предвижу слишком много других смертей и хочу сохранить твою жизнь для защиты Альпесака. Сталлан тоже будет жить. А сейчас объясни мне смысл случившегося.

— Прежде всего, спасибо, Эйстай. Подобно Сталлан, я живу для блага Альпесака. А смысл событий, прошлых и настоящих, теперь ясен: захват Альпесака, и их нужно остановить. Зачем эти существа явились? Вооруженные и опасные силы устоузу идут на берег моря, тоже понятно. Это было сделано, чтобы отвлечь нас. Вернувшись в горы, они разделились, и одна группа дикарей двинулась на юг. Узнав об их присутствии, я послала охотниц атаковать их, однако они потерпели поражение. Это должно быть нашим последним поражением, или наш город погибнет.

Малсас удивилась.

— Какой вред могут причинить Альпесаку эти животные?

— Не знаю, но боюсь. Мой страх вызван решительностью их продвижения и мощью их атак. Нужно проверить нашу защиту.

— Да, это нужно сделать. — Малсас повернулась к Сталлан.

— Теперь я понимаю, почему Вайнти рискнула жизнью ради тебя. Ведь это ты проектировала защиту нашего города, верно?

— Да, Эйстай.

— Тогда усиль ее. От имени Эйстай требуй все, что необходимо. Безопасность города в твоих руках.

— И я не позволю ей ослабнуть, Эйстай. С твоего позволения, я пойду проверять охрану...

После ее ухода Малсас огляделась по сторонам.

— Так трудно понять все происходящее на этой новой земле. Здесь все не так, как в Энтобане. Порядок нарушается здесь устоузу, убивающими ийлан. Когда это кончится, Вайнти? Ты знаешь это?

— Я знаю только, что мы будем сражаться с этими существами. И должны победить. — Говоря это, Вайнти изо всех сил старалась не выдать своих сомнений, и все же они были отчетливо видны в каждом ее движении.

Херилак поднял руку, когда из леса впереди донесся пронзительный крик. Охотники остановились, а затем в страхе огляделись, когда эхо повторило крик. Почва под их ногами слегка колебалась.

— Ты знаешь, что это? — спросил Херилак.

— Думаю, что да, — ответил Керрик. — Теперь нужно двигаться медленно, потому что впереди могут быть поля для разведения животных.

Деревья росли близко друг к другу, и тропа, по которой они шли, была очень узкой. Крик из-за деревьев повторился, еще более пронзительный, и Керрик поднял руку.

— Стойте! Видите эти лозы впереди, которые пересекают тропу? Следите, чтобы они не вцепились в вас. Мы сейчас на самой дальней окраине города, и нужно быть особо внимательными.

Охотники двинулись вперед со всевозможными предосторожностями. У опушки леса они остановились и со страхом взглянули на представшее перед ними зрелище.

Два огромных существа, каждое больше самого большого мастодонта, кружили друг перед другом в высокой траве, а третье наблюдало за ними со стороны. Морщинистые шкуры зверей были желтовато-коричневыми, огромные головы украшены рогами, а спины покрыты кроваво-красными костяными пластинами. Одно из животных сделало выпад и щелкнуло клювом. Противник отпрянул в сторону и, взмахнув хвостом, ударил им о землю.

— Руутса, — сказал Керрик. — У них брачный период, и они сражаются за самку, которая пасется в стороне. Я вспомнил это поле и теперь знаю, где мы!

Он утоптал ногами землю и острием своего ножа провел линию.

— Смотри, Херилак, как выглядит этот город. У них есть его макет, который я долго изучал, и потому хорошо помню его устройство даже сейчас. Море находится здесь, берег рождений здесь, за ними идет стена. А вот тут амбесед, большая пустая площадь, где все они собираются.

Херилак внимательно следил, как Керрик рисовал город и поля вокруг него.

— Поля окружают город по кругу, со всех сторон.

Херилак смотрел на рисунок, задумчиво пощипывая бороду.

— Ты уверен, что мы именно здесь? Прошло много времени с тех пор, как ты покинул город, они могли изменить поля и увести животных в другое место.

— Это невозможно. То, что у них есть, никогда не меняется, а то, что они сделали на одном месте, никогда не будет перенесено на другое.

— Я верю тебе, потому что ты единственный, кто хорошо знает мургу.

Их прервал крик боли, и, повернувшись, они увидели, что один из саску зашатался и тяжело рухнул на землю. Они бросились на помощь, и Херилак потянулся сорвать колючую лиану с его руки, но Керрик остановил его.

— Не трогай его или тоже умрешь. Ему ничем не поможешь: яд уже попал в его тело.

Тело саску изгибалось от боли дугой, на губах выступила пена, смешанная с кровью из прокушенного языка. Он был парализован, потерял сознание и вскоре умер.

— Если не хотите подобной смерти, — сказал Керрик, — не позволяйте ничему прикасаться к вам, пока мы не пройдем поля. Смотрите, куда идете, и не отодвигайте в сторону никаких растений. Некоторые просто схватят вас, а другие, как вы только что видели, — убьют.

— И весь город похож на это? — спросил Херилак.

— Нет, только внешняя граница. Это держит на расстоянии животных... и тану. Когда мы пройдем этот барьер, единственной опасностью останется вооруженная охрана. Они прячутся за стенами, и заметить их будет очень трудно.

— Но ночью они должны спать, — сказал Херилак.

— Они — да, но здесь могут быть ночные защитники, которые поднимут тревогу. Мы найдем их позиции и пройдем мимо незамеченными.

— Какой у тебя план?

Керрик вернулся к рисунку на земле и указал на внешний круг.

— Мы должны пройти через эти поля. Большинство из их обитателей травоядны, подобно руутсе, и не нападают, если их не трогать.

Он поднял голову и понюхал воздух.

— Ветер с запада, поэтому нужно обогнуть это место так, чтобы он дул нам в спину. Сразу за полями начинаются деревья города. Они растут густо и, если мы подождем их, ничего не остановит огня.

— А можно ли там найти сухое дерево? — спросил Херилак.

— Сомневаюсь.

— Тогда нужно поискать его сейчас и взять с собой.

— Повременим, пока не дойдем до полей к западу от города. Потом соберем дрова, и все будет готово. А барьер нужно пересекать до захода солнца, когда все ийлань, кроме охранных постов, вернутся в город и нас никто не заметит. Мы минуем охрану и дойдем до первых деревьев города уже в темноте. И тогда зажжем огонь.

Когда охотники двинулись дальше, громадные животные, все трое, спокойно паслись, забыв о недавнем сражении.

Было уже далеко за полдень, когда они обошли внешние поля. Им приходилось идти через рощи деревьев и густые, спутанные заросли кустов. Когда они оказались у лениво текущего ручья, Керрик скомандовал остановку, а затем передал, чтобы все собрались вместе. В центре потока вода была чистой, и они зашли в нее, чтобы напиться. Когда все утолили жажду, Керрик объяснил, что нужно делать. Все слушали с мрачным вниманием. Впереди их ждала победа или смерть.

Пока Керрик говорил, погода начала меняться.

Взглянув на небо, которое затягивали тучи, Херилак нахмурился...

— Если пойдет дождь — город не загорится.

— Сухой сезон еще не кончился, — ответил Керрик уверенно, хотя внутренне растерялся от слов Херилака. Он не подумал о том, что они будут делать, если пойдет дождь.

С опаской поглядывая на небо, все разошлись на поиски сухих дров.

— Мы не должны ждать до вечера, — сказал Херилак. — Нужно зажечь огонь до дождя.

— Здесь могут быть мургу, и нас заметят.

— Придется рискнуть. Пока другие ищут дрова, помоги мне проложить дорогу через колючий барьер.

Они отломили от дерева толстые сучья и придавили ими к земле отравленные лозы. Херилак примял ветки ногами и первым пересек барьер, знаками подозвав к себе остальных охотников. Дождавшись, пока соберутся все, охотники осторожно двинулись вперед во главе с Керриком.

После долгого перерыва он вернулся в Альпесак. Впереди уже гроыхало, и, когда первые капли дождя упали на его плечи, Керрик перешел на бег.

33

Ребенок, висевший на спине Армун, проснулся и закричал. Ей пришлось бросить острую палку, которой она рыла землю в поисках съедобных корней. Небо на мгновение осветила молния, и от ударившего сейчас же грома у Армун заложило уши. Эрмаппадар рассердился на что-то, и нужно было возвращаться в палатку. Ребенок заплакал громче, она схватила корзину с корнями и поднялась на ноги.

Уловив над собой какое-то движение, женщина подняла голову и увидела птицу, бесшумно парящую в воздухе. Армун разглядела черную шишку на ее лапе и в страхе бросилась бежать. Гром, молния и птица, сообщающая мургу, где находится тану, — это было слишком много для нее. Задышавшись от страха, она нырнула в спасительную темноту палатки.

Вайнти смотрела на макет Альпесака, когда фарги принесла ей известие, что в гавань входит урукето. Резким движением руки она отпустила фарги, но ход мыслей был нарушен. И хотя она вернулась к изучению макета, это не помогло. Заплата была прочной, к тому же Сталдан еще больше усилила ее, и Вайнти не могла найти ни одного слабого места, где устою могли бы причинить какой-нибудь вред. Разве что убьют несколько мясных животных. Стоя здесь, она только напрасно раздражала себя.

Нужно пойти встретить урукето и посмотреть, что за груз он привез. Скоро должны прибыть фарги из Энтобана и хесотсаны увеличенной мощности. Ее армия будет сильна и покончит с устозоу.

Крунат шла по пыльной тропинке вслед за группой фарги, а ее помощница плелась сзади, неся связку деревянных колышков. Каждая из фарги несла молодое фруктовое дерево из теплицы, готовое к посадке. На этот раз Крунат шла с рабочим отрядом сама, чтобы иметь полную уверенность, что деревья будут размещены там, где надо. Некоторые ийлань в этом городе были такими же глупыми, как фарги, забывали инструкции и небрежно выполняли самую простую работу. Она обнаружила многочисленные поля и плантации, вообще не нанесенные на макет, собиралась провести корректировку. Но не сейчас. Сегодня нужно расставить свои метки и убедиться, что деревья посажены где следует. Крунат задержала взгляд на темнеющем небе. Кажется, будет дождь. Что ж, это пойдет на пользу молодым деревьям.

Изгиб тропы привел ее к краю зеленого поля. Навстречу по заросшему травой пространству двигалась цепочка фарги. Это была первая мысль Крунат, но она тут же поняла: что-то неладно. Они были слишком худощавы и высоки. И их головы покрывал мех.

Леденящая догадка заставила ее остановиться. Устозоу в городе?! Это было невозможно! Помощница прошла мимо, и в следующую секунду с поля донеслись резкие щелчки хесотсанов.

Фарги падали одна за другой. Помощница с грохотом бросила связку колышков, и тут же дротик вонзился ей в бок. Крунат в панике повернулась и бросилась бежать обратно, под защиту деревьев. Она хорошо знала город и знала, что поблизости есть пост охраны. Нужно их предупредить.

— Одна из них убежала туда! — крикнул Херилак, бросаясь в погоню.

— Нет времени! — остановил его Керрик. — Нам незачем идти дальше. Нужно разводить огонь, пока не пошел дождь.

Он побегал, тяжело дыша от усталости, и охотники бросились за ним следом. Эти деревья вполне подойдут. Сзади шелкнул хесотсан, но Керрик уже не оглядывался. Он опустился на землю под высоким дубом, отбросил свое оружие и вытащил из сумки свой деревянный ящик.

— Они знают, что мы здесь, — задыхаясь, сказал Херилак. — Мы убили нескольких, и мургу отошли за деревья.

— Давай мне ветки, — приказал Керрик, заставляя себя двигаться спокойно. Опустившись на колени, он достал из ящичка огненные камни. Резкий порыв ветра едва не выбил ящичек из его рук, а по листьям вверху застучали капли дождя. Обломок ветки упал рядом с ним, затем свалился второй.

«Спокойно, только спокойно! Все нужно сделать правильно с первого раза, потому что второй попытки может и не быть.» Трясущимися руками он поставил ящичек на землю и сложил в него все сухое дерево. Теперь — камень о камень и как можно резче. Посыпались искры.

Тонкая струйка голубого дыма поднялась из ящичка.

Керрик склонился над ним и осторожно подул, потом положил горсть сухих листьев и подул снова. Вспыхнуло красное пламя. Постепенно он добавил в него остальные листья, потом подбросил кусочек коры и веточки из своей сумки, и только когда все это ярко вспыхнуло, Керрик рискнул осмотреться.

На поле лежали трупы ийлан и тану, но не очень много. Херилак отбросил нападающих и расставил охотников для охраны. Пригнувшись, они прятались за деревьями, готовые встретить новую атаку мургу. Херилак подбежал к Керрику, лицо его было залито потом, но он улыбнулся при виде огня.

Деревянный ящичек горел уже сам, когда Керрик сунул его в грудку дров, а затем кинул сверху еще грудку сучьев. От костра начало исходить тепло, а капли дождя шипели, падая на огонь. Керрик старался не думать о приближающейся грозе, стремясь поднять пламя костра раньше, чем она начнется. Только когда сучья ярко вспыхнули и жар, бьющий от них, заставил его закрыть лицо руками, он крикнул изо всех сил:

— Все к огню! Поджигайте город!

Радостно возбужденные, они бросились к нему. Охотники схватили пылающие головни и потащили их в стороны, рассыпая по дороге искры. Керрик тоже схватил ветвь и бросился в чащу, тыча факелом в сухие листья. Они задымались, потом вспыхнуло яркое пламя. Он продолжал поджигать кусты, пока жар от них не погнал его обратно, а дымящаяся ветка не обожгла ему руки. Он швырнул ее через пламя к деревьям, росшим вдали.

У края роши, где метались кричащие охотники, вспыхивали все новые и новые деревья. Пламя уже охватило ветки могучего дуба и тянулось к следующим деревьям. В костре лежала еще одна горящая ветка, и, схватив ее, Керрик побежал в сторону.

Промчавшись мимо Саноне, который поджигал деревья в дальнем конце поляны, он ткнул факелом в подлесок. Ветер швырнул искры на кусты, и почти сразу же их охватило пламя.

Огонь и дым поднимались высоко вверх, разгоняя темноту. Деревья трещали и вспыхивали, гром гремел, но гроза еще не разразилась.

Икеменд, приоткрыв дверь в Канале, выглянула наружу. Акотолп, ожидающая ее, сделала гневный и повелительный жест. — Сначала ты посылаешь за мной, а потом преграждаешь мне путь, — сказала она, оскорбленно двигая челюстями. — Сейчас же пропусти.

— Нижайше прошу меня простить,— сказала Икеменд, вводя Акотолп и закрывая за ней дверь.— Самцы снова ссорятся, наверное из-за погоды. Один из них ранен...

— Приведи его сюда.

Твердость ее голоса и резкие движения заставили Икеменд беспрекословно выполнять приказание. Вскоре она вернулась, таща за собой разозленного Эссету.

— Вот он,— сказала она.— Постоянно устраивает драки, а теперь получил по заслугам.

Акотолп молча осмотрела Эссету.

— Обычные царапины, ничего больше. Вполне хватит анти-септика. Самцы остаются самцами...

Вдруг она замолчала, подняла голову, и, широко раздувая ноздри, понюхала воздух.

— Этот запах... я его знаю...— возбужденно сказала она, выражая тревогу движениями рук. Акотолп подошла к наружной двери и, несмотря на протесты Икеменд, открыла ее. Запах стал сильнее, воздух был полон им.

— Дым,— сказала Акотолп, встревоженная и заинтересованная.— Дым бывает только от одной химической реакции— горения.

Эссета отпрянул назад, чувствуя тревогу Акотолп. Икеменд ничего не понимала. Дым быстро густел. Издалека слышались голоса и треск. Теперь в приказах Акотолп ясно чувствовался страх.

— Эта реакция называется горением и может быть опасна. Скорее собирай самцов, их нужно увести отсюда!

— У меня нет приказа!— простонала Икеменд.

— Я приказываю тебе это! Дело идет о жизни и смерти. Собирай всех самцов и следуй за мной к океану.

Икеменд, больше не колеблясь, бросилась выполнять распоряжение, а Акотолп отошла чуть в сторону от выхода, не замечая, что еще держит дрожавшую руку Эссеты и тащит упирающегося самца за собой. Врывавшийся в открытую дверь дым стал таким густым, что они закашлялись.

— Мы не можем ждать!— сказала Акотолп и громко крикнула:— Мы уходим!— надеясь, что Икеменд правильно поймет ее, и потащила Эссету за собой.

Когда Икеменд вернулась в коридор, ведя за собой самцов, она обрадовалась, увидев, что он пуст. Поспешно закрыв наружную дверь, она приказала самцам возвращаться на свои места, удовлетворенная тем, что нарушение приказа не зашло слишком далеко. Разве может быть что-нибудь безопаснее Канала?

И только когда появились первые языки пламени, она поняла свою ошибку. Спасать подопечных было слишком поздно, и она умерла, слыша их пронзительные крики.

Альпесак горел. Огонь, подгоняемый ветром, прыгал с дерева на дерево. Заросли кустарника, стены, плетеные полы — все стало пищей огня, все горело.

Для ийлан это было непостижимое бедствие. В тропических странах естественного огня не было, поэтому они не имели о нем ни малейшего представления. Правда, некоторые ученые знали это явление, но лишь как интересный лабораторный феномен. Того, что происходило сейчас, они не могли себе даже вообразить. Здесь со всех сторон были огонь и дым. Сначала это их привлекало как источник тепла, а затем приходила неизбежная боль... Поэтому они умирали, а пламя все ширлось.

Потерянные и испуганные, ийланы и фарги бросились к амбесед в поисках руководителя. Они заполняли ее до тех пор, пока это большое открытое пространство не оказалось полностью забито. Все ждали совета Малсас и пытались пробиться к ней ближе. Пока она не приказала им отойти. Ближайшие к ней пытались выполнить приказ, но не смогли: толпа уже стала неуправляемой.

Когда огонь достиг амбесед, паника усилилась. Ийланам было некуда бежать, и они в страхе пятились назад. Малсас, подобно многим другим, была растоптана и умерла задолго до того, как пламя поглотило ее.

Альпесак умер вместе со своими жителями. Огонь промчался от полей до океана, пожирая все на своем пути. Клубы дыма поднимались к темным облакам, а рев и треск пламени заглушал крики умирающих.

Охотники, распластавшись, лежали на земле, почерневшие и измученные. Ийланы, с которыми они сражались, были убиты или загнаны обратно в огонь. Бой закончился, а вместе с ним и война, но они слишком устали, чтобы понять это. Только Керрик и Херилак еще стояли, покачиваясь от усталости.

— Мог кто-нибудь уцелеть? — спросил Херилак, тяжело опираясь на копьё.

— Не знаю, может и да.

— Их нужно тоже убить.

— И я так считаю.

Керрик вдруг почувствовал отвращение к уничтожению Альпесака. В своей жажде мести он не только убил ийлан, но и разрушил этот чудесный город. Он вспомнил удовольствие, с каким изучал его, открывая секреты города. Разговоры с самцами в Канале, тысячи животных, заполнявших пастбища... Ничего этого больше не было. Если бы он мог убить ийлан и сохранить город, то обязательно сделал бы так. Но такого способа не было. Ийланы умерли, и с ними умер Альпесак.

— Где они могут быть? — спросил Херилак, и Керрик уставился на него, слишком уставший, чтобы понять значение вопроса. — Выжившие. Ты говорил, что они могут быть.

— Да. Но только не в городе. Возможно, некоторые на полях с животными или на берегу. Когда огонь стихнет, мы сможем пойти посмотреть.

— Слишком долго ждать. Я видел лесные пожары — большие деревья будут гореть несколько дней. Можно ли попасть туда вдоль берега?

— Да. Там есть песчаные отмели, которые открываются при отливе.

Херилак взглянул на лежащих охотников, затем что-то буркнул и сел на землю.

— Сначала отдохнем немного, потом пойдем.

В небе сверкнула молния и прогремел далекий гром.

— Эрманпадар любит мургу не больше нас. Он забрал дождь обратно.

Когда они наконец двинулись, идти пришлось между почерневшими, дымящимися деревьями, но вскоре они оказались на нетронутых пастбищах. Хотя поначалу дым потревожил животных, сейчас они спокойно паслись. Олени умчались прочь от приближающихся людей, а гигантские рогатые и бронированные существа едва обратили на них внимание. Когда они вышли к ручью, то обнаружили, что тот покрыт слоем пепла, и, чтобы напиться, пришлось разгонять его в стороны.

Было время отлива, и они пошли по холодному, плотному песку. С одной стороны шумел океан, с другой дымились почерневшие руины Альпесака. Они шли, держа оружие наготове, но никто не противостоял им. Обогнув мыс, они остановились.

Впереди была река, и что-то большое и темное, едва видимое сквозь завесу дыма, входило в нее из моря.

— Урукето! — воскликнул Керрик. — Идет к гавани. Там, около реки, могут быть уцелевшие.

Он побежал, и остальные поспешили за ним.

Сталлан окинула взглядом тела ийлан, распластанные на речном берегу и плавающие в воде, потом ткнула ближайшее ногой. Фарги перевернулась на спину, глаза ее были закрыты, а рот открыт широко, но жизнь еще теплилась в этом теле.

— Посмотри на них, — сказала Сталлан, и отвращение было в каждом ее движении. — Я привела их сюда и ради безопасности загнала в воду — а они умерли. Они закрыли свои голые глаза, откинули назад головы и умерли.

— Их город мертв, — устало сказала Вайнти. — Они умерли вместе с ним, не желая стать изгнанниками. А если ты хочешь увидеть выживших, то взгляни на этих бессмертных. — Она указала на группу ийлан, стоявших по колено в воде.

— Дочери Смерти, — прошипела Сталлан. — Это все, что осталось от Альпесака? Только они?

— Ты забыла нас, Сталлан.

— Я помню, что мы с тобой здесь, но не понимаю, почему мы не умерли вместе с остальными?

— Мы живы, потому что слишком сильно ненавидим. Ненавидим устозоу, которые сделали это. Теперь мы знаем, зачем они пришли сюда. Они принесли огонь и сожгли наш город...

— Смотри — урукето! Идет к берегу...

Вайнти взглянула на темный силуэт, рассекающий волны.

— Я приказала им уйти, когда огонь подойдет близко, и вернуться, когда все кончится.

Энги тоже увидела урукето и вышла на берег. Вайнти сделала вид, что не замечает ее.

Поняв это, Энги остановилась перед ней и заговорила.

— Что будет с нами, Вайнти? Урукето подходит все ближе, а ты ведешь себя так, как будто бы мы не существуем.

— Это мое дело. Альпесак мертв, и я хочу, чтобы все вы умерли. Вы останетесь здесь.

— Жестокий приговор, Вайнти, для тех, кто не причинил тебе никакого вреда... Не годится говорить так со своими эфензеле.

— Я отрекаюсь от вас и не хочу иметь с вами ничего общего. Именно вы посеяли слабость среди ийлан, когда нам нужна была вся наша мощь. Умрите здесь.

Энги смотрела на свою эфензеле, которая всегда была сильнейшей и лучшей во всем, и отказ читался в каждой линии ее тела.

— Ты, чья ненависть уничтожила Альпесак, отрекаешься от меня? Я принимаю это и говорю, что все, бывшее между нами, отныне не существует. Я тоже отрекаюсь от тебя и отказываюсь выполнять твои приказы.

Она повернулась к Вайнти спиной и, глядя на урукето, подходящий к берегу, крикнула Дочерям:

— Мы уходим отсюда. Плывите к урукето!

— Убей их, Сталлан! — в бешенстве приказала Вайнти.

Сталлан повернулась, подняла свой хесотсан и, не обращая внимания на крики Энги, принялась стрелять в плывущих ийлан. Прицел был точен, и они одна за другой исчезали под водой. Потом хесотсан опустел, и Сталлан наклонилась, оглядывая берег в поисках дротиков.

— Ты приносишь только смерть, Вайнти, — сказала Энги. — Ты стала смертельно опасной, и будь это возможно, я отказалась бы от своей веры, чтобы покончить с тобой.

— Так сделай это, — насмешливо сказала Вайнти, откидывая голову назад так, чтобы кожа на ее горле натянулась. — У тебя есть зубы. Можешь убить.

Энги качнулась было вперед, но тут же вернулась на место, не в силах убить даже многократно заслуживающую смерть.

Вайнти опустила голову и заговорила, но тут ее прервал хриплый крик Сталлан:

— Устозоу!!!

Вайнти повернулась и увидела, что они бегут к ней, размахивая хесотсанами и палками с камнями. Внезапно решившись, она соединила пальцы рук и одним ударом повалила Энги на землю.

— Сталлан! — крикнула она, бросаясь в воду. — К урукето!

Именно это и увидел Керрик, когда выскочил на берег. Мертвые ийланы, лежавшие тут и там, и один живой в воде. А посредине пляжа, глядя на него, стояла та, которую он никогда не забудет.

— Не стрелять! — громко сказал он, затем повторил это на саску. — Этот мараг мой.

Затем он заговорил по-ийлански, и хоть значение слов путал при движении, все же смысл был достаточно ясен.

— Это я, Сталлан, устозоу, который ненавидит тебя и хочет убить. Убежишь ли ты, как трус, или подождешь меня?

Но Сталлан было не до насмешек, она даже почти не слышала их. Ей вполне хватило зрелища бегущего Керрика. Это было существо, которое она ненавидела больше, чем кого-либо в мире, устозоу, который уничтожил Альпесак. Она бросила пустой хесотсан и, рыча от гнева, кинулась на него.

Забыв о хесотсане, Керрик поднял копье и бросился к Сталлану, но она хорошо знала повадки диких животных и отскочила в сторону, так что копье скользнуло мимо, не причинив ей вреда. Затем она прыгнула на Керрика и повалила его на землю. Сильные мускулы были каменно твердыми и, как ни старался Керрик, он не мог даже шевельнуться. Тем временем Сталлан широко открыла рот и ряды острых зубов начали приближаться к горлу человека.

Копье Херилака мелькнуло в воздухе и вонзилось между челюстями Сталлан, глубоко войдя ей в мозг. Керрик столкнул с себя ее тяжелое тело и, шатаясь, поднялся на ноги.

— Хороший удар, Херилак! — сказал он.

— Сядь и не двигайся! — крикнул в ответ Херилак, вытаскивая из-за плеча свой лук.

Керрик повернулся и увидел Энги, встающую с земли.

— Положи свой лук, — приказал Керрик, — все опустите оружие. Она не причинит вреда.

Крупные дождевые капли упали ему на лицо, их становилось все больше и больше, и наконец хлынул дождь. Долго собиравшаяся гроза началась, но было уже поздно спасать Альпесак. Сильный тропический ливень, когда струи его хлестали по тлеющим руинам, поднимал облака пара.

— Ты принес нам смерть, Керрик, — сказала Энги. Голос ее перекрывал шум дождя, а в каждом движении была печаль.

— Нет, Энги, ты ошибаешься. Я принес жизнь не только моим устозоу, потому что без меня существа, вроде этого куска мяса, лежащего перед тобой, убили бы вас всех. А сейчас она мертва

и Альпесак тоже. Этот урукето уйдет, и последние из вас уйдут вместе с ним. Я приведу сюда своих устозоу, и это будет наш город, а вы вернетесь в Энтобан и останетесь там. Со страхом будете вы вспоминать то, что случилось здесь, и никогда не придете сюда снова. Расскажи всем, как горел город и его жители. Эйстай, ее советники, Вайнти...

— Вайнти там,— сказала Энги, указывая на судно.

Керрик внимательно осмотрел урукето, но не заметил среди ийлан Вайнти, а в душе вдруг почувствовал не только ненависть к ней, но и какое-то облегчение от того, что она осталась жива.

— Иди к ней,— крикнул он, чтобы громкими словами скрыть свои чувства,— и передай: любой ийлан, пришедший сюда снова, умрет.

— А нельзя ли сказать, что убийства кончились и отныне здесь будет жизнь, а не смерть? Это было бы лучше.

Он махнул рукой.

— Я забыл, что ты была Дочерью Жизни. Иди к ней и скажи, что если бы она послушала тебя, то все умершие в Альпесаке были бы живы. Я очень сожалею, Энги, но теперь слишком поздно для мира, даже ты должна понять это. Между нами теперь только ненависть и смерть, ничего больше.

— Между устозоу и ийланами — да, но не между нами, Керрик.

Он хотел возразить, что для него любое холодное существо безразлично, что он может поднять копье и убить ее сейчас, но не смог сказать этого. И только с трудом улыбнулся.

— Это правда, учитель. Я буду всегда помнить, что где-то далеко есть ийлан, которого я не хочу убить. А сейчас уходи и больше не возвращайся никогда. Я буду помнить тебя, даже если забуду все остальное. Иди с миром.

— И вам тоже мира, Керрик. И пусть между нами, между ийланами и устозоу, будет мир.

— Нет. Только ненависть и широкий океан. Мир будет, пока мы живем каждый на своей земле, на своей стороне. Иди.

Энги скользнула в воду, а он оперся на свое копье, утомленный пережитым, и смотрел, как она плывет к урукето и поднимается на борт. Затем, когда урукето вышел в море, Керрик почувствовал, что усталость покидает его.

Все кончилось. Альпесак исчез, и вместе с ним погибли мургу.

Его мысли вернулись к северу, к горам и палаткам, стоящим у изгиба реки. Там ждет его Армун. Херилак медленно подошел к нему, а Керрик повернулся и взял его за руки.

— Мы сделали это, Херилак. А сейчас возьмем свои копья и, пока не пришла зима, вернемся на север.

— Вернемся домой с миром...

ЗООЛОГИЯ

БАНСЕМНИЛЛА

Хищное сумчатое животное. Обладало цепким хвостом. Разводилось саску для уничтожения крыс и мышей.

ЛОДКА

Поверхностный водный транспорт ийлан. Двигалось вперед за счет сильной струи воды, отбрасываемой назад. Имела только зачатки интеллекта, но могло быть обучено выполнению простейших команд.

ПЛАЩ

Животное, используемое ийланами для защиты от холода. Хорошо накормленный плащ поддерживал температуру тела около 102 градусов по Фаренгейту. Совершенно не имел разума.

ОЛЕНЬ

Объект охоты тану. Мясо имело прекрасные вкусовые качества. Из шкур изготавливали одежду, обувь, сумки и т. д.

ЭНТИСЕНАТ

Хищная морская рептилия, хорошо приспособленная для жизни в океане. Имело маленькую голову на змеевидной шее, а веелообразные плавники делали его похожим на черепаху. Разводилось ийланами в качестве заготовителей пищи для урукето.

ЭЙСЕКОЛ

Травоядное водное млекопитающее. Разводилось ийланами для прокладки и очистки подводных каналов.

ЭЛИНОУ

Маленький проворный динозавр, весьма ценившийся ийланами за уничтожение мелких грызунов. Из-за пестрой окраски и услужливого характера часто становились любимчиками.

ЭРЕТРУК

Крупный хищный динозавр, длина достигала 40 футов, вес — 7 тонн. Передние лапы маленькие, но сильные. Отличался медлительностью.

ГИГАНТСКИЙ ОЛЕНЬ

Крупнейший из оленей. Тану охотились на него не только из-за мяса, но и из-за шкуры, которую они использовали в качестве материала для палаток.

ХЕСОТСАН

Искусственно выведенный ийланами вид ящериц, которые по мере старения костенели и превращались в грозное оружие. Парообразующие железы с силой выталкивали дротик, который отравлялся при прохождении через анальное отверстие. Яд хесотсана в количестве всего 500 молекул приводил к параличу и смерти.

ДЛИННОЗУБЫЙ

Член семейства сумчатого тигра. Крупный и свирепый хищник, получивший свое название за выступающие наружу клыки. Каргу использовали длиннозубых в качестве помощников на охоте.

МАСТОДОНТ

Крупное млекопитающее с длинными бивнями и цепким хоботом. Использовалось тану в качестве тягловых животных.

НЕНИТЕСК

Травоядное животное, имевшее рога на костяной лобовой пластине. Размножалось, откладывая яйца. Интеллект невысок. Использовался, в основном, в декоративных целях.

ОНЕТСЕНСАТ

Крупнейший из бронированных динозавров. Для защиты имел два ряда роговых пластин на шее и спине, колючки на хвосте.

САНДУУ

Используя интенсивное генное вмешательство, ийланы превратили это существо в живой микроскоп. Увеличение изображения предмета, помещенного в сандуу, до двухсот раз достигалось прохождением солнечных лучей через систему органических линз в его голове.

ТАРАКАСТ

Остроклювый хищный динозавр, крупнейшие экземпляры которого достигали 13 футов в высоту. Плохо поддавались обучению. Однако при правильном обращении позволяли себя оседлать.

УГУНШАА

Поскольку язык ийлан зависел от изменений цвета кожи, движений тела и звуков, записывать его было невозможно. Поэтому у ийлан никогда не было письменности, а исторические сведения передавались устно. Запись информации стала возможной только тогда, когда органические жидкие кристаллы угуншаа приспособили для зрительного сопровождения слуховых памятных записей.

УНУТАК

Одно из сильно измененных ийланами животных. Этот цефалопод легко усваивал ороговевшую ткань, особенно волосы.

УРУКЕТО

Крупнейший из семейства водяных динозавров. Тысячелетия генной хирургии вывели породу ихтиозавров, весьма отличающихся от своих предков. Над его позвоночником имелась крупная полость, расположенная в спинном плавнике и использовавшаяся для перевозки экипажа и грузов.

УРУКТОП

Одно из сильно измененных ийланами животных. Использовалось для наземных перевозок тяжелых грузов на большие расстояния, поскольку после генного дублирования имело восемь ног.

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

Гарри ГАРРИСОН

ЗАПАД ЭДЕМА

Главный редактор *Кион А. Л.*

Перевод *Громова М.*

Сдано в набор 11.11.92. Подписано в печать 21.12.92. Формат бумаги 60×90^{1/16}.
Бумага типографская № 2. Печать высокая. Объем 20,5 печ. л. Тираж 25 000 экз.
Заказ 1410.

